Г 67
16888
№2

История государства Российского

Том II

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ II.

© ГПНТБ СОРАН

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ II.

Изданіе третіе.

Иждивеніемъ книгопродавца Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи А. Плюшара.

1830.

© ГПНТБ СОРАН

Г67
16888
w2

Печатано

по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

925 2/67
ГНИТЬ САВЕТ СССР
Гос. Публ. Науч.-Техн.
Библиотека

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ II.

ГЛАВА I.

Великій Князь Святополкъ.

Г. 1015 — 1019.

Святополкъ похититель престола. Добродѣтель Бориса. Братоубійства. Безразсудная жестокость Ярославова. Великодушіе Новогородцевъ. Битва у Любеча. Союзъ Ярослава съ Императоромъ Нѣмецкимъ. Война съ Болеславомъ Храбрымъ. Битва на Бугѣ. Взятіе Кіева Вторичное великодушіе Новогородцевъ. Вѣроломное избіеніе Поляковъ. Болеславъ оспаваляетъ Россію. Черная рѣка. Битва на Альтѣ. Бѣгство и смерть Святополка.

Владимiръ усыновилъ Святополка, однакожъ не любилъ его и, кажется, предвидѣлъ въ немъ будущаго злодѣя. Современный Лѣтописецъ Нѣмецкій, Диттмаръ, говоритъ, что Святополкъ, Правитель Туровской области, женатый на дочери Польскаго Короля Болеслава, хотѣлъ, по наущенію своего тестя, отложиться отъ Россіи, и что Великій Князь, узнавъ о томъ, заключилъ въ темницу сего неблагодарнаго племянника, жену его и Нѣмец- Г. 1015.

каго Епископа Реинберна, который пріѣхалъ съ дочерью Болеслава[2]. Владиміръ — можетъ быть, при концѣ жизни своей — проспилъ Святополка: обрадованный смертію дяди и благодѣтеля, сей недостойный Князь спѣшилъ воспользоваться ею; созвалъ гражданъ, объявилъ себя Государемъ Кіевскимъ, и роздалъ имъ множество сокровищъ изъ казны Владиміровой. Граждане брали дары, но съ печальнымъ сердцемъ: ибо друзья и братья ихъ находились въ походѣ съ Княземъ Борисомъ, любезнымъ отцу и народу. Уже Борисъ, нигдѣ не встрѣтивъ Печенѣговъ, возвращался съ войскомъ и стоялъ на берегу рѣки Альты[3]: тамъ принесли ему вѣсть о кончинѣ родителя, и добродѣтельный сынъ занимался единственно своею искреннею горестію. Товарищи побѣдъ Владиміровыхъ говорили ему: »Князь! »съ тобою дружина и воины отца твоего; поди въ Кіевъ, и будь Государемъ »Россіи!« Борисъ отвѣтствовалъ: »Могу »ли поднять руку на брата старѣйшаго? »Онъ долженъ быть мнѣ вторымъ отцемъ.« Сія нѣжная чувствительность казалась воинамъ малодушіемъ: оставивъ Князя мягкосердечнаго, они пошли къ тому, кто властолюбіемъ своимъ заслу-

Святополкъ похититель престола.

Добродѣтель Бориса.

живалъ въ ихъ глазахъ право властвовать.

Но Святополкъ имѣлъ только дерзость злодѣя. Онъ послалъ увѣрить Бориса въ любви своей, обѣщая дать ему новыя владѣнія, и въ то же время пріѣхавъ ночью въ Вышегородъ, собралъ тамошнихъ Бояръ на совѣтъ[4]. »Хотите ли »доказать мнѣ вѣрность свою?« спросилъ новый Государь. Бояре отвѣтствовали, что они рады положить за него свои головы. Святополкъ требовалъ отъ нихъ головы Бориса, и сіи недостойные взялись услужить Князю злодѣяніемъ. Юный Борисъ, окруженный единственно малочисленными слугами, былъ еще въ станѣ на рѣкѣ Альтѣ. Убійцы ночью приближились къ шатру его, и слыша, что сей набожный юноша молится, остановились. Борисъ, увѣдомленный о зломъ намѣреніи брата, изливалъ предъ Всевышнимъ сердце свое въ святыхъ пѣсняхъ Давидовыхъ. Онъ уже зналъ, что убійцы стоятъ за шатромъ, и съ новымъ жаромъ молился . . . за Святополка[5]; наконецъ, успокоивъ душу Небесною Вѣрою, легъ на одръ, и съ твердостію ожидалъ смерти. Его молчаніе возвратило смѣлость злодѣямъ: они вломились въ шатеръ и копьями пронзили Бориса, также

Братоубійство.

вѣрнаго Отрока его, который хотѣлъ собственнымъ тѣломъ защитить Государя и друга. Сей юный воинъ, именемъ Георгій, родомъ изъ Венгріи, былъ сердечно любимъ Княземъ своимъ, и въ знакъ его милости, носилъ на шеѣ золотую гривну: корыстолюбивые убійцы не могли ее снять, и для того отрубили ему голову. Они умертвили и другихъ Княжескихъ Отроковъ, которые не хотѣли спасаться бѣгствомъ, но всѣ легли на мѣстѣ[6]. Тѣло Борисово завернули въ наметъ, и повезли къ Святополку. Узнавъ, что братъ его еще дышитъ, онъ велѣлъ двумъ Варягамъ довершить злодѣяніе: одинъ изъ нихъ вонзилъ мечь въ сердце умирающему... Сей несчастный юноша, стройный, величественный, плѣнялъ всѣхъ красотою и любезностію; имѣлъ взоръ пріятный и веселый; отличался храбростію въ битвахъ и мудростію въ совѣтахъ[7].—Лѣтописецъ хотѣлъ предать будущимъ вѣкамъ имена главныхъ убійцъ, и называетъ ихъ: Пушша, Талецъ, Еловичь, Ляшко. Въ Несторово время они были еще въ свѣжей памяти и предметомъ общаго омерзѣнія. Святополкъ безъ сомнѣнія наградилъ сихъ людей, ибо имѣлъ еще нужду въ злодѣяхъ.

Онъ немедленно отправилъ гонца къ Муромскому Князю Глѣбу, сказать ему, что Владиміръ болѣнъ и желаетъ видѣть его. Глѣбъ, обманутый сею ложною вѣстію, съ малочисленною дружиною спѣшилъ въ Кіевъ. Дорогою онъ упалъ съ лошади, и повредилъ себѣ ногу; однакожь не хотѣлъ остановиться, и продолжалъ свой путь отъ Смоленска водою. Близъ сего города настигъ его посланный отъ Ярослава, Князя Новогородскаго, съ увѣдомленіемъ о смерти Владиміровой и гнуснымъ коварствѣ Святополка; но въ то самое время, когда Глѣбъ чувствительный, набожный подобно Борису, оплакивалъ отца и любимаго брата, въ усердныхъ молитвахъ повѣряя Небу горесть свою, явились вооруженные убійцы и схватили его ладію. Дружина Муромская оробѣла: Горясѣръ, начальникъ злодѣевъ, велѣлъ умертвить Князя, и собственный поваръ Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, желая угодить Святополку, зарѣзалъ своего несчастнаго Государя. Трупъ его лежалъ нѣсколько времени на берегу, между двумя колодами, и былъ наконецъ погребенъ въ Вышегородской церкви Св. Василія, вмѣстѣ съ тѣломъ Бориса[8].

Еще Святополкъ не насытился кровію

братьевъ. Древлянскій Князь Святославъ, предвидя его намѣреніе овладѣть всею Россіею, и будучи не въ силахъ ему сопротивляться, хотѣлъ уйти въ Венгрію; но слуги Святополковы догнали его близъ горъ Карпатскихъ, и лишили жизни. — Братоубійца торжествовалъ злодѣянія свои, какъ славныя и счастливыя дѣла: собиралъ гражданъ Кіевскихъ, дарилъ имъ деньги, одежду, и надѣялся щедростію пріобрѣсти любовь народную.

Безразсудная жестокость Ярослава.

Скоро нашелся мститель: Ярославъ, сильнѣйшій изъ Князей Удѣльныхъ, возсталъ на изверга; но собственною безразсудною жестокостію едва не отнялъ у себя возможности наказать его. Варяги, призванные Ярославомъ въ Новгородъ, дерзкіе, неистовые, ежедневно оскорбляли мирныхъ гражданъ и цѣломудріе женъ ихъ. Не видя защиты отъ Князя пристрастнаго къ иноземцамъ, Новогородцы вышли изъ терпѣнія и побили великое число Варяговъ. Ярославъ утаилъ гнѣвъ свой, выѣхалъ въ загородный дворецъ, на Ракому, и велѣлъ, съ притворною ласкою, звать къ себѣ именитыхъ Новогородцевъ, виновниковъ сего убійства. Они явились безъ оружія, думая оправдаться предъ своимъ Княземъ; но Князь не устыдился быть

вѣроломнымъ, и предалъ ихъ смерти. Въ ту же самую ночь получилъ онъ извѣстіе изъ Кіева, отъ сестры своей, Передславы, о кончинѣ отца и злодѣйствѣ брата; ужаснулся, и не зналъ, что дѣлать. Одно усердіе Новогородцевъ могло спасти его отъ участи Борисовой; но кровь ихъ дѣтей и братьевъ еще дымилась на дворѣ Княжескомъ... Не видя лучшаго средства, Ярославъ прибѣгнулъ къ великодушію оскорбленнаго имъ народа, собралъ гражданъ на Вѣче, и сказалъ: »вчера умертвилъ я безразсудный вѣрныхъ слугъ своихъ; нынѣ хотѣлъ бы купить ихъ всѣмъ золотомъ казны моей...« Народъ безмолвствовалъ. Ярославъ отеръ слезы, и продолжалъ: »Друзья! отецъ мой скончался, Святополкъ овладѣлъ престоломъ его и хочетъ погубить братьевъ.« Тогда добрые Новогородцы, забывъ все, единодушно отвѣтствовали ему:—»Государь! ты убилъ собственныхъ нашихъ братьевъ, но мы готовы итти на враговъ твоихъ.« — Ярославъ еще болѣе воспламенилъ ихъ усердіе извѣстіемъ о новыхъ убійствахъ Святополковыхъ; набралъ 40.000 Россіянъ, 1000 Варяговъ, и сказавъ: »*да скончается злоба нечестиваго,*!« выступилъ въ поле[9].

Великодушіе Новогородцевъ.

Святополкъ, узнавъ о томъ, собралъ

также многочисленное войско, призвалъ Печенѣговъ, и на берегахъ Днѣпра, у Любеча, сошелся съ Ярославомъ. Долго стояли они другъ противъ друга безъ всякаго дѣйствія, не смѣя въ виду непріятеля переправляться чрезъ глубокую рѣку, которая была между ими. Уже наступила осень . . . Наконецъ Воевода Святополковъ, обидными и грубыми насмѣшками, вывелъ Новогородцевъ изъ терпѣнія. Онъ ѣздилъ берегомъ, и кричалъ имъ: «Зачѣмъ вы пришли сюда съ *хромымъ* Княземъ своимъ?« (ибо Ярославъ имѣлъ отъ природы сей недостатокъ.) »Ваше »дѣло *плотничать*, а не сражаться.«— *Завтра*, сказали воины Новогородскіе, *мы будемъ на другой сторонѣ Днѣпра; а кто не захочетъ итти съ нами, того убьемъ какъ изманника.* Одинъ изъ Вельможъ Святополковыхъ былъ въ согласіи съ Ярославомъ, и ручался ему за успѣхъ ночнаго, быстраго нападенія. Между тѣмъ какъ Святополкъ, ни мало не опасаясь враговъ, пилъ съ дружиною, воины Князя Новогородскаго до свѣта переѣхали чрезъ Днѣпръ, оттолкнули лодки отъ берега, желая побѣдить или умереть, и напали на безпечныхъ Кіевлянъ, обвязавъ себѣ головы платками, чтобы различать своихъ и непріятелей. Святополкъ оборонялся храбро; но Печенѣги, отдѣленные отъ его стана озеромъ, не могли поспѣть къ нему во-время. Дружина Кіевская, чтобы соединиться съ ними, вступила на тонкій ледъ сего озера, и вся обрушилась. Ярославъ побѣдилъ, а Святополкъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Первый вошелъ съ торжествомъ въ Кіевъ; наградилъ щедро своихъ мужественныхъ воиновъ—давъ каждому чиновнику и Новогородцу 10 гривенъ, а другимъ по гривнѣ — и надѣясь княжить мирно, отпустилъ ихъ въ домы[10].

Г. 1016.

Битва у Любеча.

Но Святополкъ еще не думалъ уступить ему престола, окровавленнаго тремя братоубійствами, и прибѣгнулъ къ защитѣ Болеслава. Сей Король, справедливо названный *Храбрымъ*, былъ готовъ отмстить за своего зятя и желалъ возвратить Польшѣ города Червенскіе, отнятые Владиміромъ у Мечислава: имѣя иногда войну съ Генрикомъ II, Императоромъ Нѣмецкимъ, онъ хотѣлъ кончить оную, чтобы тѣмъ свободнѣе дѣйствовать противъ Россіи. Епископъ Мерзебургскій, Диттмаръ, лично знакомый съ Генрикомъ II, говоритъ въ своей лѣтописи, что Императоръ вошелъ въ споше-

Г. 1017.

Союзъ Ярослава съ Императоромъ Нѣмецкимъ.

Война съ Болеславомъ Храбрымъ.

ніе съ Ярославомъ, убѣждал его предупредить *обицаго* ихъ врага, и что Князь Россійскій, давъ ему слово быть союзникомъ, осадилъ Польскій городъ, но болѣе не причинилъ никакого вреда Болеславу[11].

Такимъ образомъ Ярославъ худо воспользовался благопріятными обстоятельствами: началъ сію бѣдственную войну, не собравъ, кажется, достаточныхъ силъ для пораженія столь опаснаго непріятеля, и далъ ему время заключить миръ съ Генрикомъ. Императоръ, тѣснимый съ разныхъ сторонъ, согласился на условія, предложенныя гордымъ побѣдителемъ, и недовольный слабою помощію Россіянъ, старался даже утвердить Короля въ его ненависти къ Великому Князю. Болеславъ, усиливъ свое опытное войско союзниками и наемниками, Нѣмцами, Венграми, Печенѣгами — вѣроятно, Молдавскими — расположился станомъ на берегахъ рѣки Буга.

г. 1018

За нѣсколько мѣсяцевъ до того времени страшный пожаръ обратилъ въ пепелъ большую часть Кіева[12]: Ярославъ, озабоченный, можетъ быть, стараніемъ утѣшить жителей и загладить слѣды сего несчастія, едва успѣлъ изготовиться къ оборонѣ. Польскіе Историки ши-

шутъ, что онъ никакъ не ожидалъ Болеславова нападенія, и безпечно удилъ рыбу въ Днѣпрѣ, когда гонецъ привезъ ему вѣсть о сей опасности; что Князь Россійскій въ ту же минуту бросилъ уду на землю, и сказавъ: *Не время думать о забавѣ; время спасать отечество,* вышелъ въ поле, съ Варягами и Россіянами[13]. Король стоялъ на одной сторонѣ Буга, Ярославъ на другой; первый велѣлъ наводить мосты, а второй ожидалъ битвы съ непріятелемъ — и часъ ея насталъ скорѣе, нежели онъ думалъ. Воевода и пѣстунъ Ярославовъ, *Будый*, вздумалъ, стоя за рѣкою, шутить надъ тучностію Болеслава и хвалился проткнуть ему брюхо острымъ копьемъ своимъ[14]. Король Польскій въ самомъ дѣлѣ едва могъ двигаться отъ необыкновенной толщины, но имѣлъ духъ пылкій и бодрость Героя. Оскорбленный сею дерзостію, онъ сказалъ воинамъ: »Отмстимъ, или я погибну!« сѣлъ на коня и бросился въ рѣку; за нимъ всѣ воины. Изумленные такимъ скорымъ нападеніемъ, Россіяне были приведены въ безпорядокъ. Ярославъ успѣлъ побѣду храброму непріятелю, и только съ четырмя воинами ушелъ въ Новгородъ. Южные города

Битва на Бугѣ.

Россійскіе, оставленные безъ защиты, не смѣли противиться и высылали дары побѣдителю. Одинъ изъ нихъ не сдавался: Король, взявъ крѣпость приступомъ, осудилъ жителей на рабство или вѣчный плѣнъ[15]. Лучше другихъ укрѣпленный, Кіевъ хотѣлъ обороняться: Болеславъ осадилъ его. Наконецъ утѣсненные граждане отворили ворота — и Епископъ Кіевскій, провождаемый Духовенствомъ, въ ризахъ служебныхъ, съ крестами встрѣтилъ Болеслава и Святополка[16], которые 14-го Августа въѣхали, торжествуя, въ нашу столицу, гдѣ были сестры Ярославовы. Народъ снова призналъ Святополка Государемъ, а Болеславъ удовольствовался именемъ великодушнаго покровителя и славою храбрости. Диѣмаръ повѣствуетъ, что Король тогда же отправилъ Кіевскаго Епископа къ Ярославу, съ предложеніемъ возвратить ему сестеръ, ежели онъ пришлетъ къ нему дочь его, жену Святополкову (вѣроятно, заключенную въ Новогородской или другой сѣверной области).

Взятіе Кіева.

Вторичное великодушіе Новогородцевъ.

Ярославъ, устрашенный могуществомъ Короля Польскаго и злобою брата, думалъ уже, подобно отцу своему, бѣжать за море къ Варягамъ; но великодушіе Новогородцевъ спасло его отъ сего несчастія и

стыда. Посадникъ Косняшинъ, сынъ Добрыни славнаго, и граждане знаменитые, изрубивъ лодки, приготовленныя для Князя, сказали ему: »Государь! мы хотимъ и »можемъ еще противиться Болеславу. У »тебя нѣтъ казны: возьми все, что имѣ»емъ.« Они собрали съ каждаго человѣка по четыре куны, съ Бояръ по осьмнадцати гривенъ, съ городскихъ чиновниковъ или Старостъ по десяти; немедленно призвали корыстолюбивыхъ Варяговъ на помощь, и сами вооружились[17].

Вѣроломное избіеніе Поляковъ.

Вѣроломство Святополково не допустило Новогородцевъ оцѣнить Болеславу. Покоривъ южную Россію зятю своему, Король отправилъ назадъ союзное войско, и развелъ собственное по городамъ Кіевской области, для отдохновенія и продовольствія. Злодѣи не знаютъ благодарности: Святополкъ, боясь долговременной опеки тестя, и желая скорѣе воспользоваться независимостію, тайно велѣлъ градоначальникамъ умертвить всѣхъ Поляковъ, которые думали, что они живутъ съ друзьями, и не брали никакихъ предосторожностей[18]. Злая воля его исполнилась, къ безславію имени Русскаго. Вѣроятно, что онъ и самому Болеславу готовилъ такую же участь въ

Болеславъ оставляетъ Россію.

Кіевѣ; но сей Государь свѣдалъ о заговорѣ, и вышелъ изъ столицы, взявъ съ собою многихъ Бояръ Россійскихъ и сестеръ Ярославовыхъ. Дитмаръ говоритъ — и нашъ Лѣтописецъ подтверждаетъ — что Болеславъ принудилъ одну изъ нихъ быть своею наложницею — именно Передславу, за которую онъ нѣкогда сватался, и получивъ отказъ, хотѣлъ насладиться гнусною местію. Хитрый Анастасъ, бывъ прежде любимцемъ Владиміровымъ, умѣлъ снискать и довѣренность Короля Польскаго; сдѣлался хранителемъ его казны, и выѣхалъ съ нею изъ Кіева: измѣнивъ первому отечеству, измѣнилъ и второму для своей личной корысти. — Польскіе Историки увѣряютъ, что многочисленное войско Россіянъ гналось за Болеславомъ; что онъ вторично разбилъ ихъ на Бугѣ, и что сія рѣка, два раза несчастная для нашихъ предковъ, съ того времени названа ими *Черною*[19] .... Болеславъ оставилъ Россію, но удержалъ за собою города Червенскіе въ Галиціи, и великія сокровища, вывезенныя имъ изъ Кіева, отчасти роздалъ войску, отчасти употребилъ на строеніе церквей въ своемъ Королевствѣ.

Черная рѣка.

Святополкъ, злодѣйствомъ избавивъ

Россію отъ Поляковъ, услужилъ врагу своему. Уже Ярославъ шелъ къ Кіеву .... Не имѣя сильнаго войска, ни любви подданныхъ, которая спасаетъ Монарха во дни опасностей и бѣдствій, Святополкъ бѣжалъ изъ отечества къ Печенѣгамъ, требовать ихъ помощи. Сіи разбойники, всегда готовые опустошать Россію, вступили въ ея предѣлы, и приближились къ берегамъ Альты. Тамъ увидѣли они полки Россійскіе. Ярославъ стоялъ на мѣстѣ, обагренномъ кровію Святаго Бориса. Умиленный симъ печальнымъ воспоминаніемъ, онъ воздѣлъ руки на Небо, молился, и сказавъ: *кровь невиннаго брата моего вопіетъ ко Всевышнему*, далъ знакъ битвы. Восходящее солнце озарило на поляхъ Альты сраженіе двухъ многочисленныхъ воинствъ, сраженіе упорное и жестокое: никогда, говоритъ Лѣтописецъ, не бывало подобнаго въ нашемъ отечествѣ. Вѣрная дружина Новогородская хотѣла лучше умереть за Ярослава, нежели покориться злобному брату его. Три раза возобновлялась битва; неприятели въ остервененіи своемъ хватали другъ друга за руки и сѣклись мечами. Къ вечеру Святополкъ обратился въ бѣгство. Терзаемый тоскою, сей извергъ палъ въ раз-

Г. 1019. Битва на Альтѣ.

Бѣгство и смерть Святополка.

слабленіе и не могъ сидѣть на конѣ. Воины *принесли* его къ Бресту, городу Туровскаго Княженія: онъ велѣлъ имъ итти далѣе за границу. Гонимый Небеснымъ гнѣвомъ, Святополкъ въ помраченіи ума видѣлъ безпрестанно грозныхъ непріятелей за собою, и трепеталъ отъ ужаса; не дерзнулъ вторично прибѣгнуть къ великодушію Болеслава; миновалъ Польшу, и кончилъ гнусную жизнь свою въ пустыняхъ Богемскихъ, заслуживъ проклятіе современниковъ и потомства. Имя *окаяннаго* осталось въ лѣтописяхъ неразлучно съ именемъ сего несчастнаго Князя: ибо злодѣйство есть несчастіе.

ГЛАВА II.

Великій Князь Ярославъ или Георгій.

Г. 1019 — 1054.

Война съ Полоцкимъ Княземъ. Побѣды Мстиславовы. Паденіе Козарской Державы. Голодъ въ Суздалѣ. Битва у Листвена. Миръ. Основаніе Юрьева или Дерпта. Завоеванія въ Польшѣ. Смерть Мстислава. Единовластіе. Судиславъ заключенъ. Новые Удѣлы. Побѣда надъ Печенѣгами. Каменныя стѣны и Соборъ Св. Софіи въ Кіевѣ. Митрополитъ. Строеніе монастырей. Любовь Ярослава къ книгамъ. Война съ Ляхами, Литвою, Мазовшанами, Ямью. Походъ на Грековъ. Древнее предсказаніе. Брачные союзы. Митрополитъ Россійскій. Наставленіе и кончина Ярослава. Гробъ его. Свойства сего Князя. Крещеніе косцей. Первое народное училище. Кіевъ вторый Царьградъ. Монета Ярославова. Демественное пѣніе. Россія убѣжище изгнанниковъ. Сѣверныя владѣнія Россіи. Законы.

Ярославъ вошелъ въ Кіевъ и, по словамъ лѣтописи, *отеръ потъ* съ мужественною дружиною, трудами и побѣдою заслуживъ санъ Великаго Князя Россійскаго. Но бѣдствія войны междоусобной еще не прекратились.

925-2/67

Гос. Публ. Бібліотека

Г. 1021. Война съ Полоцкимъ Княземъ.

Въ Полоцкѣ княжилъ тогда Брячиславъ, сынъ Изяславовъ и внукъ Владиміра. Сей юноша хотѣлъ смѣлымъ подвигомъ утвердить свою независимость: взялъ Новгородъ, ограбилъ жителей, и со множествомъ плѣнныхъ возвращался въ свое Удѣльное Княженіе. Но Ярославъ, выступивъ изъ Кіева, вспрѣпилъ и разбилъ его на берегахъ рѣки Судомы, въ нынѣшней Псковской Губерніи[20]. Плѣнники Новогородскіе были освобождены, а Брячиславъ ушелъ въ Полоцкъ, и, какъ вѣроятно, примирился съ Великимъ Княземъ: ибо Ярославъ оставилъ его въ покоѣ. — О сей войнѣ упоминаютъ древнія Исландскія *Саги*. Варяги, или Норманы, служившіе тогда нашимъ Князьямъ, разсказывали, возвратясь въ отечество, слѣдующія обстоятельства, достойныя замѣчанія, хотя, можетъ быть, *отчасти* и баснословныя: »Храбрый витязь Эй»мундъ, сынъ Короля Гейдмаркскаго, ока»залъ великія услуги Ярославу въ продол»женіе трехлѣтней войны съ Кіевскимъ »Государемъ (Святополкомъ); наконецъ, »взявъ сторону Брячислава, еще болѣе у»дивилъ Россіянъ своимъ мужествомъ и »хитростію. Сей витязь засѣлъ съ то»варищами въ одномъ мѣстѣ, гдѣ надле-

жало ѣхать супругѣ Ярославовой: убилъ подъ нею коня, и привезъ ее къ Брячиславу, остыдивъ многочисленныхъ воиновъ, окружавшихъ Великую Княгиню. Брячиславъ, заключивъ миръ съ братомъ, наградилъ Эймунда цѣлою областію[21].» Скоро опаснѣйшій непріятель возсталъ на Ярослава.

Мы знаемъ, что Владиміръ отдалъ Воспорскую или Тмутороканскую область въ Удѣлъ сыну своему, Мстиславу. Сей Князь, рожденный быть Героемъ, хотѣлъ войны и побѣды: Императоръ Греческій предложилъ ему уничтожить Державу Каганову въ Тавридѣ. Искавъ дружбы Козаровъ идолопоклонниковъ, но сильныхъ, Греки искали ихъ погибели, когда они приняли Вѣру Христіанскую, но утратили свое могущество. Андроникъ, Вождь Императорскій, въ 1016 году, присталъ къ берегамъ Тавриды, соединился съ войскомъ Мстислава, и въ самомъ первомъ сраженіи плѣнилъ Кагана, именемъ Георгія Цула[22]. Греки овладѣли Тавридою, удовольствовавъ Мстислава одною благодарностію или золотомъ. Такимъ образомъ пала Козарская Держава въ Европѣ; но въ Азіи, на берегахъ Каспійскаго моря, она существовала, кажется, до самаго XII вѣка, и въ 1140 году Левитъ

Побѣды Мстиславовы.

Паденіе Козарской Державы.

Еврейскій, Равви Іегуда, писалъ еще похвальное слово Монарху ея, своему единовѣрцу[23]. Съ одной стороны Аскольдъ, Диръ, Олегъ, отецъ и сынъ Св. Владиміра; а съ другой Узы, Печенѣги, Команы, Ясы ослабили, сокрушили сіе нѣкогда знаменитое Царство, которое отъ устья
Г. 1022. Волжскаго простиралось до Чернаго моря, Днѣпра и береговъ Оки. — Чрезъ нѣсколько лѣтъ Мстиславъ объявилъ войну Касогамъ или нынѣшнимъ Черкесамъ, восточнымъ сосѣдамъ его области. Князь ихъ, Редедя, сильный великанъ, хотѣлъ, слѣдуя обычаю погдашнихъ временъ богатырскихъ, рѣшить побѣду единоборствомъ. »Начто губишь дружину?« сказалъ онъ Мстиславу: »одолѣй меня, и »возьми все, что имѣю: жену, дѣтей и »страну мою.« Мстиславъ, бросивъ оружіе на землю, схватился съ великаномъ. Силы Князя Россійскаго начали изнемогать: онъ призвалъ въ помощь Богородицу — низвергнулъ врага, и зарѣзалъ его ножемъ. Война кончилась: Мстиславъ вступилъ въ область Редеди, взялъ семейство Княжеское и наложилъ дань на подданныхъ[24].

Г. 1023. Увѣренный въ своемъ воинскомъ счастіи, сей Князь не захотѣлъ уже довольствоваться областію Тмутороканскою, которая, будучи отдалена отъ Россіи, могла казаться ему печальною ссылкою: онъ собралъ подвластныхъ ему Козаровъ, Черкесовъ или Касоговъ, и пошелъ къ берегамъ Днѣпровскимъ. Ярослава не было въ столицѣ. Кіевскіе граждане заперлись въ стѣнахъ и не пустили брата его; но Черниговъ, менѣе укрѣпленный, принялъ Мстислава.—Великій Князь усмирялъ тогда народный мятежъ въ Суздалѣ[25]. Голодъ свирѣпствовалъ въ сей области, и суевѣрные, приписывая оный злому чародѣйству, безжалостно убивали нѣкоторыхъ старыхъ женъ, мнимыхъ волшебницъ. Ярославъ наказалъ виновниковъ мятежа, однихъ смертію, другихъ ссылкою, объявивъ народу, что не волшебники, но Богъ караетъ людей гладомъ и моромъ за грѣхи ихъ, и что смертный въ бѣдствіяхъ своихъ долженъ только умолять благость Всевышняго. Между тѣмъ жители искали помощи въ изобильной странѣ Казанскихъ Болгаровъ, и Волгою привезли оттуда множество хлѣба. Голодъ миновался. Возстановивъ порядокъ въ землѣ Суздальской, Великій Князь спѣшилъ въ Новгородъ, чтобы взять мѣры противъ властолюбиваго брата.

Голодъ въ Суздалѣ.

Знаменитый Варягъ Якунъ пришелъ на помощь къ Ярославу[26]. Сей витязь Скандинавскій носилъ на больныхъ глазахъ шитую золотомъ *луду* или повязку; едва могъ видѣть, но еще любилъ войну и битвы. Великій Князь вступилъ въ область Черниговскую. Мстиславъ ожидалъ его у Листвена, на берегу Руды; ночью изготовилъ войско къ сраженію; поставилъ Сѣверянъ или Черниговцевъ въ срединѣ, а любимую дружину свою на правомъ и лѣвомъ крылѣ. Небо покрылось густыми тучами — и въ то самое время, когда ударилъ громъ и зашумѣлъ сильный дождь, сей отважный Князь напалъ на Ярослава. Варяги стояли мужественно противъ Сѣверянъ: казалось, что ужасъ ночи, буря, гроза, тѣмъ болѣе остервеняли воиновъ; при свѣтѣ молніи, говоритъ Лѣтописецъ, страшно блистало оружіе. Храбрость, искусство и счастіе Мстислава рѣшили побѣду: Варяги, утомленные битвою съ Черниговцами, смятые пылкимъ нападеніемъ его дружины, отступили. Вождь ихъ, Якунъ, бѣжалъ вмѣстѣ съ Ярославомъ въ Новгородъ, оставивъ на мѣстѣ сраженія златую *луду* свою. На другой день Мстиславъ, осматривая убитыхъ, сказалъ: »Мнѣ ли не

Битва у Листвена.

»радоваться? Здѣсь лежитъ Сѣверянинъ, »нашъ Варягъ; а собственная дружина моя цѣла.« Слово недостойное добраго Князя: ибо Черниговцы, усердно пожертвовавъ ему жизнію, спокоили по крайней мѣрѣ его сожалѣнія.

Но Мстиславъ изъявилъ рѣдкое великодушіе въ разсужденіи брата, давъ ему знать, чтобы онъ безопасно шелъ въ Кіевъ и господствовалъ, какъ старшій сынъ Великаго Владиміра, надъ всею правою стороною Днѣпра. Ярославъ боялся вѣрить ему; правилъ Кіевомъ чрезъ своихъ Намѣстниковъ и собиралъ войско. Наконецъ сіи два брата съѣхались у Городца, подъ Кіевомъ[27]; заключили искренній союзъ, и раздѣлили Государство: Ярославъ взялъ западную часть его, а Мстиславъ восточную; Днѣпръ служилъ границею между ими, и Россія, десять лѣтъ терзаемая внутренними и внѣшними непріятелями, совершенно успокоилась.

Миръ. Г. 1026.

Вся Ливонія платила дань Владиміру: междоусобіе дѣтей его возвратило ей независимость. Ярославъ, въ 1030 году, снова покорилъ Чудь, основалъ городъ Юрьевъ, или нынѣшній Дерптъ, и собирая дань съ жителей, не хотѣлъ насильно обращать ихъ въ Христіанство: благоразуміе достохвальное, служившее при-

Г. 1030. Основаніе Юрьева или Дерпта.

мѣромъ для всѣхъ Князей Россійскихъ! Пользуясь свободою Вѣры, древняя Ливонія имѣла и собственныхъ гражданскихъ начальниковъ, о коихъ, согласно съ преданіемъ, пишутъ, что они были вмѣстѣ и судіи и палачи, то есть, обвинивъ преступника, сами описѣкали ему голову[28].—Однакожь, не смотря на умѣренность Россіянъ и на легкость ига, возлагаемаго ими на данниковъ, Чудь и Лапыши, какъ увидимъ, не рѣдко спаралися свергнуть оное, и не щадили крови своей для пріобрѣтенія вольности совершенной.

Завоеванія въ Польшѣ.

Въ Польшѣ царствовалъ тогда Мечиславъ, малодушный сынъ и наслѣдникъ Великаго Болеслава. Пользуясь слабостію сего Короля и внутренними неустройствами земли его, Ярославъ взялъ Бельзъ; въ слѣдующій годъ, соединясь съ мужественнымъ братомъ своимъ, овладѣлъ снова всѣми городами Червенскими; входилъ въ самую Польшу, вывелъ оттуда множество плѣнниковъ, и населивъ ими берега Роси, заложилъ тамъ города или крѣпости[29].

Г. 1031.

Г. 1032.

Искреннее согласіе двухъ Государей Россійскихъ продолжалось до смерти одного изъ нихъ[30]. Мстиславъ, выѣхавъ

на ловлю, вдругъ занемогъ и скончался. Сей Князь, прозванный *Удалымъ*, не испытавъ превратностей воинскаго счастія: сражаясь, всегда побѣждалъ; ужасный для враговъ, славился милостію къ народу и любовію къ вѣрной дружинѣ; веселился и пировалъ съ нею подобно великому отцу своему, слѣдуя его правилу, что Государь не златомъ наживаетъ вишязей, а съ вишязями злато. Онъ поднялъ мечь на брата, но загладилъ сію жестокость, свойственную погданнему вѣку, великодушнымъ миромъ съ побѣжденнымъ, и Россія обязана была десятилѣтнею внутреннею тишиною счастливому ихъ союзу, истинно братскому. — Памятникомъ Мстиславовой набожности основался каменный храмъ Богоматери въ Тмутороканѣ, созданный имъ въ знакъ благодарности за одержанную надъ Касожскимъ великаномъ побѣду, и церковь Спаса въ Черниговѣ, заложенная при семъ Князѣ: тамъ хранились и кости его въ Несторово время. Мстиславъ, по словамъ лѣтописи, былъ *черменъ лицемъ и дебелъ тѣломъ;* имѣлъ также необыкновенно большіе глаза. Онъ не оставилъ наслѣдниковъ: единственный его сынъ, Евстафій, умеръ еще за три года до кончины родителя.

Г. 1036. Смер. Мстислава.

Ярославъ сдѣлался Монархомъ всей Россіи и началъ властвовать отъ береговъ моря Балтійскаго до Азіи, Венгріи и Дакіи. Изъ прежнихъ Удѣльныхъ Князей оставался одинъ Брячиславъ Полоцкій: вѣроятно, что онъ зависѣлъ отъ своего дяди какъ Государя Самодержавнаго. О дѣтяхъ Владиміровыхъ, Всеволодѣ[31], Станиславѣ, Позвиздѣ, Лѣтописецъ не упоминаетъ болѣе, сказывая только, что Великій Князь, обманутый клеветниками, заключилъ во Псковѣ Судислава, меньшаго своего брата, который, можетъ быть, княжилъ въ семъ городѣ.

Единовластіе.

Судиславъ заключенъ.

Но Ярославъ ожидалъ только возраста сыновей, чтобы вновь подвергнуть Государство бѣдствіямъ Удѣльнаго Правленія. Женатый на Ингигердѣ или Аннѣ, дочери Шведскаго Короля Олофа — которая получила отъ него въ вѣно городъ Альдейгабургъ или старую Ладогу[32] — онъ былъ уже отцемъ многочисленнаго семейства. Какъ скоро большому сыну его, Владиміру, исполнилось шестнадцать лѣтъ, Великій Князь отправился съ нимъ въ Новгородъ и далъ ему сію область въ управленіе. Здравая Политика, основанная на опытахъ и знаніи сердца человѣческаго, не могла противить-

Новые удѣлы.

ся дѣйствію слѣпой любви родительской, которое обратилось въ несчастное обыкновеніе.

Узнавъ о набѣгѣ Печенѣговъ, онъ спѣшилъ изъ Новагорода въ южную Россію и сразился съ варварами подъ самыми стѣнами Кіева. Варяги, всегдашніе его помощники, стояли въ срединѣ; на правомъ крылѣ граждане Кіевскіе, на лѣвомъ Новогородцы. Битва продолжалась цѣлый день. Ярославъ одержалъ побѣду, самую счастливѣйшую для отечества, сокрушивъ однимъ ударомъ силу люднѣйшаго изъ враговъ его. Большая часть Печенѣговъ легла на мѣстѣ; другіе, гонимые раздраженнымъ побѣдителемъ, утонули въ рѣкахъ[33]; немногіе спаслися бѣгствомъ, и Россія навсегда освободилась отъ ихъ жестокихъ нападеній. Въ память сего знаменитаго торжества, Великій Князь заложилъ, на мѣстѣ сраженія, великолѣпную церковь, и распространивъ Кіевъ, обвелъ его *каменными* стѣнами; подражая Константинополю, онъ назвалъ ихъ главныя врата *Златыми*, а новую церковь Святою Софіею *Митрополитною*, украсивъ ее золотомъ, серебромъ, мусіею и драгоцѣнными сосудами. Тогда былъ уже *Митрополитъ* въ нашей древ-

Побѣда надъ Печенѣгами

Г. 1037. Каменныя стѣны и Соборъ Св. Софіи въ Кіевѣ.

Митрополиты.

ней столицѣ, именемъ Ѳеопемпшъ — вѣроятно, Грекъ — который, по извѣстію Нестора, въ 1039 году вновь освятилъ храмъ Богоматери, сооруженный Владиміромъ, но поврежденный, какъ надобно думать, сильнымъ Кіевскимъ пожаромъ 1017 году. Ярославъ началъ также строить монастыри: первыми изъ нихъ были въ Кіевѣ монастырь Св. Георгія и Св. Ирины. Сей Государь, по сказанію Лѣтописца, весьма любилъ *церковные уставы*, духовныхъ Пастырей и въ особенности *Черноризцевъ;* не менѣе любилъ и книги божественныя; велѣлъ переводить ихъ съ Греческаго на Славянскій языкъ, читалъ оныя день и ночь, многія списывалъ и положилъ въ церкви Софійской для народнаго употребленія. Опредѣливъ изъ казны своей достаточное содержаніе Іереямъ, онъ умножилъ число ихъ во всѣхъ городахъ, и предписалъ имъ учить новыхъ Христіанъ, образовать умъ и нравственность людей грубыхъ; видѣлъ успѣхи Вѣры, и радовался, какъ усердный сынъ Церкви и добрый отецъ народа.

Строеніе монастырей.

Любовь Ярославова къ книгамъ.

Ревностное благочестіе и любовь къ ученію книжному не усыпляли его воинской дѣятельности. Яшвяги были побѣждены Владиміромъ Великимъ; но сей народъ, обитая въ густыхъ лѣсахъ, питаясь рыбною ловлею и пчеловодствомъ, болѣе всего любилъ дикую свободу и не хотѣлъ никому платить дани. Ярославъ имѣлъ съ ними войну; также съ Литовцами, сосѣдами Полоцкаго или Туровскаго Княженія, и съ Мазовшанами, тогда независимыми отъ Государя Польскаго[34]. Сынъ Великаго Князя, Владиміръ, ходилъ съ Новогородцами на Ямь, или нынѣшнихъ Финляндцевъ, и побѣдилъ ихъ; но въ сей землѣ, безплодной и каменистой, войны его оставили всѣхъ коней своихъ, бывшихъ намъ жертвою мора.

В. 1058. Война съ Яшвягами.

Литвою, Мазовшанами, Ямью.

Предпріятіе гораздо важнѣйшее ознаменовало для нашей Исторіи 1043 годъ. Дружба Великихъ Князей съ Императорами, основанная на взаимныхъ выгодахъ, утвердилась единствомъ Вѣры и родственнымъ ихъ союзомъ. Съ помощію Россіянъ шуринъ Владиміровъ завоевалъ не только Тавриду, но и Болгарію; они сражались подъ знаменами Имперіи въ самыхъ окрестностяхъ древняго Вавилона. Лѣтописцы Византійскіе разсказываютъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ по кончинѣ Св. Владиміра прибылъ на судахъ въ гавань Цареградскую какой-то родственникъ его; объявилъ намѣреніе вступить въ службу

В. 1040.

В. 1041.

В. 1042.

В. 1043.

Императора, но тайно ушелъ изъ присяги, разбилъ Грековъ на берегахъ Пропонтиды, и вооруженною рукою открылъ себѣ путь къ острову Лимну, гдѣ Самскій Намѣстникъ и Воевода Солунскій злодѣйскимъ образомъ умертвили его и 800 бывшихъ съ нимъ воиновъ. Сіе обстоятельство не имѣло никакихъ слѣдствій: купцы Россійскіе, пользуясь дружественною связію народа своего съ Имперіею, свободно торговали въ Константинополѣ. Но сдѣлалась ссора между ими и Греками, которые, начавъ драку, убили одного знаменитаго Россіянина. Вѣроятно, что Великій Князь напрасно требовалъ удовольствія: оскорбленный несправедливостію, онъ рѣшился наказать Грековъ; поручилъ войско мужественному Полководцу, Вышатѣ, и велѣлъ сыну своему, Владиміру, итти съ нимъ къ Царюграду. Греція вспомнила бѣдствія, претерпѣнныя нѣкогда отъ флотовъ Россійскихъ — и Посолъ Константина Мономаха впрѣдь Владиміра. Императоръ писалъ къ нему, что дружба счастливая и долговременная не должна быть нарушена для причины столь маловажной; что онъ желаетъ мира и даетъ слово наказать виновниковъ обиды, сдѣланной Россіянамъ. Юный Владиміръ не уважилъ сего письма, отпустилъ Греческихъ Пословъ съ отвѣтомъ высокомѣрнымъ, какъ говорятъ Византійскіе Историки, и шелъ далѣе. Константинъ Мономахъ, приказавъ взять подъ стражу купцевъ и воиновъ Россійскихъ, бывшихъ въ Царѣградѣ, и заключивъ ихъ въ разныхъ областяхъ Имперіи, выѣхалъ самъ на Царской яхтѣ противъ непріятеля; за нимъ слѣдовалъ флотъ и конница берегомъ. Россіяне стояли въ боевомъ порядкѣ близъ Фара. Императоръ вторично предложилъ имъ миръ. »Соглашаюсь« — сказалъ гордый Князь Новогородскій — »если вы, »богатые Греки, дадите по три фунта »золота на каждаго человѣка въ моемъ войскѣ[36].« Тогда Мономахъ велѣлъ своимъ готовиться къ битвѣ, и желая заманить непріятелей въ открытое море, послалъ впередъ три галеры, которыя врѣзались въ средину Владимірова флота и зажгли Греческимъ огнемъ нѣсколько судовъ. Россіяне снялись съ якорей, чтобы удалиться отъ пламени. Тутъ сдѣлалась буря, гибельная для малыхъ Россійскихъ лодокъ; однѣ исчезли въ волнахъ, другія стали на мель, или были извержены на берегъ. Корабль Владиміровъ по-

Походъ на Грековъ

нилъ на дно; нѣкто Творимиричъ, одинъ изъ усердныхъ чиновниковъ, спасъ Князя и Воеводъ Ярославовыхъ, взявъ ихъ къ себѣ въ лодку. Море утихло. На берегу собралось 6000 Россіянъ, которые, не имѣя судовъ, рѣшились возвратиться въ отечество сухимъ путемъ. Главный Воевода Ярославовъ, Вышата, предвидя неминуемую для нихъ опасность, хотѣлъ великодушно раздѣлить опую, и сошелъ на берегъ, сказавъ Князю: »иду съ ними; »буду ли живъ, или умру, но не покину »достойныхъ воиновъ[37].« Между тѣмъ Императоръ праздновалъ бурю какъ побѣду и возвратился въ столицу, отправивъ въ слѣдъ за Россіянами флотъ и два Легіона. 24 Галеры Греческія обогнали Владиміра и спали въ заливѣ: Князь пошелъ на нихъ. Греки, будучи со всѣхъ сторонъ окружены непріятельскими лодками, сцѣпились съ ними и вступили въ отчаянный бой. Россіяне побѣдили, взявъ или истребивъ суда Греческія. Адмиралъ Мономаховъ былъ убитъ, и Владиміръ пришелъ въ Кіевъ со множествомъ плѣнныхъ . . . Великодушный, но несчастный Вышата сразился въ Болгаріи, у города Варны, съ сильнымъ Греческимъ войскомъ: большая часть его дружины легла на мѣстѣ. Въ Константинополь привели 800 окованныхъ Россіянъ и самого Вышату: Императоръ велѣлъ ихъ ослѣпить!

Сія война предковъ нашихъ съ Грецію была послѣднею. Съ того времени Константинополь не видалъ уже ихъ страшныхъ флотовъ въ Босворѣ: ибо Россія, терзаемая междоусобіемъ, скоро утратила свое величіе и силу. Иначе могло бы исполниться древнее предсказаніе, не извѣстно кѣмъ написанное въ X или XI вѣкѣ подъ истуканомъ Беллерофона (который стоялъ на Таврской площади въ Царѣградѣ), что »Россіяне должны овладѣть столицею Имперіи Восточной[38]:« столь имя ихъ ужасало Грековъ! — Чрезъ три года Великій Князь заключилъ миръ съ Имперіею, и плѣнники Россійскіе, безчеловѣчно лишенные зрѣнія, возвратились въ Кіевъ.

Древнее предсказаніе.

Около сего времени Ярославъ вошелъ въ свойство со многими знаменитыми Государями Европы. Въ Польшѣ царствовалъ тогда Казимиръ, внукъ Болеслава *Храбраго:* изгнанный въ дѣтствѣ изъ отечества вмѣстѣ съ матеріею, онъ удалился (какъ разсказываютъ Историки Польскіе) во Францію, и не имѣя надежды быть Королемъ, сдѣлался Монахомъ.

Брачные союзы.

Наконецъ Вельможи Польскіе, видя мятежъ въ Государствѣ, прибѣгнули къ его великодушію: освобожденный Папою отъ узъ духовнаго обѣта, Казимиръ возвратился изъ кельи въ чертоги Царскіе[39]. Желая пользоваться дружбою могущественнаго Ярослава, онъ женился на сестрѣ его, дочери Св. Владиміра. Польскіе Историки говорятъ, что брачное торжество совершилось въ Краковѣ; что добродѣтельная и любезная *Марія*, названная *Доброгнѣвою*, приняла Вѣру Латинскую, и что Король ихъ взялъ за супругою великое богатство, множество серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ, также драгоцѣнныхъ конскихъ и другихъ украшеній. Собственный Лѣтописецъ нашъ сказываетъ, что Казимиръ далъ Ярославу за *вено*—то есть, за невѣсту свою—800 человѣкъ: вѣроятно Россіянъ, плѣненныхъ въ 1018 году Болеславомъ. Сей союзъ, одобренный здравою Политикою обоихъ Государствъ, утвердилъ за Россіею города Червенскіе; а Ярославъ, какъ искренній другъ своего зятя, помогъ ему смирить мятежника смѣлаго и хитраго, именемъ Моислава, который овладѣлъ
г. Мазовіею и хотѣлъ быть Государемъ неза-
1046. висимымъ. Великій Князь, разбивъ его мно-

гочисленное войско, покорилъ сію область Казимиру[40].

Несторъ совсѣмъ не упоминаетъ о дочеряхъ Ярославовыхъ; но достовѣрные Лѣтописцы чужестранные именуютъ трехъ: Елисавету, Анну и Анастасію или Агмунду. Первая была супругою Гаральда, Принца Норвежскаго. Въ юности своей выѣхавъ изъ отечества, онъ служилъ Князю Ярославу; влюбился въ прекрасную дочь его, Елисавету, и желая быть достойнымъ ея руки, искалъ великаго имени въ свѣтѣ. Гаральдъ отправился въ Константинополь; вступилъ въ службу Императора Восточнаго; въ Африкѣ, въ Сициліи побѣждалъ невѣрныхъ; ѣздилъ въ Іерусалимъ для поклоненія Святымъ Мѣстамъ, и чрезъ нѣсколько лѣтъ, съ богатствомъ и славою, возвращаясь въ Россію, женился на Елисаветѣ, которая одна занимала его сердце и воображеніе среди всѣхъ блестящихъ подвиговъ геройства[41]. Наконецъ онъ сдѣлался Королемъ Норвежскимъ.

Вторая Княжна, Анна, сочеталась бракомъ съ Генрикомъ I, Королемъ Французскимъ. Папа объявилъ кровосмѣшеніемъ супружество отца его и гналъ Роберта, какъ беззаконника, за то, что онъ же-

нился на родственницѣ въ четвертомъ колѣнѣ. Генрикъ, будучи свойственникомъ Государей сосѣдственныхъ, боялся такой же участи, и въ странѣ отдаленной искалъ себѣ знаменитой невѣсты [43]. Франція, еще бѣдная и слабая, могла гордиться союзомъ съ Россіею, возвеличенною завоеваніями Олега и Великихъ его преемниковъ. Въ 1048 году—по извѣстію древней рукописи, найденной въ С. Омерской церкви—Король отправилъ Посломъ къ Ярославу Епископа Шалонскаго, Рогера: Анна пріѣхала съ нимъ въ Парижъ и соединила кровь Рюрикову съ кровію Государей Французскихъ.—По кончинѣ Генрика I, въ 1060 году, Анна, славная благочестіемъ, удалилась въ монастырь Санлизскій; но чрезъ два года, вопреки желанію сына, вступила въ новое супружество съ Графомъ де-Крепи. Одинъ Французскій Лѣтописецъ говоритъ, что она, потерявъ втораго, любезнаго ей супруга, возвратилась въ Россію: но сіе обстоятельство кажется сомнительнымъ. Сынъ ея, Филиппъ, царствовалъ во Франціи, имѣя столь великое уваженіе къ матери, что на всѣхъ бумагахъ государственныхъ Анна вмѣстѣ съ нимъ подписывала имя свое до самаго 1075-года [44]. Честолюбіе, узы семейственныя, привычка и Вѣра Каѳолическая, сею принятая, удерживали сію Королеву во Франціи.

Третья дочь Ярославова, Анастасія, вышла за Короля Венгерскаго, Андрея I. Вѣроятно, что сей брачный союзъ служилъ поводомъ для нѣкоторыхъ Россіянъ переселиться въ Венгрію, гдѣ, въ разныхъ Графствахъ, на лѣвой сторонѣ Дуная, живетъ донынѣ многочисленное ихъ потомство, сохранивъ чистую Вѣру отцевъ своихъ [46].

Ссылаясь на Лѣтописцевъ Норвежскихъ, Торфей называетъ Владиміра, старшаго Ярославова сына, супругомъ Гиды, дочери Англійскаго Короля Гаральда, побѣжденнаго Вильгельмомъ *Завоевателемъ*. Саксонъ Граммматикъ, древнѣйшій Историкъ Датскій, также повѣствуетъ, что дѣти несчастнаго Гаральда, убитаго въ Гастингскомъ сраженіи, искали убѣжища при Дворѣ Свенона II, Короля Датскаго, и что Свенонъ выдалъ потомъ дочь Гаральдову за Россійскаго Князя, именемъ Владиміра [45]; но сей Князь не могъ быть *Ярославичъ*. Гаральдъ убитъ въ 1066 году, а Владиміръ, сынъ Ярославовъ, скончался въ 1052 (построивъ въ Новѣгородѣ церковь Св. Софіи, которая еще не разру-

шена временемъ, и гдѣ потребно его тѣло).

Кромѣ Владиміра, Ярославъ имѣлъ пятерыхъ сыновей: Изяслава, Святослава, Всеволода, Вячеслава, Игоря. Первый женился на сестрѣ Казимира Польскаго, не смотря на то, что его родная тетка была за симъ Королемъ[46]; а Всеволодъ, по сказанію Нестора, на *Греческой Царевнѣ*. Новѣйшіе Лѣтописцы называютъ Константина Мономаха шестымъ Всеволода; но Константинъ не имѣлъ дѣтей отъ Зои. Мы не знаемъ даже, по Византійскимъ лѣтописямъ, ни одной Греческой Царевны сего времени, кромѣ Евдокіи и Ѳеодоры, умершихъ въ дѣвствѣ[47]. Развѣ положимъ, что Мономахъ, еще не бывъ Императоромъ, прижилъ супругу Всеволодову въ *первомъ*, неизвѣстною намъ женою? — О супружествѣ другихъ сыновей Ярославовыхъ не можемъ сказать ничего *вѣрнаго*. Историки Нѣмецкіе пишутъ, что дочь Леопольда, Графа Шпандскаго, именемъ Ода, и Кунигунда, Орламиндская Графиня, вышли около половины XI вѣка за Князей Россійскихъ, но, скоро овдовѣвъ, возвратились въ Германію и сочетались бракомъ съ Нѣмецкими Принцами[48]. Вѣроятно, что Ода была супругою Вячеслава, а Кунигунда Игоревою: сіи меньшіе сыновья Ярославовы скончались въ юношествѣ, и первая отъ Россійскаго Князя имѣла одного сына, воспитаннаго ею въ Саксоніи: думаю, Бориса Вячеславича, о коемъ Несторъ говоритъ только съ 1077 года, и который могъ до того времени жить въ Германіи. Лѣтописцы Нѣмецкіе прибавляютъ, что мать его, выѣзжая изъ нашего отечества, зарыла въ землю сокровище, найденное имъ по возвращеніи въ Россію.

Великій Князь провелъ остатокъ жизни своей въ тишинѣ и въ Христіанскомъ благочестіи. Но сія усердная набожность не препятствовала ему думать о пользѣ государственной и въ самыхъ церковныхъ дѣлахъ. Греки, сообщивъ намъ Вѣру и присылая главныхъ духовныхъ Пастырей, надѣялись, можетъ быть, чрезъ нихъ присвоить себѣ и нѣкоторую мірскую власть надъ Россіею: Ярославъ не хотѣлъ того, и еще въ первый годъ своего Единодержавія, будучи въ Новѣгородѣ, *самъ* избралъ въ начальники для сей Епархіи Луку Жидяту; а въ 1051 году, собравъ въ Кіевѣ Епископовъ, велѣлъ имъ поставить Митрополитомъ Иларіона *Россіянина*, безъ всякаго участія со стороны Константинопольскаго Патріарха[49].... Ила- Г. 1051. Митрополиты Россіяне.

ріонъ, мужъ ученый и добродѣтельный, былъ Іереемъ въ селѣ Берестовѣ при церкви Святыхъ Апостоловъ: Великій Князь узналъ его достоинства, имѣя тамъ загородный дворецъ и любя, подобно Владиміру, сіе веселое мѣсто.

Г. 1054. Наконецъ, чувствуя приближеніе смерти, Ярославъ созвалъ дѣтей своихъ и хотѣлъ благоразумнымъ наставленіемъ предупредить всякую распрю между ими. »Скоро не будетъ меня на свѣтѣ,« говорилъ онъ: »вы, дѣти одного отца и матери, должны не только называться »братьями, но и сердечно любить другъ »друга. Знайте, что междоусобіе, бѣдственное лично для васъ, погубитъ сла»ву и величіе Государства, основаннаго »счастливыми трудами нашихъ отцевъ и »дѣдовъ. Миръ и согласіе ваше утвердятъ »его могущество. Изяславъ, старшій »братъ, заступитъ мое мѣсто и сядетъ »на престолѣ Кіевскомъ: повинуйтесь ему, »какъ вы отцу повиновались. Святославу »даю Черниговъ, Всеволоду Переяславль, »Вячеславу Смоленскъ[50]: каждый да будетъ »доволенъ своею частію, или старшій »братъ да судитъ васъ какъ Государь! »Онъ защититъ утѣсненнаго и нака»жетъ виновнаго.« Слова достопамятныя,

Наставленія и кончина Ярослава.

мудрыя и безполезныя! Ярославъ думалъ, что дѣти могутъ быть разсудительнѣе отцевъ, и къ несчастію ошибся.

Не взирая на старость и болѣзнь, онъ все еще занимался государственными дѣлами: поѣхалъ въ Вышегородъ, и тамъ скончался, имѣя отъ роду болѣе семидесяти лѣтъ (супруга его умерла еще въ 1050 году). Изъ дѣтей былъ съ нимъ одинъ Всеволодъ, котораго онъ любилъ нѣжнѣе всѣхъ другихъ и никогда не отпускалъ отъ себя. Гороховый сынъ, народъ и Священники въ служебныхъ ризахъ шли за тѣломъ изъ Вышегорода до Кіева, гдѣ оно, заключенное въ мраморную раку, было погребено въ Софійской церкви. Сей памятникъ, украшенный рѣзными изображеніями птицъ и деревъ, уцѣлѣлъ до нашихъ временъ[51].

Февраля 19.

Гробъ Ярославовъ.

Ярославъ заслужилъ въ лѣтописяхъ имя Государя мудраго; не пріобрѣлъ оружіемъ новыхъ земель, но возвратилъ утраченное Россіею въ бѣдствіяхъ междоусобія; не всегда побѣждалъ, но всегда оказывалъ мужество; успокоилъ отечество и любилъ народъ свой. Слѣдуя въ правленіи благодѣтельнымъ намѣреніямъ Владиміра, онъ хотѣлъ загладить вину

Свойства сего Князя.

ослушнаго сына и примирившся съ тѣнію огорченнаго имъ отца.

Внѣшняя Политика Ярославова была достойна Монарха сильнаго: онъ привелъ Константинополь въ ужасъ за то, что оскорбленные Россіяне требовали и нешли тамъ правосудія; но отмстивъ Полыпѣ и взявъ свое, великодушною помощію утвердилъ ея цѣлость и благоденствіе.

Ярославъ наказалъ мятежныхъ Новогородцевъ, за убіеніе Варяговъ, такъ, какъ Государи не должны наказывать: вѣроломнымъ обманомъ; но признательный къ ихъ усердію, далъ имъ многія выгоды и права. Князья Новогородскіе слѣдующихъ вѣковъ должны были клясться гражданамъ въ точномъ соблюденіи его *льготныхъ грамотъ*[52], къ сожалѣнію истребленныхъ временемъ. Знаемъ только, что сей народъ, ссылаясь на оныя, почиталъ себя вольнымъ въ избраніи собственныхъ Властителей. Память Ярославова была въ теченіе вѣковъ любезна жителямъ Новагорода, и мѣсто, гдѣ обыкновенно сходился народъ для совѣта, въ самыя позднѣйшія времена именовалось *Дворомъ Ярослава*[53].

Сей Князь започилъ брата, обнесеннаго клеветниками; но доказалъ свое добродушіе, проспавъ мятежнаго племянника, и забывъ, для счастія Россіи, прежнюю вражду Князя Тмутороканскаго.

Ярославъ былъ набоженъ до суевѣрія: онъ вырылъ кости Владиміровыхъ братьевъ, умершихъ въ язычествѣ — Олеговы и Ярополковы — крестилъ ихъ и положилъ въ Кіевской церкви Св. Богородицы. Ревность его къ Христіанству соединялась, какъ мы видѣли, съ любовію къ просвѣщенію. Лѣтописцы среднихъ вѣковъ говорятъ, что сей Великій Князь завелъ въ Новѣгородѣ первое народное училище, гдѣ 300 отроковъ, дѣти Пресвитеровъ и Старѣйшинъ, пріобрѣтали свѣдѣнія нужныя для Священнаго сана и гражданскихъ чиновниковъ[54]. Загладивъ слѣды Болеславовыхъ опустошеній въ южной Россіи, населивъ плѣнниками область Кіевскую[55] и будучи, подобно Олегу и Владиміру, основателемъ многихъ городовъ новыхъ, онъ хотѣлъ, чтобы столица его, имъ обновленная, распространенная, могла справедливо называться *вторымъ Царемградомъ*. Ярославъ любилъ Искусства: художники Греческіе, имъ призванные въ Россію, украсили храмы живописью и мусіею, донынѣ видимою въ Кіевской Софійской церкви. Сія мусія, составленная

Крещеніе кости.

Первое народное училище.

Кіевъ вторый Царьградъ.

изъ четвероугольныхъ камешковъ, изображаетъ на златомъ полѣ лица и одежду Святыхъ по рисунку весьма несовершенному, но съ удивительною свѣжестію красокъ: работа болѣе трудная, нежели изящная, однакожъ любопытная для знатоковъ Искусства. — Благопріятный случай сохранилъ также для насъ серебряную монету княженія Ярославова, на коей представленъ воинъ съ Греческою надписью: ὁ Γεοργιος, и съ Русскою: *Ярославле сребро*[56]: доказательство, что древняя Россія не только пользовалась чужестранными драгоцѣнными монетами, но имѣла и собственныя. — Спараясь о благолѣпіи храмовъ, пріятномъ для глазъ, Великій Князь желалъ, чтобы и слухъ молящихся находилъ тамъ удовольствіе: пишутъ, что около половины XI столѣтія выѣхали къ намъ пѣвцы Греческіе, научившіе Россійскихъ церковниковъ согласному *Демественному* пѣнію[57].

Монета Ярославова.

Демественное пѣніе.

Дворъ Ярославовъ, окруженный блескомъ величія, служилъ убѣжищемъ для Государей и Князей несчастныхъ. Еще прежде Гаральда, супруга Елисаветина, Олофъ *Святый*, Король Норвежскій, лишенный трона, требовалъ защиты Россійскаго Монарха. Ярославъ принялъ его

Россія убѣжище

съ особеннымъ дружелюбіемъ и хотѣлъ дать ему въ управленіе знаменитую область въ Государствѣ своемъ; но сей Король, обольщенный сновидѣніемъ и надеждою побѣдить Канута, завоевателя Норвегіи, выѣхалъ изъ Россіи, оставивъ въ ней юнаго сына своего, Магнуса, который послѣ царствовалъ въ Скандинавіи[58]. Дѣти мужественнаго Короля Англійскаго, Эдмунда, изгнанные Кануномъ, Эдвинъ и Эдвардъ, также Принцъ Венгерскій, Андрей (не бывъ еще зятемъ Ярославовымъ), вмѣстѣ съ братомъ своимъ Левентою, искали безопасности въ нашемъ отечествѣ[59].—Ярославъ съ такимъ же великодушіемъ принялъ Князя Варяжскаго Симона, который, будучи изгнанъ дядею, *Якуномъ Сльпымъ*, со многими единоземцами вступилъ въ Россійскую службу и сдѣлался первымъ Вельможею юнаго Всеволода[60].

изгнанники

Мы сказали, что Ярославъ не принадлежитъ къ числу завоевателей; однакожъ вѣроятно, что въ *его* княженіе область Новогородская распространилась на Востокъ и Сѣверъ. Жители Перми, окрестностей Печорскихъ, Югра[61], были уже въ XI вѣкѣ данниками Новогородскими (Несторъ зналъ и дикихъ Самоѣдовъ,

Сѣверныя владѣнія Россіи.

которые обитали къ Сѣверу отъ Югры): завоеваніе столь отдаленное не могло вдругъ совершиться, и Россіянамъ надлежало прежде овладѣть всѣми ближайшими мѣстами Архангельской и Вологодской Губерніи, древнимъ отечествомъ народовъ Чудскихъ, славнымъ въ Сѣверныхъ лѣтописяхъ подъ именемъ Біарміи. Тамъ, на берегахъ Двины, въ началѣ XI вѣка, по сказанію Исландцевъ, былъ торговый городъ, гдѣ съѣзжались лѣтомъ купцы Скандинавскіе, и гдѣ Норвежцы, отправленные въ Біармію Св. Олафомъ, Ярославовымъ современникомъ, ограбили кладбище и похитили украшеніе Финскаго идола Юмалы[62]. Баснословіе ихъ Спихотворцевъ о чудесномъ великолѣпіи сего храма и богатствѣ жителей не входитъ въ Исторію; но жители Біарміи могли нѣкоторыми произведеніями земли своей, солью, желѣзомъ, мѣхами, торговать съ Норвежцами, открывшими въ IX вѣкѣ путь къ устью Двины[63], и даже съ Камскими Болгарами, посредствомъ рѣкъ судоходныхъ. Занимаясь рыбною и звѣриною ловлею, огражденные съ одной стороны морями хладными, а съ другой лѣсами дремучими, они спокойно наслаждались независимостію, до са-

маго того времени, какъ смѣлые и предпріимчивые Новогородцы сблизились съ ними чрезъ область Бѣлозерскую и покорили ихъ, въ княженіе Владиміра или Ярослава[64]. Сія земля, отъ Бѣлаозера до рѣки Печоры, была названа Заволочьемъ, и мало по малу населена выходцами Новогородскими, которые принесли туда съ собою и Вѣру Христіанскую (по достовѣрнымъ историческимъ свидѣтельствамъ намъ извѣстно, что въ XII вѣкѣ уже существовали монастыри на берегахъ Двины). Скоро отдаленный хребетъ горъ Уральскихъ, идущій отъ Новой Земли къ Югу, и бывшій нѣсколько времени предметомъ баснословія въ нашемъ отечествѣ, сдѣлался какъ бы границею Россіи, и Новогородцы нашли способъ получать естественныя, драгоцѣнныя произведенія Сибири чрезъ своихъ Югорскихъ данниковъ, которые вымѣнивали оныя у тамошнихъ обитателей на желѣзныя орудія и другія дешевыя вещи.

Законы.

Наконецъ блестящее и счастливое правленіе Ярослава оставило въ Россіи памятникъ достойный великаго Монарха. Сему Князю приписываютъ древнѣйшее *собраніе* нашихъ гражданскихъ уставовъ, извѣстное подъ именемъ *Русской Правды*[65].

Еще въ Олегово время Россіяне имѣли законы; но Ярославъ, *можетъ быть*, оныя умѣнилъ нѣкоторые, исправилъ другіе, и первый издалъ законы *письменные* на языкѣ Славянскомъ. Они конечно были государственными или *общими*, хотя древніе списки ихъ сохранились единственно въ Новѣгородѣ и заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя *особенныя* или мѣстныя учрежденія[66]. Сей остатокъ древности, подобный *двѣнадцати дскамъ* Рима, есть вѣрное зерцало тогдашняго гражданскаго состоянія Россіи, и драгоцѣненъ для Исторіи: предлагаемъ его здѣсь въ извлеченіи.

Глава III.

ПРАВДА РУССКАЯ,

или

Законы Ярославовы.

Законы уголовные. Денежныя пени за убійство. Вира. Гражданскія степени. Дикая Вира. Пошокъ. Пеня за удары. Дворъ Княжескій есть мѣсто суда. Охраненіе собственности. Воровство. Оцѣнка вещей. Боршные знаки и межевые столпы. Шпицеловство. Зажигательство. Сводъ. Кража людей. Бѣглые. Кабала. Долги. Торговля рабовъ. Сохраненіе ножниковъ. Росты. Улики, оправданія. Испытаніе желѣзомъ и водою. Право наслѣдственное. Судія Приезжіе. Общій характеръ законовъ. Уставъ о мостовыхъ. Уставъ церковный.

Главная цѣль общежитія есть личная безопасность и неотъемлемость собственности: уставъ Ярославовъ утверждаетъ ту и другую слѣдующимъ образомъ:

Законы уголовные.

I. »Кто убьетъ человѣка, тому родственники убитаго мстятъ за смерть »смертію; а когда не будетъ мстителей, то съ убійцы взыскать деньгами »въ Казну: за голову Боярина Княжескаго,

Денеж-

ныя пени за убійство.

»Тіуна *Огнищанъ* или гражданъ именитыхъ, и Тіуна *Конюшаго,* 80 гривенъ »или двойную Виру; за Княжескаго Отрока или Гридня, *повара*, *конюха*, купца, »Тіуна и Мечника Боярскаго, за всякаго *Людина*, то есть свободнаго человѣка, Русскаго (Варяжскаго племени) или Славянина, 40 гривенъ или Виру, а за убіеніе жены полвиры. За раба нѣтъ Виры; »но кто убилъ его безвинно, долженъ »платить господину такъ называемый »урокъ, или цѣну убитаго: за Тіуна *сельскаго* или старосту Княжескаго и Боярскаго, за ремесленника, дядьку или пѣстуна, и за кормилицу, 12 гривенъ, за »простаго холопа Боярскаго и Людскаго 5 гривенъ, за рабу 6 гривенъ, и »сверхъ того въ Казну 12 гривенъ *продажи*,« дани или пени[67].

Мы уже имѣли случай замѣтить, что Россіяне получили свои гражданскіе уставы отъ Скандинавовъ. Желая утвердить семейственныя связи, нужныя для безопасности личной въ новыхъ обществахъ, всѣ народы Германскіе давали родственникамъ убитаго право лишить жизни убійцу или взять съ него деньги, Вира. опредѣляя разныя пени или Виры (Wehrgeld) по гражданскому состоянію уби-

тыхъ, ничтожныя въ сравненіи съ нынѣшнею цѣною вещей, но тягостныя по тогдашней рѣдкости денегъ[68]. Законодатели берегли жизнь людей, нужныхъ для государственнаго могущества, и думали, что денежная пеня можетъ отвращать злодѣянія. Дѣти Ярославовы, какъ увидимъ, опомѣнили даже и законную месть родственниковъ.

Сія уголовная статья весьма ясно представляетъ намъ гражданскія степени древней Россіи. Бояре и Тіуны Княжескіе занимали первую степень. То и другое имя означало знаменитаго чиновника: второе есть Скандинавское или древнее Нѣмецкое Thaegn, Thiangn, Diakn, *мужъ честный*, vir probus[69]; такъ вообще назывались Дворяне Англо-Саксонскіе, иногда дружина Государей, Графы, и проч. — *Люди* военные, придворные[70], купцы и земледѣльцы свободные принадлежали ко второй степени; къ третьей, или нижайшей, холопи Княжескіе, Боярскіе и монастырскіе, которые не имѣли никакихъ собственныхъ правъ гражданскихъ. Древнѣйшими рабами въ отечествѣ нашемъ были конечно потомки военноплѣнныхъ; но въ сіе время — то есть въ XI вѣкѣ — уже разныя причины мог-

Гражданскія степени.

ли отнимать у людей свободу. Законодатель говоритъ[71], что »холопомъ *обѣльнымъ*, или полнымъ, бываетъ: 1) человѣкъ купленный при свидѣтеляхъ; 2) »кто не можетъ удовольствовать своихъ заимодавцевъ; 3) кто женится на »рабѣ безъ всякаго условія; 4) кто безъ »условія же пойдетъ въ слуги или въ «ключники, и 5) *закупъ*„ то есть, наемникъ или на время закабаленный человѣкъ, который, не выслуживъ срока, »уйдетъ и не докажетъ, что онъ ходилъ »къ Князю или судьямъ, искать управы »на господина. Но служба не дѣлаетъ »вольнаго рабомъ. Наемники могутъ всегда отойти отъ господина, возвративъ »ему незаработанныя ими деньги. Вольный слуга, обманомъ проданный за холопа, совершенно освобождается отъ »кабалы, а продавецъ вноситъ въ казну »12 гривенъ пени.«

II. »Ежели кто убьетъ человѣка въ »ссорѣ или въ пьянствѣ и скроется, то »*Вервь* или округа, гдѣ совершилось убій- Дикая Вира. »ство, платитъ за него пеню,« — которая называлась въ такомъ случаѣ *дикою Вирою* — »но въ разные сроки, и въ нѣсколько лѣтъ, для облегченія жителей. »За найденное мертвое тѣло человѣка

»неизвѣстнаго Вервь не отвѣтствуетъ.— »Когда же убійца не скроется, то съ »округи или съ волости взыскать поло»вину Виры, а другую съ самого убійцы.« Законъ весьма благоразумный въ тогдашнія времена: облегчая судьбу преступника, разгоряченнаго виномъ или ссорою, онъ побуждалъ всякаго быть миротворцемъ, чтобы въ случаѣ убійства не платить вмѣстѣ съ виновнымъ. — »Ежели убій»ство сдѣлается безъ всякой ссоры, то »волость не платитъ за убійцу, но вы»даетъ его *на потокъ*« — или въ руки Госу- Потокъ. »дарю — »съ женою, съ дѣтьми и съ имѣні«емъ[72].« Успавъ жестокій и несправедливый по нашему образу мыслей; но жена и дѣти отвѣтствовали тогда за вину мужа и родителя, ибо считались его *собственностію*.

III. Какъ древніе Нѣмецкіе, такъ и Ярославовы законы опредѣляли особенную пеню за всякое дѣйствіе насилія: »за »ударъ мечемъ необнаженнымъ, или его ру- Пеня »кояткою, тростію, чашею, стаканомъ[73], за удары. »пястію, 12 гривенъ; за ударъ палицею и »жердію 3 гривны, за всякой толчекъ и за рану легкую 3 гривны, а раненному гривну »на леченье.« Слѣдственно гораздо неизвинительнѣе было ударить голою рукою, легкою чашею или стаканомъ, нежели

тяжелою палицею или самымъ острымъ мечемъ. Угадаемъ ли мысль Законодателя? Когда человѣкъ въ ссорѣ *обнажалъ* мечь, бралъ палицу или жердь, тогда противникъ его, *видя опасность*, имѣлъ время изготовиться къ оборонѣ или удалиться. Но рукою или домашнимъ сосудомъ можно было ударить *незапно*; также мечемъ необнаженнымъ и тростію: ибо воинъ *обыкновенно* носилъ мечь, и всякой человѣкъ *обыкновенно* ходилъ съ тростію: то и другое не заставляло остерегаться. Далѣе: »За поврежденіе ноги, руки, »глаза, носа, виновный платитъ 20 гри»венъ въ Казну, а самому изувѣченному »10 гривенъ[74]; за выдернутый клокъ боро»ды 12 гривенъ въ Казну; за выбитый »зубъ то же, а самому битому гривну; »за отрубленный палецъ 3 гривны въ »Казну, а раненному гривну. Кто погро»зитъ мечемъ, съ того взять гривну »пени; кто же вынулъ его для обороны, »тотъ не подвергается никакому взы»сканію, ежели и ранитъ своего противни»ка. Кто самовольно, безъ Княжескаго »повелѣнія, накажетъ *Огнищанина*« (имѣнитаго гражданина), »или *Смерда*« (земледѣльца и простаго человѣка) »платитъ »за перваго 12 гривенъ Князю, за втора-

»го 3 гривны, а битому гривну въ томъ »и въ другомъ случаѣ. Если холопъ уда»ритъ свободнаго человѣка и скроется, а »господинъ не выдастъ его, то взыскать »съ господина 12 гривенъ. Истецъ же »имѣетъ право вездѣ умертвить раба, »своего обидчика.« Дѣти Ярославовы, отмѣнивъ сію казнь, дали истцу одно право бить виновнаго холопа[75], или взять за безчестье гривну. — »Если господинъ въ »пьянствѣ и безъ вины тѣлесно нака»жетъ *закупа* или слугу наемнаго, то »платитъ ему какъ свободному.« — Большая часть денежной пени, какъ видимъ, шла обыкновенно въ Казну: ибо всякое нарушеніе порядка считалось оскорбленіемъ Государя, блюстителя общей безопасности.

IV. »Когда на Дворъ Княжескій« — гдѣ обыкновенно судились дѣла — »при»детъ истецъ окровавленный или въ си»нихъ пятнахъ, то ему не нужно пред»ставлять инаго свидѣтельства; а ежели »нѣтъ знаковъ, то представляетъ оче»видцевъ драки, и виновникъ ея платитъ »60 *кунъ*» (см. ниже). »Ежели истецъ будетъ »окровавленъ, а свидѣтели покажутъ, что »онъ самъ началъ драку, то ему нѣтъ »удовлетворенія.« Дворъ Княжескій есть мѣсто суда.

Оградивъ личную безопасность, Законодатель старался утвердить цѣлость собственности въ гражданской жизни.

Охраненіе собственности. Воровство.

V. »Всякой имѣетъ право убить ночнаго шпиона на воровствѣ; а кто продержитъ его связаннаго *до свѣта*, тотъ обязанъ итти съ нимъ на Княжескій Дворъ. Убіеніе шпиона взятаго и связаннаго есть преступленіе, и виновный платитъ въ Казну 12 гривенъ. Тотъ *конокрадъ* выдается головою Князю и теряетъ всѣ права гражданскія, вольность и собственность.« Сколь уважаемъ былъ конь, вѣрный слуга человѣку на войнѣ, въ земледѣліи и въ путешествіяхъ! Древніе Саксонскіе законы осуждали на смерть всякаго, кто уведетъ чужую лошадь[76]. — Далѣе: »Съ вора *хлѣбнаго*« — т. е. домашняго или горничнаго — »взыскивается въ »Казну 3 гривны, съ вора *житнаго*, который унесетъ хлѣбъ изъ *ямы* или съ »гумна, 3 гривны и 30 кунъ; хозяинъ же »беретъ свое жито, и еще полгривны съ »вора. — Кто украдетъ скотъ въ хлѣвѣ »или въ домѣ, платитъ въ Казну 3 гривны и 30 кунъ, а кто въ полѣ, тотъ »60 кунъ« (первое считалось важнѣйшимъ преступленіемъ: ибо воръ нарушалъ тогда спокойствіе хозяина): »сверхъ чего за

»всякую скотину, которая невозвращена »лицемъ, хозяинъ беретъ опредѣленную »цѣну: за коня *Княжаго* 3 гривны, за »просташо 2, за кобылу 60 кунъ, за же»ребца нехолощеннаго гривну, за жеребенка 6 »*ногатъ*, за вола гривну, за корову 40 »кунъ, за прехолощеннаго быка 30 кунъ, »за годовика полгривны, за теленка, овцу »и свинью 5 кунъ, за барана и поросен»ка ногату[77].«

Оцѣнка вещей.

Старина любопытная: ибо она показываетъ погдашнюю оцѣнку вещей. Въ гривнѣ было 20 *ногатъ* или 50 *рѣзаней*, а 2 рѣзани составляли одну *куну*. Сими именами означались мелкія кожаныя монеты, ходившія въ Россіи и въ Ливоніи[78].

VI. »За бобра, украденнаго изъ норы, »опредѣляется 12 гривенъ пени[79].« Здѣсь говорится о бобрахъ *племянныхъ*, съ коими хозяинъ лишался всего возможнаго приплода. — »Если въ чьемъ владѣніи будетъ изрыта земля, найдутся сѣти или »другіе признаки воровской ловли, то »Вервь должна сыскать виновнаго или за»платить пеню.«

VII. »Кто умышленно зарѣжетъ чу»жаго коня или другую скотину, платитъ »12 гривенъ въ Казну, а хозяину гривну[80]. Злоба безчестила гражданъ менѣе,

нежели воровство: тѣмъ болѣе долженствовали законы обуздывать оную.

Борт-ные знаки и межевые столпы.

VIII. »Кто стешетъ *бортные* зна»ки, или запашетъ межу полевую, или пе»регородитъ дворовую, или срубитъ борт»ную грань, или *дубъ* гранный или ме»жевый столпъ, съ того взять въ Казну »12 гривенъ.« Слѣдственно всякое сельское владѣніе имѣло свои предѣлы, утвержденные Гражданскимъ Правительствомъ, и знаки ихъ были священны для народа.

IX. »За бортъ ссѣченную виновный »даетъ 3 гривны пени въ Казну, за дерево »полгривны, за выдраніе пчелъ 3 гривны, а »хозяину за медъ нелаженнаго улья 10 кунъ, »за лаженный 5 кунъ.» Читателю извѣстно, что есть *бортное* ухожье: дупла служили тогда ульями, а лѣса единственными пчельниками — »Ежели тать »скроется, должно искать его по слѣду, »но съ чужими людьми и свидѣтелями. Кто »не оповедетъ слѣда отъ своего жилища, »тотъ виноватъ; но буде слѣдъ кончится »у гостинницы, или на пустомъ, неза»строенномъ мѣстѣ, то взысканія нѣтъ.«

Птицеловство.

X. »Кто срубитъ шестъ подъ сѣ»тію птицелова или отрѣжетъ ея верев»ки, платитъ 3 гривны въ Казну, а пти»целову гривну; за украденнаго сокола или

»ястреба 3 гривны въ Казну, а птицелову »гривну; за голубя 9 кунъ, за куропатку 9 »кунъ, за утку 30 кунъ; за гуся, журавля и лебедя то же.« Сею чрезмѣрною пенею Законодатель хотѣлъ обезпечить тогдашнихъ многочисленныхъ птицелововъ въ ихъ промыслѣ.

XI. »За покражу сѣна и дровъ 9 кунъ »въ Казну, а хозяину за каждый возъ по »двѣ ногаты.«

XII. »Воръ за ладію платитъ 60 кунъ »въ Казну, а хозяину за морскую 3 грив»ны, за *набойную* 2 гривны, за стругъ »гривну, за челнъ 8 кунъ, если не можетъ »лицемъ возвратить украденнаго[81].« Имя *набойная* происходитъ отъ досокъ *набиваемыхъ* сверхъ краевъ мелкаго судна, для возвышенія боковъ его.

Зажигательство.

XIII. »Зажигатель гумна и дома вы»дается головою Князю со всѣмъ имѣні»емъ, изъ коего надобно прежде вознагра»дить убытокъ, понесенный хозяиномъ »гумна или дома.«

XIV. »Ежели обличатся въ воровствѣ »холопи Княжескіе, Бояръ или простыхъ »гражданъ, то съ нихъ не брать въ Каз»ну пени (взыскиваемой единственно съ »людей свободныхъ); но они должны пла»тить истцу вдвое: на примѣръ, взявъ

»обратно свою украденную лошадь, истецъ »пребуетъ еще за оную 2 гривны« — раз»умѣется съ господина, который обл»занъ или выкупить своего холопа, или »головою выдать его, вмѣстѣ съ другими »участниками сего воровства, кромѣ ихъ »женъ и дѣтей. Ежели холопъ, обокравъ »кого, уйдетъ, то господинъ платитъ за »всякую унесенную имъ вещь по цѣнѣ »обыкновенной. — За воровство слуги на»емнаго господинъ не отвѣтствуетъ; но »если внесетъ за него пеню, то береть »слугу въ рабы или можетъ продать[82].«

XV. »Утративъ одежду, оружіе, хо»зяинъ долженъ заявить на торгу; опо»знавъ вещь у *горожанина*, идетъ съ нимъ »*на сводъ*, то есть, спрашиваетъ, гдѣ »онъ взялъ ее? и переходя такимъ обра»зомъ отъ человѣка къ человѣку, отыс»киваетъ дѣйствительнаго вора, кото»рый платитъ за вину 3 гривны; а вещь »остается въ рукахъ хозяина. Но ежели »ссылка пойдетъ на жителей *уѣздныхъ*, »то истцу взять за украденное деньги »съ *третьяго* отвѣтчика, который идетъ »съ поличнымъ далѣе, и наконецъ отыс»канный воръ платитъ за все по зако»ну. — Кто скажетъ, что краденое куп»лено имъ у человѣка неизвѣстнаго, или

Сводъ.

»жителя иной области, тому надобно »представить двухъ свидѣтелей, граж»данъ свободныхъ, или мытника (сборщи»ка пошлинъ), »чтобы они клятвою у»твердили истину словъ его[83]. Въ та»комъ случаѣ хозяинъ береть свое ли»цемъ, а купецъ лишается вещи, но мо»жетъ отыскивать продавца.«

XVI. »Ежели будетъ *украденъ холопъ*, »но господинъ, опознавъ его, также и»детъ съ нимъ на сводъ отъ человѣка къ »человѣку, и *третій* отвѣтчикъ дастъ »ему *своего* холопа, но съ украденнымъ и»детъ далѣе[84]. Отысканный виновникъ »платитъ всѣ убытки и 12 гривенъ пе»ни Князю; а *третій* отвѣтчикъ береть »обратно холопа, отданнаго имъ въ за»логъ вмѣсто сведеннаго.«

Кражалюдей.

XVII. »О *бѣглыхъ* холопѣ господинъ »объявляетъ на торгу, и ежели чрезъ »три дни опознаетъ его въ чьемъ домѣ, »то хозяинъ сего дому, возвративъ укры»таго бѣглеца, платитъ еще въ Казну 3 »гривны. — Кто бѣглецу дастъ хлѣба или »укажетъ путь, тотъ платитъ госпо»дину 5 гривенъ, а за рабу 6, или кля»нется, что онъ не слыхалъ объ ихъ бѣг»ствѣ[85]. Кто представитъ ушедшаго »холопа, тому дастъ господинъ гривну;

Бѣглые.

»а кто упуститъ задержаннаго бѣглеца, »платитъ господину 4 гривны, а за рабу »5 гривенъ: въ первомъ случаѣ пятая, а »во второмъ шестая уступается ему за »то, что онъ поймалъ бѣглыхъ. — Кто »самъ найдетъ раба своего въ городѣ, »тотъ беретъ Посадникова Отрока, и »даетъ ему 10 кунъ за связаніе бѣглеца.«

Кабала.

XVIII. »Кто возметъ чужаго холопа »въ кабалу, тотъ лишается данныхъ хо»лопу денегъ, или долженъ присягнуть, »что онъ считалъ его свободнымъ: въ »такомъ случаѣ господинъ выкупаетъ ра»ба, и беретъ все имѣніе, пріобрѣтенное »симъ рабомъ[86].«

XIX. »Кто, не спросивъ у хозяина, »сядетъ на чужаго коня, тотъ платитъ »въ наказаніе 3 гривны« — то есть, всю цѣну лошади. Сей законъ слово въ слово есть повтореніе древняго Ютландскаго, и еще болѣе доказываетъ, что гражданскіе уставы Норманов были основаніемъ Россійскихъ[87].

XX. »Ежели наемникъ потеряетъ соб»ственную лошадь, то ему не за что от»вѣтствовать; а ежели утратитъ плугъ »и борону господскую, то обязанъ платить »или доказать, что сіи вещи украдены въ »его отсутствіе, и что онъ былъ посланъ

»со двора за господскимъ дѣломъ.« И такъ владѣльцы обработывали свои земли не одними холопями, но и людьми наемными. — »Вольный слуга не отвѣтствуетъ за »скопину, уведенную изъ хлѣва; но когда »расперяетъ оную въ полѣ, или не заго»нитъ на дворъ, то платитъ. — Ежели »господинъ обидитъ слугу и не выдастъ »ему полнаго жалованья, то обидчикъ, удо»вольствовавъ истца, вноситъ 60 кунъ »пени; ежели насильственно отниметъ у »него деньги, то, возвративъ ихъ, пла»титъ еще въ Казну 3 гривны[88].«

Долги.

XXI. »Ежели кто будетъ требовать »своихъ денегъ съ должника, а должникъ »запрется, то истецъ представляетъ сви»дѣтелей. Когда они поклянутся въ спра»ведливости его требованія, заимодавецъ »беретъ свои деньги и еще 3 гривны въ »удовлетвореніе. — Ежели заемъ не свыше »трехъ гривенъ, то заимодавецъ одинъ при»сягаетъ; но большій искъ требуетъ сви»дѣтелей или безъ нихъ уничтожается[89].«

XXII. »Если купецъ повѣрилъ день»ги купцу для торговли, и должникъ на»чнетъ запираться, то свидѣтелей не »спрашивать, но отвѣтчикъ самъ при»сягаетъ.« Законодатель хотѣлъ, кажется, изъявить въ семъ случаѣ особен-

ную довѣренность къ людямъ торговымъ, которыхъ дѣла бываютъ основаны на чести и вѣрѣ.

XXIII. »Если кто многимъ долженъ, а »купецъ *иностранный*, не зная ничего, по»вѣритъ ему товаръ: въ такомъ случаѣ »продать должника со всѣмъ его имѣні»емъ, и *первыми* вырученными деньгами »удовольствовать иностранца или Казну; »остальное же раздѣлить между прочими »заимодавцами: но кто изъ нихъ взялъ »уже много роствовъ, тотъ лишается »своихъ денегъ.«

XXIV. »Ежели чужіе товары или день»ги у купца потонутъ, или сгорятъ, или »будутъ отняты непріятелемъ, то ку»пецъ не отвѣтствуетъ ни головою, ни »вольностію, и можетъ разложить пла»тежъ въ сроки: ибо власть Божія и »несчастіе не суть вина человѣка. Но »если купецъ въ пьянствѣ упрапитъ »ввѣренный ему товаръ или промотаетъ »его, или испортитъ отъ небреженія: »то заимодавцы поступятъ съ нимъ, »какъ имъ угодно: отсрочатъ ли пла»тежъ, или продадутъ должника въ не»волю.«

XXV. »Если холопъ *обманетъ*, подъ »именемъ вольнаго человѣка, испроситъ

»у кого деньги, то господинъ его дол»женъ или заплатить, или отказаться »отъ раба; но кто повѣритъ *извѣстно»му* холопу, лишается денегъ. — Госпо»динъ, позволивъ рабу торговать, обя»занъ платить за него долги[90].« Торговля рабовъ

XXVI. »Если гражданинъ отдастъ »свои пожитки на сохраненіе другому, »то въ свидѣтеляхъ нѣтъ нужды. Кто »будетъ запираться въ принятіи вещей, »долженъ утвердить клятвою, что не »бралъ ихъ. Тогда онъ правъ: ибо имѣніе »повѣряютъ единственно такимъ лю»дямъ, коихъ честь извѣстна; и кто »беретъ его на сохраненіе, тотъ оказы»ваетъ услугу[91].« Сохраненіе пожитковъ

XXVII. »Кто отдаетъ деньги въ »ростъ, или медъ и жито въ займы, »тому въ случаѣ спора предоставить »свидѣтелей, и взять все по сдѣланному »договору. *Мѣсячные* росты берутся »единственно за малое время; а кто о»станется должнымъ цѣлый годъ, пла»титъ уже *третные*, а не *мѣсячные*.« Мы не знаемъ, въ чемъ состояли тѣ и другіе, основанные на всеобщемъ обыкновеніи тогдашняго времени; но ясно, что послѣдніе были гораздо тягостнѣе, и что Законодатель хотѣлъ облегчить Росты

судьбу должниковъ. — »Законы позво»ляютъ брать 10 кунъ съ гривны на »годъ«— то есть, сорокъ на сто[92]. — Въ земляхъ, гдѣ торговля, художества и промышленость цвѣтутъ изъ давныхъ временъ, деньги теряютъ цѣну отъ своего множества. Въ Голландіи, въ Англіи занимодавцы довольствуются самымъ малымъ прибыткомъ; но въ странахъ, подобно древней Россіи, богатыхъ только грубыми естественными произведеніями, а не монетою — въ странахъ, гдѣ первобытная дикость нравовъ уже смягчается навыками гражданскими; гдѣ новая внутренняя и внѣшняя торговля знакомитъ людей съ выгодами роскоши — деньги имѣютъ высокую цѣну, и лихоимство пользуется ихъ рѣдкостію.

Слѣдуютъ общія постановленія для улики и оправданія:

XXVIII. »Всякой уголовный доносъ »требуетъ свидѣтельства и присяги *»селми* человѣкъ[93]; но Варягъ и чужестра»нецъ обязывается представить только »двухъ. Когда дѣло идетъ единственно »о побояхъ легкихъ, то нужны вообще »два свидѣтеля; но чужестранца ни»когда не льзя обвинить безъ семи.« »И такъ древніе наши законы особенно

Улики, оправданія.

покровительствовали иноземцевъ.

XXIX. »Свидѣтели должны быть все»гда граждане свободные; только по нуж»дѣ и въ маломъ искѣ дозволено сослать»ся на Тіуна *Боярскаго* или закабаленнаго »слугу.« (Слѣдственно Боярскіе Тіуны не были свободные люди, хотя жизнь ихъ, какъ означено въ первой статьѣ, цѣнилась равно съ жизнію вольныхъ гражданъ). — »Но истецъ можетъ воспользо»ваться свидѣтельствомъ раба, и требо»вать, чтобы отвѣтчикъ оправдался »*испытаніемъ желѣза*. Если послѣдній о»кажется виновнымъ, то платитъ искъ; »если оправдается, то истецъ даетъ ему »за муку гривну и въ Казну 40 кунъ, Меч»нику 5 кунъ, Княжескому Отроку пол»гривны (что называется *желѣзною пош»линою*). Когда же отвѣтчикъ вызванъ »на сіе испытаніе по неясному свидѣ»тельству людей свободныхъ, то, оправ»давъ себя, не беретъ ничего съ истца, »который платитъ единственно пошли»ну въ Казну. — Не имѣя никакихъ сви»дѣтелей, самъ истецъ доказываетъ пра»воспѣ свою *желѣзомъ*: чѣмъ рѣшатся »всякія тяжбы въ убійствѣ, воровствѣ »и поклепѣ, ежели искъ стоитъ полу»гривны золота; а ежели менѣе, то ис-

Испытаніе желѣзомъ и водою.

»пыпывать *водою*; въ двухъ же гривнахъ »и менѣе доспаточна одна испцева при»сяга[94].«

Законы суть дополненія лѣтописей: безъ Ярославовой *Правды* мы не знали бы, что древніе Россіяне, подобно другимъ народамъ, употребляли желѣзо и воду для изобличенія преступниковъ: обыкновеніе безразсудное и жестокое, славное въ Исторіи среднихъ вѣковъ подъ именемъ *суда Небеснаго*[95]. Обвиняемый бралъ въ голую руку желѣзо раскаленное или вынималъ ею кольцо изъ кипятка; послѣ чего судьямъ надлежало обвязать и запечатать оную. Ежели черезъ три дни не оставалось язвы или знака на ея кожѣ, то невинность была доказана. Умъ здравый и самая Вѣра истинная долго не могли истребить сего успѣха языческихъ временъ, и Христіанскіе Пастыри торжественно освящали желѣзо и воду для испытанія добродѣтели или злодѣйства, не только простыхъ гражданъ, но и самыхъ Государей въ случаѣ клеветы или важнаго подозрѣнія. Народъ думалъ, что Богу легко сдѣлать чудо для спасенія невиннаго; но хитрость судей пристрастныхъ могла обманывать зрителей и спасать виновныхъ.

Древнѣйшіе законы всѣхъ народовъ были уголовные[96]; но Ярославовы опредѣляютъ и важныя права наслѣдственности.

XXX. »Когда простолюдинъ умретъ »безъ дѣтей, то все его имѣніе взять въ »Казну; буде оставались дочери незамужнія, то имъ дать нѣкоторую часть отца»го. Но Князь не можетъ наслѣдовать »послѣ Бояръ и мужей, составляющихъ »воинскую дружину[97]: если они не имѣ»ютъ сыновей, то наслѣдуютъ дочери.« Но когда не было и послѣднихъ? родственники ли брали имѣніе или Князь?.... Здѣсь видимъ законное, важное преимущество чиновниковъ воинскихъ. Право наслѣдственное.

XXXI. »Завѣщаніе умершаго исполняет»ся въ точности. Буде онъ не изъявилъ »воли своей, въ такомъ случаѣ отдать »все дѣтямъ, а часть въ церковь для спа»сенія его души. Дворъ отцевскій всегда »безъ раздѣла принадлежитъ меньшему »сыну« — какъ юнѣйшему и менѣе другихъ способному наживать доходъ.

XXXII. »Вдова береть, что назна»чилъ ей мужъ: впрочемъ она не есть »наслѣдница. — Дѣти первой жены наслѣ»дуютъ ея достояніе или вѣно, назначен»ное отцемъ для ихъ матери. — Сестра

»ничего не имѣетъ, кромѣ добровольнаго »приданаго отъ своихъ братьевъ.«

XXXIII. »Если жена, давъ слово »остаться вдовою, проживетъ имѣніе и вы»детъ за мужъ, то обязана возвратить »дѣтямъ все прожитое. Но дѣти не мо»гутъ согнать вдовствующей матери со »двора, или отнять, что отдано ей су»пругомъ. Она властна избрать себѣ одно»го наслѣдника изъ дѣтей, или дать всѣмъ »равную часть. Ежели мать умретъ *безъ »языка*, или безъ завѣщанія, то сынъ или »дочь, у коихъ она жила, наслѣдуютъ все »ея достояніе.«

XXXIV. »Если будутъ дѣти разныхъ »отцевъ, но одной матери, то каждый »сынъ беретъ отцевское. Если второй »мужъ расхитилъ имѣніе перваго, и самъ »умеръ, то дѣти его возвращаютъ оное »дѣтямъ перваго, согласно съ показаніемъ »свидѣтелей.«

XXXV. »Если братья станутъ тя»гаться о наслѣдіи предъ Княземъ, то »Отрокъ Княжескій, посланный для ихъ »раздѣла, получаетъ гривну за трудъ.«

XXXVI. »Ежели останутся дѣти ма»лолѣтныя, а мать выдетъ за-мужъ, то »отдать ихъ при свидѣтеляхъ на руки »ближнему родственнику, съ имѣніемъ и

»съ домомъ; а что сей опекунъ присово»купитъ къ оному, то возметъ себѣ за »трудъ и попеченіе о малолѣтныхъ; но »приплодъ отъ рабовъ и скота остается »дѣтямъ. — За все утраченное платитъ »опекунъ, коимъ можетъ быть и самъ »вотчимъ.«

XXXVII. »Дѣти, прижитыя съ рабою, »не участвуютъ въ наслѣдіи, но полу»чаютъ свободу и съ матерью.«

Судіи. Главою правосудія вообще былъ Князь, а Дворъ Княжескій обыкновеннымъ мѣстомъ суда[98]. Но Государь поручалъ сію власть Тіунамъ и своимъ Отрокамъ. — Чиновники, которымъ надлежало рѣшить уголовныя дѣла, назывались *Вирникали*, и каждый судья имѣлъ помощника или Отрока, *Мытелыника* или писца. Они брали запасъ отъ гражданъ и пошлину съ каждаго дѣла[99]. — Вирнику и писцу его, для объѣзда волости, давали лошадей.

Присяжные. Въ одномъ изъ Новогородскихъ списковъ Ярославовой *Правды* сказано, что истецъ во всякой тяжбѣ долженъ искать съ отвѣтчикомъ *на изводъ передъ 12 гражданъ* — можетъ быть, Присяжныхъ, которые разбирали обстоятельства дѣла по совѣсти, оставляя судьѣ опредѣлить наказаніе и взыскивать пеню. Такъ было

и въ Скандинавіи, отнуда сей мудрый уставъ перешелъ въ Великобританію [100]. Англичане наблюдаютъ его донынѣ въ дѣлахъ уголовныхъ. Саксонъ Граммашикъ повѣствуетъ, что въ VIII вѣкѣ Рагнаръ Лодброкъ, Король Датскій, первый учредилъ думу двѣнадцати Присяжныхъ.

Такимъ образомъ уставъ Ярославовъ содержитъ въ себѣ полную систему нашего древняго законодательства, сообразную съ тогдашними нравами. Въ немъ не упоминается о нѣкоторыхъ возможныхъ злодѣяніяхъ, на примѣръ: о смертной отравѣ (какъ въ XII Дскахъ Рима), о насиліи женщинъ (и проч.): для того ли, что первое было необыкновенно въ Россіи, а второе казалось Законодателю сомнительнымъ и неяснымъ въ доказательствахъ? Не упоминаются также о многихъ условіяхъ и сдѣлкахъ, весьма обыкновенныхъ въ самомъ началѣ гражданскихъ обществъ; но взаимная польза быть вѣрнымъ въ словѣ и честь служили вмѣсто законовъ.

Общій характеръ законовъ.

Примѣтимъ, что древніе свободные Россіяне не терпѣли никакихъ *тѣлесныхъ* наказаній: виновный платилъ или жизнію, или вольностію, или деньгами — и скажемъ о сихъ законахъ то же, что Монтескьё говоритъ вообще о Германскихъ: они изъявляютъ какое-то удивительное простосердечіе; краткіи, грубы, но достойны людей твердыхъ и великодушныхъ, которые боялись рабства болѣе, нежели смерти [101].

Предложимъ еще одно замѣчаніе: Германцы, овладѣвъ Европою, не давали всѣхъ гражданскихъ правъ своихъ народамъ покореннымъ: такъ, по уставу Салическому, за убіеніе Франка надлежало платить 200 *су*, и вдвое менѣе за убіеніе Римлянина [102]. Но законы Ярославовы не полагаютъ никакого различія между Россіянами Варяжскаго племени и Славянами: симъ обстоятельствомъ можно утвердить вѣроятность Несторова сказанія, что Князья Варяжскіе *не завоевали* нашего отечества, но были избраны Славянами управлять Государствомъ.

Уставъ о мостовыхъ.

Ярославу же приписываютъ древній уставъ Новогородскій *о мостовыхъ*, по коему знаемъ, что сей городъ, тогда уже весьма обширный, раздѣлялся на Части или Концы (Словенскій, Неревскій, Горничьскій, Людинъ, Плотинскій), а жители на *Сотни*, означаемыя именами ихъ Старѣйшинъ; что одна улица называлась *Добрыниною* (въ память сего знаменита-

го Воеводы и дяду Владимірова), а главный рядъ *Великимъ* рядомъ; что Нѣмцы или Варяги, Готы или Гопландцы, привлеченные въ Новгородъ торговлею, жили въ особенныхъ улицахъ, и проч. — Но такъ называемый Церковный Уставъ Ярославовъ, о коемъ упоминаютъ новѣйшіе Лѣтописцы, и коего имѣемъ разные списки, есть безъ сомнѣнія подложный, сочиненный около XIV столѣтія. Подобно мнимому Владимірову, онъ даетъ Епископамъ исключительное право судить оскорбленіе женскаго цѣломудрія, всякія обиды, дѣлаемыя слабому полу, разводъ, кровосмѣшеніе, ссоры дѣтей съ родителями, зажигательство, воровство, драки и проч. Сей Уставъ не согласенъ съ *Русскою Правдою*, и, кромѣ нелѣпостей, содержитъ въ себѣ выраженія и слова новѣйшихъ временъ; на примѣръ, опредѣляетъ пени *рублями*, еще неупотребительными въ денежномъ счетѣ временъ Ярославовыхъ [103].

Уставъ церковный.

ГЛАВА IV.

Великій Князь Изяславъ, названный въ крещеніи Димитріемъ.

Г. 1054 — 1077.

Удѣлы. Побѣды надъ Голядами и Торками. Половцы. Ужасныя чудеса. Освобожденіе Судислава. Междоусобія. Пораженіе Россіянъ на берегахъ Альты. Мятежъ въ Кіевѣ. Бѣгство Великаго Князя. Разбитіе Половцевъ. Кіевляне хотятъ бѣжать въ Грецію. Изяславъ возвращается съ Поляками. Кіевъ новая Капуя. Война съ Полоцкимъ Княземъ. Перенесеніе мощей Бориса и Глѣба. Новое бѣгство Великаго Князя. Изяславъ у Нѣмецкаго Императора. Посольство Генрика IV въ Кіевъ. Письмо Папы къ Изяславу. Россіяне въ Силезіи. Возвращеніе Изяслава. Междоусобіе. Смерть Великаго Князя. Свойства его. Уничтоженіе смертной казни. Монастырь Кіевопечерскій. Россіяне служатъ въ Греціи. Зависимость нашей Церкви отъ Греческой. Переписка съ Патріархами. Пророки и волшебники.

Древняя Россія погребла съ Ярославомъ свое могущество и благоденствіе. Основанная, возвеличенная Единовластіемъ, она упрочила силу, блескъ и гражданское счастіе, будучи снова раздробленною на малыя области. Владиміръ испра-

вилъ ошибку Святослава, Ярославъ Владимірову: наслѣдники ихъ не могли воспользоваться симъ примѣромъ, не умѣли соединить частей въ цѣлое, и Государство, шагнувъ, такъ сказать, въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ. Историкъ чужеземный не могъ бы съ удовольствіемъ писать о сихъ временахъ, скудныхъ дѣлами славы и богатыхъ ничтожными распрями многочисленныхъ Властителей, коихъ тѣни, обагренныя кровію бѣдныхъ подданныхъ, мелькаютъ предъ его глазами въ сумракѣ вѣковъ отдаленныхъ. Но Россія намъ отечество: ея судьба и въ славѣ и въ уничиженіи равно для насъ достопамятна. Мы хотимъ обозрѣть весь путь Государства Россійскаго отъ начала до нынѣшней степени онаго. Увидимъ толпу Князей недостойныхъ и слабыхъ; но среди ихъ увидимъ и Героевъ добродѣтели, сильныхъ мышцею и душею. Въ темной картинѣ междоусобія, неустройствъ, бѣдствій, являются также яркія черты ума народнаго, свойства, нравовъ, драгоцѣнныя своею древностію. Однимъ словомъ, Исторія предковъ всегда любопытна для того, кто достоинъ имѣть отечество.

Дѣти Ярославовы, исполняя его завѣщаніе, раздѣлили по себѣ Государство. Область Изяславова, сверхъ Новагорода, простиралась отъ Кіева на Югъ и Западъ до горъ Карпатскихъ, Польши и Литвы. Князь Черниговскій взялъ еще отдаленный Тмуторокань, Рязань, Муромъ и страну Вятичей; Всеволодъ, кромѣ Переяславля, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро и *Поволожье*, или берега Волги. Смоленская область заключала въ себѣ нынѣшнюю Губернію сего имени съ нѣкоторою частію Витебской, Псковской, Калужской и Московской[104]. Пятый сынъ Ярославовъ, Игорь, получилъ отъ старшаго брата, въ *частный* Удѣлъ, городъ Владиміръ. Князь Полоцкій, внукъ славной Рогнѣды, Брячиславъ, умеръ еще въ 1044 году: сынъ его, Всеславъ, наслѣдовалъ Удѣлъ отца — и Россія имѣла тогда шесть юныхъ Государей.

Г. 1054 — 60. Удѣлы.

Счастливая внутренняя тишина царствовала около десяти лѣтъ: Россіяне вооружались только противъ внѣшнихъ непріятелей. Изяславъ побѣдилъ Голядовъ, жителей, какъ вѣроятно, Прусской *Галиндіи*, народъ Латышскій [105]; а Всеволодъ Торковъ, восточныхъ сосѣдовъ Переяславской области, которые, услышавъ,

Побѣда надъ Голядами и Торками.

что и Великій Князь, вмѣстѣ съ Черниговскимъ и Полоцкимъ, идетъ на нихъ сухимъ путемъ и водою, удалились отъ предѣловъ Россіи: жестокая зима, голодъ и моръ истребили большую часть сего народа. — Но отечество наше, избавленное отъ Торковъ, съ ужасомъ видѣло приближеніе иныхъ варваровъ, доколѣ неизвѣстныхъ въ Исторіи міра.

Половцы. Еще въ 1055 году Половцы, или Команы, входили въ область Переяславскую: тогда Князь ихъ, Болушь, заключилъ миръ со Всеволодомъ. Сей народъ кочующій, единоплеменный съ Печенѣгами и, вѣроятно, съ нынѣшними Киргизами, обиталъ въ степяхъ Азіатскихъ, близъ моря Каспійскаго; вытѣснилъ Узовъ (именуемыхъ, какъ вѣроятно, Торками въ нашей лѣтописи); принудилъ многихъ изъ нихъ бѣжать къ Дунаю (гдѣ они частію погибли отъ язвы, частію поддалися Грекамъ); изгналъ, кажется, Печенѣговъ изъ нынѣшней юго-восточной Россіи, и занялъ берега Чернаго моря до Молдавіи, ужасая всѣ Государства сосѣдственныя: Греческую Имперію, Венгрію и другія.— О нравахъ сего народа говорятъ Лѣтописцы съ омерзѣніемъ: грабежъ и кровопролитіе служили ему забавою, шатры всегдаш-

нимъ жилищемъ, кобылье молоко, сырое мясо, кровь живопныхъ и сперво обыкновенною пищею. — Миръ съ такими варварами могъ быть только опаснымъ перемиріемъ, и въ 1061 году Половцы, не имѣя терпѣнія дождаться лѣта, съ Княземъ своимъ Сѣкаломъ зимою ворвались въ области Россійскія, побѣдили Всеволода и съ добычею возвратились къ Дону[106]. Г. 1061.

Съ сего времени начинаются бѣдствія Россіи, и Лѣтописецъ сказываетъ, что Небо предвѣстило ихъ многими ужасными чудесами; что рѣка Волховъ шла вверхъ пять дней; что кровавая звѣзда цѣлую недѣлю являлась на Западѣ, солнце утратило свое обыкновенное сіяніе и восходило безъ лучей, подобно мѣсяцу; что рыболовы Кіевскіе извлекли въ неводѣ какого-то удивительнаго мертваго урода, брошеннаго въ Днѣпръ. Сіи сказки достойны пѣкотораго замѣчанія, изъявляя страшное впечатлѣніе, оставленное въ умѣ современниковъ тогдашними несчастіями Государства. »Небо правосудно!« говоритъ Несторъ: »оно наказываетъ »Россіянъ за ихъ беззаконія. Мы именуем»ся Христіанами, а живемъ какъ язычники; »храмы пусты, а на игрищахъ толпятся »люди; въ храмахъ безмолвіе, а въ домахъ Г. 1061—64. Ужасныя чудеса.

»трубы, гусли и скоморохи.« — Сія укоризна безъ сомнѣнія не исправила современниковъ, но осталась для потомства любопытнымъ извѣстіемъ о тогдашнихъ нравахъ.

Дѣти Ярославовы еще не нарушали завѣщанія родительскаго и жили дружно. Изяславъ считалъ себя болѣе равнымъ, нежели Государемъ братьевъ своихъ: такъ они, по смерти Вячеслава въ 1057 году, съ *общаго согласія* отдали Смоленскъ Игорю (чрезъ два года потомъ умершему), и вспомнивъ о заточенномъ дядѣ, Судиславѣ, возвратили ему свободу. Сей несчастный сынъ Великаго Владиміра, двадцать четыре года сидѣвъ въ темницѣ, клятвенно отказался отъ всякихъ требованій властолюбія, даже отъ самаго свѣта, постригся и кончилъ жизнь въ Кіевскомъ монастырѣ Св. Георгія [107].

Освобожденіе Судислава.

Первымъ поводомъ къ междоусобію было отдаленное Княжество Тмутороканское. Владиміръ Ярославичь оставилъ сына, Ростислава, который, не имѣя никакого Удѣла, жилъ праздно въ Новѣгородѣ. Будучи отваженъ и славолюбивъ, онъ подговорилъ съ собою нѣкоторыхъ молодыхъ людей; вмѣстѣ съ Вышатою, сыномъ Новогородскаго Изя-

Междоусобія.

славова Посадника, Остромира, ушелъ въ Тмутороканъ и выгналъ юнаго Князя, Глѣба Святославича, который управлялъ сею Азовскою областію. Святославъ спѣшилъ туда съ войскомъ: племянникъ его, уважая дядю, отдалъ ему городъ безъ сопротивленія; но когда Черниговскій Князь удалился, Ростиславъ снова овладѣлъ Тмутороканемъ. Скоро народы горскіе, Касоги и другіе, должны были признать себя данниками юнаго Героя, такъ, что его славолюбіе и счастіе устрашили Грековъ, которые господствовали въ Тавридѣ: они подослали къ сему Князю своего знатнаго чиновника, Катапана или Префекта, умѣвшаго вкрасться къ нему въ довѣренность; и въ то время, какъ Ростиславъ, угощая мнимаго друга, пилъ съ нимъ вино, Катапанъ, имѣя подъ ногтемъ скрытый ядъ, впустилъ его въ чашу, отправилъ Князя, уѣхалъ въ Херсонъ, и торжественно объявилъ жителямъ, что завоеватель Тмутороканскій умретъ въ седьмый день. Предсказаніе исполнилось; но Херсонцы, гнушаясь такимъ коварствомъ, убили сего злодѣя камнями [108]. — Безвременная кончина мужественнаго Ростислава, отца трехъ сыновей, была въ тогдашнихъ обстоя-

Г. 1064.

Г. 1066, Фев. 5.

пельствахъ несчастіемъ для Россіи: онъ могъ бы лучше другихъ защитить отечество и сохранить по крайней мѣрѣ воинскую его славу. Несторъ описываетъ сего юношу, прекраснаго и благовиднаго, не только храбрымъ въ битвахъ, но и добрымъ, чувствительнымъ, великодушнымъ.

Святославъ не могъ вторично смирить племянника своего, Ростислава, для того, что въ Государствѣ явился новый непріятель: Князь Полоцкій[109]. Сей правнукъ Рогнѣдинъ ненавидѣлъ дѣтей Ярославовыхъ, и считалъ себя законнымъ наслѣдникомъ престола Великокняжескаго: ибо дѣдъ его, Изяславъ, былъ старшимъ сыномъ Св. Владиміра. Современный Лѣтописецъ называетъ Всеслава злымъ и кровожаднымъ, суевѣрно приписывая сію жестокость какой-то волшебной повязкѣ, носимой симъ Княземъ для закрытія природной на головѣ язвины. Всеслав, безъ успѣха осаждавъ Псковъ, неожидаемо завоевалъ Новгородъ; плѣнилъ многихъ жителей; не пощадилъ и святыни церквей, ограбивъ Софійскую. Оскорбленные такою наглостію, Ярославичи соединили силы свои, и не смотря на жестокую
Г. 1067. зиму, осадили Минскъ въ Княжествѣ Полоцкомъ; взяли его, умертвили гражданъ,

а жёнъ и дѣтей отдали въ плѣнъ воинамъ. Всеславъ сошелся съ непріятелями на берегахъ Нѣмена, покрытыхъ глубокимъ снѣгомъ. Множество Россіянъ съ обѣихъ сторонъ легло на мѣстѣ. Великій Князь побѣдилъ; но еще спрашась племянника, вступилъ съ нимъ въ мирные 5. Марта. переговоры, и звалъ его къ себѣ. Всеславъ, повѣривъ клятвѣ Ярославичей, что они не сдѣлаютъ ему никакого зла, переѣхалъ 10 Іюня. Днѣпръ на лодкѣ, близъ Смоленска. Великій Князь встрѣтилъ его, ввелъ въ шатеръ свой и отдалъ въ руки воинамъ: несчастнаго взяли вмѣстѣ съ двумя сыновьями, отвезли въ Кіевъ и заключили въ темницу.

Провидѣніе наказало вѣроломныхъ: нами, гдѣ отецъ ихъ одержалъ славную побѣду надъ Святополкомъ и Печенѣгами, на берегахъ Алыты, чрезъ нѣсколько Г. 1068. мѣсяцевъ Изяславъ и братья его въ ночномъ сраженіи были на голову разбиты Пораженіе Россіянъ. свирѣпыми Половцами [110]. Великій Князь и Всеволодъ ушли въ Кіевъ, а Святославъ въ Черниговъ. Воины первыя, стыдясь своего бѣгства, требовали Вѣча; собрались на торговой площади, въ Кіевскомъ Подолѣ, и прислали сказать Изяславу, чтобы онъ далъ имъ оружіе и коней для вторичной битвы съ Половцами. Великій

Князь, оскорбленный симъ своевольствомъ, не хотѣлъ исполнить ихъ желанія. Сдѣлался мятежъ, и недовольные, обвиняя во всемъ главнаго Воеводу Изяславова, именемъ Коснячка, окружили домъ его. Воевода скрылся. Мятежники раздѣлились на двѣ толпы: одни пошли отворить городскую темницу, другіе на дворъ Княжескій. Изяславъ, сидя съ дружиною въ сѣняхъ, смотрѣлъ въ окно, слушалъ укоризны народа, и думалъ усмирить бунтъ словами. Бояре говорили ему, что надобно послать стражу къ заточенному Всеславу; наконецъ, видя остервенѣніе черни, совѣтовали Великому Князю тайно умертвить его. Но Изяславъ не могъ ни на что рѣшиться, и бунтовщики дѣйствительно освободили Полоцкаго Князя: тогда оба Ярославича въ ужасѣ бѣжали изъ столицы, а народъ объявилъ Всеслава Государемъ своимъ и разграбилъ домъ Княжескій, похитивъ великое множество золота, серебра, куницъ и бѣлокъ.

Мятежъ въ Кіевѣ.

Бѣгство Великаго Князя.

Изяславъ удалился въ Польшу; но его братья спокойно княжили въ своихъ Удѣлахъ, а племянникъ Глѣбъ въ области Воспорской, будучи снова призванъ ея жителями [111]. Князь Черниговскій имѣлъ случай отмстить Половцамъ, которые

жгли и грабили въ его области. Предводительствуя малочисленною конною дружиною, онъ вступилъ съ ними въ битву: 3000 Россіянъ, ободренныхъ примѣромъ и словами Князя, стремительно ударили на 12,000 Половцевъ, смяли ихъ и плѣнили Вождя непріятельскаго; множество варваровъ утонуло въ рѣкѣ Сновѣ. Черниговцы вспомнили великодушную храбрость отцевъ своихъ, пріученныхъ къ побѣдѣ Мстиславомъ, знаменитымъ сыномъ Владиміра Великаго.

Разбитіе Половцевъ.

Король Польскій, Болеславъ II, сынъ Маріи, Владиміровой дочери, и супругъ неизвѣстной намъ Княжны Россійской [112], принявъ Изяслава со всѣми знаками искренняго дружелюбія, какъ Государя несчастнаго и ближняго родственника, охотно согласился быть ему помощникомъ. Всеславъ допустилъ его до самаго Бѣлагорода; наконецъ выступилъ съ войскомъ изъ Кіева: но устрашенный силою Поляковъ, и, можетъ быть, не вѣря усердію своихъ новыхъ подданныхъ, ночью ушелъ изъ стана въ Полоцкъ. Россіяне, свѣдавъ о бѣгствѣ его, съ ужасомъ возвратились въ Кіевъ. Всѣ граждане собрались на Вѣче, и немедленно отправили Пословъ къ Святославу и Всеволоду, объявить имъ, что

Г. 1069.

Кіевляне, изгнавъ Государя законнаго, признаютъ вину свою; но какъ Изяславъ ведетъ съ собою враговъ иноплеменныхъ, коихъ жестокость еще памятна Россіянамъ, то граждане не могутъ впустить его въ столицу, и прибѣгаютъ въ сей крайности къ великодушію достойныхъ сыновъ Ярослава и отечества. »Врата »Кіева для васъ отверсты,« говорили Послы: »идите спасти градъ великаго отца своего; а ежели не исполните нашего моленія, то мы, обративъ въ »пепелъ столицу Россіи, съ женами и »дѣтьми уйдемъ въ землю Греческую.« Святославъ обѣщалъ за нихъ вступиться, но требовалъ, чтобы они изъявили покорность Изяславу. »Когда братъ мой«— сказалъ Черниговскій Князь — »войдетъ »въ городъ мирно, и съ малочисленною »дружиною, то вамъ нечего страшиться»ся. Когда же онъ захочетъ предать »Кіевъ въ жертву Ляхамъ, то мы готовы мечемъ отразить Изяслава, какъ непріятеля.« Въ то же самое время Святославъ и Всеволодъ извѣстили брата о раскаяніи Кіевлянъ, совѣтуя, чтобы онъ удалилъ Поляковъ, шелъ въ столицу и забылъ мщеніе, если не хочетъ быть врагомъ Россіи и братьевъ. Великій Князь,

Кіевляне хотятъ бѣжать въ Грецію.

давъ слово быть милосердымъ, послалъ въ Кіевъ сына своего, Мстислава, который, въ противность торжественному договору, началъ какъ звѣрь свирѣпствовать въ столицѣ: умертвилъ 70 человѣкъ, освободившихъ Всеслава; другихъ ослѣпилъ, и жестоко наказалъ множество невинныхъ, безъ суда, безъ всякаго изслѣдованія. Граждане не смѣли жаловаться, и съ покорностію встрѣтили Изяслава, въѣхавшаго въ столицу съ Болеславомъ и съ малымъ числомъ Поляковъ.

Изяславъ возвращается съ Поляками.

2 Мая.

Историки Польскіе говорятъ, что Великій Князь, обязанный Королю счастливою перемѣною судьбы своей, взялся содержать его войско, давалъ ему съѣстные припасы, одежду и жалованье; что Болеславъ, плѣненный красотою мѣста, роскошными пріятностями Кіева и любезностію Россіянокъ, едва могъ выйти изъ сей новой Капуи; что онъ, на возвратномъ пути, въ Червенской области или Галиціи, осаждалъ Перемышль, который, будучи весьма укрѣпленъ искусствомъ, каменными стѣнами и башнями, долгое время оборонялся [113]. Ежели сіе обстоятельство справедливо, то Болеславъ вышелъ изъ Россіи непріятелемъ: что же могло вооружить его противъ Вели-

Кіевъ новая Капуя

каго Князя? Сказаніе Нестора служитъ объясненіемъ: Россіяне, ненавидя Поляковъ, тайно убивали ихъ, и Король, устрашенный сею народною местію, подобно его знаменитому прадѣду, Болеславу I, спѣшилъ оставить наше отечество.

Изяславъ, черезъ семь мѣсяцевъ снова Государь Кіевскій, не забылъ, что бѣдственный для него мятежъ сдѣлался на торговой площади: сіе мѣсто, отдаленное отъ дворца, казалось ему опаснымъ, и для того онъ перевелъ торгъ изъ Подола въ верхнюю часть города: осторожность малодушная и безполезная! Едва учредивъ порядокъ въ столицѣ, Великій Князь спѣшилъ отмстить Всеславу, и жаркимъ приступомъ взявъ Полоцкъ, отдалъ сей важный городъ въ Удѣлъ Мстиславу: по внезапной же его кончинѣ Святополку, другому своему сыну. Но въ то самое время бодрый Всеславъ съ сильнымъ войскомъ явился подъ стѣнами Новагорода, гдѣ начальствовалъ юный Глѣбъ Святославичь, переведенный туда отцемъ изъ Тмутороканя. Ненавидя Полоцкаго Князя, Новогородцы сразились отчаянно, разбили его, и могли бы взять въ плѣнъ, но великодушно дали ему спастися бѣгствомъ [115]. — Сія война кончилась ничѣмъ:

Война съ Полоцкимъ Княземъ.

Окт. 23.

ибо дѣятельный Всеславъ умѣлъ снова овладѣть своею наслѣдственною областію, и хотя былъ еще побѣжденъ Ярополкомъ, Г. 1071.
первымъ сыномъ Великаго Князя, однакожъ удержалъ за собою Полоцкъ. — Между тѣмъ бѣдное отечество стенало отъ внѣшнихъ непріятелей; требовало защитниковъ, и не находило ихъ: Половцы свободно грабили на берегахъ Десны.

Союзъ Ярославичей казался неразрывнымъ. Изяславъ, соорудивъ новую церковь въ Вышегородѣ, управляемомъ тогда Вельможею Чудинымъ, вздумалъ поставить въ ней гробы Бориса и Глѣба, и призвалъ своихъ братьевъ на сіе торжество [115]. Оно совершилось въ присутствіи знаменитѣйшаго Духовенства, Бояръ и народа, 2 Маія, день, въ который Великій Князь, за три года предъ тѣмъ, вступилъ съ Болеславомъ въ Кіевъ. Сами Ярославичи несли раку Борисову, и Митрополитъ Георгій призналъ святость Россійскихъ Мучениковъ, къ удовольствію Государя и народа. Духовное празднество заключилось веселымъ пиромъ: три Князя обѣдали за однимъ столомъ, вмѣстѣ съ своими Боярами, и разъѣхались друзьями.

Перенесеніе мощей Бориса и Глѣба.

Сія дружба скоро обратилась въ зло-

бу. Святославъ, желая большей власти, увѣрилъ Всеволода, что старшій братъ тайно сговаривается противъ нихъ съ Княземъ Полоцкимъ. Они вооружились, и несчастный Изяславъ вторично бѣжалъ въ Польшу, надѣясь, что великія сокровища, увезенныя имъ изъ Кіева, доставятъ ему сильныхъ помощниковъ въ возвращеніи Государства. Но Болеславъ уже не хотѣлъ искать новыхъ опасностей въ Россіи: взялъ его сокровища, и (по словамъ Лѣтописца) *указалъ ему путь отъ себя.* Гонимый изгнанникъ отправился къ Нѣмецкому Императору, Генрику IV; былъ ему представленъ въ Маинцѣ Саксонскимъ Маркграфомъ Деди; поднесъ въ даръ множество серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ, также мѣховъ драгоцѣнныхъ, и требовалъ его заступленія, обѣщая, какъ говорятъ Нѣмецкіе Лѣтописцы, признать себя данникомъ Имперіи. Юный и храбрый Генрикъ, готовимый судьбою къ бѣдствіямъ гораздо ужаснѣйшимъ Изяславовыхъ, не отказался быть защитникомъ угнетеннаго. Окруженный въ собственномъ Государствѣ измѣнниками и непріятелями, онъ послалъ въ Кіевъ Бурхарда, Трирскаго духовнаго Чиновника, брата Оды, шурина Вячеславова, какъ вѣроятно, и велѣлъ объявить Князьямъ Россійскимъ, чтобы они возвратили Изяславу законную власть, или, не смотря на отдаленность, мужественное войско Нѣмецкое смиритъ хищниковъ[116]. Въ Кіевѣ господствовалъ тогда Святославъ, придавъ, можетъ быть, Всеволоду нѣкоторые изъ южныхъ городовъ: онъ дружелюбно угостилъ Пословъ Императорскихъ, и старался увѣрить ихъ въ своей справедливости. Нестоpъ пишетъ, что сей Князь, подобно Іудейскому Царю Езекіи, величался предъ Нѣмцами богатствомъ казны своей, и что они, видя множество золота, серебра, драгоцѣнныхъ паволокъ, благоразумно сказали: *Государь! мертвое богатство есть ничто въ сравненіи съ мужествомъ и великодушіемъ.* »Слѣдствіе »доказало истину ихъ словъ,« прибавляетъ Нестоpъ; »по смерти Святослава »исчезли *какъ прахъ* всѣ его сокровища.« — Бурхардъ возвратился къ Императору съ дарами, которые удивили Германію. »Никогда« — говоритъ современный Нѣмецкій Лѣтописецъ[117]. — »не видали мы столько золота, серебра и богатыхъ тканей.« Генрикъ, обезоруженный щедростію Святослава, и не имѣя впрочемъ никакого способа воевать съ Россіянами,

Г. 1073. Новое бѣгство Велик. Князя.

Г. 1075. Изяславъ у Нѣмец. Императора.

Посольство Генрика IV въ Кіевъ.

утѣшилъ изгнанника однимъ безполезнымъ сожалѣніемъ.

Письмо Папы къ Изяславу.

Изяславъ обратился къ Папѣ, славному въ Исторіи Григорію VII, хотѣвшему быть Главою всеобщей Монархіи или Царемъ Царей, и послалъ въ Римъ сына своего. Жертвуя властолюбію и православіемъ Восточной Церкви и достоинствомъ Государя независимаго, онъ признавалъ не только духовную, но и мірскую власть Папы надъ Россіею; требовалъ его защиты и жаловался ему на Короля Польскаго. Григорій отправилъ Пословъ къ Великому Князю и къ Болеславу, написавъ къ первому слѣдующее:

»Григорій Епископъ, слуга слугъ Бо»жіихъ, Димитрію, Князю Россіянъ (Regi »Russorum), и Княгинѣ, супругѣ его, же»лаетъ здравія и посылаетъ Апостоль»ское благословеніе.

»Сынъ вашъ, посѣтивъ святыя мѣ»ста Рима, смиренно молилъ насъ, что»бы мы властію Св. Петра утвердили »его на Княженіи, и далъ присягу быть »вѣрнымъ Главѣ Апостоловъ. Мы испол»нили сію благую волю — согласную съ »вашею, какъ онъ свидѣтельствуетъ — »поручили ему кормило Государства Рос»сійскаго именемъ Верховнаго Апостола,

»съ тѣмъ намѣреніемъ и желаніемъ, что»бы Св. Петръ сохранилъ ваше здравіе, »княженіе и благое достояніе до конча»нія живота, и сдѣлалъ васъ нѣкогда сопри»частниками славы вѣчныя. Желая также »изъявить готовность къ дальнѣйшимъ »услугамъ, довѣряемъ симъ Посламъ — изъ »коихъ *одинъ валъ* извѣстенъ *и другъ вѣр*»*ный*[118] — изустно переговорить съ вами »о всемъ, что есть и чего нѣтъ въ пись»мѣ. Пріимите ихъ съ любовію, какъ По»словъ Св Петра; благосклонно выслу»шайте и несомнѣнно вѣрьте тому, что »они предложатъ вамъ отъ имени наше»го — и проч. Всемогущій Богъ да озаритъ »сердца ваши и да преведетъ васъ отъ »благъ временныхъ ко славѣ вѣчной. Пи»сано въ Римѣ, 15 Маія, Индикта XIII,« (то есть, 1075 году).

Такимъ образомъ Изяславъ, самъ не имѣя тогда власти надъ Россіею, далъ поводъ надменному Григорію причислить сію Державу комнимымъ владѣніямъ Св. Петра, зависящимъ отъ мнимаго Апостольскаго Намѣстника!... Въ письмѣ къ Болеславу говоритъ Папа: »Беззаконно присвоивъ »себѣ казну Государя Россійскаго, ты на»рушилъ добродѣтель Христіанскую. Молю »и заклинаю тебя именемъ Божіимъ от-

»дашь ему все взятое тобою или тво»ими людьми: ибо хищники не внидутъ »въ Царствіе Небесное, ежели не возвра»тятъ похищеннаго.«

Заступленіе гордаго Папы едва ли имѣло какое нибудь дѣйствіе, и въ слѣдующемъ году юные Князья Россійскіе, Владиміръ Мономахъ и Олегъ — первый Всеволодовъ, а вторый Святославовъ сынъ — заключивъ союзъ съ Поляками, ходили съ войскомъ въ Силезію, помогать Болеславу противъ Герцога Богемскаго[118]. Но скоро обстоятельства, къ счастію Изяславову, перемѣнились. Главный врагъ его, Святославъ, умеръ, отъ разрѣзанія какой-то запвердѣлости или опухоли. Тогда изгнанникъ ободрился: собралъ нѣсколько тысячь Поляковъ и вступилъ въ Россію. Добродушный Всеволодъ встрѣтилъ его въ Волыніи и, вмѣсто битвы, предложилъ ему миръ. Братья клялися, забывъ прошедшее, умереть друзьями, и старшій въѣхалъ въ Кіевъ Государемъ, уступивъ меньшему Княженіе Черниговское, а сыну его, Владимиру, Смоленскъ[119].

Опасаясь честолюбія безпокойныхъ племянниковъ и замысловъ давнишняго врага своего, Всеслава, они хотѣли удалить первыхъ отъ всякаго участія въ

Г. 1076. Россіяне въ Силезіи.

Дек. 27.

Г. 1077. Іюля 5. Возвращеніе Изяслава.

Междоусобія.

правленіи и вторично изгнать послѣдняго. Романъ *Святославичь* княжилъ въ Воспорской области: сынъ *Вячеславовъ*, Борисъ, въ самое то время, когда Изяславъ и Всеволодъ заключали миръ на границѣ, овладѣлъ Черниговымъ; но предвидя, что дяди не оставятъ его въ покоѣ и накажутъ какъ хищника, чрезъ нѣсколько дней ушелъ въ Тмуторокань къ Роману. Князь Новогородскій, Глѣбъ, юноша прекрасный и добродушный, къ общему сожалѣнію погибъ тогда въ отдаленномъ Заволочьѣ: Изяславъ отдалъ его Княженіе Святополку, а другому сыну своему Ярополку, Вышегородъ. Олегъ Святославичь господствовалъ въ области Владимірской: онъ долженъ былъ, по волѣ дядей своихъ, выѣхать отсюда и жить праздно въ Черниговѣ. Князь Полоцкій довольствовался независимостію и наслѣдственнымъ Удѣломъ: Ярославичи объявили ему войну. Всеволодъ ходилъ къ его столицѣ, и ничего болѣе не сдѣлалъ. Въ слѣдующій годъ Владиміръ Мономахъ и Святополкъ выжгли только ея предмѣстіе; но Мономахъ возвратился къ отцу съ богатою добычею, далъ ему и печальному Олегу роскошный обѣдъ на *красномъ дворѣ* въ Черниговѣ, и поднесъ Всеволоду

Г. 1078.

въ даръ нѣсколько фунтовъ золота [120].

Сей Олегъ, рожденный властолюбивымъ, не могъ быть обольщенъ ласками дяди и брата; считалъ себя невольникомъ въ домѣ Всеволодовомъ; хотѣлъ свободы, господства; бѣжалъ въ Тмуторокань и рѣшился, вмѣстѣ съ Борисомъ Вячеславичемъ, искать счастія оружіемъ. Нанявъ Половцевъ, они вошли въ предѣлы Черниговскаго Княженія, и разбили Всеволода. Многіе знаменитые Бояре лишились шупъ жизни. Побѣдители взяли Черниговъ, и думали, что все Государство должно признать власть ихъ; а несчастный Всеволодъ ушелъ въ Кіевъ, гдѣ Изяславъ обнялъ его съ нѣжностію и сказалъ ему сіи достопамятныя слова: »Утѣшься, горестный братъ, и вспомни, »что было со мною въ жизни! Отвер»женный народомъ, всегда мнѣ любезнымъ; »лишенный престола и всего законнаго »достоянія, могъ ли я чѣмъ нибудь уко»рять себя? Вторично изгнанный братья»ми единокровными — и за что? свидѣ»тельствуюсь Богомъ въ моей невинно»сти — я скитался въ земляхъ чуждыхъ; »искалъ сожалѣнія иноплеменниковъ! По »крайней мѣрѣ ты имѣешь друга. Если »намъ княжить въ землѣ Русской, то

»обоимъ; если быть изгнаннымъ, то вмѣ»стѣ. Я положу за тебя свою голову.»... Онъ немедленно собралъ войско. Мужественный Владиміръ спѣшилъ также изъ Смоленска къ отцу своему, и едва могъ пробиться сквозь многочисленныя шолпы Половцевъ [121]. Великій Князь, Всеволодъ, Ярополкъ и Мономахъ соединенными силами обступили Черниговъ. Олегъ и Борисъ находились въ отсутствіи; но граждане хотѣли обороняться Владиміръ взялъ приступомъ внѣшнія укрѣпленія и стѣснилъ осажденныхъ внутри города. Узнавъ, что племянники идутъ съ войскомъ къ Чернигову, Изяславъ встрѣтилъ ихъ. Олегъ не надѣялся побѣдить четырехъ соединенныхъ Князей, и совѣтовалъ брату вступить въ мирные переговоры; но гордый Борисъ отвѣтствовалъ ему: »оспаньсся спокойнымъ зрителемъ моей битвы съ ними« — сразился близъ Чернигова, и заплатилъ жизнію за свое властолюбіе. Еще кровь лилась рѣкою. Изяславъ спѣшилъ среди нѣхоты: непріятельскій всадникъ ударилъ его копьемъ въ плечо. Великій Князь палъ мертвый на землю. Наконецъ Олегъ обратился въ бѣгство, и съ малымъ числомъ воиновъ ушелъ въ Тмуторокань. — Бояре привезли тѣло Изя- Смерт. Велик. Князя.

слава въ ладіи: на берегу жители Кіевскіе, знатные и бѣдные, свѣтскіе и духовные, ожидали его со слезами; вопль народный (какъ говоритъ Лѣтописецъ) заглушалъ священное пѣніе. Ярополкъ съ Княжескою дружиною шелъ за трупомъ, оплакивая несчастную судьбу и добродѣтели отца своего.—Положенное въ мраморную раку, тѣло Великаго Князя было предано землѣ въ храмѣ Богоматери, гдѣ стоялъ памятникъ Св. Владиміра.

Свойства Изяслава

Несторъ пишетъ, что Изяславъ, пріятный лицемъ и величественный станомъ, не менѣе украшался и тихимъ нравомъ, любилъ правду, ненавидѣлъ криводушіе; что онъ истинно простилъ мятежныхъ Кіевлянъ, и не имѣлъ ни малѣйшаго участія въ жестокостяхъ Мстиславовыхъ; помнилъ только любовь Всеволода, добровольно уступившаго ему Великое Княженіе, и забылъ вражду его; сказалъ, что охотно умретъ за брата, и, къ несчастію, сдержалъ слово.... Вѣримъ похвалѣ современника благоразумнаго, любившаго отечество и добродѣтель; но Изяславъ былъ столь же малодушенъ, сколь мягкосердеченъ: хотѣлъ престола, и не умѣлъ твердо сидѣть на ономъ. Своевольныя злодѣянія сына въ

Кіевѣ—ибо казнь безъ суда и нарушеніе слова есть всегда злодѣяніе — изъявляютъ, по крайней мѣрѣ, слабость отца, который въ то же самое время сдѣлалъ его Княземъ Владѣтельнымъ. Наконецъ бѣдствіе Минска и вѣроломное заточеніе Всеслава согласны ли съ похвалами Лѣтописца?

Изяславъ оставилъ свое имя въ нашихъ древнихъ законахъ. По кончинѣ родителя онъ призвалъ на совѣтъ братьевъ своихъ, Святослава и Всеволода, также умнѣйшихъ Вельможъ того времени: Коснячка, Воеводу ненавистнаго Кіевля нам[122], Перенѣга, Никифора, Чудина, и совершенно уничтожилъ смертную казнь, уставивъ денежную пеню за всякія убійства: по излишнему ли человѣколюбію, какъ Владиміръ? или для сохраненія людей, которые могли еще служить отечеству? или для обогащенія *Виралии* казны Государей?

Уничтоженіе смертной казни.

При Изяславѣ былъ основанъ славный монастырь Кіевопечерскій, и самъ Несторъ разсказываетъ достопамятныя обстоятельства сего учрежденія. Нѣкто, житель города Любеча, одушевленный Христіанскимъ усердіемъ, захотѣлъ видѣть Святую гору, возлюбилъ житіе Монаховъ Аѳонскихъ, и постриженный

Монастырь Кіевопечерскій.

въ ихъ Обители, былъ названъ Антоніемъ. Игуменъ, наставивъ его въ правилахъ монастырскихъ, далъ ему благословеніе и велѣлъ итти въ Россію, предвидя, что онъ будетъ въ нашемъ отечествѣ свѣтиломъ Черноризцевъ. Антоній возвратился еще при Князѣ Ярославѣ [93], обходилъ тогдашніе монастыри Россійскіе, и близъ Кіева, на высокомъ берегу Днѣпровскомъ, увидѣлъ пещеру: Иларіонъ, будучи еще простымъ Іереемъ Берестовскимъ, ископалъ оную собственными руками, и часто, окруженный безмолвіемъ дремучаго лѣса, молился въ ней Богу. Она стояла уже пустая: Иларіонъ, въ санѣ Митрополита, пасъ Церковь и жилъ въ столицѣ. Антоній плѣнился красотою сего дикаго уединенія, остался въ пещерѣ Иларіоновой и посвятилъ дни свои молитвѣ. Слухъ о пустынникѣ разнесся въ окрестностяхъ: многіе люди желали видѣть святаго мужа; самъ Великій Князь Изяславъ приходилъ къ нему съ своею дружиною требовать благословенія. Двѣнадцать Монаховъ, отчасти Антоніемъ постриженныхъ, выкопали тамъ подземную церковь съ кельями Число ихъ безпрестанно умножалось: Великій Князь отдалъ имъ всю гору надъ пещерами,

гдѣ они заложили большую церковь съ оградою. Смиренный Антоній не хотѣлъ начальства: поручивъ новую Обитель Игумену Варлааму, уединился въ пещеру, однакожъ не избавился отъ гоненія. Считая Антонія другомъ Всеславовымъ, Великій Князь приказалъ воинамъ ночью схватить его и вывезти изъ области Кіевской. Но добродѣтельный мужъ скоро возвратился съ честію въ любимую свою пещеру, и жилъ въ ней до самой кончины, имѣвъ удовольствіе видѣть Лавру Кіевскую въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Щедрость и набожность Ярославичей обогатили сей монастырь доходами и помѣстьями. Святославъ далъ 100 гривенъ, или 50 фунтовъ золота, на строеніе каменнаго великолѣпнаго храма Печерскаго, призвалъ художниковъ изъ Константинополя, и своими руками началъ копать ровъ для основанія церкви. Знаменитый Варягъ Симонъ, Вельможа Всеволодовъ, подарилъ Антонію на украшеніе олтаря златую цѣпь въ 50 гривенъ и вѣнецъ драгоцѣнный, наслѣдіе отца его, Князя Варяжскаго. Св. Ѳеодосій, преемникъ Варлаамовъ, заимствовалъ отъ Цареградскаго Студійскаго монастыря уставъ Черноризцевъ, который сдѣлался

общимъ для всѣхъ монастырей Россійскихъ. Сей благочестивый Игуменъ завелъ въ Кіевѣ первый домъ странноприимства, и питалъ несчастныхъ въ темницахъ. Добродѣтель Ѳеодосіева была столь уважаема, что Великій Князь не рѣдко приходилъ бесѣдовать съ нимъ наединѣ; оставался у него обѣдать, ѣлъ хлѣбъ, сочиво, и съ улыбкою говаривалъ, что роскошная трапеза Княжеская ему не такъ пріятна, какъ монастырская. Любя Изяслава, Ѳеодосій великодушно обличалъ виновнаго брата, гонителя его, въ беззаконіи. Святославъ терпѣлъ сіи укоризны, оправдывался, и когда святый мужъ входилъ въ шумный дворецъ его, гдѣ часто гремѣла музыка, органы и гусли, тогда все умолкало. Лежа на смертномъ одрѣ, Ѳеодосій благословилъ Святослава и сына его, Глѣба. — Монахи Печерскіе, возбуждаемые наставленіемъ и примѣромъ своихъ достойныхъ начальниковъ, служили ревностно Богу и человѣчеству; нѣкоторые изъ нихъ пріяли вѣнцы Мучениковъ, обращая идолопоклонниковъ: Леонтій въ Ростовѣ, Св. Кукша въ землѣ Вятичей (въ Орловской или Калужской Губерніи). Самые Вельможи, отказывались отъ свѣта, искали душевнаго мира въ

Печерской Обители. Такъ Варлаамъ, первый Игуменъ, сынъ знаменитѣйшаго Боярина Іоанна и внукъ славнаго Вышаты, ослѣпленнаго Константиномъ Мономахомъ, былъ постриженъ Антоніемъ. Сей юноша, плѣненный ученіемъ святаго мужа, пріѣхалъ къ нему со многими Отроками, которые вели навьюченныхъ лошадей; сошелъ съ коня, бросилъ къ ногамъ Антонія свою одежду Боярскую и сказалъ: »вотъ прелесть міра! употреби, »какъ тебѣ угодно, мое бывшее имѣніе; »хочу жить въ уединеніи и бѣдности.«

Изяславъ и его братья соблюдали неразрывную дружбу съ Греками, и давали имъ войско, которое въ частыхъ внутреннихъ неустройствахъ поддерживало слабыхъ Императоровъ на тронѣ. Знаменитый Алексій Комнинъ, еще не Государь, но только Полководецъ Имперіи, въ 1077 году смирялъ мятежника Никифора Вріенія, имѣлъ съ собою множество судовъ Россійскихъ[124]. — Ярославичи возвратили Константинопольскому Патріарху важное право ставить Кіевскихъ Митрополитовъ: Георгій, преемникъ Иларіоновъ, родомъ Грекъ, былъ присланъ изъ Царяграда; устрашенный, можетъ быть, раздоромъ Князей, онъ чрезъ нѣ-

Россіяне служатъ въ Греціи.

Зависимость Церкви отъ Греческой.

сколько лѣтъ выѣхалъ изъ нашего отечества. Съ того времени Церковь Россійская, до самаго паденія Восточной Имперіи, зависѣла отъ Патріарха Константинопольскаго, и въ роспискѣ Епископствъ, находившихся подъ его вѣдѣніемъ, считалась *семидесятымъ*. Въ знакъ уваженія къ достоинству нашихъ Митрополитовъ. Патріархи обыкновенно писали къ нимъ грамоты за *свинцовою*, а не восковою *печатью*: честь, которую они дѣлали только Императорамъ, Королямъ и знаменитѣйшимъ сановникамъ[125].

Переписка съ Патріархами.

Успѣхи Христіанскаго благочестія въ Россіи не могли искоренить языческихъ суевѣрій и мнимаго чародѣйства. Къ Исторіи тогдашнихъ временъ относятся слѣдующія извѣстія Несторовы:

Въ 1071 году явился въ Кіевѣ волхвъ, который сказывалъ народу, что Днѣпръ скоро потечетъ вверхъ и всѣ земли перемѣстятся; что Грецiя будетъ тамъ, гдѣ Россія, а Россія тамъ, гдѣ Грецiя. Невѣжды вѣрили, а благоразумные надъ нимъ смѣялись, говоря ему, чтобы онъ самъ берегся. Сей человѣкъ (пишетъ Несторъ) дѣйствительно пропалъ въ одну ночь безъ вѣсти.

Пророки и волшебники.

Около того же времени сдѣлался въ

Ростовской области голодъ. Два кудесника или обманщика, жители Ярославля — основаннаго, думаю, Великимъ Княземъ Ярославомъ — ходили по Волгѣ и въ каждомъ селеніи объявляли, что бабы причиною всего зла, и скрываютъ въ *самихъ себѣ* хлѣбъ, медъ и рыбу[126]. Люди приводили къ нимъ матерей, сестеръ, женъ; а мнимые волхвы, будто бы надрѣзывая имъ плеча, и вынимая изъ своего рукава жито, кричали: »видите, что лежало у нихъ за кожею!« Сіи злодѣи съ шайкою помощниковъ убивали невинныхъ женщинъ, грабили имѣніе богатыхъ, и дошли наконецъ до Бѣлаозера, гдѣ Вельможа Янь, сынъ Вышатинъ, собиралъ дань для Князя Святослава: онъ велѣлъ ловить ихъ, и чрезъ нѣсколько дней Бѣлозерцы привели къ нему двухъ главныхъ обманщиковъ, которые не хотѣли виниться, и доказывая мудрость свою, открывали за тайну, что Діаволъ сотворилъ тѣло человѣка гніющее въ могилѣ, а Богъ душу, парящую на небеса; что Антихристъ сидитъ въ безднѣ; что они вѣруютъ въ его могущество и знаютъ все сокровенное отъ другихъ людей. »Но знаете ли собственную вашу участь?« сказалъ Янь. »Ты представишь насъ Святославу,« го-

ворили кудесники: »а если умершвишь, »то будешь несчастливъ.« Смѣясь надъ сею угрозою, онъ велѣлъ ихъ повѣсить на дубу, какъ государственныхъ преступниковъ.

Не только въ Скандинавіи, но и въ Россіи Финны и Чудь славились волшебствомъ, подобно какъ въ древней Италіи Тосканцы[127]. Несторъ разсказываетъ, что Новогородцы ходили въ Эсфонію узнавать будущее отъ тамошнихъ мудрецовъ, которые водились съ *черными крылатыми духами*. Одинъ изъ такихъ кудесниковъ торжественно осуждалъ въ Новѣгородѣ Вѣру Христіанскую, бранилъ Епископа и хотѣлъ итти пѣшкомъ черезъ Волховъ. Народъ слушалъ его какъ человѣка божественнаго. Ревностный Епископъ облачился въ Святительскія ризы, сталъ на площади, и держа крестъ въ рукахъ, звалъ къ себѣ вѣрныхъ Христіанъ. Но ослѣпленные граждане толпились вокругъ обманщика: одинъ Князь Глѣбъ и дружина его приложились къ святому кресту. Тогда Глѣбъ подошелъ ко мнимому чародѣю и спросилъ: предвидишь ли онъ, что будешь съ нимъ въ тотъ день?— Волшебникъ отвѣтствовалъ; »я сдѣлаю »великія чудеса.« »Нѣтъ!« сказалъ смѣлый

Князь — и топоромъ разсѣкъ ему голову[128]. Обманщикъ палъ мертвый къ ногамъ его, и народъ увѣрился въ своемъ заблужденіи.

ГЛАВА V.

Великій Князь Всеволодъ.

Г. 1078 — 1093.

Междоусобія. Олегъ въ Родосѣ. Подвиги Мономаха. Убіеніе Ярополка. Нападеніе Болгаровъ на Муромъ. Засуха и моръ. Землетрясеніе. Видѣнія. Набѣги Половцевъ. Слабость Великаго Князя. Кончина его. Дочь Всеволодова за Генрикомъ IV. Митрополитъ Іоаннъ. Его сочиненіе. Крестильницы. Праздникъ 9 Маія. Сношенія съ Римомъ.

Не сынъ Изяславовъ, но Всеволодъ наслѣдовалъ престолъ Великокняжескій. Дядя, по тогдашнему образу мыслей и всеобщему уваженію къ семейственнымъ связямъ, имѣлъ во всякомъ случаѣ право старѣйшинства и заступалъ мѣсто отца для племянниковъ. — Сей Государь утвердилъ Святополка на Княженіи Новогородскомъ: другому сыну Изяславову, Ярополку, отдалъ Владиміръ и Туровъ[129], а Мономаху Черниговъ. Г. 1078—84.

Романъ Святославичь, Князь Тмутороканскій, желая отмстить за Олега и Бориса, немедленно началъ войну междоусобную, которая стоила ему жизни. Половцы, его наемники, заключили миръ со Всеволодомъ у Переяславля, и на возвратномъ пути умертвили Романа; а брата его, Олега, неволею отправили въ Константинополь. Пользуясь несчастіемъ Святославичей, Великій Князь прислалъ въ Тмуторокань Намѣстника своего, Ратибора. Но сія область Воспорская, убѣжище Князей обдѣленныхъ, скоро была завоевана Давидомъ *Игоревичемъ* и Володаремъ *Ростиславичемъ*, внукомъ и правнукомъ Великаго Ярослава, которые также не долго въ ней господствовали. Изгнанникъ Олегъ, живъ два года на островѣ Родосѣ[130], славномъ въ Исторіи своими древними мудрыми законами, Науками, великолѣпіемъ зданій и Колоссомъ огромнымъ, возвратился въ Тмуторокань и, вѣроятно, съ помощію Грековъ овладѣлъ имъ; казнилъ многихъ виновныхъ Козаровъ, его личныхъ непріятелей, давшихъ совѣтъ Половцамъ умертвить Романа; а Володаря и Давида отпустилъ въ Россію[131].

Междоусобія.

Олегъ въ Родосѣ.

Всеволодъ любилъ миръ, и видѣлъ безпрестанное кровопролитіе. Полоцкій

Князь осадилъ Смоленскъ: Владиміръ спѣшилъ туда съ Черниговскою конницею; не засталъ Всеслава, но Смоленскъ, зажженный непріятелемъ, еще дымился въ пеплѣ. Мономахъ, въ наказаніе врагу своему, огнемъ и мечемъ опустошилъ его землю, и чрезъ нѣсколько времени взявъ Минскъ, отнялъ всѣхъ рабовъ и скотъ у жителей. Такимъ образомъ сей несчастный городъ вторично пострадалъ за своего Князя. — Мужественный сынъ Всеволодовъ не выпускалъ меча изъ рукъ: побѣдилъ Торковъ, обитавшихъ близъ Переяславля; два раза ходилъ усмирять безпокойныхъ Вятичей, и вездѣ гналъ неутомимыхъ злодѣевъ Россіи, Половцевъ, на берегахъ Десны, Хороля: плѣнялъ ихъ Вождей, отбивалъ добычу[132]. Но сіи успѣхи не могли утвердить государственной безопасности, и Князья Россійскіе междоусобіемъ своимъ усиливали внѣшнихъ непріятелей.

Подвиги Мономаха.

Ростиславичи, воспитанные, кажется, въ домѣ у Ярополка, бѣжали отъ него, и въ отсутствіе дяди, который гостилъ у Всеволода въ недѣлю Пасхи, вооруженною рукою заняли Владиміръ. Всякой знаменитый мятежникъ, обѣщая грабежъ и добычу, могъ собирать тогда шайки

Г. 1084.

усердныхъ помощниковъ: доказательство, сколь правленіе было слабо и своевольство народа необузданно! Всеволодъ, оскорбленный несчастіемъ племянника, велѣлъ Мономаху итти на Ростиславичей: ихъ выгнали, и Ярополкъ возвратился въ свой Удѣлъ съ честію — Въ то же время Давидъ Игоревичь, скитаясь въ южной Россіи и внѣ предѣловъ ея, завладѣлъ Олешьемъ, Греческимъ городомъ близъ устья Днѣпровскаго, и нагло ограбилъ тамъ многихъ купцевъ; Всеволодъ, призвавъ его къ себѣ, далъ ему Дорогобужъ въ Волыніи[133].

Самъ Ярополкъ, облагодѣтельствованный Всеволодомъ, не устыдился быть врагомъ его: Князь слабый, послушный
Г. 1085. коварнымъ совѣтникамъ, и скоро наказанный за свою безразсудность. Дядя, свѣдавъ о злыхъ намѣреніяхъ сего неблагодарнаго, предупредилъ ихъ опасное исполненіе; и слухъ, что Мономахъ идетъ съ войскомъ, заставилъ Ярополка бѣжать въ Польшу. Владиміръ нашелъ въ Луцкѣ мать его, супругу, дружину, казну; возвратился съ ними въ Кіевъ, а владѣніе Ярополково отдалъ Давиду Игоревичу. — Но Ярополкъ, не сыскавъ заступниковъ внѣ Россіи, скоро умилостивилъ Всево-

лода искреннимъ раскаяніемъ, и заключивъ миръ съ его сыномъ, Мономахомъ, Г. 1086.
въ Волыніи, получилъ обратно свое Княженіе. Судьба не дала ему времени заслужить великодушіе дяди или снова быть неблагодарнымъ. Онъ чрезъ нѣсколько дней погибъ отъ руки злодѣя, на пути въ *Червенскій* Звенигородъ[134]: сей преступникъ, Убіеніе именемъ Нерядецъ, ѣхалъ за нимъ верхомъ Ярополка. вмѣстѣ съ другими Княжескими Отроками и вонзилъ саблю въ бокъ своему Полбрл 22. Государю, покойно лежавшему на колесницѣ. Ярополкъ всталъ, извлекъ изъ себя окровавленное желѣзо, громко сказалъ: »умираю отъ коварнаго врага,« и скончался. Лѣтописецъ не объясняетъ тайной причины злодѣйства, сказывая только, что убійца бѣжалъ въ Перемышль къ Рюрику, старшему изъ Ростиславичей, которымъ Всеволодъ уступилъ сей городъ въ Удѣлъ[135], и которые, принявъ измѣнника, навлекли на себя гнусное подозрѣніе, болѣе несчастное, нежели справедливое. Отроки Ярополковы привезли тѣло убіеннаго въ Кіевъ, чтобы воздать ему честь погребенія тамъ, гдѣ лежали кости его родителя: Всеволодъ, Мономахъ, Ростиславъ (меньшій сынъ Великаго Князя), Духовенство и народъ встрѣти-

ли опое съ искреннимъ изъявленіемъ горести. — Лѣтописецъ говоритъ, что Ярополкъ, добродушный подобно отцу своему, давалъ всегда церковную *десятину* въ храмъ Богоматери, исполняя завѣщаніе Владиміра Великаго; завидовалъ святости Бориса и Глѣба, и желалъ также умереть мученикомъ. Давидъ Игоревичъ наслѣдовалъ область Владимірскую.

Г. 1088. Нападеніе Болгаровъ на Муромъ.

Между тѣмъ, какъ Всеволодъ занимался возстановленіемъ порядка и тишины въ ближнихъ областяхъ, Камскіе Болгары взяли Муромъ. Не имѣя духа воинскаго, любя торговлю, земледѣліе, и въ случаѣ неурожая питая восточный край Россіи, они хотѣли, вѣроятно, отмстить жителямъ Муромской области за какую нибудь обиду или несправедливость: по крайней мѣрѣ сія война не имѣла дальнѣйшаго слѣдствія, и взятый ими городъ не долго былъ въ ихъ власти[136].

Г. 1092. Засуха и моръ.

Великій Князь не могъ упѣшиться всеобщимъ спокойствіемъ. Междоусобіе прекратилось; но бѣдствія инаго рода посѣтили Россію. Отъ безпрестанныхъ, неслыханныхъ жаровъ вездѣ изсохли поля, и лѣса въ болотныхъ мѣстахъ сами собою воспламенялись, къ ужасу сельскихъ жителей; голодъ, болѣзни, моръ свирѣпствовали во многихъ областяхъ, и въ одномъ Кіевѣ умерло отъ 14 Ноября до 1 Февраля 7000 человѣкъ. Воображеніе несчастныхъ видѣло во всемъ страшныя знаменія гнѣва Божескаго: въ самыхъ обыкновенныхъ метеорахъ, въ затмѣніи солнца, въ легкомъ бывшемъ тогда землетрясеніи. Къ симъ случаямъ естественнымъ суевѣріе прибавило нелѣпыя чудеса: разсказывали, что огромный змѣй упалъ съ неба въ то время, какъ Великій Князь забавлялся ловлею звѣрей, что злые духи въ Полоцкѣ ночью и днемъ скакали на конѣхъ, невидимо уязвляя гражданъ, и что множество людей отъ того умерло[137]. Народъ стенялъ, Государь былъ въ унынiи, Половцы грабили; на обѣихъ сторонахъ Днѣпра дымились села, обращенныя въ пепелъ сими жестокими варварами, которые взяли даже нѣсколько городовъ: Песочень на рѣкѣ Супоѣ, Переволоку близъ устья Ворсклы, и нигдѣ, кажется, не находили сопротивленія. Наконецъ Василько Ростиславичь, правнукъ Ярославовъ, уговорилъ ихъ оспавить Россію, и вмѣстѣ съ нимъ воевать Польшу, ослабленную внутренними раздорами[138]. Сей Князь, по смерти брата своего, Рюрика, наслѣдовалъ часть

Землетрясеніе.

Видѣнія.

Набѣги Половцевъ.

Перемышльской области: скоро увидимъ его великодушіе и злосчастіе.

Всеволодъ, огорчаемый бѣдствіями народными и властолюбіемъ своихъ племянниковъ — которые, желая господствовать, не давали ему покоя и безпрестанно требовали Удѣловъ — съ зависшію воспоминалъ то счастливое время, когда онъ жилъ въ Переяславлѣ, довольный жребіемъ Удѣльнаго Князя и спокойный сердцемъ[139]. Не имѣвъ никогда великодушной твердости, сей Князь, обремененный лѣтами и недугами, впалъ въ совершенное разслабленіе духа; удалилъ отъ себя Бояръ опытныхъ, слушалъ только юныхъ любимцевъ, и не хотѣлъ уже слѣдовать древнему обычаю Государей Россійскихъ, которые сами, въ присутствіи Вельможъ, судили народъ свой на дворѣ Княжескомъ. Сильные утѣсняли слабыхъ; Намѣстники и Тіуны грабили Россію какъ Половцы: Всеволодъ не внималъ жалобамъ. — Чувствуя приближеніе конца, онъ послалъ за большимъ сыномъ въ Черниговъ, и скончался въ объятіяхъ Владиміра и Роспислава, орошенный ихъ искренними слезами: Христіанинъ набожный, человѣколюбивый, *трезвый* и цѣломудренный отъ самой юности; однимъ

Слабость Великаго Князя.

Г. 1093. Кончина его.

словомъ, достохвальный между частными людьми, но слабый, и слѣдственно порочный на степени Государей.

Великій Ярославъ желалъ, чтобы любимый сынъ его, со временемъ наслѣдовавъ законнымъ образомъ Кіевскую область, былъ и во гробѣ съ нимъ неразлученъ: воля нѣжнаго отца исполнилась, и Всеволода погребли, на другой день кончины его, тамъ же, гдѣ лежали Ярославовы кости — въ Софійскомъ храмѣ — съ обыкновенными торжественными обрядами, и въ присутствіи народа, который погребалъ тогда Государей какъ истинныхъ отцевъ своихъ, съ чувствительностію и слезами, забывая ихъ слабости и помня одни благодѣянія.

Всеволодъ оставилъ супругу втораго брака, мачиху Владиміра, и трехъ дочерей, Янку или Анну, Евпраксію и Екатерину; первыя двѣ отказались отъ свѣта и заключились въ монастырѣ[140]. Мы знаемъ, что Императоръ Генрикъ IV въ 1089 году женился на Россійской Княжнѣ, Агнесѣ или Адельгейдѣ, вдовѣ Маркграфа Штаденскаго, которая послѣ умерла Игуменьею: она могла быть дочерью Всеволода[141]. Въ то же время другая Россіянка, именемъ *Евпраксія*, была за сы-

Дочь Всеволода за Генрикомъ IV.

номъ Болеслава, отправленнымъ въ цвѣтущей юности; но Историки Польскіе называютъ сію Княжну родною сестрою Святополка Изяславича.

При Всеволодѣ былъ Митрополитомъ Грекъ Іоаннъ, мужъ знаменитый ученостію и Христіанскими добродѣтелями, ревностный наставникъ Духовенства и другъ несчастныхъ. »Никогда« (сказано въ лѣтописи) »не бывало у насъ такого и »не будетъ!« Мы имѣемъ его сочиненіе, названное *Церковнымъ правиломъ*, въ коемъ онъ съ великою ревностію осуждаетъ шогдашнее обыкновеніе Князей Россійскихъ выдавать дочерей за Государей Латинской Вѣры; доказываетъ всякому госпію или купцу, сколь грѣшно торговать крещеными рабами въ землѣ язычниковъ (Половцевъ), даже ѣздить туда, и для выгодъ сребролюбія оскверняться ихъ нечистыми яствами; налагаетъ епитимью на тѣхъ, которые совокупляются съ правнучатными или женятся безъ вѣнчанія, думая, что сей обрядъ изобрѣтенъ единственно для Князей и Бояръ; отлучаетъ отъ церкви Іереевъ, благословляющихъ союзъ мужа съ тещею женою; велитъ имъ и Монахамъ служить для всѣхъ людей примѣромъ трезвости;

Митрополитъ Іоаннъ

Его сочиненіе.

наконецъ, въ дополненіе къ гражданскимъ законамъ, уставляетъ *духовное покаяніе* для преступниковъ благонравія и цѣломудрія. Сей Митрополитъ, именованный отъ современниковъ *Пророкомъ Христа*[42], освятилъ церковь Ѳеодосіева монастыря Печерскаго, о коей написано столь много чудеснаго въ Патерикѣ Кіевскомъ. Византійскіе художники, украсивъ оную, не захотѣли уже возвратиться въ отечество и кончили жизнь свою въ Печерской Обители: донынѣ показываютъ тамъ гробы ихъ. — Въ 1089 году, когда преставился Митрополитъ Іоаннъ, дочь Всеволодова, Янка, ѣздила въ Константинополь и привезла съ собою новаго Митрополита, сколца, именемъ также Іоанна, но человѣка весьма обыкновеннаго, слабаго здоровьемъ, и столь блѣднаго, что народъ прозвалъ его *мертвецомъ*[43]: онъ черезъ годъ умеръ. Третій Митрополитъ Всеволодова княженія былъ Ефремъ, Грекъ, по извѣстію новѣйшихъ Лѣтописцевъ; другіе же называютъ его Монахомъ Печерскимъ. Несторъ сказываетъ только, что Ефремъ, сколецъ подобно Іоанну, жилъ въ *Переяславлѣ*, *гдѣ находилась тогда Митрополія*, и что онъ, создавъ многіе храмы каменные, первый

Крестильницы. началъ въ Россіи строить при церквахъ крестильницы[144]. Сей Митрополитъ, какъ пишутъ, уставилъ торжествовать 9 Праздникъ 9 Маія Маія пренесеніе мощей Св. Николая изъ Ликіи въ Италіянскій городъ Баръ[145]: праздникъ Западной Церкви, отвергаемый Греками, и доказательство, что мы имѣли Сношенія съ Римомъ. тогда дружелюбное сношеніе съ Римомъ. Несторъ молчитъ, но Лѣтописецъ среднихъ временъ говоритъ о какомъ-то Святителѣ Ѳеодорѣ, пріѣзжавшемъ къ Великому Князю отъ Папы (Урбана II) въ 1091 году[146]. Властолюбивые Намѣстники Св. Петра безъ сомнѣнія всячески старались подчинить себѣ Церковь Россійскую.

ГЛАВА VI.

Великій Князь Святополкъ-Михаилъ.

Г. 1093 — 1112.

Великодушіе Мономаха. Война съ Половцами. Бракъ Святополковъ. Безпокойный Олегъ. Жалкое состояніе южной Россіи. Саранча. Побѣды. Вѣроломство Россіянъ. Междоусобія. Гордость Олегова.

Сожженіе монастыря Кіевопечерскаго. Храбрость и добродушіе Мстислава. Краснорѣчивое Мономахово письмо. Вѣроломство Олегово. Великодушіе Мстислава. Съѣздъ Князей. Злодѣйство Давида и Святополка. Ослѣпленіе Василька. Слезы Мономаховы. Рѣчь Митрополита. Прекрасная душа Василькова. Месть Ростиславичей. Корыстолюбіе Поляковъ. Новое коварство Святополка. Умѣренность Ростиславичей. Пораженіе Венгровъ. Междоусобія. Новый съѣздъ Князей. Усмиреніе Давида. Строптивость Новогородцевъ. СоветъКнязей. Счастливая война съ Половцами. Война съ Мордвою и съ Князьями Полоцкими. Бѣдствіе Россіянъ въ Семигаліи. Новые успѣхи въ войнѣ съ Половцами. Походъ знаменитый. Имя Тмутороканя исчезаетъ въ лѣтописяхъ. Кончина Святополкова. Евреи въ Кіевѣ. Брачные союзы. Митрополиты. Князь Святоша. Св. Антоній Римлянинъ. Путешествіе Даніила. Россіяне въ Іерусалимѣ. Конецъ Несторовой лѣтописи. Старецъ Янь.

Владиміръ могъ бы сѣсть на престолѣ родителя своего; но сей чувствительный, миролюбивый Князь уступилъ оный Изяславову сыну, и сказавъ: »отецъ его »былъ старѣе и княжилъ въ столицѣ »прежде моего отца: не хочу кровопро- »литія и войны междоусобной,« объявилъ Святополка Государемъ Россійскимъ; самъ отправился въ Черниговъ, а братъ его, Ростиславъ, въ Переяславль. Г. 1093 Великодушіе Мономаха.

Святополкъ, княживъ нѣсколько лѣтъ въ Новѣгородѣ, еще въ 1088 году выѣхалъ оттуда, будучи, какъ вѣроятно, недово-

лепъ его безпокойными гражданами (которые иногда же призвали къ себѣ юнаго Князя, Мстислава, сына Владимірова) и жилъ въ Туровѣ[147]: онъ съ радостію прибылъ въ Кіевъ, и народъ также съ радостію впрѣтилъ новаго Государя, обѣщая себѣ миръ и тишину подъ его властію. Сія надежда не исполнилась, и начало Святополкова княженія ознаменовалось великими несчастіями.

Апрѣля 24.

Половцы, узнавъ о кончинѣ Всеволода, изъявили желаніе оспаться друзьями Россіи. Легкомысленный Святополкъ не посовѣтовался съ Боярами отца своего и дяди: велѣлъ заключить Пословъ въ темницу; но свѣдавъ, что мстительные варвары вездѣ жгутъ и грабятъ въ его области, вздумалъ самъ просить ихъ о мирѣ. Половцы уже не хотѣли слушать сихъ предложеній, и Великій Князь, собравъ только 800 воиновъ, спѣшилъ выступить въ поле. Едва благоразумные Бояре могли удержать его, представляя ему, что, вопреки надменному самохвальству молодыхъ людей, нужны не *сотни*, *а тысячи* для отраженія враговъ; что область Кіевская, изнуренная войнами, истощенная данями, опустѣла, и что надобно требовать помощи отъ мужест-

Война съ Половцами.

вѣйшаго Владиміра. Князь Черниговскій немедленно вооружился, и призвалъ брата своего, Роспислава. Но Князья, соединивъ дружины, не могли согласиться въ мысляхъ; стояли подъ Кіевомъ и ссорились между собою. Наконецъ Бояре сказали имъ: »ваша распря губитъ народъ; смирите враговъ, и тогда уже думайте о своихъ несогласіяхъ[148].« Святополкъ и Владиміръ, принявъ благій совѣтъ, обнялися братски, и въ знакъ искренней взаимной любви цѣловали святый крестъ, по тогдашнему обыкновенію.

Непріятели осаждали Торческъ, городъ населенный Торками, которые, оставивъ жизнь кочевую, поддалися Россіянамъ[149]: Князья хотѣли освободить его, Святополкъ битвою, Мономахъ миромъ. Остановясь близъ Триполя, они призвали Бояръ на совѣтъ. Янь, Воевода Кіевскій, другъ блаженнаго Ѳеодосія, и многіе другіе были одного мнѣнія съ Княземъ Черниговскимъ. »Половцы (говорили они) видятъ блескъ мечей нашихъ, и не отвергнутъ мира.« Но Кіевляне, желая побѣды, склонили большинство голосовъ на свою сторону, и войско Россійское перешло за Сулу. Святополкъ велъ правое крыло, Владиміръ лѣвое: Роспиславъ находился

въ срединѣ. Они поставили знамена между земляными укрѣпленіями Трипольскими, и ждали непріятеля, который, выславъ напередъ спрѣлковъ, вдругъ устремился всѣми силами на Святополка. Кіевляне не могли выдержать сего удара, и замѣшались. Великій Князь оказалъ примѣрную неустрашимость; бился долго, упорно, и послѣдній оставилъ мѣсто сраженія. Средина и лѣвое крыло, не умѣвъ искуснымъ, быстрымъ движеніемъ спасти праваго, еще нѣсколько времени стояли, но также уступили превосходству непріятеля. Земля дымилась кровію. Россіяне, спасаясь отъ меча побѣдителей, толпами гибли въ рѣкѣ Сугнѣ, которая отъ дождей наполнилась водою. Мономахъ, видя утопающаго брата, забылъ собственную опасность и бросился во глубину: усердная дружина извлекла его изъ волнъ — и сей Князь, оплакивая Ростислава, многихъ Бояръ своихъ, отечество, съ горестію возвратился въ Черниговъ, а Святополкъ въ Кіевъ. Несчастная мать Ростиславова ожидала сына: ей принесли тѣло сего юноши, коего безвременная смерть была предметомъ всеобщаго сожалѣнія[150].

26 Маія.

Половцы снова осадили Торческъ. Граждане оборонялись мужественно; но изнуренные голодомъ и жаждою, напрасно требовали съѣстныхъ припасовъ отъ Святополка: бдительный непріятель со всѣхъ сторонъ окружилъ городъ, который держался болѣе двухъ мѣсяцевъ. Половцы, оставивъ часть войска для осады, приближились къ столицѣ. Святополкъ хотѣлъ еще сразиться, и вторично разбитый подъ Кіевомъ, ушелъ только съ двумя воинами. Торческъ сдался: стѣны и зданія его обратились въ пепелъ, а граждане были отведены въ неволю.

25 Іюля.

Не имѣвъ счастія воинскаго, Святополкъ надѣялся инымъ способомъ обезоружить Половцевъ, и женился на дочери ихъ Князя, Тугоркана[151]. Но сей родственный союзъ, который могъ быть оправданъ одною государственною пользою, не защитилъ Россіи отъ варваровъ: Князь Тмутороканскій, Олегъ Святославичъ[152], въ *третій разъ* пришелъ съ ними разорять отечество, осадилъ Мономаха въ Черниговѣ, и требовалъ сей области какъ законнаго наслѣдія: ибо она принадлежала нѣкогда его родителю. Владиміръ, любимый своею дружиною и народомъ, нѣсколько дней оборонялся; но жалѣя крови, великодушно сказалъ: *да не радуются*

Г. 1094. Бракъ Святополковъ. Безпокойный Олегъ.

враги отечества! и добровольно уступилъ Княженіе Олегу: впорая жертва, принесенная имъ общей пользѣ[153]! Онъ выѣхалъ изъ Чернигова въ Переяславль съ женою и дѣтьми, подъ щитами малочисленной, вѣрной дружины, готовой отражать полчины хищныхъ Половцевъ, которые, не смотря на миръ, еще долгое время свирѣпствовали въ Черниговской области: жестокій Олегъ, довольный ихъ помощію, равнодушно смотрѣлъ на сіи злодѣйства.

Жалкое состояніе южной Россіи.

— Вся южная Россія представляла тогда картину самыхъ ужаснѣйшихъ бѣдствій. »Города опустѣли,« пишетъ Несторъ: »въ селахъ пылаютъ церкви, домы, жит»ницы и гумны. Жители издыхаютъ подъ »остріемъ меча, или претерпѣвъ, ожи»дая смерти. Плѣнники, заключенные въ »узы, идутъ наги и босы въ отдаленную »страну варваровъ, сказывая другъ другу »со слезами: *я изъ такого-то города Рус»скаго, я изъ такой-то веси!* Не видимъ »на лугахъ своихъ ни стадъ, ни коней; »нивы заросли травою, и дикіе звѣри оби»таютъ тамъ, гдѣ прежде жили Хри»стіане[154]!« Къ умноженію несчастій, Россія узнала въ сіе время новый бичь естественный: саранча, доколѣ неизвѣстная нашимъ предкамъ, покрывъ землю, совер-

шенно истребила жатву; тучи сихъ пагубныхъ насѣкомыхъ летѣли отъ Юга къ Августа 26. Саранча.
Сѣверу, оставляя за собою отчаяніе и голодъ для бѣдныхъ поселянъ.

Наконецъ Великій Князь и Владиміръ ободрили побѣдами унылый духъ своего народа. Опѣ, къ, сожалѣнію, начались вѣроломствомъ. Долговременныя несчастія Г. 1095. Побѣды.
ослабѣваютъ сердца и вредятъ самой нравственности людей. Вожди Половецкіе, Итларь и Китанъ, заключивъ миръ съ Мономахомъ, взяли въ *тали*, или въ аманаты, сына его, Святослава. Китанъ безопасно жилъ въ станѣ близъ городскаго вала; Итларь гостилъ въ Переяславлѣ у Вельможи Ратибора. Тогда недостойные совѣтники предложили Князю воспользоваться оплошностію ненавистныхъ враговъ, нарушить священный миръ и не менѣе священные законы гостепріимства — однимъ словомъ, злодѣйски умертвить всѣхъ Половцевъ. Владиміръ колебался; но дружина успокоила его робкую совѣсть, доказывая, что сіи варвары пятьсотъ разъ сами преступали клятву . . . Въ глубокую ночь Россіяне, вмѣстѣ съ Торками, ихъ подвластными, вышли изъ Вѣроломство Россіянъ.
города, зарѣзали сонныхъ Китанца, его воиновъ, и съ торжествомъ привели ко Вла-

диміру освобожденнаго Святослава. Ипларь, не зная ничего, спокойно готовился по утру завтракать у своихъ ласковыхъ хозяевъ; когда свинъ Ратиборовъ, Олбегъ, пустилъ ему въ грудь стрѣлу, сквозь отверстіе, нарочно для того сдѣланное вверху горницы; и несчастный Ипларь, со многими знаменитыми товарищами, былъ жертвою гнуснаго заговора, который лучшему изъ тогдашнихъ Князей Россійскихъ
21 Февраля. казался дозволенною хитростію!

Ожидая справедливой мести за такое злодѣяніе, Владиміръ и Святополкъ хотѣли предупредить оную. *Въ первый разъ* дерзнули Россіяне искать Половцевъ въ ихъ собственной землѣ; взяли множество скота, вельблюдовъ, коней, плѣнниковъ, и возвратились благополучно. — Но въ то же самое лѣто Юрьевъ, городъ на берегу Роси, былъ сожженъ Половцами[155]: жители его ушли съ Епископомъ въ столицу, и Великій Князь населилъ ими, близъ Кіева, особенный новый городокъ, давъ ему имя *Святополча*.

Олегъ Черниговскій, вопреки данному слову, не ходилъ съ Великимъ Княземъ на Половцевъ. Святополкъ и Владиміръ требовали отъ него, чтобы онъ хотя выдалъ имъ или самъ велѣлъ умертвить

знатнаго Половецкаго юношу, сына Иларева, бывшаго у него въ рукахъ; но Князь Черниговскій отвергнулъ и сіе предложеніе, какъ злодѣйство безполезное. Съ обѣихъ сторонъ неудовольствіе возрасло. Святополкъ и Владиміръ, дѣйствуя во всемъ согласно, вооруженною рукою отняли у Давида Святославича, брата Олегова, Смоленскъ, отданный ему, какъ вѣроятно, еще Всеволодомъ, и послали его княжить въ Новгородъ, откуда Мономахъ перевелъ сына своего, Мстислава, въ Ростовъ[156]; но своевольные Новогородцы чрезъ два года объявили Давиду, что онъ имъ ненадобенъ, и вторично призвали къ себѣ, на его мѣсто, Мстислава. Лишенный Удѣла, Давидъ прибѣгнулъ, можетъ быть, къ Олеговой защитѣ: по крайней мѣрѣ ему возвратили область Смоленскую Юный сынъ Мономаховъ, Изяславъ, Правитель Курска, подалъ новый ко враждѣ случай, нечаянно завладѣвъ Муромомъ, городомъ Черниговскаго Князя, и взявъ въ плѣнъ Олегова Намѣстника. Междоусобія.

Въ сихъ обстоятельствахъ Святополкъ и Владиміръ прислали звать Олега въ Кіевъ, на *съѣздъ Княжескій*. »Тамъ, »въ старѣйшемъ градѣ Русскомъ« — гово-

рили они — »утвердимъ безопасность »Государства въ общемъ совѣтѣ съ зна»менитѣйшимъ Духовенствомъ, съ Бо»ярами отцевъ нашихъ и гражданами.« Олегъ, не вѣря ихъ доброму намѣренію, съ гордостію имъ отвѣтствовалъ: »я »Князь, и не хочу совѣтоваться ни съ »Монахами, ни съ чернію.« *Когда такъ*, сказали Святополкъ и Владиміръ: *когда не хочешь воевать съ непріятелями земли Русской, ни совѣтов ться съ братьями, то признаемъ тебя самого врагомъ отечества, и Б гъ да судитъ между нами!* Взявъ Черниговъ, они приступили къ Стародубу, гдѣ находился Олегъ, и болѣе мѣсяца проливали невинную кровь въ жестокихъ битвахъ[57] Наконецъ Черниговскій Князь, смиренный голодомъ, долженъ былъ покориться, и клятвенно обѣщалъ пріѣхать на совѣтъ въ Кіевъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Давидомъ.

Гордость Олегова.

Святополкъ неперпѣливо хотѣлъ прекратить сію междоусобную войну, ибо Половцы тогда опустошали Россію; одна полпа ихъ сожгла въ Берестовѣ домъ Княжескій, другая мѣстечко Успье, близъ Переяславля, и шесть Святополковъ, Тугоркань, осадилъ сію Мономахову столицу. Великій Князь и Владиміръ умѣли

Маія 24.

30 Маія.

скрыть свои движенія отъ непріятеля, перешли Днѣпръ, явились внезапно подъ стѣнами осажденнаго города. Обрадованные жители впрѣшили ихъ, и Россіяне бросились въ Трубежъ, ревностно желая битвы съ Половцами, которые стояли на другой сторонѣ сей рѣки. Напрасно осторожный Владиміръ хотѣлъ поспроить воиновъ: не внимая начальникамъ, они устремились на варваровъ, и своимъ мужествомъ рѣшили побѣду. Самъ Тугоркань, сынъ его, знаменитѣйшіе Половцы легли на мѣстѣ. Святополкъ взялъ тѣло перваго и съ честію предалъ оное землѣ недалеко отъ своего Берестовскаго дворца. — Въ то самое время, когда Россіяне торжествовали свою побѣду, другой Князь Половецкій, Бонякъ, едва не овладѣлъ Кіевомъ; выжегъ предмѣстіе, *красный дворъ* Всеволодовъ на Выдобичахъ, монастыри; ворвался ночью въ Обитель Печерскую, умертвилъ нѣсколько безоружныхъ Монаховъ, пробужденныхъ шумомъ и воплемъ свирѣпаго непріятеля; ограбилъ церковь, келіи, и съ добычею удалился, оставивъ деревянныя зданія въ пламени[58].

Июня 19.

Июня 20.

Сожженіе монастыря Кіево-печерскаго.

Святополкъ, возвратясь въ Кіевъ, напрасно ждалъ Олега, который, не бывъ принятъ Смоленскими жителями, пошелъ

къ Мурому[159]. Изяславъ, сынъ Мономаховъ, призвалъ къ себѣ войско изъ Ростова, Суздаля, Бѣлаозера, и готовился отразить сего непріятеля, »Иди княжить въ »свою Ростовскую область,« велѣлъ сказать ему Олегъ: »отецъ твой отнялъ у »меня Черниговъ: не ужели и въ Муромѣ, »наслѣдственномъ моемъ достояніи, вы »лишите меня хлѣба? Я не хочу войны, »и желаю примириться съ Владиміромъ.« Олегъ имѣлъ съ собою малочисленную дружину, набранную имъ въ Рязани, которая зависѣла тогда отъ Черниговскихъ Князей; но получивъ гордый отказъ, смѣло обнажилъ мечь. Юный Изяславъ палъ въ сраженіи, и войско его разсѣялось. Побѣдитель взялъ Муромъ (гдѣ была супруга Изяславова), Суздаль, Ростовъ, и слѣдуя тогдашнему варварскому обыкновенію, плѣнилъ множество безоружныхъ гражданъ.

6. Сентября.

Мстиславъ Владиміровичь, Князь Новогородскій, крестникъ Олеговъ, сѣдавъ о несчастной судьбѣ Изяславовой, велѣлъ привезти къ себѣ тѣло его, и съ горестію погребъ оное въ Софійской церкви. Сей великодушный Князь, любя справедливость, не винилъ Олега въ завоеваніи Мурома, но требовалъ, чтобы онъ вышелъ изъ Ростова и Суздаля; не упрекалъ его даже и смертію Изяслава, говоря ему чрезъ Пословъ: »ты убилъ моего брата; »но въ рапахъ гибнутъ Цари и Герои. »Будь доволенъ своимъ наслѣдственнымъ »городомъ: въ такомъ случаѣ умолю отца моего примириться съ тобою.« Олегъ не хотѣлъ слушать никакихъ предложеній, думая скоро взять самый Новгородъ. Тогда Мстиславъ, любимый народомъ, вооружился. Начальникъ отряда Новогородскаго, Добрыня Рагуйловичь, захватилъ людей Олеговыхъ, посланныхъ для собранія дани, и сбилъ его передовое войско на рѣкѣ Медвѣдицѣ (въ Тверской Губерніи). Олегъ не могъ удержать ни Ростова, ни Суздаля; выжегъ сей послѣдній городъ, оставивъ въ немъ только одинъ монастырь съ церквами, и засѣлъ въ Муромѣ. Добродушный Мстиславъ, уважая крестнаго отца, снова предложилъ ему миръ, желая только, чтобы онъ возвратилъ плѣнныхъ, и въ то же время убѣдительно просилъ родителя своего забыть вражду Олегову. Мономахъ отправилъ въ Суздаль меньшаго сына, Вячеслава, съ конпымъ отрядомъ союзныхъ Половцевъ, написавъ къ Олегу краснорѣчивое письмо такого содержанія[160]:

Храбрость и добродушіе Мстислава.

Письмо Мономахово.

»Долго печальное сердце мое боролось съ »закономъ Христіанина, обязаннаго про- »щать и миловать: Богъ велитъ брать- »ямъ любить другъ друга; но самые ум- »ные дѣды, самые добрые и блаженные »отцы наши, обольщаемые врагомъ Хри- »стовымъ, возставали на кровныхъ..... »Пишу къ тебѣ, убѣжденный твоимъ »крестнымъ сыномъ, который молитъ »меня оставить злобу для блага земли »Русской, и предать смерть его брата »на судъ Божій. Сей юноша устыдилъ »отца своимъ великодушіемъ! Дерзнемъ »ли, въ самомъ дѣлѣ, отвергнуть примѣръ »Божественной кротости, данный намъ »Спасителемъ, мы тлѣнныя созданія? ты- »нѣ въ чести и въ славѣ, завтра въ мо- »гилѣ, и другіе раздѣлятъ наше богат- »ство! Вспомнимъ, братъ мой, отцевъ »своихъ: что они взяли съ собою, кромѣ »добродѣтели? Убивъ моего сына и тво- »его собственнаго крестника, видя кровь »сего агнца, видя сей юный увядшій цвѣтъ, »ты не пожалѣлъ объ немъ; не пожалѣлъ »о слезахъ отца и матери; не хотѣлъ »написать ко мнѣ письма утѣшительна- »го; не хотѣлъ прислать, бѣдной, невин- »ной сироты, чтобы я вмѣстѣ съ нею »оплакалъ ея мужа, не видавъ ихъ радости-

»наго брака, не слыхавъ ихъ веселыхъ »свадебныхъ пѣсней.... Ради Бога от- »пусти несчастную, да сѣпустѣ какъ »горлица въ домѣ моемъ, а меня утѣшитъ »отецъ Небесный. — Не укоряю тебя без- »временною кончиною любезнаго мнѣ сы- »на: и знаменитѣйшіе люди находятъ »смерть въ битвахъ; онъ искалъ чужаго »и ввелъ меня въ стыдъ и въ печаль, »обманутый слугами корыстолюбивыми. »Но лучше, если бы ты, взявъ Муромъ, »не бралъ Ростова, и тогда же примирил- »ся со мною. Разсуди самъ, мнѣ ли над- »лежало говорить первому, или тебѣ? »Если имѣешь совѣсть; если захочешь »успокоить мое сердце, и съ Посломъ »или Священникомъ напишешь ко мнѣ »грамоту безъ всякаго лукавства: то »возмешь добрымъ порядкомъ область »свою, обратишь къ себѣ наше сердце, »и будемъ жить еще дружелюбнѣе прež- »няго. Я не врагъ тебѣ, и не хотѣлъ »крови твоей у Спародуба« (гдѣ Свято- »полкъ и Мономахъ осаждали сего Князя): »но дай Богъ, чтобы и братья не же- »лали пролитія моей. Мы выгнали тебя »изъ Чернигова единственно за дружбу »твою съ невѣрными; и въ томъ каюсь, »послушавъ брата (Святополка). Ты го-

»сподствуешь теперь въ Муромѣ, а сы»новья мои въ области своего дѣда. Захо»чешь ли умертвить ихъ? твоя воля. »Богу извѣстно, что я желаю добра оте»честву и братьямъ. Да лишится навѣ»ки мира душевнаго, кто не желаетъ »изъ васъ мира Христіанамъ! — Не боязнь »и не крайность заставляютъ меня го»ворить такимъ образомъ, но совѣсть и »душа, которая мнѣ всего на свѣтѣ дра»гоцѣннѣе.«

Вѣролюбіе Олегово.

Олегъ согласился заключить миръ, чтобы обмануть племянника; и когда Мстиславъ, распустивъ воиновъ по селамъ, безпечно сидѣлъ за обѣдомъ съ Боярами своими, гонцы принесли ему вѣсть, что коварный его дядя стоитъ уже на Клязмѣ съ войскомъ. Олегъ думалъ, что Мстиславъ, изумленный его внезапнымъ нападеніемъ, уйдетъ изъ Суздаля; но сей юный Князь, въ одни сутки собравъ дружину Новогородскую, Ростовскую, Бѣлозерскую, приготовился къ битвѣ за городскимъ валомъ. Олегъ четыре дни стоялъ неподвижно, и Вячеславъ, другой сынъ Мономаховъ, успѣлъ соединиться съ братомъ. Тогда началось сраженіе. Олегъ ужаснулся, видя славное знамя Владимірово въ рукахъ вождя Половецкаго, захо-

Г. 1097. Марша 1.

дившаго къ нему въ тылъ съ отрядомъ Мстиславовой пѣхоты, и скоро обратился въ бѣгство; поручилъ меньшему своему брату, Ярославу, Муромъ, а самъ удалился въ Рязань. Мстиславъ, умѣренный въ счастіи, не хотѣлъ завладѣть ни тѣмъ, ни другимъ городомъ, освободивъ единственно Ростовскихъ и Суздальскихъ плѣнниковъ, тамъ заключенныхъ. Бѣгая отъ него, Олегъ скитался въ отчаяніи, и не зналъ, гдѣ приклонить голову; но племянникъ велѣлъ ему сказать, чтобы онъ былъ спокоенъ. »Святополкъ и Владиміръ не лишатъ тебя земли Русской,« говорилъ сей чувствительный юноша: »я буду твоимъ вѣрнымъ ходатаемъ. Останься и властвуй въ своемъ Княженіи: столько смирися.« Мстиславъ сдержалъ слово: вышелъ изъ Муромской области, возвратился въ Новгородъ и примирилъ Олега съ Великимъ Княземъ и своимъ отцемъ.

Великодушіе Мстислава.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Россія въ первый разъ увидѣла торжественное собраніе Князей своихъ, на берегу Днѣпра въ городѣ Любечѣ. Сидя на одномъ ковръ[161], они благоразумно разсуждали, что отечество гибнетъ отъ ихъ несогласія; что имъ должно наконецъ прекратить

Съѣзд Князей.

междоусобіе, вспомнишь древнюю славу предковъ, соединишься душею и сердцемъ, унявъ внѣшнихъ разбойниковъ, Половцевъ, — успокоишь Государство, заслужишь любовь народную. Нѣтъ сомнѣнія, что Мономахъ, другъ отечества и благоразумнѣйшій изъ Князей Россійскихъ, былъ виновникомъ и душею сего достопамятнаго собранія. Въ примѣръ умѣренности и безкорыстія онъ уступилъ Святославичамъ все, что принадлежало нѣкогда ихъ родителю, и Князья съ общаго согласія утвердили за Святополкомъ область Кіевскую, за Мономахомъ частный Удѣлъ отца его: Переяславль, Смоленскъ, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро; за Олегомъ, Давидомъ и Ярославомъ Святославичами Черниговъ, Рязань, Муромъ; за Давидомъ Игоревичемъ Владиміръ Волынскій; за Володаремъ и Васильком Ростиславичами Перемышль и Теребовль, отданные имъ еще Всеволодомъ. Каждый былъ доволенъ; каждый цѣловалъ святый крестъ, говоря: *да будетъ земля Русская общимъ для насъ отечествомъ; а кто возстанетъ на брата, на того мы всѣ возстанемъ.* Добрый народъ благословлялъ согласіе своихъ Князей: Князья обнимали другъ друга какъ истинные братья.

Сей торжественный союзъ былъ въ одно время заключенъ и нарушенъ самымъ гнуснѣйшимъ злодѣйствомъ, коего воспоминаніе должно быть оскорбительно для самаго отдаленнѣйшаго потомства. Лѣтописецъ извиняетъ главнаго злодѣя, сказывая, что клеветники обманули его; но такъ обманываются одни изверги. Сей недостойный внукъ Ярославовъ, Давидъ Игоревичъ, пріѣхавъ изъ Любеча въ Кіевъ, объявилъ Святополку, что Мономахъ и Василько Ростиславичъ суть ихъ тайные враги; что первый думаетъ завладѣть престоломъ Великокняжескимъ, а вторый городомъ Владиміромъ; что убіенный братъ ихъ, Ярополкъ Изяславичъ, погибъ отъ руки Василькова наемника, который ушелъ къ Ростиславичамъ[162]; что благоразуміе требуетъ осторожности, а месть жертвы. Великій Князь содрогнулся и заплакалъ, вспомнивъ несчастную судьбу любимаго брата. »Но справедливо ли сіе ужасное »обвиненіе?« сказалъ онъ: »да накажетъ »тебя Богъ, если обманывъ меня отъ »зависти и злобы.« Давидъ клялся, что ни ему въ Владиміръ, ни Святополку въ Кіевъ не господствовать мирно, пока живъ Василько; и сынъ Изяславовъ со-

Злодѣйство Давида и Святополка.

ласился быть вѣроломнымъ подобно отцу своему. Не зная ничего, спокойный въ совѣсти, Василько ѣхалъ тогда мимо Кіева, зашелъ помолиться въ монастырь Св. Михаила, ужиналъ въ сей Обители и ночевалъ въ станѣ за городомъ. Святополкъ и Давидъ прислали звать его, убѣждали остаться въ Кіевѣ до именинъ Великаго Князя, то есть, до Михайлова дня; но Василько, готовясь воевать съ Поляками, спѣшилъ домой и не хотѣлъ исполнить Святополкова желанія. »Видишь ли?« сказалъ Давидъ Великому Князю: »онъ презираетъ тебя въ самой об»ласти твоей: что жъ будетъ, когда при»ѣдетъ въ свою? займетъ безъ сомнѣнія »Туровъ, Пинскъ и другія мѣста, тебѣ »принадлежащія[163]. Вели схватить его и »отдать мнѣ, или ты вспомнишь совѣтъ »мой, но поздно.« Святополкъ вторично послалъ сказать Василько, чтобы онъ заѣхалъ къ нему хотя на минуту, обнять своихъ дядей и побесѣдовать съ ними. Несчастный Князь далъ слово; сѣлъ на коня, и въѣзжалъ уже въ городъ: шутъ встрѣтился ему одинъ изъ его усердныхъ Отроковъ, и съ ужасомъ объявилъ о гнусномъ заговорѣ. Василько не вѣрилъ. »Мы »цѣловали крестъ — сказалъ онъ — и кля-

Полб. 4.

»лися умереть друзьями; не хочу подо»зрѣніемъ оскорбить моихъ родственни»ковъ.« — перекрестился, и съ малочисленною дружиною въѣхалъ въ Кіевъ. Ласковый Святополкъ принялъ гостя на дворѣ Княжескомъ, ввелъ въ горницу, и самъ выщелъ, сказывая, что велитъ готовить завтракъ для любезнаго племянника. Василько осталася съ Давидомъ: началъ говорить съ нимъ; но сей злодѣй, еще новый въ ремеслѣ своемъ, блѣднѣлъ, не могъ отвѣчать ни слова и спѣшилъ удалиться. По данному знаку входятъ воины, заключаютъ Василька въ тяжкіе оковы. Мѣра злодѣйства еще не совершилась, и Святополкъ боялся народнаго негодованія: въ слѣдующій день созвавъ Бояръ и гражданъ Кіевскихъ, онъ торжественно объявилъ имъ слышанное отъ Давида. Народа отвѣтствовалъ: »Государь! »безопасность твоя для насъ священна: »казни Василька, если онъ дѣйствительно врагъ твой; когда же Давидъ оклеветалъ его, то Богъ отмститъ ему за »кровь невиннаго.« Знаменитыя духовныя особы смѣло говорили Великому Князю о человѣколюбіи и гнусности вѣроломства. Онъ колебался; но снова устращенный коварными словами Давида, отдалъ ему

жериву въ руки. Василька ночью привезли въ Бѣлгородъ и заперли въ пѣшной горницѣ; въ глазахъ его осприли ножъ, разспилали коверъ; взяли несчастнаго и хотѣли положить на землю. Угадавъ намѣреніе сихъ доспойныхъ слугъ Давида и Святополка, онъ запрепепалъ, и хотя былъ окованъ, но долгое время оборонялся съ такимъ усиліемъ, что имъ надлежало кликнуть помощниковъ. Его связали; раздавили ему грудь доскою, и вырѣзали обѣ зѣницы .... Василько лежалъ на коврѣ безъ чувспва. Злодѣи отправились съ нимъ въ Владимиръ, пріѣхали въ городъ Здвиженскъ обѣдать и велѣли хозяйкѣ вымыть окровавленную рубашку Князя. Жалосшный вопль сей чувспвишельной женщины привелъ его въ память. Онъ спросилъ: »гдѣ я?« выпилъ свѣжей воды; ощупалъ свою рубашку, и сказалъ: »начто »вы сняли съ меня окровавленную? я хо»тѣлъ спать въ ней предъ Судіею Все»вышнимъ[164] .... Давидъ ожидалъ Василька въ сполицѣ своей, Владимирѣ, и заключилъ въ шемницу, приставивъ къ нему двухъ Опроковъ и 30 воиновъ для страши.

Ослѣпленіе Василька

Слезы Мономаховы.

Мономахъ, узнавъ о семъ злодѣйствѣ, пришелъ въ ужасъ и залился слезами. »Никогда еще — сказалъ онъ — не бывало

»подобнаго въ землѣ Русской!« и немедленно увѣдомилъ о томъ Свяпославичей, Олега и Давида. »Прекратимъ зло въ на»чалѣ,« писалъ къ нимъ сей добрый Князь: »накажемъ изверга, который посрамилъ »отечество и далъ ножъ брату на брата; »или кровь еще болѣе польется, и мы »всѣ обратимся въ убійцъ; земля Русская »погибнетъ: варвары овладѣютъ ею.« Олегъ и Давидъ, подвигнутые такимъ же великодушнымъ негодованіемъ, соединились съ Мономахомъ, приближись къ Кіеву и грозно пребовали опвѣша отъ Святополка. Послы ихъ говорили именемъ Князей: »Ежели Василько преступ»никъ, то для чего же не хошѣлъ ты »судишься съ нимъ предъ нами? и въ »чемъ сосшоитъ вина его?« Великій Князь оправдывался своимъ легковѣріемъ, и пѣмъ, что не онъ, а Давидъ ослѣпилъ ихъ племянника. »Но въ пвоемъ городѣ,« сказали Послы и вышли изъ дворца. На другой день Владиміръ и Свяпославичи уже гошовились итши за Днѣпръ[165], чтобы осадить Кіевъ. Малодушный Свяпополкъ думалъ бѣжать, но граждане не пустили его, и зная доброе сердце Мономаха, отправили къ нему Посольство. Мипропо»лишъ и вдовствующая супруга Всеволо-

г. 1098.

дова явились въ станѣ соединенныхъ Князей: первый говорилъ именемъ народа, вторая плакала и молила. »Князья великодушные!« сказалъ Митрополитъ Владиміру и Святославичамъ: »не терзайте »отечества междоусобіемъ, не веселите »враговъ его. Съ какимъ трудомъ отцы »и дѣды ваши утверждали величіе и без»опасность Государства! Они пріобрѣта»ли чуждыя земли; а вы что дѣлаете? »губите собственную.« Владиміръ пролилъ слезы: онъ уважалъ память своего родителя, вдовствующую Княгиню его и Пастыря Церкви; а всего болѣе любилъ Россію. »Такъ!« отвѣтствовалъ Мономахъ съ горестію: »мы недостойны своихъ пред»ковъ и заслуживаемъ сію укоризну.« Князья согласились на миръ, и Владиміръ проспилъ Святополку собственную обиду: ибо сей неблагодарный, обязанный ему престоломъ, не устыдился повѣрить клеветѣ и считать его своимъ тайнымъ злодѣемъ. Великій Князь, сложивъ всю вину на Давида, далъ слово наказать его какъ общаго недруга.

Речь Митрополита.

Давидъ свѣдалъ о томъ и хотѣлъ отвратить бурю. Здѣсь одинъ изъ дополнителей Несторовой лѣтописи, именемъ Василій — вѣроятно, Инокъ или Священникъ — представляетъ самъ важное дѣйствующее лице, и разсказываетъ слѣдующія обстоятельства: »Я былъ тогда въ »Владимірѣ. Князь Давидъ ночью прислалъ »за мною. Окруженный своими Боярами, »онъ велѣлъ мнѣ сѣсть и сказалъ: *Василь»ко говоритъ, что я могу примириться »съ Владиміромъ. Иди къ заключенному*[166]; »*совѣтуй ему, чтобы онъ отправилъ Посла »къ Мономаху и склонилъ сего Князя о»ставить меня въ покоѣ. Въ знакъ благо»дарности далъ Василько любой изъ горо»довъ Червенскихъ: Всеволожь, Шеполь или »Перемиль.* Я исполнилъ Давидову волю. »Несчастный Василько слушалъ меня со »вниманіемъ, и съ кротостію отвѣтствовалъ: *Я не говорилъ ни слова, но сдѣлаю »угодное Давиду, и не хочу, чтобы для ме»ня проливали кровь Россіянъ. Только удив»ляюсь, что Давидъ въ знакъ милости »даетъ мнѣ собственный мой городъ Ше»поль: я и въ темницѣ Князь. Теребовля. »Скажи, что желаю видѣть и послать ко »Владиміру Боярина моего, Кульмея.* Давидъ »не хотѣлъ того, отвѣтствуя, что сего »человѣка нѣтъ въ Владимірѣ. Я вторич»но пришелъ къ Васильку, который вы»слалъ слугу, сѣлъ со мною и говорилъ »такъ: *Слышу, что Давидъ мыслитъ от-*

Прекрасная душа Василькова.

»дать меня къ ружи Ляхамъ; онъ еще не »успѣлъ моею кровію. ему надобна осталь»ная. Я мстилъ Ляхамъ за отечество и »сдѣлалъ имъ много зла[167]: пусть воля »Давидова совершится! Не боюсь смерти. »Но любя истину, открою тебѣ всю мою »душу. Богъ наказалъ меня за горд ств. »Зная, что идутъ ко мнѣ союзные Торки, »Берендѣи, Половцы и Печенѣги, я думалъ »въ своей надменности: Теперь скажу бра»тьямъ Володарю и Давиду: дайте мнѣ толь»ко свою младшую дружину; а сами пей»те и веселитесь. Зимою выступлю, лѣ»томъ завоюю Польшу. Земля у насъ не »богата жителями: пойду на Дунайскихъ »Болгаровъ, и плѣнниками населю ся пу»стыни. А тамъ буду проситься у Свя»тополка и Владиміра на общихъ враговъ »отечества, на злодѣевъ Половцевъ; до»стигну славы или положу голову за Рус»скую землю. *Въ душѣ моей не было иной* »*мысли. Клянуся Богомъ, что я не хо*»*тѣлъ сдѣлать ни малѣйшаго зла ни Свя*»*тополку, ни Давиду, ни другимъ брать*»*ямъ любезнымъ.*« Сей несчастный Князь, въ стѣнахъ темницы открывая душу свою какому нибудь смиренному Иноку, не думалъ, что самое отдаленное потомство услышитъ его слова, достойныя Героя!

Еще болѣе мѣсяца Василько томился въ заключеніи: Владиміръ — озабоченный, какъ вѣроятно, набѣгами Половцевъ — не могъ освободить его[168]. Давидъ ободрился и хотѣлъ увеличить область свою завоеваніемъ Теребовля; но устрашенный мужествомъ Володаря Ростиславича, не дерзнулъ обнажить меча въ полѣ и бѣжалъ въ городъ Бужскъ. Володарь, осадивъ его, требовалъ единственно брата, и гнусный Давидъ, принужденный отпустить Василька, увѣрялъ, что одинъ Святополкъ былъ виною злодѣянія. »Не »въ моей области« — говорилъ онъ — »по»страдалъ братъ твой; я долженъ былъ »на все согласиться, чтобы не имѣть »такой же участи.« Володарь заключилъ миръ; но какъ скоро освободилъ Василька, то снова объявилъ войну Давиду. Ослѣпленные злобою мести, Ростиславичи обратили въ пепелъ городъ Всево- Месть Ростиславичей.
ложь, безчеловѣчно умертвили жителей, и приступивъ ко Владиміру, велѣли сказать гражданамъ, чтобы они выдали имъ трехъ совѣтниковъ Давидовыхъ, научившихъ его погубить Василька. Граждане созвали Вѣче и разсуждали, что имъ дѣлать. »Мы рады умереть за самого Князя,« говорилъ народъ: »а слуги его не стоятъ

»кровопролитія. Онъ долженъ исполнить »нашу волю, или отворимъ городскія во»рота и скажемъ ему: *промышляй о себѣ!*« Давидъ хотѣлъ спасти напередниковъ; но болѣе возмущенія, предалъ двухъ изъ нихъ въ жертву (третій ушелъ въ Кіевъ). Злодѣевъ повѣсили и разстрѣляли: Васильковы Опроки совершили сію месть въ знакъ любви къ своему Князю.

Г. 1099. Ростиславичи удалились; но Давидъ не избавился отъ бѣдствія. Святополкъ, обязанный торжественною клятвою, шелъ наказать его, и стоялъ уже въ Брестѣ. Давидъ искалъ защиты у Короля Польскаго, Владислава: сей Государь, взявъ отъ него 50 гривенъ золота, велѣлъ ему ѣхать съ собою, расположился станомъ на Бугѣ, и вступилъ въ переговоры съ Великимъ Княземъ. Королю хотѣлось новыхъ даровъ: получивъ ихъ отъ Святополка, онъ совѣтовалъ Давиду возвратиться въ свою область, ручаясь за его безопасность. Но Великій Князь, съ согласія Поляковъ, немедленно осадилъ Владиміръ. Обманутый Королемъ, Давидъ чрезъ семь недѣль примирился съ Святополкомъ, уступилъ ему Владимірскую область и выѣхалъ въ Польшу.

Корыстолюбіе Поляковъ.

Апрѣля 9.

Святополкъ не замедлилъ осрамить

себя новымъ вѣроломствомъ. Вступая въ предѣлы Волыніи, онъ торжественно клялся Ростиславичамъ, что будетъ имъ другомъ и желаетъ единственно смирить ихъ общаго непріятеля, Давида; но побѣдивъ его, Великій Князь захотѣлъ овладѣть Перемышлемъ и Теребовлемъ, объявляя, что сіи города принадлежали нѣкогда отцу его и брату. Святополкъ надѣялся на многочисленное войско, а мужественные Ростиславичи на свою правду. Слѣпый Василько явился на мѣстѣ битвы, и показывая въ рукахъ крестъ, громко кричалъ Святополку: »Видишь ли мстите»ля, клятвопреступникъ? Лишивъ ме»ня зрѣнія, хочешь отнять и жизнь мою. »Крестъ святый да будетъ намъ судіею.« Сраженіе было кровопролитное. Святополкъ не могъ успокоить и бѣжалъ въ Владиміръ: поручилъ сей городъ сыну Мстиславу, прижитому съ наложницею; другаго сына, Ярослава, отправилъ въ Венгрію за наемнымъ войскомъ; племянника, Святошу Давидовича, оставилъ въ Луцкѣ, а самъ уѣхалъ въ Кіевъ. Ростиславичи гнались за побѣжденнымъ только до границъ своей области и возвратились, не желая никакихъ пріобрѣтеній: умѣренность великодушная! Они помнили клят-

Новое вѣроломство Святополка.

Умѣренность Ростиславичей.

ву, данную ими въ Любечѣ, и гнушались примѣрами вѣроломства.

Сынъ Великаго Князя, Ярославъ, склонилъ Государя Венгерскаго объявить войну Ростиславичамъ, и Коломанъ, собравъ великія силы, вступилъ въ Червенскую область. Володарь затворился въ Перемышлѣ. Давидъ Игоревичь[169], напрасно искавъ друзей и союзниковъ внѣ Государства, возвратился тогда изъ Польши: видя общую опасность, прибѣгнулъ къ Ростиславичамъ, и въ знакъ довѣренности оставивъ жену свою у Володаря, отправился къ Половцамъ. Ханъ Бонякъ, встрѣтивъ его на границѣ, взялся дѣйствовать противъ врага Россіи. Лѣтописецъ говоритъ, что Половцевъ было 390 человѣкъ, а Давидовыхъ воиновъ 100; что Бонякъ, искусный гадатель будущаго, въ темную глубокую ночь отъѣхалъ отъ стана и началъ *выть*; что звѣри степные отвѣтствовали ему такимъ же воемъ, и что обрадованный Ханъ предсказалъ Давиду несомнительную побѣду. Суевѣріе бываетъ иногда счастливо: ободривъ воиновъ, мужественный Бонякъ раздѣлилъ ихъ на три части; велѣлъ товарищу своему, Алтунопѣ, итти прямо на Венгровъ съ 50 стрѣлками; поручилъ Давиду главный отрядъ, а самъ засѣлъ впереди, по обѣимъ сторонамъ дороги, имѣя не болѣе ста человѣкъ. Алтунопа увидѣлъ вдали множество Венгровъ, коихъ оружіе и латы блистали отъ первыхъ лучей восходящаго солнца, и которые стояли рядами на великомъ пространствѣ. Онъ шелъ смѣло, и пустивъ нѣсколько стрѣлъ, обратился въ бѣгство. Когда же Венгры устремились въ слѣдъ за нимъ безъ всякаго порядка, Бонякъ ударилъ на нихъ въ тылъ, Алтунопа спереди, Давидъ также[170]. Володарь, осажденный въ Перемышлѣ, могъ воспользоваться симъ случаемъ для удачной вылазки. Изумленные Венгры въ ужасѣ, въ смятеніи, давили другъ друга; бросались въ рѣку Сань, и тонули. Побѣдители гнали ихъ два дни. Самъ Коломанъ едва спасъ жизнь свою, потерявъ около 40,000 воиновъ, многихъ Бароновъ и тѣлохранителей; а сынъ Святополковъ ушелъ въ Брестъ. Венгерскіе Лѣтописцы разсказываютъ, что виною сего *безпримѣрнаго* несчастія была неосторожность ихъ Государя, обманутаго притворными слезами вдовствующей Россійской Княгини *Ланки*, которая, стоя на колѣнахъ, умоляла его быть милосердымъ къ ея народу; что Венгры, не ожидая сопротивленія и

Пораженіе Венгровъ.

битвы, спали крѣпкимъ сномъ, когда Ханъ Половецкій напалъ въ глубокую ночь на ихъ станъ, и не давъ имъ опомниться, умертвилъ множество людей. Коломанъ безъ сомнѣнія думалъ тогда завладѣть Червенскою областію: съ нимъ были не только знаменитѣйшіе свѣтскіе чиновники, но и Епископы, готовые обращать Россіянъ въ свою Вѣру. Одинъ изъ сихъ Епископовъ, именемъ Купанъ, погибъ въ сраженіи.

Давидъ Игоревичъ, желая употребить въ свою пользу несчастіе Святополка и союзниковъ его, взялъ Червенъ, и внезапно осадилъ Владиміръ, гдѣ сынъ Великаго Князя, Мстиславъ, собственною неустрашимостію ободрялъ воиновъ; но пораженный стрѣлою — въ самое то мгновеніе, какъ онъ напрягивалъ лукъ — сей юноша палъ на станѣ и чрезъ нѣсколько часовъ умеръ[172]. Три дни кончина его была тайною для народа: узнавъ оную, граждане въ общемъ совѣтѣ положили увѣдомить Святополка о своей крайности. Съ одной стороны они боялись гнѣва его, съ другой неминуемаго голода. Святополкъ отправилъ къ нимъ Воеводу Путяту, и велѣлъ ему соединиться въ Луцкѣ съ дружиною Святоши. Сей юный племянникъ Великаго Князя взялъ подъ стражу Давидовыхъ Пословъ, которыхъ онъ до того времени клятвенно увѣрялъ въ дружбѣ, обѣщался извѣстить ихъ Государя о первомъ движеніи Святополкова войска. Обманутый Давидъ безпечно отдыхалъ въ полдень, Авг. 5. когда Путята и Святоша напали на его станъ; въ то же время осажденные сдѣлали вылазку. Пробужденный шумомъ и крикомъ битвы, Давидъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ, и Владимірцы съ радостію приняли въ городъ свой Посадника Святополкова[173]; но обстоятельства перемѣнились, какъ скоро Путята вывелъ отпуда войско. Болякъ, славный побѣдитель Венгровъ, вступился за Давида и возвратилъ ему область его, изгнавъ Святошу изъ Луцка и Посадника Кіевскаго изъ Владиміра.

Междоусобія.

Тогда Князья Россійскіе, взаимно огорчаемые своимъ несогласіемъ, вѣроломствомъ, малодушнымъ властолюбіемъ, вторично собрались близъ Кіева: Святополкъ, Мономахъ и Святославичи; заключили новый союзъ между собою и звали Давида. Сей Князь Владимірскій не дерзнулъ ихъ ослушаться; но пріѣхавъ, гордо сказалъ: »Я здѣсь: чего отъ меня хотите? кто »недоволенъ мною?« ... *Не ты ли сялъ—*

г. 1100. Іюня 30. Новый съѣздъ Князей.

опвѣтствовалъ ему Владиміръ — *желалъ общаго Княжескаго собранія, чтобы представить намъ свои неудовольствія? Теперь сидишь на одномъ коврѣ съ братьями: говори, кто и чѣмъ оскорбилъ тебя?* Давидъ молчалъ. Князья встали и сѣли на коней. Отъѣхавъ въ сторону, каждый совѣтовался съ своею дружиною. Давидъ сидѣлъ одинъ. Наконецъ они снеслися между собою, и Послы ихъ торжественно сказали ему: »Князь Давидъ! объявляемъ волю »нашихъ Государей. Область Владимірская уже не твоя отнынѣ: ибо ты былъ »причиною вражды и злодѣйства, неслыханнаго въ Россіи. Но живи спокойно; не »бойся мести. Бужскъ оспается твоимъ »городомъ: Святополкъ даетъ тебѣ еще »Дубно и Черторижскъ, Мономахъ 200 »гривенъ, Олегъ и братъ его тоже.« Давидъ смирился, и Святополкъ чрезъ нѣкоторое время уступилъ ему Дорогобужъ Волынскій, отдавъ Владиміръ сыну своему, Ярославу. Соединенные Князья отправили такжеОсловъ къ Ростиславичамъ, требуя, чтобы они выдали плѣнниковъ, взятыхъ ими въ битвѣ съ коварнымъ Святополкомъ, и господствовали въ одномъ Перемышлѣ; чтобы Володарь взялъ къ себѣ несчастнаго Василька или прислалъ

Усмиреніе Давида.

къ дядямъ, которые обязываются *кормить* его. Но Ростиславичи съ гордостію отвергнули сіе предложеніе, и великодушный слѣпецъ хотѣлъ умереть Теребовльскимъ Княземъ. Святополкъ, испытавъ храбрость ихъ, не смѣлъ уже воевать съ ними; но строго наказалъ своего роднаго племянника, Ярослава, сына Ярополкова, который, господствуя въ Брестѣ, вооружался и хотѣлъ завладѣть другими городами. Его привезли въ Кіевъ окованнаго цѣпями. Митрополитъ и Духовенство испросили ему свободу; но сей несчастный, бѣжавъ изъ Кіева, попался въ руки Владимірскому Князю, сыну Святополкову: снова былъ заключенъ, и чрезъ десять мѣсяцевъ умеръ въ темницѣ. Г. 1101.

Раздѣленіе Государства, вообще ослабивъ его могущество, уменьшило и власть Князей. Народъ, видя ихъ междоусобіе и частое изгнаніе, не могъ имѣть къ нимъ того священнаго уваженія, которое необходимо для государственнаго блага. Читатель замѣтилъ уже многіе примѣры тогдашняго своевольства гражданъ: слѣдующее происшествіе еще яснѣе доказываетъ оное. Великій Князь и Мономахъ согласились отдать Новгородъ сыну перваго, а Мстиславу, въ замѣну сей обла-

сти, Владимірь. Исполняя волю отца, Мстиславъ явился во дворцѣ Кіевскомъ, сопровождаемый знатными Новогородцами и Боярами Мономаха Когда Святополкъ посадилъ ихъ, Бояре говорили ему: »Мономахъ прислалъ къ тебѣ Мстислава, чтобы ты отправилъ его княжить въ »Владимірь, а сына своего въ Новгородъ.« *Нѣтъ!* сказали Послы Новогородскіе: *объявляемъ торжественно, что сего не будетъ. Святополкъ! ты самъ добровольно оставилъ насъ: теперь уже не хотимъ ни тебя, ни сына твоего. Пусть ѣдетъ въ Новгородъ, ежели у него двѣ головы! Мы сами воспитали Мстислава, данаго намъ еще Всеволодомъ*[173]. Великій Князь долго спорилъ съ ними; но, поставивъ на своемъ, они возвратились въ Новгородъ со Мстиславомъ.

Декаб. 2

Строптивость Новогородцевъ.

Между тѣмъ вторый Княжескій съѣздъ былъ счастливѣе перваго, утвердивъ союзъ Святославичей съ Великимъ Княземъ и Мономахомъ. Половцы, опасаясь слѣдствій онаго, именемъ всѣхъ Хановъ своихъ требовали мира, и заключивъ его въ городѣ Саковѣ, взяли и дали аманатовъ. Сей миръ, какъ и прежніе, только отсрочилъ войну, необходимую по мнѣнію благоразумнаго Князя Владиміра. Въ слѣдующій годъ, весною, онъ и Святополкъ имѣли свиданіе близъ Кіева, на лугу, и сидя въ одномъ шатрѣ, совѣщовались съ Боярами[174]. Дружина Великаго Князя говорила, что весна не благопріятна для военныхъ дѣйствій; что если они для конницы возьмутъ лошадей у земледѣльцевъ, то поля останутся не вспаханы, и въ селахъ не будетъ хлѣба. »Удивляюсь (отвѣтствовалъ Мономахъ), что вы жалѣете коней болѣе отечества. Мы дадимъ время пахать »земледѣльцу; а Половчинъ заспѣлитъ »его на самой нивѣ, въѣдетъ въ село, »плѣнитъ жену, дѣтей, и возметъ все »имѣніе орашал.« Бояре не могли оспоривать сего убѣдительнаго возраженія, и Великій Князь, вставъ съ мѣста, сказалъ: *я готовъ!* Владиміръ съ нѣжностію обнялъ брата, говоря ему, что земля Русская назоветъ его своимъ благодѣтелемъ. Они старались возбудить такую же ревность и въ другихъ Князьяхъ, призывая ихъ смирить варваровъ или умереть Героями. Олегъ Святославичь отговорился болѣзнію; но два брата его охотно вооружились. Князь Полоцкій, Всеславъ, знаменитый врагъ племени Ярославова, скончался въ 1101 году[175]: мень-

Совѣтъ Князей.

шій сынъ его, Давидъ, жертвуя наслѣдственною злобою общему благу, прибылъ въ станъ соединенныхъ войскъ: также Игоревъ внукъ, Мстиславъ, коего отецъ неизвѣстенъ, и который, вмѣстѣ съ дядею своимъ, Давидомъ Игоревичемъ, въ 1099 году осаждавъ Владиміръ, искалъ потомъ добычи или славы на морѣ[176]. Великій Князь взялъ съ собою роднаго племянника, Вячеслава, а Мономахъ сына своего, Ярополка. Грозное ополченіе сухимъ путемъ и водою двинулось къ Югу. Флотъ остановился за Днѣпровскими порогами, у Хортицкаго острова: тамъ построилось войско, и четыре дни шло степями къ Востоку до мѣста называемаго *Сутень*. Встревоженные непріятели собирались многочисленными полками къ вежамъ своихъ Хановъ, которые, видя опасность, совѣщовались между собою, что имъ дѣлать. Старшій изъ нихъ, именемъ Урособа, говорилъ товарищамъ, что надобно просить мира, и что Россіяне, долгое время терпѣвъ отъ Половцевъ, будутъ сражаться отчаянно. Ко славѣ соединенныхъ Князей, младшіе Ханы опровергнули сей благоразумный совѣтъ, съ гордостію отвѣтствуя: »Старецъ! ты »боишься Россіянъ! но мы положимъ дерз-

Счастливая война съ Половцами.

»кихъ враговъ на мѣстѣ, и возьмемъ всѣ »безащитные города ихъ.«

Въ то время, когда Половцы уже дѣлили въ мысляхъ своихъ добычу нашего стана, Россіяне готовились къ битвѣ молитвою и благочестивыми обѣтами; одни давали клятву, въ случаѣ побѣды, наградить убогихъ; другіе украсить церкви и монастыри вкладами. Успокоенные теплою вѣрою, они шли съ бодростію и веселіемъ. Алпупопа, славнѣйшій изъ храбрецовъ Половецкихъ, былъ впереди на стражѣ: Россіяне, окруживъ его, совершенно истребили сей отрядъ непріятельскій. Началося главное сраженіе. Лѣтописецъ говоритъ, что многочисленные полки варваровъ казались на обширной степи дремучимъ, необозримымъ боромъ; но что Половцы, объятые тайнымъ ужасомъ, были какъ сонные, едва могли править своими конями, и смятые первымъ ударомъ нашихъ, бѣжали во всѣ стороны. Никогда еще Россійскіе Князья не одерживали такой знаменитой побѣды надъ варварами. Урособа и 19 другихъ Хановъ пали въ сраженіи. Одного изъ нихъ, именемъ Бельдюза, привели къ Святополку: сей плѣнникъ хотѣлъ откупиться серебромъ, золотомъ и конями. Свято-

полкъ велѣлъ отвесши его къ Владиміру, который сказалъ ему: »Ты не училъ дѣ»шей своихъ и товарищей болѣться клятвопреступленія. Сколько разъ вы обѣ»щали миръ и губили Христіанъ? *Да »будетъ же кровь твоя на главѣ твоей!*« Бельдюза разсѣкли на части. Побѣдители взяли въ добычу множество скота, верблюдовъ, коней: освободили невольниковъ, и въ числѣ плѣнныхъ захватили Торковъ и Печенѣговъ, которые служили Половцамъ. Увѣнчанный славою Мономахъ, призывая Россіянъ къ торжеству и веселію, хвалилъ ихъ мужество, но всего болѣе славилъ Небо. »Сей день (говорилъ онъ) »есть праздникъ для отечества. Всевыш»ній избавилъ отъ враговъ землю Русскую: »они лежатъ у ногъ нашихъ! Сокрушены »главы змія, и мы обогатились достоя»ніемъ невѣрныхъ.« Въ надеждѣ, что Половцы не дерзнутъ уже безпокоить Россію, Святополкъ старался загладить слѣды ихъ прежнихъ опустошеній, и возобновилъ городъ Юрьевъ, ими сожженный, на берегу Роси.

Къ несчастію, сіи мирныя попеченія о гражданскомъ благосостояніи Государства не могли иногда имѣть успѣха: княженіе Святополка, отъ начала до конца,

представляетъ цѣпь рапныхъ дѣйствій. Россія была станомъ воинскимъ, и звукъ оружія не давалъ успокоиться ея жителямъ.

Ярославъ Святославичь, братъ Олеговъ и Давидовъ, былъ побѣжденъ Мордвою, въ Губерніи Тамбовской или Нижегородской, гдѣ сей народъ обитаетъ издревле, въ сосѣдствѣ съ Казанскими Болгарами. — Слѣдуя примѣру отцевъ своихъ, Великій Князь и Мономахъ вооружились противъ наслѣдниковъ Всеславовыхъ, которые независимо господствовали въ Полоцкой области. Пушкина, Воевода Святополковъ, Олегъ и Ярополкъ, сынъ Владиміровъ, ходили осаждать Глѣба Всеславича въ Минскѣ. Родный братъ Глѣбовъ, Давидъ, находился съ ними: вѣроятно, что онъ держалъ ихъ сторону. Но войско соединенное возвратилось безъ успѣха. — Всеславичи, избавленные отъ сей опасности, хотѣли покорить Семигалію. Несторъ называетъ ея жителей данниками Россіи[177]: быть можетъ, что они прежде зависѣли отъ Князей Полоцкихъ и вздумали иногда отложиться. Кровопролитная битва утвердила ихъ свободу: Всеславичи, потерявъ 9000 воиновъ, едва могли спасти остатокъ своей рати.

Г. 1104. Марш. 24 Война съ Мордвою и съ Князьями Полоцкими.

Г. 1106. Пораженіе Россіянъ въ Семигаліи.

Съ другой стороны Половцы новымъ грабительствомъ доказали Мономаху, что онъ еще не *сокрушилъ гидры*, и что не всѣ *главы* ея пали отъ меча Россійскаго. Уже варвары съ добычею и съ невольниками возвращались въ свою землю, когда Воеводы Святополковы настигли ихъ за Сулою и выручили плѣнныхъ. Въ слѣдующій годъ отважный Боняк, захвативъ табуны Переяславскіе, приступилъ къ Лубнамъ, вмѣстѣ съ знаменитымъ Вождемъ Половецкимъ, старымъ Шаруканомъ. Великій Князь, Олегъ, Мстиславъ, Игоревъ внукъ, Мономахъ съ двумя сынами, перешли за Сулу и съ грознымъ воплемъ устремились на варваровъ, которые не имѣли времени построиться, ни сѣсть на коней, и спасались бѣгствомъ, оставили весь обозъ свой въ добычу побѣдителю. Россіяне, гнавъ ихъ до самаго Хорола, многихъ убили и взяли въ плѣнъ. — Сіи успѣхи не возгордили Олега и Мономаха, которые въ томъ же году женили сыновей своихъ на дочеряхъ Ханскихъ[178]. Омерзѣніе къ злобнымъ язычникамъ уступало Политикѣ и надеждѣ успокоить Государство хотя на малое время. — Миръ не продолжался ни двухъ лѣтъ: Россіяне уже въ 1109 и въ слѣдующемъ году воевали близъ Дона и брали вежи Половецкія. Наконецъ Мономахъ снова убѣдилъ Князей дѣйствовать соединенными силами, и въ то время, когда народъ говѣлъ, слушая въ храмахъ молитвы Великопостныя, воины собирались подъ знаменами. Достойно замѣчанія, что около сего времени были многія воздушныя явленія въ Россіи, и самое землетрясеніе; но благоразумные люди старались ободрять суевѣрныхъ, толкуя имъ, что необыкновенныя знаменія предвѣщаютъ иногда необыкновенное *счастіе* для Государства, или побѣду: ибо Россіяне не знали тогда инаго счастія. Самые мирные Иноки возбуждали Князей разить злобныхъ сопостатовъ, вѣдая, что Богъ мира есть также и Богъ воинствъ, подвигнутыхъ любовію ко благу отечества[179]. Россіяне выступили 26 Февраля, и въ осьмый день стояли уже на Гольпѣ, ожидая заднихъ отрядовъ. На берегахъ Ворсклы они торжественно цѣловали крестъ, готовясь умереть великодушно; оставили многія рѣки за собою, и 19 Марта увидѣли Донъ. Тамъ воины облеклися въ брони, и стройными рядами двинулись къ Югу. Сей знаменитый походъ напоминаетъ Святославовъ, когда отваж-

Новые успѣхи въ войнѣ съ Половцами.

Г. 1107. 7 Маія.

12 Авг.

12 Генв. 1108.

Г. 1111.

Походъ знаменитый

ный внукъ Рюриковъ шелъ отъ берговъ Днѣпра сокрушить величіе Козарской Имперіи. Его смѣлые вишязи ободряли, можетъ быть, другъ друга пѣснями войны и кровопролитія: Владиміровы и Святополковы съ благоговѣніемъ внимали церковному пѣнію Іереевъ, коимъ Мономахъ велѣлъ итти предъ воинствомъ со крестами. Россіяне поплатили непріятельскій городъ Осеневъ (ибо жители встрѣтили ихъ съ дарами: съ виномъ, медомъ и рыбою); другой, именемъ Сугровъ, былъ обращенъ въ пепелъ. Сіи города на берегу Дона существовали до самаго нашествія Тамаръ и были, какъ вѣроятно, основаны Козарами; Половцы, завладѣвъ ихъ страною, и сами уже обитали въ домахъ. 24 Марта Князья разбили варваровъ, и праздновали Благовѣщеніе вмѣстѣ съ побѣдою; но чрезъ два дни свирѣпые враги окружили ихъ со всѣхъ сторонъ на берегахъ Сала. Битва, самая отчаянная и кровопролитная, доказала превосходство Россіянъ въ искусствѣ воинскомъ. Мономахъ сражался какъ истинный Герой, и быстрымъ движеніемъ своихъ полковъ сломилъ непріятеля. Лѣтописецъ говоритъ, что Ангелъ свыше каралъ Половцевъ, и что головы ихъ, *невидимою* рукою сѣкаемыя, летѣли на землю: Богъ всегда *невидимо* помогаетъ храбрымъ. — Россіяне, довольные множествомъ плѣнныхъ, добычею, славою (которая, по увѣренію современниковъ, разнеслася отъ Греціи, Польши, Богеміи, Венгріи до самаго Рима), возвратились въ отечество, уже не думая о своихъ древнихъ завоеваніяхъ на берегахъ Азовскаго моря, гдѣ Половцы безъ сомнѣнія тогда господствовали, овладѣвъ Воспорскимъ Царствомъ или Тмуторокапскимъ Княженіемъ, коего имя съ сего времени исчезло въ нашихъ лѣтописяхъ[180].

Имя Тмуторокапи исчезаетъ въ лѣтописяхъ.

Въ числѣ многихъ Князей, ходившихъ на Донъ съ Владиміромъ и Святополкомъ, былъ и Давидъ Игоревичь Дорогобужскій памятный злодѣйствомъ: онъ скоро умеръ; область его наслѣдовалъ зять Мстислава Новогородскаго, Ярославъ Святополковичь, который ознаменовалъ свое мужество двукратною побѣдою надъ Ятвягами, спровинившими данниками нашего отечества[181]. Сею войною заключились подвиги Россіянъ въ бурное княженіе Святополка, умершаго въ 1113 году. Онъ имѣлъ всѣ пороки малодушныхъ: вѣроломство, неблагодарность, подозрительность, надменность въ сча-

Г. 1112.

Апрѣл. 16. Кончина Святополкова.

спіи и робостіи въ бѣдствіяхъ. При немъ унизилось достоинство Великаго Князя, и только сильная рука Мономахова держала его 20 лѣтъ на престолѣ, даруя побѣды отечеству.

Святополкъ былъ набоженъ: готовясь къ войнѣ, къ путешествію, онъ всегда бралъ молитву у Печерскаго Игумена, надъ гробомъ Ѳеодосія, и самъ же благодарилъ Всевышняго за всякую побѣду; украшалъ, строилъ церкви, — какъ-то Михаила Златоверхаго въ Кіевѣ, гдѣ погребено тѣло сего Князя — и въ 1108 году велѣлъ Митрополиту вписать Ѳеодосіево имя въ Синодикъ, для поминовенія во всѣхъ Россійскихъ Епископіяхъ. Довольный наружностію благочестія, онъ явно преступалъ святые уставы нравственности, имѣя наложницъ и равняя побочныхъ дѣтей съ законными[182].

Святополкъ оставилъ супругу, которая, по его смерти, раздала великое богатство монастырямъ, Священникамъ и бѣднымъ (ибо онъ собралъ множество золота, и притомъ всякими средствами: Евреи въ Кіевѣ. шерилъ Евреевъ въ Кіевѣ — вѣроятно, переѣхавшихъ къ намъ изъ Тавриды — и самъ не стыдился, къ унѣсенію народа, торговать солью, которую привозили

купцы изъ Галича и Перемышля). — Сбы- Продажа соли.
слава, дочь Великаго Князя, въ 1102 году сочеталась бракомъ съ Королемъ Польскимъ, Болеславомъ Кривоустымъ. Взаимная государственная польза требовала Брачные союзы. сего союза, и Балдвинъ, Епископъ Краковскій, исходатайствовалъ разрѣшеніе отъ Папы: ибо Княжна Россійская была въ свойствѣ съ Королемъ. Брачное торжество совершилось въ Краковѣ: Болеславъ, въ изъявленіе своего удовольствія, щедро одарилъ Вельможъ Польскихъ. Онъ уважалъ тестя, и простилъ своего брата, мятежнаго Избыгнѣва, который, въ 1106 году пріѣхавъ въ Кіевъ, молилъ Великаго Князя быть посредникомъ между ими. Вторая дочь Святополкова, именемъ Предслава, въ 1104 вышла за Королевича Венгерскаго, сына Коломанова, Ладислава или Николая. Въ то же самое время — въ 1104 году — третья Княжна Россійская, дочь знаменитаго Володаря и племянница Василькова, была выдана за Царевича Греческаго, сына Алексіева, Андроника или Исаакія: первый убитъ на войнѣ въ цвѣтущей юности; второй былъ родоначальникомъ Императоровъ Трапезунтскихъ. — Коломанъ, Государь Венгерскій, уже престарѣлый женился въ 1112 году на дочери

Мономаховой, Евфимін; но сей бракъ имѣлъ несчастныя слѣдствія. Подозрѣвая супругу въ невѣрности, Коломанъ развелся съ нею, и Евфимія беременная возвратилась въ отечество, гдѣ родила сына, Бориса [185].

Митрополиты. Въ Княженіе Святополково Митрополитами были Греки Николай и Никифоръ: первый ѣздилъ Посломъ къ Мононаху отъ Кіевскихъ гражданъ въ 1098 году, и ходатайствовалъ за несчастнаго племянника Святополкова, Ярослава; при второмъ сынъ Давида Черниговскаго, Святославъ, названный за его благочестіе *Святошею*, отказался отъ міра, и заключился въ Обители Печерской, уважая монашескія добродѣтели болѣе гражданскихъ.

Князь Святоша. Сей Князь, бывъ сперва слугою иноковъ и врачаремъ, долгое время смирялъ плоть свою трудами и воздержаніемъ, безпрестанно работая въ кельѣ или въ саду, имъ разведенномъ; отдавалъ бѣднымъ все, что имѣлъ, и способствовалъ въ монастырѣ своемъ заведенію библіотеки — Время Никифоровой паствы ознаменовалось еще въ церковныхъ лѣтописяхъ прибытіемъ въ Новгородъ Св. Антонія Римскаго, ученаго мужа, которому тамошніе чиновники и Епископъ Никита дали, на берегу Волхова, мѣсто и село для основанія монастыря, одного изъ древнѣйшихъ въ Россіи [186].

Св. Антоній Римлянинъ.

Къ достопамятностямъ вѣка Святополкова принадлежитъ любопытное путешествіе Россійскаго Игумена Даніила къ Святымъ Мѣстамъ, уже завоеванным тогда Крестоносцами. Славный Бальдвинъ царствовалъ въ Іерусалимѣ: Даніилъ въ своихъ запискахъ хвалитъ его добродѣтели, привѣтливость, смиреніе. Подъ защитою Королевской дружины сей Игуменъ ходилъ къ Дамаску, въ Акру, и могъ безопасно осмотрѣть всю Палестину, гдѣ еще скитались толпы невѣрныхъ и грабили Христіанъ. Онъ выпросилъ дозволеніе у Бальдвина поставить лампаду надъ гробомъ Спасителя и записалъ въ Обители Св. Саввы, для поминанія на ектеніяхъ, имена Князей Россійскихъ: Святополка-Михаила, Владиміра-Василія, Давида Святославича, Олега-Михаила, Святослава-Панкратія и Глѣба Минскаго. Достойно замѣчанія, что многіе знатные, Кіевляне и Новогородцы находились тогда въ Іерусалимѣ [185]. Алексій Комнинъ безъ сомнѣнія приглашалъ и Россіянъ дѣйствовать противъ общихъ враговъ Христіанства; отечество наше имѣло собственныхъ: но вѣроятно, что сіе

Путешествіе Даніила.

Россіяне въ Іерусалимѣ.

обстоятельство не мѣшало нѣкоторымъ вишлязямъ Россійскимъ искать опасностей и славы подъ знаменами Крестоваго воинства. Впрочемъ быть можетъ, что одно Христіанское усердіе и желаніе поклониться гробу Іисусову приводило ихъ въ Палестину: ибо мы знаемъ по инымъ современнымъ и не менѣе достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, что Россіяне въ XI вѣкѣ часто давали Небу обѣтъ видѣть ея мѣста святыя[186].

Конецъ Несторовой лѣтописи. Старецъ Янь.

Описаніе временъ Святополковыхъ заключимъ извѣстіемъ, что Несторъ при семъ Князѣ кончилъ свою лѣтопись, сказавъ намъ въ 1106 году о смерти *добраго*, девяностолѣтняго *старца* Яня, славнаго Воеводы, жизнію подобнаго древнимъ Христіанскимъ праведникамъ, и сообщившаго ему многія свѣдѣнія для его историческаго труда[187]. Отселѣ путеводителями нашими будутъ другіе, также современные Лѣтописцы.

ГЛАВА VII.

Владимиръ Мономахъ, названный въ крещеніи Василіемъ.

Г. 1113 — 1125.

Грабежъ Жидовъ въ Кіевѣ. Мономахъ усмиряетъ мятежъ. Новое преложеніе мощей Бориса и Глѣба. Законъ о росшахъ. Побѣды въ Ливоніи, въ Финляндіи, въ Болгаріи, на Дону. Черные Клобуки. Бѣловежцы. Дѣла съ Греками. Мономахова шапка. Царевичь Леонъ. Усмиреніе Минскаго Князя и Новогородцевъ. Изгнаніе и бѣдствіе Князя Владимірскаго. Венгры, Богемцы и Поляки въ Россіи. Ихъ неудача. Плѣнъ Володаря. Смерть трехъ Князей знаменитыхъ. Кончина Мономахова. Свойства его. Ученіе. Основаніе Владиміра Залѣсскаго. Гидэ, супруга Мономахова. Ея дѣти. Сочиненіе Митрополита Никифора.

По смерти Святополка - Михаила граждане Кіевскіе, опредѣливъ въ порженскомъ совѣтѣ, что достойнѣйшій изъ Князей Россійскихъ долженъ быть Великимъ Княземъ, отправилиОсловъ къ Мономаху и звали его властвовать въ столицѣ. Добродушный Владиміръ давно уже забылъ несправедливость и вражду Святополкову: искренно оплакивалъ его кон- Г. 1113.

чину, и въ сердечной горести отказался отъ предложенной ему чести. Вѣроятно, что онъ боялся оскорбить Святославичей, которые, будучи дѣтьми старшаго Ярославова сына, по тогдашнему обыкновенію долженствовали наслѣдовать престолъ Великокняжескій. Сей отказъ имѣлъ несчастныя слѣдствія: Кіевляне не хотѣли слышать о другомъ Государѣ, а мятежники, пользуясь безначаліемъ, ограбили домъ Тысячскаго, именемъ Путяты, и всѣхъ Жидовъ, бывшихъ въ столицѣ подъ особеннымъ покровительствомъ корыстолюбиваго Святополка[188]. Спокойные граждане, приведенные въ ужасъ такимъ безпорядкомъ, вторично звали Мономаха. »Спаси насъ« — говорили ихъ Послы — »отъ неистовства черни; спаси отъ грабителей домъ печальной супруги Свято»полковой, собственные наши домы и свя»тыню монастырей.« Владиміръ пріѣхалъ въ столицу: народъ изъявилъ необычайную радость, и мятежники усмирились, видя Князя великодушнаго на главномъ престолѣ Россійскомъ.

Ограбленіе Жидовъ въ Кіевѣ.

Апр. 20.

Мономахъ усмиряетъ мятежъ.

Даже и Святославичи не противились общему желанію; уступили Мономаху права свои, осталися Князьями Удѣльными и жили съ нимъ въ согласіи до са-

мой ихъ кончины. Они счастливѣе отцевъ своихъ торжествовали вмѣстѣ пре- Г. 1115. Маія 2.
несеніе мощей Св. Бориса и Глѣба изъ ветхой церкви въ новый каменный храмъ Новое
Вышегородскій: симъ дѣйствіемъ Влади- прене-
міръ изъявилъ, въ началѣ своего правле- сеніе
нія, не только набожность, но и лю- мощей
бовь къ отечеству: ибо древняя Россія Бориса и
признавала оныхъ Мучениковъ главными ея Глѣба.
небесными заступниками, ужасомъ враговъ и подпорою нашихъ воинствъ. Еще будучи Княземъ Переяславскимъ, онъ украсилъ серебряную раку Святыхъ золотомъ, хрусталемъ и рѣзьбою столь хитрою, какъ говоритъ Лѣтописецъ, что Греки дивились ея богатству и художеству. Изъ отдаленнѣйшихъ странъ Россіи собрались тогда въ Вышегородѣ Князья, Духовенство, Воеводы, Бояре; безчисленное множество людей тѣснилось на улицахъ и стѣнахъ городскихъ; всякой хотѣлъ прикоснуться къ святому праху, и Владиміръ, чтобы очистить дорогу для Клироса, велѣлъ бросать народу пироги, одежды, драгоцѣнныя шкуры звѣрей, сребреники[189]. Олегъ далъ роскошный пиръ Князьямъ; три дни угощали бѣдныхъ и странниковъ. — Сіе торжество, и церковное и государственное, изображая духъ времени,

*

достойно замѣчанія въ Исторіи.

Мономахъ спѣшилъ также благодѣяніями человѣколюбиваго законодательства утвердить свое право на имя отца народнаго. Причиною Кіевскаго мятежа было, кажется, лихоимство Евреевъ: вѣроятно, что они, пользуясь тогдашнею рѣдкостію денегъ, угнетали должниковъ неумѣренными ростами. Мономахъ, желая облегчить судьбу недостаточныхъ людей, собралъ въ Берестовскомъ дворцѣ своемъ знатнѣйшихъ Бояръ и Тысяцкихъ: Ратибора Кіевскаго, Прокопія Бѣлогородскаго, Станислава Переяславскаго, Нажира Мирослава и Боярина Олегова, Іоанна Чудиновича; разсуждалъ, совѣтовался съ ними, и наконецъ опредѣлилъ, что заимодавецъ, взявъ три раза съ одного должника такъ называемые *третные росты*, лишается уже истинныхъ своихъ денегъ или капитала: ибо какъ ни велики были тогдашніе годовые росты, но мѣсячные и третные еще превышали ихъ[190]. Мономахъ включилъ сей законъ въ Уставъ Ярославовъ.

Законъ о ростахъ.

Сей Государь щадилъ кровь людей; но зналъ, что вѣрнѣйшее средство утвердить тишину есть быть грознымъ для внѣшнихъ и внутреннихъ непріятелей. Сынъ его Мстиславъ, два раза побѣдивъ Чудь, завладѣлъ городомъ Одеппе, или *Медвѣжьего Головою* въ Ливоніи[191]. Призванный отцемъ княжить въ Бѣлгородѣ, онъ поручилъ Новогородскую область сыну, юному Всеволоду, который ознаменовалъ воинскій духъ свой счастливымъ, но многотруднымъ походомъ въ Финляндію. Худый зимній путь (ибо весна уже наступала) и бѣдность земли угрожали Россіянамъ голодною смертію; недостатокъ былъ такъ великъ, что они за каждый хлѣбъ платили ногату.— Меньшій братъ Мстиславовъ, Георгій, княжившій въ Суздалѣ, ходилъ Волгою на судахъ въ землю Казанскихъ Болгаровъ, побѣдилъ ихъ и возвратился съ добычею. Третій сынъ Мономаховъ, Ярополкъ, воевалъ въ окрестностяхъ Дона; взялъ при города въ области Половецкой: Балинъ, Чешлюевъ, Сугровъ; плѣнилъ множество Ясовъ, тамъ обитавшихъ, и въ числѣ ихъ прекрасную дѣвицу, на коей онъ женился. Около сего же времени Владиміръ выгналъ изъ Россіи Берендѣевъ, Печенѣговъ и Торковъ, новыхъ пришельцевъ: утѣсняемые Половцами и разбитые ими близъ Дона, они искали убѣжища въ окрестностяхъ Переяславля, но, любя грабежъ, не могли кочевать тамъ спокойно. Однакожъ мно-

1116 — 23. Побѣда въ Ливоніи, въ Финляндіи, въ Болгаріи, на Дону.

Черные Клобуки. гіе изъ нихъ остались на Днѣпрѣ, были извѣстны подъ общимъ именемъ *Черныхъ Клобуковъ* или *Черкасовъ*, и служили Россіянамъ[192]. — Лѣтопись Владимірова времени

Бѣловежды упоминаетъ еще о Бѣловежцахъ, охотно принятыхъ Великимъ Княземъ. Сіи обитатели нѣкогда знаменитой крѣпости Козарской на берегахъ Дона, взятой мужественнымъ Святославомъ I, спасаясь отъ свирѣпости Половцевъ, основали новый городъ въверховьѣ рѣки Остера и назвали его именемъ древняго, или Бѣлою Вежею, коей извѣстныя развалины (во 120 верстахъ отъ Чернигова) свидѣтельствуютъ, что въ ней находились *каменныя* стѣны, башни, ворота и другія зданія. Козары, наученные Греками, строили лучше нашихъ предковъ[193].

Успѣхи Мономахова оружія такъ прославили сего Великаго Князя на Востокѣ и Западѣ, что имя его, по выраженію Лѣтописцевъ, гремѣло въ мірѣ, и страны сосѣдственныя трепетали онаго. Если вѣрить повѣйшимъ повѣствователямъ, то

Дѣла съ Греками Владиміръ ужасалъ и Греческую Имперію. Они разсказываютъ, что Великій Князь, вспомнивъ знаменитыя побѣды, одержанныя его предками надъ Греками, со многочисленнымъ войскомъ отправилъ Мстислава къ Адріанополю и завоевалъ Ѳракію; что устрашенный Алексій Комнинъ прислалъ въ Кіевъ дары: крестъ животворящаго древа, чашу сердоликовую Августа Кесаря, вѣнецъ, златую цѣпь и бармы Константина Мономаха, дѣда Владимірова; что Неофитъ, Митрополитъ Ефесскій, вручилъ сіи дары Великому Князю, склонилъ его къ миру, вѣнчалъ въ Кіевскомъ Соборномъ храмѣ Императорскимъ вѣнцемъ и возгласилъ *Царемъ* Россійскимъ[194].

Мономахова шапка Въ Оружейной Московской Палатѣ хранятся такъ называемая *Мономахова златая шапка* или корона, цѣпь, держава, скипетръ и древнія бармы, коими украшаются Самодержцы наши въ день своего торжественнаго вѣнчанія, и которыя дѣйствительно могли быть даромъ Императора Алексія. Мы знаемъ, что и въ X вѣкѣ Государи Россійскіе часто требовали Царской утвари отъ Византійскихъ Императоровъ[195]; знаемъ также, что Великіе Князья Московскіе XIV столѣтія отказывали въ завѣщаніяхъ наслѣднику трона нѣкоторыя изъ сихъ вещей, сдѣланныхъ въ Греціи (какъ то свидѣтельствуютъ надписи оныхъ и самая работа). Но завоеваніе Ѳракіи кажется сомнительнымъ, и въ *древнихъ* лѣтописяхъ находятся только слѣдующія извѣстія о дѣлахъ

Владиміра въ отношеніи къ Грекамъ:

Царевичъ Леонъ

»Въ 1116 году *супругъ Мономаховой дочери Маріи, Царевичъ Леонъ*, сынъ бывшаго Императора Діогена, собравъ войско на берегахъ Чернаго моря, вступилъ въ сѣверныя области Имперіи и завладѣлъ городами Дунайскими; но Царь Алексѣй подослалъ къ нему въ Доросполъ двухъ Арвитянъ, которые злодѣйски умертвили его (Августа 15). Тогда Владиміръ, желая или отмстить за убійство зятя, или сохранить для юнаго сына Маріи, именемъ Василія, взятые Леономъ города, велѣлъ итти на Дунай Воеводѣ, Іоанну Войшиничу, и сыну своему, Вячеславу, съ другимъ Боярином, Оомою Раппиборовичемъ; первый дѣйствительно занялъ нѣкоторые изъ оныхъ, а Вячеславъ безъ успѣха отступилъ отъ Доросполя[196]. Вопреки сему сказанію, Анна Комнина въ Исторіи отца ея, славнаго Императора Алексія, увѣряетъ, что Леонъ, сынъ Діогеновъ, погибъ въ сраженіи съ Турками близъ Антіохіи. »Чрезъ нѣкоторое время, пишетъ Анна, явился въ Имперіи обманщикъ, принявшій на себя его имя. Сосланный за то въ Херсонъ, онъ былъ освобожденъ Половцами, и предводительствуя ихъ полками, шелъ во Оракію; но взятый въ плѣнъ Греками, ис-

пыталъ, что дерзость не остается безъ наказанія: сму выкололи глаза« (въ 1096 году). Сего несчастнаго и другіе Византійскіе Лѣтописцы именуютъ самозванцемъ; но зять Мономаховъ, убитый въ Доросполѣ, былъ конечно истиннымъ Діогеновымъ сыномъ: ибо Владиміръ, находясь въ тѣсныхъ связяхъ съ Дворомъ Константинопольскимъ, не могъ, кажется, дать себя въ обманъ лжецу-бродягѣ. Вдовствующая супруга Леонова, Марія, скончалась Монахинею въ Россіи, гдѣ сынъ ея, Василій, усердно служилъ Великимъ Князьямъ; а города Дунайскіе были скоро возвращены Имперіи, или силою оружія, или въ слѣдствіе мирныхъ договоровъ[197].

Владиміръ, одолѣвая внѣшнихъ непріятелей, смирялъ и внутреннихъ. Князь Минскій, Глѣбъ, не хотѣлъ сму повиноваться, сжегъ городъ Слуцкъ, захватывалъ людей между Принетью и Двиною: за то сынъ Мономаховъ, Ярополкъ опустошилъ Друцкъ и вывелъ жителей въ новый городокъ, для нихъ основанный. Самъ Великій Князь, соединясь съ Давидомъ Черниговскимъ и съ Ольговичами, взялъ городъ Вячеславль, Оршу, Копысъ; осаждалъ Минскъ, смирилъ Глѣба, и вновь имъ оскорбленный, привелъ его какъ плѣнника

Г. 1116—23.

Усмиреніе Минскаго Князя и Полоцкаго.

въ Кіевъ, гдѣ онъ и скончался[198]. — Безпокойные Новогородцы, употребляя во зло юность своего Князя Всеволода, мятежными поступками заслужили гнѣвъ Мономаха, который, призвавъ всѣхъ тамошнихъ Бояръ въ Кіевъ, велѣлъ имъ торжественно присягнуть въ вѣрности, удержалъ нѣкоторыхъ у себя, а другихъ заточилъ. Правые, или не столь виновные, возвратились домой, узнавъ опытомъ, что самый человѣколюбивый, но мудрый Государь не оставляетъ дерзкихъ ослушниковъ безъ наказанія[199]. Уже нѣсколько времени Посадники Новогородскіе были, кажется, избираемы изъ тамошнихъ гражданъ: Владиміръ, опасаясь ихъ мятежнаго духа, далъ сей санъ Кіевскому Вельможѣ Борису.

Сынъ Святополковъ, Ярославъ или Ярославецъ, Князь Владимірскій, ненавидѣлъ жену свою, дочь Мстислава, и не боялся огорчать ея дѣда: Мономахъ выступилъ съ войскомъ, соединился съ Ростиславичами, Князьями юго-западной Россіи, около двухъ мѣсяцевъ держалъ городъ Владиміръ въ осадѣ, и принудилъ Ярослава покориться; но сей легкомысленный племянникъ снова оскорбилъ дядю, съ презрѣніемъ удаливъ отъ себя нелюбимую супругу: онъ бѣжалъ въ Польшу. Никто изъ Бояръ не хотѣлъ за нимъ слѣдовать, и Великій Князь отдалъ Владимірскій Удѣлъ сыну своему, Роману, Володареву зятю, который въ томъ же году умеръ. Мономахъ послалъ на его мѣсто другаго сына, Андрея (женатаго на внукѣ Половецкаго Князя, Тугоркана) и велѣлъ ему предупредить замыслы Болеслава Кривоустаго, зная, что сей Король, свойственникъ изгнаннаго Князя Владимірскаго, ожидаетъ только удобнаго случая для объявленія войны Россіянамъ. Андрей опустошилъ сосѣдственныя владѣнія Королевскія и возвратился съ добычею Ляхи, приведенные Ярославомъ, хотѣли взять Червенъ; но съ великимъ уронемъ были отражены тамошнимъ Намѣстникомъ Ѳомою Рапиборовичемъ. Тогда Ярославъ прибѣгнулъ къ Государю Венгерскому, Спиѳану, который, желая отмстить Россіянамъ за отца своего, побѣжденнаго ими на берегахъ Сана, вступилъ въ область Владимірскую, вмѣстѣ съ Богемцами и Поляками. Великій Князь, не имѣвъ времени собрать войско, съ малою дружиною отправилъ Мстислава къ городу Владиміру, гдѣ юный Андрей, осажденный многочисленными непріятелями, не терялъ

Изгнаніе и бѣдствіе Князя Владимірскаго.

Г. 1125. Венгры, Богемцы и Поляки въ Россіи.

бодрости. Уже надменный Ярославъ, подъѣхавъ къ стѣнамъ, грозилъ сыну Мономахову и народу страшною местію въ случаѣ сопротивленія; осматривалъ крѣпость и въ умѣ своемъ назначалъ мѣста для приступа, отложеннаго только до слѣдующаго дня. Въ одну минуту все перемѣнилось. Два человѣка вышли тайно изъ крѣпости, засѣли на пути, между непріятельскимъ станомъ и городомъ, и копьями пронзили неосторожнаго Ярослава, когда онъ самъ-третей возвращался къ союзному войску[200]. Несчастный умеръ въ ту же ночь; а союзники, изумленные его бѣдствіемъ, спѣшили заключить миръ съ Великимъ Княземъ. Лѣтописецъ Венгерскій повѣствуетъ, что Стефанъ, огорченный смертію Ярослава, клялся взять крѣпость или умереть; но что Воеводы его не хотѣли ему повиноваться, сняли шапры свои и принудили Короля возвратиться въ Венгрію[201].

Ихъ неудача.

Въ станѣ Владиміровыхъ непріятелей были и Ростиславичи, до того времени усердные защитники отечества: какимъ образомъ сіи два брата, славные благородствомъ и великодушіемъ, могли присоединиться ко врагамъ Россіи? Въ древнѣйшихъ Лѣтописцахъ Польскихъ нахо-

димъ объясненіе. Мужественный Володарь, ужасъ и бичь сосѣдственныхъ Ляховъ, не умѣлъ защитить себя отъ ихъ коварства. Они подослали къ нему одного хитраго Вельможу, именемъ Пешра, который вступилъ въ его службу, притворно изъявлялъ ненависть къ Болеславу, вкрался въ довѣренность къ добродушному Князю Перемышльскому, ѣздилъ съ нимъ на охоту, и въ лѣсу съ помощію своихъ людей, внезапно схвативъ безоружнаго Володаря, увезъ связаннаго къ себѣ въ замокъ[202]: что случилось не за-долго до осады Владиміра. Братъ и сынъ выкупили знаменитаго плѣнника изъ неволи, отправивъ въ Польшу, на возахъ и вельблюдахъ, множество золота, серебра, драгоцѣнныхъ одеждъ, сосудовъ. Сверхъ того Ростиславичи обязались жить въ союзѣ съ Болеславомъ, и находились, кажется, въ его станѣ, подъ Владиміромъ, единственно для заключенія сего договора, или желая быть посредниками между изгнанникомъ Ярославомъ и Великимъ Княземъ.

Плѣн. Володаря.

Завоеваніемъ Минска и пріобрѣтеніемъ Владиміра Мономахъ утвердилъ свое могущество внутри Государства, но не думалъ перемѣнить системы наслѣдственныхъ Удѣловъ, столь прочной благу и

спокойствію отечества. Долговременное обыкновеніе казалось иногда уже закономъ; или Владиміръ боялся отчаяннаго сопротивленія Князей Черниговскихъ, Полоцкихъ и Ростиславичей, которые не уступили бы ему правъ своихъ безъ страшнаго кровопролитія. Онъ не имѣлъ дерзкой рѣшительности тѣхъ людей, кои жертвуютъ благомъ современниковъ невѣрному счастію потомства; хотѣлъ *быть первымъ*, а не *единственнымъ* Княземъ Россійскимъ: покровителемъ Россіи и Главою частныхъ Владѣтелей, а не Государемъ Самодержавнымъ. Справедливость вооружила его противъ хищника Глѣба и Князя Владимірскаго (ибо сей послѣдній хотѣлъ обезчестить семейство Мономахово разводомъ съ дочерью Мстислава и звалъ иноплеменниковъ грабить отечество): та же справедливость не позволяла ему отнять законнаго достоянія у Князей спокойныхъ. — По кончинѣ гордаго Олега и кроткаго Давида, вообще уважаемаго за его правдивость, меньшій ихъ братъ, Ярославъ, мирно княжилъ въ области Черниговской, а сыновья Володаревы, Владимірко, Ростиславъ, и Васильковичи, Григорій съ Іоанномъ, наслѣдовали Перемышль, Звенигородъ, Теребовль

Смерт. прехъ Князей знаменитыхъ.

и другія мѣста въ юго-западной Россіи, когда въ 1124 году умерли отцы ихъ, оставивъ навсегда въ Россіи память своихъ счастливыхъ дѣлъ воинскихъ, вѣрности въ обѣтахъ и любви къ отечественной славѣ[205].

Княживъ въ столицѣ 13 лѣтъ, Владиміръ Мономахъ скончался на 73 году отъ рожденія, *славный побѣдами за Русскую землю* и *благими нравами*, какъ говорятъ древніе Лѣтописцы. Уже въ слабости и недугѣ онъ поѣхалъ на мѣсто орошенное святою кровію Бориса, и тамъ, у церкви имъ созданной, на берегу Альты, предалъ духъ свой Богу въ живѣйшихъ чувствованіяхъ утѣшительной Вѣры. Гореспныя дѣти и Вельможи привезли его тѣло въ Кіевъ, и совершили обрядъ погребенія въ Софійскомъ храмѣ. Набожность была иногда весьма обыкновенною добродѣтелію; но Владиміръ отличался Христіанскимъ сердечнымъ умиленіемъ: слезы обыкновенно текли изъ глазъ его, когда онъ въ храмахъ молился Вседержителю, за отечество и народъ, ему любезный[206]. Не менѣе хваляпъ Лѣтописцы нѣжную его привязанность къ отцу (котораго сей рѣдкій сынъ *никогда и ни въ чемъ не ослушался*), снисхожденіе

Г. 1125. Маія 19. Кончина Мономаха.

Свойства его.

къ слабому человѣчеству, милосердіе, щедрость, незлобіе: ибо онъ, по ихъ словамъ, *творилъ добро врагамъ своимъ и любилъ отпускать ихъ съ дарами.* Но всего яснѣе и лучше изображаетъ его душу *поученіе*, имъ самимъ написанное для сыновей. Къ счастію, сей останокъ древности сохранился въ одной харатейной лѣтописи, и достоинъ занять мѣсто въ Исторіи[205].

Поученіе.

Великій Князь говоритъ въ началѣ, что дѣдъ его, Ярославъ, далъ ему Русское имя Владиміра и Христіанское Василія, а отецъ и мать прозваніе *Мономаха* или *Единоборца*: для того ли, что Владиміръ дѣйствительно былъ по матери внукъ Греческаго Царя Константина Мономаха, или въ самой первой юности изъявлялъ особенную доблесть воинскую? — »Приближаясь ко гробу« — пишетъ онъ — »благодарю Всевышняго »за умноженіе дней моихъ: Рука Его довела меня до старости маститой. А вы, »дѣти любезныя, и всякой, кто будетъ »читать сіе писаніе, наблюдайте правила въ ономъ изображенныя. Когда же сердце ваше не одобритъ ихъ, не осуждайте моего намѣренія; но скажите только: *онъ говоритъ несправедливо!*«

»Страхъ Божій и любовь къ человѣчеству есть основаніе добродѣтели. Велико Господь: чудесны дѣла Его!« Описавъ въ главныхъ чертахъ, и по большой части словами Давида, красоту творенія и благость Творца, Владиміръ продолжаетъ:

»О дѣти мои! хвалите Бога! Любите также человѣчество. Не постъ, не уединеніе, не Монашество спасетъ васъ, но благодѣянія. Не забывайте бѣдныхъ; кормите ихъ, и мыслите, что всякое достояніе есть Божіе и поручено вамъ только на время. Не скрывайте богатства въ нѣдрахъ земли: сіе противно Христіанству. Будьте отцами сиротъ: судите вдовицъ сами; не давайте сильнымъ губить слабыхъ. Не убивайте ни праваго, ни виновнаго: жизнь и душа Христіанина священна. Не призывайте всуе имени Бога; утвердивъ же клятву цѣлованіемъ крестнымъ, не преступайте онаго. Братья сказали мнѣ: *изгоните Ростиславичей и возьмемъ ихъ область, или ты намъ не союзникъ!* Но я отвѣтствовалъ: *не могу забыть крестнаго цѣлованія*; развернулъ Псалтирь и читалъ съ умиленіемъ: *вскую печальна еси, душе моя? Уповай на Бога, яко исповѣмъ-*

»ся елу. *Не ревнуй лукавнующимъ, ниже* »*завиди творящимъ беззаконіе.* — Не оспав»ляйте больныхъ; не страшитесь вид̑ѣть »мертвыхъ: ибо всѣ умремъ. Принимайте »съ любовію благословеніе Духовныхъ; не »удаляйтесь отъ нихъ; творите имъ до»бро, да молятся за васъ Всевышнему. — »Не имѣйте гордости ни въ умѣ, ни въ »сердцѣ, и думайте: *мы тлѣнны; нынѣ* »*живы, а завтра во гробѣ.* — Бойтесь вся»кой лжи, піянства и любострастія, рав»но гибельнаго для тѣла и души. — Чти»те старыхъ людей какъ отцевъ, лю»бите юныхъ какъ братьевъ. — Въ хо»зяйствѣ сами прилѣжно за всѣмъ смот»рите, не полагаясь на Отроковъ и Ті»уновъ, да гости не осудятъ ни дому, »ни обѣда вашего. — На войнѣ будьте дѣ»ятельны; служите примѣромъ для Вое»водъ. Не время иногда думать о пирше»ствахъ и пѣгѣ. Разставивъ ночную стра»жу, отдохните. Человѣкъ погибаетъ »внезапу: для того не слагайте съ себя »оружія, гдѣ можете вспрѣтиться опас»ность, и рано садитесь на коней. — »Путешествуя въ своихъ областяхъ, не »давайте жителей въ обиду Княжескимъ »Отрокамъ; а гдѣ остановитесь, напой»те, накормите хозяина. Всего же болѣе

»чтите гостя, и знаменитаго и просто»го, и купца и Посла; если не можете »одарить его, то хотя брашномъ и пи»тіемъ удовольствуйте: ибо гости рас»пускаютъ въ чужихъ земляхъ и добрую »и худую объ насъ славу. — Привѣтствуй»те всякаго человѣка, когда идете мимо. »— Любите женъ своихъ, но не давайте »имъ власти надъ собою. — Все хорошее, »узнавъ, вы должны помнить: чего не зна»ете, тому учитесь. Отецъ мой, сидя »дома, говорилъ *пятью языками*[106]: за »что хваляпъ насъ чужестранцы. Лѣ»ность мать пороковъ: берегитесь ее. Че»ловѣкъ долженъ всегда заниматься: въ »пути, на конѣ, не имѣя дѣла, вмѣсто »суетныхъ мыслей читайте наизусть »молитвы, или повторяйте хотя самую »краткую, но лучшую: *Господи помилуй*! »Не засыпайте никогда безъ земнаго по»клона; а когда чувствуете себя нездоро»выми, то поклонитесь въ землю три ра»за. Да не застанетъ васъ солнце на ложѣ! »Идите рано въ церковь воздать Богу хва»лу упреннюю: такъ дѣлалъ отецъ мой; »такъ дѣлали всѣ добрые мужи. Когда »озаряло ихъ солнце, они славили Господа »съ радостію и говорили: *просвѣти очи* »*мои Христе Боже, и далъ ми еси свѣтъ*

»твой *красный*. Потомъ садились думать »съ дружиною, или судить народъ, или »ѣздили на охоту; а въ полдень спали: »ибо не только человѣку, но и звѣрямъ »и птицамъ Богъ присудилъ отдыхать »въ часъ полуденный. — Такъ жилъ и вашъ »отецъ. Я самъ дѣлалъ все, что могъ бы »велѣть Опроку: на охотѣ и войнѣ, днемъ »и ночью, въ зной лѣтній и холодъ зим»ній не зналъ покоя; не надѣялся на По»садниковъ и Бирючей; не давалъ бѣдныхъ »и вдовицъ въ обиду сильнымъ; самъ на»зиралъ церковь и Божественное служеніе, »домашній распорядокъ, конюшню, охо»шу, ястребовъ и соколовъ.« — Исчисливъ свои дѣла воинскія, уже извѣстныя Чи-шапелю, Владиміръ пишетъ далѣе: »Всѣхъ походовъ моихъ было 83; а дру»гихъ маловажныхъ не упомню. Я заклю»чилъ съ Половцами 19 мирныхъ догово»ровъ, взялъ въ плѣнъ болѣе ста луч»шихъ ихъ Князей и выпустилъ изъ не»воли, а болѣе двухъ сотъ казнилъ и »потопилъ въ рѣкахъ. — Кто пустеше»ствовалъ скорѣе меня? Выѣхавъ рано изъ »Чернигова, я бывалъ въ Кіевѣ у роди»телей прежде Вечерень. — Любя охоту, »мы часто ловили звѣрей съ вашимъ дѣ»домъ. Своими руками въ густыхъ лѣсахъ

»вязалъ я дикихъ коней вдругъ по нѣ»скольку. Два раза буйволъ мялъ меня »на рогахъ, олень бодалъ, лось топтала »ногами; вепрь сорвалъ мечь съ бедры »моей, медвѣдь прокусилъ сѣдло; любый »звѣрь однажды бросился и низвергнулъ »коня подо мною. Сколько разъ я падалъ »съ лошади! Дважды разбилъ себѣ голову, »повреждалъ руки и ноги, не блюдя жиз»ни въ юности, и не щадя головы своей. »Но Господь хранилъ меня. И вы, дѣти »мои, не бойтесь смерти, ни битвы, ни »звѣрей свирѣпыхъ; но являйтесь мужа»ми во всякомъ случаѣ, посланномъ отъ »Бога. Если Провидѣніе опредѣлитъ кому »умереть, то не спасутъ его ни отецъ, »ни мать, ни братья. Храненіе Божіе на»дежнѣе человѣческаго «

Безъ сего завѣщанія, столь умно писаннаго, мы не знали бы всей прекрасной души Владиміра, который не сокрушилъ чуждыхъ Государствъ, но былъ защитою, славою, утѣшеніемъ собственнаго; и никто изъ древнихъ Князей Россійскихъ не имѣетъ болѣе права на любовь потомства: ибо онъ съ живѣйшимъ усердіемъ служилъ отечеству и добродѣтели. Если Мономахъ одинъ разъ въ жизни не усомнился нарушить Права

Народнаго и вѣроломнымъ образомъ умертвивши Князей Половецкихъ, что можемъ отнести къ нему слова Цицероновы: *вѣкъ извиняетъ человѣка*[207]. Считая Половцевъ врагами Христіанства и Неба (ибо они жгли церкви), Россіяне думали, что истреблять ихъ, какимъ бы то образомъ ни было, есть богоугодное дѣло.

Къ сожалѣнію, древніе Лѣтописцы наши, разсказывая подробно воинскія и церковныя дѣла, едва упоминаютъ о государственныхъ или гражданскихъ, коими Владиміръ украсилъ свое правленіе. Знаемъ только, что онъ, желая доставить народу всѣ возможныя удобности, сдѣлалъ на Днѣпрѣ мостъ; часто ѣздилъ въ Ростовскую и Суздальскую землю, наслѣдственную область Всеволодова Дому, для хозяйственныхъ распоряженій; выбралъ прекрасное мѣсто на берегу Клязмы, основалъ городъ, назвалъ его *Владиміромъ Залѣсскимъ*, окружилъ валомъ и построилъ тамъ церковь Св. Спаса. Сынъ его, Мстиславъ, распространилъ въ 1114 году укрѣпленія Новогородскія, а Посадникъ, именемъ Павелъ, заложилъ каменную стѣну въ Ладогѣ[208].

Основаніе Владиміра Залѣсскаго.

Во время Мономахова княженія, довольно спокойное и мирное въ сравненіи

съ другими, были нѣкоторыя бѣдствія: рѣдкая засуха въ 1124 году и сильный въ Кіевѣ пожаръ, который продолжался два дни, обративъ въ пепелъ большую часть города, монастыри, около 600 церквей и всю *Жидовскую улицу*. Народъ съ ужасомъ видѣлъ еще одно совершенное затмѣніе солнца и звѣзды на небѣ въ самый полдень. Въ южной Россіи случились два землетрясенія, а въ сѣверной страшная буря, которая срывала домы и потопила множество скота въ Волховѣ[209].

Бѣдствія.

Мономахъ оставилъ пять сыновей и супругу перваго брака. Нѣтъ сомнѣнія, что *первою* была Гида, дочь Англійска го Короля Гаральда, о коей мы упоминали[210], и которая, по извѣстію древняго Историка Датскаго, около 1070 году вышла за нашего Князя, именемъ Владиміра. Норвежскіе Лѣтописцы сказываютъ, что сынъ Гиды и сего Князя женился на Христинѣ, дочери Шведскаго Короля, Инга Стенкильсона: супруга Мстислава Владиміровича дѣйствительно называлась Христиною[211]. Ея дочери, внуки Мономаховы, вступили въ знаменитые брачные союзы: *одна* съ Норвежскимъ Королемъ, Сигурдомъ, а послѣ съ Датскимъ Эрикомъ Эдмундомъ; *вторая* съ Канутомъ

Гида, супруга Мономахова: ея дѣти.

Свящнымъ, Королемъ Обоприпскимъ, отцемъ *Вальделара*, славнаго Государя Датскаго, названнаго симъ именемъ, можетъ быть, въ честь его великаго прадѣда, *Владиміра* Мономаха; *третія* съ Греческимъ Царевичемъ: думаю, сыномъ Императора Іоанна, Алексіемъ, коего супруга именемъ и родомъ неизвѣстна по Византійскимъ лѣтописямъ[212].

Сочиненіе Митрополита Никифора.

Въ годъ сего бракосочетанія (1120) пріѣхалъ изъ Константинополя въ Россію Митрополитъ Никифоръ и заступилъ мѣсто умершаго Никифора, мужа знаменитаго свѣдѣніями и краснорѣчіемъ: чего памятникомъ остались два письма его къ Мономаху: первое о *раздѣленіи Церквей*, Восточной и Западной; второе о *постѣ*, особенно любопытное, ибо оно содержитъ въ себѣ не только богословскія, но и философическія умствованія, заключаемыя хвалою добродѣтелей Мономаховыхъ[213]. »*Разумъ*«—пишетъ Никифоръ —»*разумъ есть свѣтлое око души, обитаю-*»*щей во главѣ.* Какъ ты, Государь мудрый сидя на престолѣ, чрезъ Воеводъ »своихъ, управляешь народомъ, такъ душа »посредствомъ пяти чувствъ правитъ тѣ»ломъ. Не имѣю нужды во многорѣчіи: ибо »умъ твой летаетъ быстро, постигая

»смыслъ каждаго слова. Могу ли предпи»сывать тебѣ законы для умѣренности »въ чувственныхъ наслажденіяхъ, когда »ты, сынъ Княжеской и Царской (Гре»ческой) крови, Властитель земли силь»ныя, не знаешь дому, всегда въ прудахъ »и путешествіяхъ, спишь на голой зем»лѣ, единственно для важныхъ дѣлъ го»сударственныхъ вступаешь во дворецъ »свѣтлый, и снимая съ себя любимую »одежду простую, надѣваешь Властитель»скую; когда, угощая другихъ обѣдами Кня»жескими, самъ только смотришь на »яства роскошныя?..... Восхвалю ли »тебѣ и другія добродѣтели! Восхвалю ли »щедрость, когда десница твоя ко всѣмъ »простерта; когда ты ни сребра, ни зла»та не таишь, не считаешь въ казнѣ »своей, но обѣими руками раздаешь ихъ, »хотя оскудѣть не можешь, ибо благо»дать Божія съ тобою?..... Скажу еди»ное: какъ душа обязана испытывать или »повѣрять дѣйствія чувствъ, зрѣнія, слу»ха, ея всегдашнихъ орудій, дабы не об»манулься въ своихъ заключеніяхъ: такъ »и Государь долженъ повѣрять донесенія »Вельможъ. Вспомни, кто изгналъ, кто »наказалъ тобою: не клевета ли погуби»ла сихъ несчастныхъ?..... Князь любез-

»ный! да не оскорбитъ тебя искренняя »рѣчь моя! Не думай, чтобы я слышалъ »жалобу осужденныхъ и за нихъ вступал»ся; нѣтъ, пишу единственно на воспо»минаніе тебѣ: ибо власть великая тре»буетъ и великаго опичепа; а мы начи»наемъ теперь постъ, время душеспаси»тельныхъ размышленій, когда Пастыри »церковные должны и Князьямъ смѣло го»ворить истину. Вѣдаю, что мы сами, »можетъ быть, въ зломъ недугѣ; но Сло»во Божіе въ насъ здраво и цѣло: ежели »оно полезно, то надобно ли входить въ »дальнѣйшее изслѣдованіе? Человѣкъ въ »лицѣ, Богъ въ сердцѣ,« и проч. — Такимъ образомъ древніе учители нашей Церкви бесѣдовали съ Государями, соединяя усердную хвалу съ наставленіемъ Христіанскимъ. Слогъ сихъ писемъ ознаменованъ печатію вѣка: грубъ, однакожь довольно ясенъ, и многія выраженія сильны.

ГЛАВА VIII.

Великій Князь Мстиславъ.

Г. 1125 — 1132.

Набѣгъ Половцевъ. Изгнаніе Ярослава Черниговскаго. Начало особенныхъ Княженій, Муромскаго и Рязанскаго. Удаленіе Половцевъ за Волгу. Междоусобіе въ юго-западной Россіи. Ссылка Князей Полоцкихъ въ Грецію. Война съ Чудью и Литвою. Кончина Мстислава. Голодъ. Древнѣйшая грамота.

Мстиславъ Владиміровичь наслѣдовалъ достоинство Великаго Князя. Братья его господствовали въ Удѣлахъ: Ярополкъ въ Переяславлѣ, Вячеславъ въ Туровѣ, Андрей въ Владимірѣ, Георгій въ Суздалѣ; а сыновья, Изяславъ и Ростиславъ, въ Курскѣ и Смоленскѣ. — Новый Государь, уже давно извѣстный мужествомъ и великодушіемъ, явилъ добродѣтели отца своего на престолѣ Россіи: имѣлъ ту же ревностную любовь къ общему благу, ту же твердость, соединенную въ немъ, подобно какъ и въ Мономахѣ, съ нѣжною чувствительностію души. Г. 1125.

Княженіе его, къ несчастію кратковременное, прославилось разными успѣ-

хами воинскими, которыми онъ желалъ единственно успокоить Государство и возстановить древнее величіе онаго.

Набѣгъ Половцевъ.

Половцы, свѣдавъ о кончинѣ Мономаха, думали, что Россія осиротѣла и будетъ снова жертвою ихъ грабительства. Они хотѣли соединиться съ Торками, кочевавшими близъ Переяславля; но Ярополкъ Владиміровичь, тамошній Князь, узналъ о семъ намѣреніи: велѣлъ Торкамъ въѣхать въ городъ, и самъ, не имѣвъ терпѣнія дождаться помощи отъ своихъ братьевъ, съ одною Переяславскою дружиною ударилъ на варваровъ, разбилъ ихъ и множество потопилъ въ рѣкахъ.

Г. 1127.

Мстиславъ, объявивъ себя покровителемъ утѣсненныхъ Князей, долженъ былъ обнажить мечь на Всеволода Ольговича, который выгналъ изъ Чернигова дядю своего, Ярослава, умертвилъ его Бояръ вѣрныхъ и разграбилъ ихъ домы. Мстиславъ клялся изгнанному Князю наказать сего мятежнаго сына Олегова. Слѣдуя несчастному примѣру отца, Всеволодъ заключилъ союзъ съ Половцами: варвары, въ числѣ семи тысячь, спѣшили къ границамъ Россіи, давъ вѣсть о томъ Черниговскому хищнику; но Послы ихъ не могли уже возвратиться и были

Изгнаніе Ярослава Черниговскаго.

схвачены, въ окрестностяхъ рѣки Сейма, Посадниками Ярополка[214]. Ожидавъ долгое время отвѣта и боясь измѣны, Половцы ушли наконецъ во-свояси. Тогда Всеволодъ прибѣгнулъ къ смиренію; молилъ Великаго Князя забыть вину его, и между тѣмъ осыпалъ дарами Вельможъ Кіевскихъ. Мстиславъ еще не колебался, однакожь медлилъ, и несчастный дядя самъ пріѣхалъ изъ Мурома, чтобы напомнить ему священный обѣтъ мести. Бояре, не ослѣпленные дарами Всеволода, были за Ярослава; но какой-то Григорій, Игуменъ Андреевской Обители, любимецъ покойнаго Мономаха, весьма уважаемый Великимъ Княземъ, говорилъ, что миролюбіе есть должность Христіанина. Митрополитъ Никита уже скончался[215], и Церковь Россійская не имѣла Главы: сей Игуменъ склонилъ на свою сторону всѣхъ духовныхъ сановниковъ, которые торжественно сказали Мстиславу: »Государь! »лучше преступить клятву, нежели убить »вашь Христіанъ. Не бойся грѣха: мы »беремъ его на свою душу.« Убѣжденный ими, Великій Князь примирился со Всеволодомъ, и бѣдный Ярославъ съ горестію возвратился въ Муромъ (гдѣ и скончался черезъ два года, оставивъ сію об-

Начало особенныхъ Княженій

Муромскаго и Рязанскаго

ласть и Рязанскую въ наслѣдіе сыновьямъ). Мстиславъ забылъ наставленіе отца: »давъ клятву, исполняйте оную!« Щадить кровь людей есть безъ сомнѣнія добродѣтель; но Монархъ, преступая обѣтъ, нарушаетъ законъ Естественный и Народный; а миролюбіе, которое спасаетъ виновнаго отъ казни, бываетъ вреднѣе самой жестокости. Къ чести Мстислава скажемъ, что онъ во всю жизнь свою оплакивалъ сей проступокъ[216].

Удаленіе Половцевъ за Волгу.

Великій Князь, излишно снисходительный въ отношеніи ко Всеволоду, отмстилъ по крайней мѣрѣ варварамъ, его союзникамъ. Лѣтописцы говорятъ, что войско Мстислава »загнало Половцевъ не »не только за Донъ, но и за Волгу,« и что они уже не смѣли безпокоить нашихъ предѣловъ[217].

Междоусобіе въ юго-западной Россіи.

Еще при жизни Мономаха сыновья Володаревы, Владимірко и Ростиславъ, начали ссориться между собою; однакожь, боясь его, не смѣли воевать другъ съ другомъ. Исполняя завѣщаніе отца, первый господствовалъ въ Звенигородѣ, а второй въ Перемышлѣ. Когда же Мономахъ скончался, Владимірко хотѣлъ изгнать брата. За Ростислава стояли Васильковичи, Іоаннъ и Григорій; также и

Великій Князь Мстиславъ, желая единственно отвратить зло насилія. Мирныя убѣжденія, съѣзды и переговоры въ Серетѣ остались безполезными: Владимірко уѣхалъ въ Венгрію, чтобы просить войска у Короля Стефана. Тогда Ростиславъ осадилъ Звенигородъ, гдѣ 3000 Венгровъ и Россіянъ оборонялись столь мужественно, что онъ долженъ былъ отступить. Но сія война не имѣла дальнѣйшихъ слѣдствій. Владимірко, возвратясь въ отчизну, смирился: ибо Великій Князь рѣшительно требовалъ, чтобы каждый изъ братьевъ довольствовался своимъ Удѣломъ[218].

Ссылка Князей Полоцкихъ въ Грецію.

Важнѣйшее происшествіе сего времени есть паденіе знаменитаго Дому Князей Полоцкихъ, которые издавна отдѣлились, такъ сказать, отъ Россіи, желая быть Владѣтелями независимыми. Мстиславъ рѣшился покорить сію древнюю область Кривичей, и сдѣлалъ то, чего напрасно хотѣли его дѣды[219]. Онъ привелъ въ движеніе силы многихъ Князей; велѣлъ идти брапьямъ своимъ, Вячеславу изъ Турова, Андрею изъ Владимира, сыну Изяславу изъ Курска, давъ ему собственный полкъ Княжескій; Ростиславу, другому сыну, изъ Смоленска; Все-

володку Давидовичу, внуку Игореву и зятю Мономахову, изъ Городна; Вячеславу Ярославичу, внуку Святополка-Михаила, изъ Клецка. Всѣ они долженствовали начать военныя дѣйствія въ одинъ день.

4. Авгу. Всеволодъ Ольговичь, послушный Великому Князю, и братья его вмѣстѣ съ отрядомъ вѣрныхъ Торковъ, отданныхъ въ начальство Боярину Ивану Войшешичу, въ то же время шли къ Минскому городу Борисову. Изяславъ взялъ Логожскъ ещe ранѣе назначеннаго Мстиславомъ дня, и спѣшилъ соединиться съ дядями, обступившими городъ Изяславль, Удѣлъ знаменитой Рогнѣды, первой супруги Св. Владиміра. Тамъ находился Брячиславъ, сынъ Бориса Всеславича, зять Мстиславовъ: хотѣвъ бѣжать къ отцу, онъ попался въ руки къ своему шурину, который велъ съ собою многихъ плѣнныхъ Логожанъ. Узнавъ, что сіи плѣнники и Брячиславъ довольны умѣренностію побѣдителя, осажденные граждане рѣшились сдаться, но требовали клятвы отъ Вячеслава, сына Мономахова, что онъ защититъ ихъ отъ всякаго насилія. Клятва была дана и нарушена. Ночью, въ слѣдъ за дружиною Тысячскихъ, посланною въ городъ, бросились всѣ воины

Андреевы и Вячеславовы: Князья не могли или не хотѣли остановить ихъ; едва спасли имѣніе дочери Мстиславовой, мечемъ удержавъ неистовыхъ грабителей, а бѣдныхъ гражданъ отдали имъ въ жертву. Скоро и Всеволодъ, старшій сынъ Великаго Князя, вступилъ съ Новогородцами въ область Полоцкую: устрашенные жители не оборонялись, и выгнали своего Князя, Давида, на мѣсто коего, согласно съ ихъ желаніемъ, Мстиславъ далъ имъ Рогволода, брата Давидова[220]; а чрезъ два года отправилъ всѣхъ Князей Полоцкихъ въ ссылку, за то, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, что они не хотѣли дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ противъ враговъ нашего отечества, Половцевъ[221]. Всеславичи Давидъ, Ростиславъ, Святославъ, и племянники ихъ, Василько, Іоаннъ, сыновья Рогволодовы, съ женами и дѣтьми были на трехъ ладіяхъ отвезены въ Константинополь. Мстиславъ отдалъ Княженіе Полоцкое и Минское сыну своему Изяславу. Г. 1129.

Князь Новогородскій Всеволодъ, соединясь съ братьями, два раза ходилъ на Чудь, или Эстонцевъ, зимою: обратилъ въ пепелъ селенія, умертвилъ жителей, взялъ въ плѣнъ ихъ женъ и дѣтей; но Г. 1130—31. Война съ Чудью и

Литвою.

въ другомъ походѣ самъ лишился многихъ воиновъ. Сей народъ ненавидѣлъ Россіянъ какъ утѣснителей, опрекался платить дань, и сопротивленіемъ отягчалъ свою долю. — Самъ Великій Князь воевалъ Литву и привелъ въ Кіевъ великое число плѣнниковъ[222]. Тогдашнія безпрестанныя войны доставляли нашимъ Князьямъ и Боярамъ множество невольниковъ, которые отчасти шли въ продажу, отчасти (какъ надобно думать) были разселяемы по деревнямъ.

Г. 1131.

Кончина Мстислава Г. 1132, Апр. 15.

Мстиславъ, по возвращеніи изъ Литвы, скончался на 56 году отъ рожденія, заслуживъ имя Великаго. Онъ умѣлъ властвовать, хранилъ порядокъ внутри Государства, и если бы дожилъ до лѣтъ отца своего, то могъ бы утвердить спокойствіе Россіи на долгое время. — Сей Великій Князь, вторично женатый на дочери знатнаго Новогородца, Димитрія Завидича, имѣлъ отъ нее двухъ сыновей: Святополка и Владиміра (кромѣ дочерей, изъ коихъ одна была за Всеволодомъ Ольговичемъ Черниговскимъ). Старшіе ихъ братья родились отъ Христины, первой супруги[223].

Сверхъ тогдашнихъ мнимыхъ ужасовъ, солнечныхъ затмѣній, и легкаго земле-

трясенія въ южной Россіи (Августа 1, 1126 года) дѣйствительнымъ несчастіемъ княженія Мстиславова былъ страшный голодъ въ сѣверныхъ областяхъ, особенно же въ Новогородской. Отъ жестокаго, совсѣмъ необыкновеннаго холода вымерзли озими, глубокій снѣгъ лежалъ до 30 Апрѣля, вода затопила нивы, селенія, земледѣльцы весною увидѣли на поляхъ, вмѣсто зелени, одну грязь. Правительство не имѣло запасовъ, и цѣна хлѣба такъ возвысилась, что осмина ржи въ 1128 году стоила нынѣшними серебряными деньгами около рубля сорока копеекъ[224]. Народъ питался мякиною, лошадинымъ мясомъ, липовымъ листомъ, березовою корою, мхомъ, древесною гнилью. Изнуренные голодомъ люди скипались какъ привидѣнія: падали мертвые на дорогахъ, улицахъ и площадяхъ. Новгородъ казался обширнымъ кладбищемъ; трупы заражали воздухъ смрадомъ тлѣнія, и наемники не успѣвали вывозить ихъ. Отцы и матери отдавали дѣтей купцамъ иноземнымъ въ рабство, и многіе граждане искали пропитанія въ странахъ отдаленныхъ. »Новгородъ опустѣлъ,« говорятъ Лѣтописцы: однакожь войско его чрезъ годъ уже разило непріятелей, торговля

Голодъ.

цвѣла по прежнему, купеческія суда ходили въ Гопландію и Данію[225].

Древнѣйшая грамота

Замѣтимъ, что самая древнѣйшая изъ подлинныхъ Княжескихъ грамотъ Русскихъ, донынѣ намъ извѣстныхъ, есть Мстиславова, данная имъ Новогородскому Юрьевскому монастырю, вмѣсто крѣпости, на земли и судныя пошлины, съ приписью сына его, Всеволода, что онъ даритъ тому же монастырю серебряное блюдо для употребленія за братскою трапезою.

ГЛАВА IX.

Великій Князь Ярополкъ.

Г. 1132 — 1139.

Неустройства. Дань Печорская. Завоеваніе Дерпта. Битва на Ждановой горѣ. Кровопролитіе въ южной Россіи. Изгнаніе Князя изъ Новагорода. Великодушіе Василька Полоцкаго. Псковъ отдѣлился отъ Новагорода. Уставъ о церковной дани. Новогородцы опять изгоняютъ Князя. Междоусобіе въ южной Россіи. Миръ и кончина Великаго Князя. Столѣтняя вражда между потомками Олега и Мономаха. Галицкое Княженіе. Характеръ Владимірка. Борисъ воюетъ съ Королемъ Венгерскимъ; является въ станѣ Короля Французскаго; убитъ измѣнникомъ.

Превосходныя достоинства Мстислава удерживали частныхъ Князей въ границахъ благоразумной умѣренности: кончина его разрушила порядокъ. Г. 1132.

Неустройства.

Граждане Кіевскіе объявили Ярополка Владиміровича Государемъ своимъ и призвали его въ столицу. Согласно съ торжественнымъ договоромъ, заключеннымъ между имъ и старшимъ братомъ, въ исполненіе Мономахова завѣщанія, онъ уступилъ Переяславль Всеволоду, сыну Мстислава. Сей Князь Новогородскій, пріѣхавъ туда, чрезъ нѣсколько часовъ былъ изгнанъ дядею, Георгіемъ Владиміровичемъ, Княземъ Суздальскимъ и Ростовскимъ, который заключилъ союзъ съ меньшимъ братомъ, Андреемъ, и боялся, чтобы Ярополкъ не сдѣлалъ Всеволода наслѣдникомъ Кіевскаго престола. Великій Князь убѣдилъ Георгія выѣхать изъ Переяславля[226]; но, чтобы успокоить братьевъ, отдалъ сію область другому племяннику, Изяславу Мстиславичу, Князю Полоцкому. Такимъ образомъ слабость новаго Государя обнаружилась въ излишней снисходительности, и несчастныя слѣдствія доказали, сколь малодушіе его было вредно для Государства. Новогородцы, Ладожане и Псковитяне (которые составляли одну

область), уже не хотѣли принять Всеволода. »Забывъ клятву умереть съ нами »(говорили они), ты искалъ другаго Кня»женія: иди же, куда тебѣ угодно!« Несчастный Князь долженъ былъ удалиться. Граждане скоро одумались и возвратили изгнанника; но власть его ограничилась, и Посадники, издревле знаменитые слуги Князей, сдѣлались ихъ совмѣстниками въ могуществѣ, будучи съ того времени избираемы народомъ[227]. — Полочане также воспользовались отсутствіемъ Изяслава: выгнали брата его, Святополка, и признали Княземъ своимъ Василька Рогволодовича, который возвратился тогда изъ Царяграда[228].

Новыя перемѣны служили только поводомъ къ новымъ безпорядкамъ и неудовольствіямъ. Желая совершенно угодить братьямъ, Ярополкъ склонилъ Изяслава уступить Переяславль дядѣ своему, Вячеславу. Племянникъ въ замѣну получилъ Туровъ и Пинскъ, сверхъ его прежней Минской области; былъ доволенъ и ѣздилъ въ Удѣлы Мстиславичей, въ Смоленскъ, въ Новгородъ, собирать дары и
Г. 1133. налоги для Ярополка. Достойно примѣчанія, что Новгородъ, владѣя отдаленными странами нынѣшней Архангельской Гу-

берніи, платилъ за нихъ Великимъ Князьямъ особенную дань, которая называлась *Печорскою*. Но скоро вѣрность Изяслава и братьевъ его поколебалась: легкомысленный Вячеславъ, жалѣя о своемъ бывшемъ Удѣлѣ, отнялъ у племянника Туровъ, а Георгій Владиміровичь взялъ Переяславль, отдавъ за то Ярополку часть своей Ростовской и Суздальской области[229]. Дань Печорская. Г. 1134—35.

Огорченный Изяславъ прибѣгнулъ ко Всеволоду: сей Новогородскій Князь не задолго до того времени побѣдилъ мятежную Чудь, взялъ Юрьевъ или Дерпть, основанный Великимъ Ярославомъ, и въ надеждѣ на свою храбрость обѣщалъ брату завоевать для него область Суздальскую. Онъ не сдержалъ слова: дошелъ только до рѣки Дубны и возвратился. Между тѣмъ въ Новѣгородѣ господствовало неустройство: народъ волновался, избиралъ, смѣнялъ Посадниковъ, и даже утопилъ одного изъ главныхъ чиновниковъ своихъ, бросивъ его съ мосту, который служилъ Новогородцамъ вмѣсто скалы Тарпейской. Недовольные худымъ успѣхомъ Всеволодова похода, они требовали войны, и хотѣли снова итти къ Суздалю. Напрасно Михаилъ, тогдашній Митрополитъ Кіевскій, пріѣхавъ къ нимъ, старался отвратить Завоеваніе Дерпта.

ихъ отъ сего междоусобія: Новогородцы считали опое нужнымъ для своей чести; не пустили опть себя Митрополита, и не смотря на жестокость зимы, выступили въ поле 31 Декабря; съ удивительнымъ терпѣніемъ сносили холодъ, выоги, мятели, и кровопролитною битвою, 26 Генваря, на долгое время прославили Ждановy гору (въ нынѣшней Владимірской Губерніи); потеряли множество людей, убили еще болѣе Суздальцевъ, но не могли одержать побѣды; возвратились съ миромъ и немедленно освободили Митрополита, который предсказалъ имъ несчастныя слѣдствія ихъ похода[230].

Битва на Ждановой горѣ.

И южная Россія была въ сіе время театромъ раздора. Ольговичи, Князья Черниговскіе, дружные тогда со Мстиславичами, объявили войну Ярополку и братьямъ его; призвали Половцевъ; жгли города, села; грабили, плѣняли Россіянъ, и заключили миръ подъ Кіевомъ. Изяславъ былъ тутъ же. Онъ не ходилъ вторично съ Новогородцами въ область Суздальскую: Великій Князь уступилъ ему Владиміръ, Андрею, брату своему, Переяславль, а Ростовъ и Суздаль возвратилъ Георгію, который сверхъ того удержалъ за собою Осетръ въ южной Россіи. Въ

Кровопролитіе въ южной Россіи.

семъ случаѣ Новогородцы поступили какъ истинные, добрые сыны отечества: не хотѣвъ взять участія въ междоусобіи, они прислали своего Посадника Мирослава, и наконецъ Епископа Нифонта, обезоружить Князей словами благоразумія. Нифонтъ, мужъ строгой добродѣтели, сильными убѣжденіями тронулъ ихъ сердца и болѣе всѣхъ способствовалъ заключенію мира[231].

Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять возгорѣлась война, и Князья Черниговскіе новыми злодѣйствами устрашили бѣдныхъ жителей Переяславской области. Въ жестокой битвѣ, на берегахъ Супоя, Великій Князь лишился всей дружины своей; она гналась за Половцами и была отрѣзана непріятелями: ибо Ярополкъ съ большею частію войска малодушно оставилъ мѣсто сраженія. Плѣнивъ знатнѣйшихъ Бояръ, Ольговичи взяли и знамя Великаго Князя. Василько, сынъ Мономаховой дочери, Маріи, и Греческаго Царевича Леона, находился въ числѣ убитыхъ. — Завоевавъ Триполь, Халепъ, окрестности Бѣлагорода, Василева, побѣдители уже стояли на берегахъ Лыбеди, когда Ярополкъ, готовый ко вторичной битвѣ, но ужасаясь кровопролитія, вопреки мнѣнію братьи-

г. 1136, Авг. 8.

евъ предложилъ миръ, и согласился уступить Ольговичамъ Курскъ съ частію Переяславской области[232]. Митрополитъ ходилъ къ нимъ въ станъ, и приводилъ ихъ къ цѣлованію Креста, по тогдашнему обычаю.

Изгнаніе Князя изъ Новагорода

Между тѣмъ Новогородцы, миря другихъ сами не умѣли наслаждаться внутреннею тишиною. Князь былъ жертвою ихъ безпокойнаго духа. Собравъ гражданъ Ладожскихъ, Псковскихъ, они торжественно осудили Всеволода на изгнаніе, ставя ему въ вину, 1) »что онъ не *блюдетъ* простаго народа и любитъ столько »забавы, ястребовъ и собакъ; 2) хотѣлъ »княжить въ Переяславлѣ; 3) ушелъ съ »мѣста битвы на Ждановой горѣ прежде »всѣхъ, и 4) непостояненъ въ мыслахъ: »то держитъ сторону Князя Черниговскаго, то пристаетъ ко врагамъ его.« Всеволодъ былъ заключенъ въ Епископскомъ домѣ съ женою, дѣтьми и тещею, супругою Князя Святоши; сидѣлъ какъ преступникъ 7 недѣль за всегдашнею стражею тридцати воиновъ, и получилъ свободу, когда Святославъ Ольговичъ, братъ Князя Черниговскаго, избранный народомъ, пріѣхалъ княжить въ Новгородъ. Оставивъ тамъ аманатомъ юнаго сына

своего, Владимира, Всеволодъ искалъ защиты Ярополковой, и добросердечный Великій Князь, забывъ вину сего племянника (хотѣвшаго прежде, въ досаду ему, овладѣть Суздальскою землею), далъ изгнаннику Вышегородъ[233]; но равнодушно смотрѣлъ на то, что древняя столица Рюрикова, всегдашнее достояніе Государей Кіевскихъ, уже не признавала надъ собою ихъ власти.

Мятежъ продолжался въ Новѣгородѣ. Всеволодъ имѣлъ тамъ многихъ ревностныхъ друзей, ненавистныхъ народу, который одного изъ нихъ, именемъ Георгія Ярославича, бросилъ въ Волховъ. Сіи люди, не теряя надежды успѣть въ своемъ намѣреніи, хотѣли даже застрѣлить Князя Святослава[234]. Самъ Посадникъ держалъ ихъ сторону, и наконецъ съ нѣкоторыми знатными Новогородцами и Псковитянами ушелъ ко Всеволоду, сказывая ему, что всѣ добрые ихъ сограждане желаютъ его возвращенія. Рожденный, воспитанный съ ними, сей Князь любилъ Новгородъ какъ отчизну и неблагодарныхъ его жителей какъ братьевъ; тосковалъ въ изгнаніи, и съ сердечною радостію спѣшилъ приближиться къ своей наслѣдственной столицѣ. На пути встрѣ- Г. 1137.

шилъ его съ дружиною Василько Рогволодовичь, Князь Полоцкій, въ 1129 году сосланный Мстиславомъ въ Константинополь: онъ имѣлъ случай отмстить сыну за жестокость отца; но Василько былъ великодушенъ: видѣлъ Всеволода въ несчастіи и клялся забыть древнюю вражду; желалъ ему добра, и самъ съ честію проводилъ его чрезъ свои области.

Великодушіе Василька Полоцкаго.

Псковитяне съ искреннимъ усердіемъ приняли Всеволода: Новогородцы же не хотѣли объ немъ слышать, и свѣдавъ, что онъ уже во Псковѣ, разграбили домы его доброжелателей, а другихъ обложили пенями, и собранныя 1500 гривенъ отдали купцамъ на заготовленіе нужныхъ вещей для войны. Святославъ призвалъ брата своего, Глѣба, изъ Курска; призвалъ самыхъ Половцевъ. Уже варвары надѣялись опустошить сѣверную Россію, какъ они съ жестокимъ отцемъ сего Князя грабили южную; но Псковитяне рѣшились быть друзьями Всеволода: заваливъ всѣ дороги въ дремучихъ лѣсахъ своихъ, они взяли такія мѣры для обороны, что устрашенный Святославъ не хотѣлъ итти далѣе Дубровны, и возвратился[235]. Такимъ образомъ городъ Псковъ сдѣлался на время особеннымъ Княженіемъ: Святополкъ Мстиславичь наслѣдовалъ сію область по кончинѣ брата своего, набожнаго, благодѣтельнаго Всеволода-Гавріила, коего гробницу и древнее оружіе донынѣ показываютъ въ тамошней Соборной церкви.

Псков. отдѣлился отъ Новагорода

Новогородцы, избравъ Святослава, объявили себя непріятелями Великаго Князя, также Суздальскаго и Смоленскаго. Псковитяне не хотѣли имѣть съ ними сношенія; ни Василько, Князь Полоцкій, вѣрный союзникъ Всеволодовъ Лишенные подвозовъ, они терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ (котораго осмина стоила тогда въ Новѣгородѣ 7 рѣзаней), и неудовольствіе народное обратилось на Князя невиннаго. Одно Духовенство имѣло нѣкоторую причину жаловаться на Святослава: ибо онъ сочетался какимъ-то незаконнымъ бракомъ въ Новѣгородѣ, не уваживъ запрещенія Епископскаго, и велѣвъ обвѣнчать себя собственному или придворному Іерею. За то сей Князь старался обезоружить Нифонта своею щедростію, возобновивъ древній уставъ Владиміровъ о церковной дани, опредѣливъ Епископу брать, вмѣсто *десятины* отъ *Виръ* и *продажъ*, 100 гривенъ изъ казны Княжеской, кромѣ уѣздныхъ обро-

Уставъ о церковной дани.

ковъ и пошлины съ купеческихъ судовъ[236]. Но Святославъ не могъ успокоить народа, и былъ изгнанъ съ безчестіемъ. Желая защитить себя отъ мести Ольговичей, граждане оставили въ залогъ у себя его Бояръ и Княгиню; сослали ее въ монастырь Св. Варвары и призвали въ Новгородъ Ростислава, внука Мономахова, сына Георгіева; заключили миръ съ Великимъ Княземъ, Псковитянами, и хвалились своею мудрою Полипикою. — Гордынный Святославъ, разлученный съ женою, на пути своемъ въ Черниговъ былъ остановленъ Смоленскими жителями и заперпъ въ монастырѣ Смядынскомъ: ибо Ольговичи снова объявили тогда войну роду Мономахову.

Г. 1138, Апрѣл. 17.

Новогородцы опять изгоняютъ Князя. Маія 10.

Сіи безпокойные Князья вмѣстѣ съ Половцами ограбили селенія и города на берегахъ Сулы. Андрей Владиміровичъ не могъ отразить ихъ, ни имѣть скорой помощи отъ братьевъ, которые, въ надеждѣ на миръ, распустили войско. Онъ не хотѣлъ быть свидѣтелемъ бѣдствія своихъ подданныхъ, и спѣшилъ уѣхать изъ Переяславля, оставивъ ихъ въ добычу врагамъ и не менѣе хищнымъ Намѣстникамъ[237]. Заключеніе Святослава еще болѣе оспорвенно жестокихъ Ольговичей: пылая гнѣвомъ, они какъ тигры свирѣпствовали въ южной Россіи, взяли Прилукъ, думали осадить Кіевъ. Но Ярополкъ собралъ уже сильную рать, заставилъ ихъ удалиться и скоро приступилъ къ Чернигову. Не только всѣ Россійскіе Князья соединились съ нимъ, но и Венгры дали ему войско; въ станѣ его находилось еще около 1000 конныхъ Берендѣевъ или Торковъ. Жители Черниговскіе ужаснулись и требовали отъ своего Князя, Всеволода, чтобы онъ старался умилостивить Ярополка. »Ты хочешь бѣ»жать къ Половцамъ,« говорили они: »но »варвары не спасутъ твоей области: мы »будемъ жертвою враговъ. Пожалѣй о на»родѣ и смирися. Знаемъ человѣколюбіе »Ярополково: онъ не радуется кровопро»литію и гибели Россіянъ.« Черниговцы не обманулись: Великій Князь, тронутый моленіемъ Всеволода, явилъ рѣдкій примѣръ великодушія или слабости: заключивъ миръ, утвержденный съ обѣихъ сторонъ клятвою и дарами, возвратился въ Кіевъ и скончался[238]. Сей Князь, подобно Мономаху, любилъ добродѣтель, какъ увѣряютъ Лѣтописцы; но онъ не зналъ, въ чемъ состоитъ добродѣтель

Междоусобіе въ южной Россіи

Миръ и кончина Велик. Князя.

Г. 1139, Февр. 18.

Столѣтняя вражда между потомками Олега и Мономаха.

Государя. Съ его времени началась та непримиримая вражда между потомками Олега Святославича и Мономаха, которая въ теченіе цѣлаго вѣка была главнымъ несчастіемъ Россіи: ибо первые не хотѣли довольствоваться своею наслѣдственною областію и не могли, завидуя впорымъ, спокойно видѣть ихъ на престолѣ Великокняжескомъ.

Галицкое Княженіе.

Вмѣстѣ съ другими Россіянами находилась подъ Черниговымъ, въ Ярополковомъ станѣ, и вспомогательная дружина *Галицкая*: такъ съ сего времени называется въ лѣтописяхъ юго-западная область Россіи, гдѣ сынъ Володаревъ, честолюбивый Владимірко, господствуя вмѣстѣ съ братьями, перенесъ свою особенную столицу на берегъ Днѣстра, въ Галичь, и прославился мужествомъ. Онъ не могъ забыть коварнаго злодѣянія Ляховъ, столь безчестно плѣнившихъ Володаря, и мстилъ имъ при всякомъ случаѣ[239]. Какой-то знатный Венгерецъ, Болеславовъ Вельможа, начальникъ города Вислицы, измѣнивъ Государю, тайно звалъ Галицкаго Князя въ ея богатую область. Владимірко безъ сопротивленія завладѣлъ оною и сдержалъ данное Венгерцу слово: осыпалъ его золотомъ, ласкою, почестя-

ми; но гнушаясь злодѣяніемъ, велѣлъ тогда же ослѣпить сего измѣнника и сдѣлать евнухомъ. »Изверги не должны имѣть дѣтей, имъ подобныхъ,« сказалъ Владимірко, хотѣвъ такимъ образомъ согласить природную ненависть къ Полякамъ съ любовію къ добродѣтели. Онъ удовольствовался взятою добычею, и не могъ удержать за собою Вислицы. Польскіе Лѣтописцы говорятъ, что Болеславъ старался отмстить ему такимъ же грабежемъ въ Галицкой области: свирѣпствовалъ огнемъ и мечемъ, плавалъ въ крови невинныхъ земледѣльцевъ, пировалъ, жегъ, и возвратился съ *честію!* Тогдашніе ужасы войны безъ сомнѣнія превосходили нынѣшніе, и казались не злодѣйствомъ, но ея принадлежностію, обыкновенною и необходимою.

Характеръ Владимірка.

Владимірко — не врагъ, но союзникъ Венгровъ — участвовалъ также въ войнѣ Бориса, сына Евѳиміи, Мономаховой дочери, съ Королемъ Белою *Слѣпымъ*[240]. Еще въ утробѣ матери осужденный на изгнаніе и воспитанный въ нашемъ отечествѣ, Борисъ, возмужавъ, хотѣлъ мечемъ доказать силу наслѣдственныхъ правъ своихъ, и вступилъ въ Венгрію съ *Россіянами*, его союзниками, и съ Болѣ-

Борисъ воюетъ съ Королемъ Венгерскимъ.

славомъ Польскимъ; но въ рѣшительной битвѣ не выдержалъ перваго удара Нѣмцевъ и бѣжалъ какъ малодушный, не умѣвъ воспользоваться благорасположеніемъ многихъ Венгерскихъ Бояръ, которые думали, что онъ былъ законный сынъ ихъ Государя, и что Коломанъ единственно по ненависти своей къ Россійской крови изгналъ супругу, вѣрную и невинную. Напрасно искавъ защиты Нѣмецкаго Императора, Борисъ чрезъ нѣсколько лѣтъ явился въ станѣ Людовика VII, когда сей Французскій Монархъ шелъ чрезъ Паннонію въ Обѣщованную землю. Узнавъ о томъ, Гейза, Король Венгерскій, требовалъ головы своего опаснаго непріятеля; но Людовикъ сжалился надъ несчастнымъ, и призвавъ на совѣтъ Епископовъ, объявилъ Посламъ Гейзы, что требованіе ихъ Короля не согласно ни съ честію, ни съ Вѣрою Христіанскою. Борисъ, женатый на родственницѣ Мануила, Греческаго Императора, удалился въ Царьградъ, выѣхавъ тайно изъ Французскаго стана на конѣ Людовиковомъ; восвалъ еще съ Гейзою подъ знаменами Мануила и былъ застрѣленъ измѣнникомъ, Половецкимъ воиномъ, въ 1156 году[24].

Борисъ въ станѣ Короля Французскаго.

Убитъ измѣнникомъ.

манъ, извѣстный храбростію, служилъ послѣ Грекамъ и правительствовалъ въ Киликіи.

ГЛАВА X.

Великій Князь Всеволодъ Ольговичь.

Г. 1139 — 1146.

Всеволодъ изгоняетъ Вячеслава. Междоусобія. Мужество Андрея. Честность Всеволода. Его благоразуміе. Равнодушіе Новогородцевъ къ Княжеской чести. Безпокойства въ Новѣгородѣ. Смерть Андрея Добраго. Грабежи. Хитрость Всеволода. Россіяне въ Польшѣ. Первая вражда Георгія съ Изяславомъ. Мореходство Новогородцевъ. Браки. Походъ на Галичъ. Іоаннъ Берладникъ. Всеволодъ избираетъ наслѣдника. Дѣла Польскія. Война съ Галицкимъ Княземъ. Мужество Воеводы Звенигородскаго. Кончина Всеволода.

Вячеславъ, Князь Переяславскій, вступилъ въ Кіевъ, будучи наслѣдникомъ Ярополковымъ, и Митрополитъ, провождаемый народомъ, встрѣтилъ его какъ Государя. Но Всеволодъ Ольговичь не далъ ему времени утвердить власть свою

Г. 1139, Февраля 22.

узнавъ въ Вышегородѣ о кончинѣ Ярополковой, немедленно собралъ войско; обступилъ Кіевъ и зажегъ предмѣстіе Копыревское[242]. Устрашенный Вячеславъ послалъ Митрополита сказать Всеволоду: »я не хищникъ; но ежели условія нашихъ »отцевъ не кажутся тебѣ закономъ свя»щеннымъ, то будь Государемъ Кіевскимъ: »иду въ Туровъ.« Онъ дѣйствительно уѣхалъ изъ столицы, а Всеволодъ съ торжествомъ сѣлъ на престолѣ Великокняжескомъ, давъ *свѣтлый* пиръ Митрополиту и Боярамъ; вино, медъ, яства, овощи были развозимы для народа: церкви и монастыри получили богатую милостыню. — Къ неудовольствію брата своего, Игоря, Всеволодъ отдалъ Черниговъ сыну Давидову, Владиміру.

Марта 5. Всеволодъ изгоняетъ Вячеслава.

Новый Великій Князь изъявилъ желаніе остаться въ мирѣ съ сыновьями и внуками Мономаха; но они не хотѣли ѣхать къ нему, замышляя свергнуть его съ престола Тогда Всеволодъ рѣшился отнять у нихъ владѣнія и послалъ Воеводъ на Изяслава Мстиславича. Сія рать, объятая ужасомъ прежде битвы, возвратилась съ уничиженіемъ и стыдомъ[243]. Въ намѣреніи загладить первую неудачу, Всеволодъ приказалъ брату Князя Черни-

Междоусобія.

говскаго, Изяславу Давидовичу, вмѣстѣ съ Галицкими Князьями воевать область Туровскую и Владимірскую; а самъ выступилъ противъ Андрея, гордо объявивъ ему, чтобы онъ ѣхалъ въ Курскъ, и что Переяславль долженъ быть Удѣломъ Святослава Ольговича. Великодушный Андрей издавна не боялся враговъ многочисленныхъ. »Нѣтъ!« отвѣтствовалъ сей Князь: »дѣдъ, отецъ мой княжили въ Пе»реяславлѣ, а не въ Курскѣ; здѣсь моя отчи»на и дружина вѣрная; живой не выду отсюда. Пусть Всеволодъ обагритъ свои »руки моею кровію! Не онъ будетъ пер»вый: Святополкъ, подобно ему властолюбивый, умертвилъ также Бориса и »Глѣба; но долго ли пользовался властію?« Великій Князь стоялъ на берегахъ Днѣпра и велѣлъ Святославу изгнать Андрея: но мужественный сынъ Мономаховъ, обративъ его въ бѣгство, купилъ побѣдою миръ. Къ чести Всеволода сказано въ лѣтописи, что онъ во время договоровъ, видя ночью сильный пожаръ въ Переяславлѣ, не хотѣлъ воспользоваться онымъ. Сіи два Князя, обѣщавъ забыть вражду, чрезъ нѣсколько дней съѣхались въ Малотинѣ для заключенія союза съ Ханами Половецкими.

Мужество Андрея.

Честность Всеволода.

Между тѣмъ Владимірко Галицкій съ

Іоанномъ Васильковичемъ, брать Черниговскаго Князя съ Половцами, и Ляхи, союзники Всеволодовы, вошли въ область Изяславову и Туровскую. Но гордый Владимірко, стыдясь быть слугою или орудіемъ Государя Кіевскаго, искалъ въ юномъ, мужественномъ Изяславѣ Мстиславичѣ не врага, а достойнаго сподвижника въ опасностяхъ славы: они вступѣпились въ полѣ для того, чтобы разстаться друзьями. Ляхи же и Половцы удовольствовались однимъ грабежемъ. Симъ война кончилась.

Его благоразуміе.

Благоразумный Всеволодъ не опровергнулъ мирныхъ предложеній Изяслава и дяди его Вячеслава Туровскаго; далъ слово не превожить ихъ въ наслѣдственныхъ Удѣлахъ, и желалъ согласить свое честолюбіе съ государственною пользою.

Равнодушіе Новогородцевъ къ Княжеской чести.

Еще Георгій Владиміровичь, Князь Суздальскій, оставался его врагомъ, прибылъ въ Смоленскъ, и требовалъ войска отъ Новогородцевъ, чтобы отмстить Всеволоду. Юный Князь ихъ, Ростиславъ, представлялъ имъ обязанность вступиться за честь Мономахова Дому; но думал о выгодахъ мирной торговли болѣе, нежели о чести Княжеской, они не хотѣли вооружиться. Ростиславъ ушелъ къ отцу: Георгій въ наказаніе отнялъ у Новогородцевъ Торжекъ. Сіи люди выгоняли Князей, но не могли жить безъ нихъ: звали къ себѣ вторично Святослава, и въ залогъ вѣрности дали аманатовъ Всеволоду. Святославъ пріѣхалъ; однакожъ спокойствія и тишины не было. Распри господствовали въ сей области. Князь и любимцы его также пили духъ несогласія и мстили личнымъ врагамъ: нѣкоторыхъ знатныхъ Бояръ сослали въ Кіевъ или заключили въ оковы; другіе бѣжали въ Суздаль. Всеволодъ хотѣлъ послать сына своего на мѣсто брата, и граждане, въ надеждѣ имѣть лучшаго Князя, отправили за нимъ Епископа Нифонта въ Кіевъ. Тогда, не увѣренный въ своей безопасности, Святославъ уѣхалъ тайно изъ Новагорода вмѣстѣ съ Посадникомъ Якуномъ. Народъ озлобился; догналъ несчастнаго любимца Княжескаго, оковалъ цѣпями и заточилъ въ область Чудскую, равно какъ и брата Якунова, взявъ съ нихъ 1100 гривенъ пени. Сіи изгнанники скоро нашли вѣрное убѣжище тамъ же, гдѣ и враги ихъ[244]: при Дворѣ Георгія Владиміровича, и благословляя милостиваго Князя, навсегда отказались отъ своего мятежнаго отечества.

Безпокойства въ Новогородѣ. Г. 1140.

Г. 1141.

Уже сынъ Всеволодовъ былъ на пу-

ши съ Нифонтомъ и доѣхалъ до Чернигова, когда вѣтреные Новогородцы, перемѣнивъ мысли, дали знать Великому Князю, что не хотятъ ни сына, ни ближнихъ его, и что одинъ родъ Мономаховъ достоинъ управлять ими. Оскорбленный Всеволодъ задержалъ ихъОсловъ и самого Нифонта. Узнавъ о томъ, Новогородцы объявили Всеволоду, что они покорны ему какъ общему Государю Россіи, желая *отъ его руки* имѣть властителемъ своимъ брата Великой Княгини, Святополка или Владиміра Мстиславичей. Однакожъ сія уклонность не смягчила Всеволода, который призвалъ къ себѣ обоихъ меньшихъ шурьевъ и далъ имъ Брестовскую область, для того, чтобы они не соглашались княжить въ Новѣгородѣ, и чтобы его безпокойные жители испытали всѣ бѣдствія безначалія.

Въ самомъ дѣлѣ Новогородцы, лишенные защиты Государя, были всячески притѣсняемы: никто не хотѣлъ везти къ нимъ хлѣба, и купцы ихъ, остановленные въ другихъ городахъ Россійскихъ, сидѣли по темницамъ. Они терпѣли девять мѣсяцевъ, избравъ въ Посадники врага Святославова, именемъ Судилу, который вмѣстѣ съ другими единомышленниками возвратился изъ Суздаля: наконецъ прибѣгнули къ Георгію Владиміровичу и звали его къ себѣ правительствовать. Онъ не хотѣлъ выѣхать изъ своей вѣрной области, но вторично далъ имъ сына, и скоро имѣлъ причину раскаяться: ибо Всеволодъ, въ досаду ему, занялъ Осперъ (городокъ Георгіевъ), а Новогородцы — свѣдавъ, что Великій Князь, въ удовольствіе супругѣ или брату ея, Ярославу Мстиславичу, согласился наконецъ исполнить ихъ желаніе, и что шуринъ его, Святополкъ, уже къ нимъ ѣдетъ — заключили, по обыкновенію, Георгіева сына въ Епископскомъ домѣ[245]. Капитолій граничилъ въ Римѣ съ Тарпейскою скалою: въ Новѣгородѣ престолъ съ темницею! Боялся ли народъ остаться безъ Властителя и на всякой случай берегъ смѣннаго? или, упоенный дерзостію, хотѣлъ явить его преемнику разительный примѣръ своего могущества, поручая ему вывезти бывшаго Князя изъ темницы? Какъ скоро Святополкъ пріѣхалъ, граждане отпустили Ростислава къ отцу.

Г. 1142, Апрѣля 19

Въ сіе время, къ общей горести, преставился Андрей Владиміровичь, въ лѣ-

Смерт. Андрея Добраго.

пахъ мужества, заслуживъ имя *Добраго*, и не уронивъ чести Мономахова Дому[246]. Вячеславъ былъ его наслѣдникомъ, но медлилъ выѣхать изъ Турова. »Иди въ свою отчину, Переяславль,« говорили ему Послы Всеволодовы: »Туровъ есть древ»ній городъ *Кіевскій*; отдаю его моему »сыну.« Тихій Вячеславъ жилъ спокойнѣе и безопаснѣе въ западной Россіи: сосѣдство съ Половцами требовало дѣятельной осторожности, несогласной съ его миролюбіемъ. Принужденный исполнить требованіе Всеволодово, онъ увидѣлъ, что Россія имѣла *своихъ* Половцевъ: Игорь и Святославъ Ольговичи объявили ему войну. Недовольные тѣмъ, что Великій Князь наградилъ сына Удѣломъ и не хотѣлъ отдать имъ ни Сѣверскаго Новагорода, ни земли Вятичей, они вступили въ тѣсный союзъ съ Князьями Черниговскими, сыновьями Давида, и надѣлались оружіемъ пріобрѣсти себѣ выгодные Удѣлы;

Грабежи.

опустошили нѣсколько городовъ Георгія Владиміровича Суздальскаго, захвативъ вездѣ скотъ и товары; напали на область Переяславскую, и два мѣсяца жгли села, правили хлѣбъ, разорили бѣдныхъ земледѣльцевъ. Вячеславъ слабилъ стонъ людей, смотрѣлъ на дымъ пылающихъ

весей, и сидѣлъ праздно въ городѣ, ожидая защиты отъ Всеволода и своихъ храбрыхъ племянниковъ, Мстиславичей. Великій Князь дѣйствительно отрядилъ къ нему Воеводу съ конницею Печенѣжскою; съ другой стороны пришелъ Изяславъ Владимірскій; а братъ его, Князь Смоленскій, завладѣлъ городами Черниговскими на берегахъ Сожа. Инокъ Святоша былъ еще живъ: Всеволодъ послалъ его усовѣстить хищниковъ. Наконецъ они смирились. Великій Князь отдалъ Игорю Юрьевъ и Рогачевъ, Святославу Черторискъ и Клецкъ, а Давидовичамъ Брестъ и Дрогичинъ, хитрымъ образомъ уничтоживъ опасный союзъ сихъ Князей съ его братьями. Но послѣдніе вторично изъявили досаду, когда Вячеславъ, съ

Хитрость Всеволода.

согласія Всеволодова, уступилъ Переяславль Изяславу Мстиславичу, снова взявъ себѣ Туровъ, и когда сынъ Великаго Князя, юный Святославъ, на обмѣнъ получилъ Владимірскую область. »Братъ нашъ »—говорили Ольговичи—думаетъ только »о сынѣ, дружится съ своими ненави»стными шурьями, окружилъ себя ими, »и не дастъ намъ ни одного богатаго го»рода.« Тщетно желали они поссорить его съ добрыми Мстиславичами: Великій

Князь не внималъ злословію и хотѣлъ внутренняго спокойствія[247].

Г. 1145, Генваря 1. Россіяне въ Польшѣ.

Утвердивъ себя на престолѣ Кіевскомъ, онъ вслѣдъ сыну Святославу, вмѣстѣ съ Изяславомъ Давидовичемъ и Владиміркомъ Галицкимъ, шипи въ Польшу, гдѣ Герцогъ Владиславъ, зять Великаго Князя, ссорился съ меньшими братьями: съ Болеславомъ (иначе зятемъ Всеволодовымъ) и съ другими. Къ несчастію, Россіяне, призванные возстановить тишину Государства, дѣйствовали какъ враги онаго, и вывели множество плѣнныхъ Ляховъ, болѣе мирныхъ, нежели ратныхъ[248].

Первая вражда Георгія съ Изяславомъ.

Г. 1144.

Увѣренный въ искреннемъ дружелюбіи Всеволода, Изяславъ Мстиславичь хотѣлъ, кажется, примирить его и съ дядею, Георгіемъ Владиміровичемъ, и для того ѣздилъ къ нему въ Суздаль; но сіи два Князя не согласились въ мысляхъ, и разссорились врагами: что, ко вреду Государства, имѣло послѣ столь кровопролитныя слѣдствія. Въ семъ путешествіи Изяславъ видѣлся съ вѣрнымъ братомъ своимъ, Ростиславомъ Смоленскимъ, и пировалъ на свадьбѣ Князя Новогородскаго, Святополка, котораго невѣста была привезена изъ Моравіи: вѣроятно, родственница Богемскаго Короля Владислава[249]. Новгородъ успокоился: купеческія суда его ходили за море, привозили иноземные товары въ Россію, и въ 1142 году мужественно отразили флотъ Шведскаго Короля, выѣхавшаго на разбой съ шестидесятью ладіями и съ *Епископомъ* Финляндцы, дерзнувъ грабить Ладожскую область, были побиты ея жителями и Корелами, Новогородскими данниками.

Мореходство Новогородцевъ.

Браки

Желая прекратить наслѣдственную вражду между потомствомъ Рогнѣдинымъ и Ярослава Великаго, благоразумный Всеволодъ женилъ сына своего, юнаго Святослава, на дочери Василька Полоцкаго; а Изяславъ Мстиславичь выдалъ свою за Рогволода Борисовича, позвавъ къ себѣ, на свадебный пиръ, Всеволода, супругу его и Бояръ Кіевскихъ[250]. По веселясь и пируя, Князья разсуждали о дѣлахъ государственныхъ: Всеволодъ убѣдилъ ихъ возстать общими силами на гордаго Владимірка, который, по смерти братьевъ, Ростислава и Васильковичей, сдѣлался единовластителемъ въ Галичѣ, хотѣлъ даже изгнать Всеволодова сына изъ Владимірской области, и возвратилъ Вели-

кому Князю шлетъ называемую крестную или присяжную грамоту въ знакъ объявленія войны. Ольговичи, Князь Черниговскій съ брашомъ, Вячеславъ Туровскій съ племянниками Изяславомъ, Ростиславомъ Смоленскимъ, Борисомъ и Глѣбомъ, сыновьями умершаго Всеволодка Городненскаго, сѣли на коней и пошли къ Теребовлю, соединясь съ Новогородскимъ Воеводою Неревинымъ и Герцогомъ Польскимъ, Владиславомъ.

Поход на Галичь.

Владимірко услышалъ грозную вѣсть: призвалъ въ союзъ Венгровъ и выступилъ въ поле съ Баномъ, дядею Короля Гейзы[251]. Рѣка Серетъ раздѣляла войска, готовыя къ битвѣ. Всеволодъ искалъ переправы: Князь Галицкій, не выпуская его изъ вида, шелъ другимъ берегомъ, и въ седьмый день сталъ на горахъ, ожидая нападенія; но Всеволодъ не хотѣлъ сразиться: ибо мѣсто благопріятствовало его противнику. Когда же Изяславъ Давидовичь, братъ Черниговскаго Князя, съ отрядомъ наемныхъ Половцевъ взялъ Ушицу и Микулинъ въ землѣ Галицкой: тогда Великій Князь приступилъ къ Звенигороду. Въ слѣдъ за непріятелемъ Владимірко сошелъ въ долины. Видя станъ его на другой сторонѣ города, за мелкою

рѣкою, Всеволодъ тронулся съ мѣста въ боевомъ порядкѣ, и хитро обманулъ непріятеля: вмѣсто того, чтобы вступить съ нимъ въ битву, занялъ сму въ тылъ, расположился на высотахъ, отрѣзалъ его отъ Перемышля и Галича, оставивъ между собою и городомъ вязкія болота. Дружина Владиміркова оробѣла. »Мы стоимъ здѣсь« — говорили его Бояре и воины — »а враги могутъ итти къ »столицѣ, плѣнить наши семейства.« Князь Галицкій, не имѣя надежды сбить многочисленное войско съ неприступнаго мѣста, началъ переговоры съ брашомъ Всеволодовымъ; склонилъ его на свою сторону; требовалъ мира и далъ слово Игорю способствовать ему, по смерти Всеволода, въ восшествіи на престолъ Кіевскій. Великій Князь не соглашался. »Но ты хочешь сдѣлать меня своимъ на»слѣдникомъ«, сказалъ Игорь брату: »о»ставь же мнѣ благодарнаго и могущественна»го союзника, столь нужнаго въ ны»нѣшнихъ обстоятельствахъ Россіи!« Всеволодъ исполнилъ наконецъ его волю, и въ тотъ же день обнялъ Князя Галицкаго какъ друга; взялъ съ него за прудъ 1200 гривенъ *серебра*, роздалъ оныя союзнымъ Князьямъ и возвратился въ сто-

лицу, доказавъ, что умѣешь счастливо воевать, а не умѣешь пользоваться воинскимъ счастіемъ.

Иоаннъ Берладникъ.

Миръ не продолжился. Братъ Владимірковъ, Ростиславъ, оставилъ сына, именемъ Іоанна, прозваннаго *Берладникомъ*[252], у коего дядя отнялъ законное наслѣдство: сей юноша жилъ въ Звенигородѣ и снискалъ любовь народа. Пользуясь отсутствіемъ Владимірка, уѣхавшаго въ Тисмѣницу для звѣриной ловли, Галичане призвали къ себѣ Іоанна и единодушно объявили своимъ Княземъ. Гнѣвный Владимірко приступилъ къ городу. Жители сопротивлялись мужественно: но Іоаннъ въ ночной вылазкѣ былъ отрѣзанъ отъ городскихъ воротъ: пробился сквозь непріятелей, ушелъ къ Дунаю, и наконецъ въ Кіевъ. Галичане сдались. Склонный болѣе къ строгости, нежели къ милосердію, Владимірко плавалъ въ ихъ крови, и съ досадою слышалъ, что Великій Князь взялъ его племянника подъ защиту, какъ невинно гонимаго.

1145.

Однакожъ Всеволодъ еще не думалъ нарушить мира, слабый здоровьемъ и сверхъ того озабоченный неустройствами Польши, гдѣ любезный ему зять, Герцогъ Владиславъ, не могъ ужиться въ согласіи съ братьями. Созвавъ Князей во дворцѣ Кіевскомъ, Всеволодъ сказалъ имъ, что онъ, предвидя свою кончину, подобно Мономаху и Мстиславу избираетъ наслѣдника, и что Игорь будетъ Государемъ Россіи. Князья долженствовали присягнуть ему: Черниговскіе и Святославъ Ольговичь исполнили его волю. Изяславъ Мстиславичь долго колебался; однакожъ не дерзнулъ быть ослушникомъ. Успокоенный симъ торжественнымъ обрядомъ, Всеволодъ началъ говорить о дѣлахъ Польскихъ. »Пекись единственно о своемъ здравіи,« отвѣтствовалъ Игорь: »мы, вѣрные твои братья, утвердимъ Владислава на тронѣ.« Игорь, предводительствуя войскомъ, вступилъ въ Польшу. Кровопролитія не было: меньшіе братья Владиславовы, стоявшіе въ укрѣпленномъ станѣ за болотомъ, не хотѣли обороняться, и прибѣгнувъ къ суду нашихъ Князей, уступили Владиславу четыре города, а Россіи Визну. Не смотря на то, Игорь возвратился съ добычею и съ плѣниками. Владиславъ же скоро упрашилъ престолъ, заслуживъ ненависть народную гоненіемъ единокровныхъ и несправедливою казнію знаменитаго Вельможи Петра, коему онъ отрѣзалъ языкъ, выкололъ гла-

Всеволодъ избираетъ наслѣдника.

Дѣла Польскія.

за, и шакимъ образомъ, по словамъ нашего Лѣтописца, отмстилъ за Россійскаго Князя Володаря, въ 1122 году коварно плѣненнаго симъ Вельможею[253].

Г. 1146. Владиславъ бѣжалъ къ шесію, въ надеждѣ на его помощь; но Всеволодъ, удостовѣренный шогда въ непріязненскихъ замыслахъ Галицкаго Князя, выступалъ въ походъ съ дружинами Кіевскою, Черниговскою, Переяславскою, Смоленскою, Туровскою, Владимірскою, и съ союзными *дикими* Половцами, оставивъ Святослава Ольговича въ столицѣ[254]. Успѣхъ не отвѣтствовалъ ни силѣ войска, ни славѣ предводителя. Оно шло съ трудомъ неописаннымъ: ибо дожди согнали снѣгъ прежде времени; конница тонула въ грязи. Всеволодъ осадилъ наконецъ Звенигородъ и сжегъ внѣшнія укрѣпленія, однакожъ не могъ овладѣть крѣпостію: ибо шамъ начальствовалъ мужественный Воевода, Иванъ Халдѣевичь, который, узнавъ, что жители въ общемъ совѣтѣ положили сдаться, умертвилъ трехъ главныхъ виновниковъ сего Вѣча, и сбросилъ искаженные трупы ихъ съ городской стѣны. Народъ ужаснулся, и страхъ имѣлъ дѣйствіе храбрости: Звенигородцы съ утра до вечера бились какъ отчаянные. Всеволодъ отступилъ и возвратился въ Кіевъ, гдѣ скоро началъ готовиться къ новой войнѣ, свѣдавъ, что Владимірко взялъ Прилуку. Но жестокая болѣзнь исхитила обнаженный мечь изъ руки его. Отвезенный въ Вышгородъ — мѣсто славное шогда чудесами Святыхъ мучениковъ, Бориса и Глѣба — Великій Князь напрасно ждалъ облегченія; объявилъ Игоря своимъ преемникомъ, велѣлъ народу присягнуть ему въ вѣрности, и послалъ зятя своего, Владислава Польскаго, напомнить Изяславу Мстиславичу данную имъ клятву. Съ шакимъ же увѣщаніемъ ѣздилъ Боярин, Мирославъ Андреевичь, къ Князьямъ Черниговскимъ, которые, согласно съ Изяславомъ, отвѣтствовали, что они, уступивъ старѣйшинство Игорю, не измѣнятъ совѣсти. Тогда Всеволодъ спокойно закрылъ глаза навѣки[255]: Князь умный и хитрый, памятный отчасти разбоями междоусобія, отчасти государственными благодѣяніями! Достигнувъ престола Кіевскаго, онъ хотѣлъ устройства и тишины; исполнялъ данное слово, любилъ справедливость и повелѣвалъ съ твердостію; однимъ словомъ, былъ лучшимъ изъ Князей Олегова мужескаго рода.

Война съ Галицкимъ Княземъ.

Мужество Воеводы Звенигородскаго.

Августа 1. Кончина Всеволода.

ГЛАВА XI.

Великій Князь Игорь Ольговичь.

Вѣче въ Кіевѣ. Измѣна Кіевлянъ. Рѣчь Изяслава. Корыстолюбіе Черниговскихъ Князей. Предательство. Игорь взятъ въ плѣнъ. Грабежъ въ Кіевѣ.

Г. 1146. Игорь, предавъ землѣ тѣло Всеволода, собралъ Кіевлянъ среди Двора Ярославова, требовалъ вторичнаго обѣта вѣрности, и распустилъ ихъ. Но граждане еще не были довольны, открыли Вѣче и звали Князя [256]. Пріѣхалъ одинъ братъ его Святославъ, и спрашивалъ, чего они желаютъ? »Правосудія,« отвѣтствовалъ народъ: »Тіуны Всеволодовы угнетали слабыхъ Раш»ша *опустошилъ* Кіевъ, Тудоръ Вышего»родъ. Святославъ! дай клятву за себя и »за брата, что вы сами будете намъ су»діями, или вмѣсто себя изберете Вель»можъ достойнѣйшихъ.« Онъ сошелъ съ коня и цѣлованіемъ креста увѣрилъ гражданъ, что новый Князь исполнитъ всѣ обязанности отца Россіянъ; что хищники не останутся Тіунами; что лучшіе Вельможи заступятъ ихъ мѣсто, и будутъ довольствоваться одною уставленною пошлиною, не обременяя судимыхъ никакими иными налогами. »Мы благодарны,« сказали граждане: »теперь не сомнѣвай»тесь въ нашей вѣрности.« То же обѣщалъ ихъ Посламъ самъ Великій Князь Игорь, и думая, что дѣло кончилось, сѣлъ покойно за обѣдъ; но мятежная чернь устремилась грабить домъ ненавистнаго, богатаго Рашки. Святославъ съ дружиною едва могъ возстановить порядокъ[257].

Вѣче въ Кіевѣ.

Такое начало не обѣщало хорошихъ слѣдствій. Игорь же, слушая злыхъ Вельможъ, которые въ народномъ угнетеніи видѣли собственную пользу, не исполнилъ даннаго гражданамъ слова, и хищники осталися Тіунами. Тогда Кіевляне, думая, что Государь-клятвопреступникъ уже не есть Государь законный, тайно предложили Изяславу Мстиславичу быть Великимъ Княземъ. Любовь къ Мономахову роду не угасла въ ихъ сердцѣ, и сей внукъ его отличался доблестію воинскою. Взявъ въ церкви Св. Михаила благословеніе у Епископа Евѳимія, онъ съ вѣрною дружиною выступилъ изъ Переяславля. На пути встрѣтились ему Послы Черныхъ Клобуковъ и городовъ Кіевской области. »Иди, Князь добрый!« говорили они: »мы »всѣ за тебя; не хотимъ Ольговичей. Гдѣ »увидимъ твои знамена, тамъ и будемъ.«

Измѣна Кіевлянъ.

Рѣчь Изяслава.

Собравъ на берегахъ Днѣпра войско многочисленное, бодрый Изяславъ спалъ посреди онаго и сказалъ: »Друзья и братья! »я не спорилъ о старѣйшинствѣ съ до»стойнымъ Всеволодомъ, моимъ зятемъ, »чтивъ его какъ втораго отца. Но Игорь »и Святославъ должны ли повелѣвать на»ми? Богъ разсудитъ меня съ ними. Или »паду славно предъ вашими глазами, или »сяду на престолѣ моего дѣда и родителя!« Онъ повелъ войско къ Кіеву.

Уже новый Великій Князь зналъ опасность: ибо Изяславъ, увѣдомленный имъ о восшествіи его на престолъ, не только не оповѣстствовалъ ему ни слова, но удержалъ и Посла неволею въ Переславлѣ. Игорь требовалъ вспоможенія отъ Князей Черниговскихъ: они торговались; хотѣли многихъ городовъ; наконецъ, удовлетворенные во всемъ, готовились итти къ брату. Ихъ медленность и коварная измѣна знаменитѣйшихъ чиновниковъ погубили его.

Корыстолюбіе Черниг. Князей.

Тысячскій Улѣбъ пользовался довѣренностію Всеволода и былъ утвержденъ Игоремъ въ своемъ важномъ санѣ: также и первый Боярин, Іоаннъ Войтишичь, вѣрный слуга Мономаховъ, завоеватель городовъ Дунайскихъ[258]. Желая добра Изяславу, они не устыдились предательства: изъявляли усердіе Игорю, и въ то же время тайно ссылались съ его врагомъ, совѣтуя ему спѣшить къ Кіеву. Изяславъ приближился. Ольговичи, готовые къ битвѣ, и сынъ Всеволодовъ, Святославъ, стояли внѣ города съ своими дружинами; а Кіевляне особенно, на *лугахъ Олеговой*. Вдругъ открылась измѣна: Игорь увидѣлъ, что хоругвь Изяслава развѣвается въ полкахъ Кіевскихъ; что Тысячскій сего Князя предводительствуетъ ими; что Улѣбъ, Іоаннъ Войтишичь и многіе единомышленники ихъ, повергнувъ свои знамена, бѣгутъ подъ Изяславовы; что Берендѣи предъ самыми Златыми вратами грабятъ обозъ Великокняжескій[259]. Еще Игорь не терялъ бодрости. »Врагъ нашъ есть клят»вопреступникъ: Богъ намъ поможетъ,« говорилъ онъ, и хотѣлъ ударить на Изяслава, стоявшаго за озеромъ. Надлежало обойти оное, и когда многочисленная дружина Игорева спѣшилась между глубокими дебрями, Черные Клобуки заѣхали ей въ тылъ. Изяславъ напалъ спереди, смялъ непріятеля, разилъ бѣгущихъ — и торжествуя вошелъ въ Кіевъ, гдѣ народъ съ мѣстъ съ Іереями, облаченными въ ризы, проводилъ его въ храмъ Софійскій

Предательство.

Августа 13.

благодарить Небо за побѣду и престолъ Великокняжескій. — Несчастнаго Игоря, слабаго ногами, схватили въ болотѣ, гдѣ увязъ его конь; держали нѣсколько дней въ монастырѣ на Выдобичахъ и заключили въ темницѣ Іоанновской Обители, въ Переяславлѣ. Сей Князь, за кратковременное удовольствіе честолюбія наказанный неволею и стыдомъ, не имѣлъ и послѣдняго утѣшенія злосчастныхъ: никто не жалѣлъ объ немъ — кромѣ вѣрнаго брата, Святослава, который съ малою дружиною ушелъ въ Новгородъ Сѣверскій. Племянникъ ихъ, Святославъ Всеволодовичь, хотѣлъ скрыться въ Кіевской Обители Св. Ирины: предпочтенный Изяславу, онъ былъ имъ обласканъ какъ любимый сынъ; но вѣрные слуги отца его, въ особенности же Игоревы, не имѣли причины хвалиться великодушіемъ побѣдителя, дозволившаго народу грабить ихъ домы и села. Съ плѣнныхъ Бояръ взяли окупъ.

Августа 17. Игорь взятъ.

ГЛАВА XII.

Великій Князь Изяславъ Мстиславичь.

Г. 1146 — 1154.

Строгость Великаго Князя. Коварство Черниговскихъ Князей. Добродушіе Святослава. Георгій возстаетъ на Изяслава. Богатство Княжеское. Игорь Схимникъ. Нѣжность Святославова въ дружбѣ. Начало Москвы. Бродникп. Поставленіе Россійскаго Митрополита. Любовь къ Мономаху. Измѣна Черниговскихъ Князей. Убіеніе Игоря. Война междоусобная. Медленность Георгія. Народный обѣдъ въ Новѣгородѣ. Рѣчь Изяслава. Опустошеніе земли Суздальской. Несправедливость Великаго Князя. Битва у Переяславля. Бѣгство Изяслава. Союзъ съ Венграми, Богемцами и Поляками. Мужество Андрея. Памятникъ коню. Миръ. Коварство Георгія. Новая вражда. Добросердечіе Изяслава и Вячеслава. Побѣда Владиміркова. Бодрость Андрея. Хитрость Владимірка. Твердость Изяславова. Воинская хитрость. Безпечность Георгія и торжество Изяслава. Рѣшеніе въ Кіевѣ. Справедливость Великаго Князя. Признательность Вячеслава. Благодарность къ Королю Венгерскому. Осада Кіева. Миролюбіе Вячеслава. Пылкость Андрея. Отступленіе Георгія. Усердіе Кіевлянъ. Битва. Изяславъ раненъ. Бѣгство и вѣроломство Георгія. Помощь Венгровъ. Рѣчь Изяславова и побѣда. Притворство Владимірка. Простодушіе Гейзы. Любовь Георгія къ южной Россіи. Вѣроломство Владимірка. Подвиги Ан-

дрея Пасмѣшка Владиміркова. Печальная одежда. Смерть Владимірка. Рѣчь Ярослава. Сомнительная побѣда. Бракъ Изяславовъ. Дѣла Новогородскія. Кончина Изяслава. Характеръ его. Своевольство Полочанъ.

Изяславъ — по словамъ Лѣтописцевъ, *благословенная отрасль добраго корня* — могъ бы обѣщать себѣ и подданнымъ дни счастливые, ибо народъ любилъ его; но Исторія сего времени не представляетъ намъ ничего, кромѣ злодѣйствъ междоусобія. Храбрые умирали за Князей, а не за отечество, которое оплакивало ихъ побѣды, вредныя для его могущества и гражданскаго образованія.

Г. 1146.

Утвердивъ миръ съ Половцами — которые всякому новому Государю предлагали иногда союзъ, ибо хотѣли даровъ — Великій Князь оказалъ, можетъ быть, излишнюю строгость въ разсужденіи своего дяди. Обманутый совѣтами Бояръ, и въ надеждѣ на прежнія ласки Изяславовы, на самыя его обѣщанія, миролюбивый Князь Туровскій, Вячеславъ, узнавъ о торжествѣ племянника, вообразилъ себя по старшинству Государемъ Россіи: занялъ города Кіевскіе, и своевольно опдалъ Владиміръ сыну Андрееву, Мономахову внуку [260]. Посланный братомъ, Смоленскій Князь

изгналъ Вячеслава; велѣлъ ему княжить сколько въ Пересопницѣ или Дорогобужѣ Вольинскомъ; а Намѣстниковъ его, окованныхъ цѣпями, вмѣстѣ съ Туровскимъ Епископомъ, Іоакимомъ, привелъ въ Кіевъ. Строгость Велик. Князя.

Назначивъ Туровъ въ Удѣлъ меньшему сыну, именемъ Ярославу, Великій Князь обратилъ вниманіе на Игорева брата. Спасаясь бѣгствомъ отъ побѣдителя, Святославъ хотѣлъ удостовѣриться въ искренней дружбѣ Князей Черниговскихъ, чтобы единодушно дѣйствовать съ ними для освобожденія Игорева. Они дали ему въ томъ клятву; но Святославъ, оставивъ у нихъ своего Боярина и поѣхавъ готовиться къ войнѣ, свѣдалъ опять него, что сіи коварные братья тайно дружатся съ Великимъ Княземъ, и наконецъ заключили съ нимъ союзъ, предавъ Игоря въ его волю, какъ недостойнаго ни власти, ни свободы. Скоро общіе Послы Изяславовы и Давидовичей торжественно объявили Святославу, что онъ можетъ спокойно княжить въ своей области, если уступитъ имъ Новгородъ Сѣверскій и клятвенно откажется отъ брата. Сей добрый, нѣжный родственникъ залился слезами, и сказавъ въ отвѣтъ: „возьмите все, »что имѣю; освободите только Игоря,« Коварство Черниг. Князей. Добродушіе Святослава.

рѣшился искать покровителя въ сынѣ Мономаховомъ[261].

Георгій возпламенѣлъ на Изяслава.

Георгій Владиміровичь Суздальскій видѣлъ съ досадою, что гордый Изяславъ, вопреки древнему уставу, отнявъ старѣйшинство у дядей, сѣлъ на тронѣ Кіевскомъ. Пользуясь симъ расположеніемъ, Святославъ обратился къ Георгію и молилъ его освободить Игоря. »Иди въ Кіев, « говорилъ онъ: »спаси несчастнаго, »и властвуй въ землѣ Русской. Богъ по»могаетъ тому, кто вступается за утѣ»сненныхъ.« Георгій далъ ему слово, и началъ готовить войско. — Святославъ нашелъ и другихъ защитниковъ въ Ханахъ Половецкихъ, братьяхъ его матери: они съ тремя стами всадниковъ немедленно явились въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ, куда прибыли также юный Князь Рязанскій, Владиміръ, внукъ Ярославовъ, и Галицкій изгнанникъ, Іоаннъ Ростиславичь *Берладникъ*[262].

Уже Давидовичи, соединясь съ сыномъ Великаго Князя, Мстиславомъ Вождемъ Переяславской дружины и Берендѣевъ, вступили въ область Сѣверскую и грабили оную, тщетно хотѣвъ взять Новгородъ. Въ надеждѣ усовѣстить ихъ, Духовникъ Святославовъ пріѣхалъ къ нимъ

въ станъ и сказалъ именемъ Князя: »Родственники жестокіе! довольны ли вы »злодѣйствами, разоривъ мою область, »взявъ имѣніе, стада; истребивъ огнемъ »хлѣбъ и запасы? желаете ли еще умерщвить меня?« Союзники впорично требовали, чтобы онъ навсегда отступился отъ несчастнаго Игоря. »Нѣтъ!« отвѣтствовалъ Святославъ: »пока душа моя въ »тѣлѣ, не измѣню единокровному!« Давидовичи заняли село Игорево, гдѣ сей Князь имѣлъ дворецъ и хранилъ свое богатство; нашли вино и медъ въ погребахъ, желѣзо и мѣдь въ кладовыхъ; отправили множество возовъ съ добычею, и веселясь разрушеніемъ, сожгли дворецъ, церковь, гумно Княжеское, гдѣ было *девять сотъ* скирдовъ хлѣба.

Богатство Княжеское.

Великій Князь, свѣдавъ о воинскихъ приготовленіяхъ Георгія Владиміровича, велѣлъ другу своему, Ростиславу Ярославичу Рязанскому, набѣгами тревожить Суздальскую область; самъ же выступилъ изъ Кіева и соединился съ Князьями Черниговскими, осаждавшими Путивль. Зная ихъ вѣроломство, жители не хотѣли договариваться съ ними, но охотно сдались Великому Князю[263]. Тамъ находился собственный домъ Святослава: Князья раз-

Декабря 25.

дѣлили его имѣніе. Лѣтописецъ сказываетъ, что они нашли въ выходахъ 500 *берковцевъ* меду и 80 *корчагъ* вина; ограбили славную церковь Вознесенія, богатую серебряными сосудами, кадильницами, утварію шитою золотомъ, коваными Евангеліями и книгами. Семь сотъ рабовъ Княжескихъ были также ихъ добычею.

Святославъ ожидалъ Георгія: онъ дѣйствительно шелъ къ нему въ помощь; свѣдавъ же о нападеніи Князя Рязанскаго на Суздальскую область, возвратился изъ Козельска. Одинъ сынъ его, Іоаннъ Георгіевичъ, пріѣхалъ съ дружескими увѣреніями къ Святославу, который, въ знакъ благодарности, отдалъ ему Курскъ и Посемье, но принужденъ былъ искать убѣжища въ своихъ сѣверныхъ владѣніяхъ. Многочисленная рать Великокняжеская шла къ Новугороду. Старый Вельможа Черниговскаго Князя, бывшій нѣкогда вѣрнымъ слугою Олеговымъ, изъ сожалѣнія тайно увѣдомилъ Святослава о предстоящей ему опасности. »Спасай жену, дѣтей »своихъ и супругу Игореву!« говорили его друзья и Бояре[264]: »всѣ запасы твои уже »въ рукахъ непріятельскихъ. Удалимся въ »*лѣсную* землю Карачевскую: ея дремучіе »боры и помощь Георгіева будутъ твоею

»защитою. « Нѣкоторые Вельможи говорили искренно; другіе хотѣли только избавиться отъ кровопролитія, и сами осталися въ Новѣгородѣ, когда Святославъ уѣхалъ въ Карачевъ. За нимъ гнался Изяславъ Давидовичь съ 3000 всадниковъ и Воеводою Кіевскимъ, Шварномъ. Уже бѣгство не могло спасти несчастнаго: надлежало отдаться въ плѣнъ или сразиться. Отчаянный Святославъ съ вѣрною дружиною и *дикими* Половцами ударилъ на врага; разбилъ его, опустошилъ Карачевъ и немедленно удалился въ сопредѣльную землю Вятичей, которая зависѣла отъ Черниговскихъ Владѣтелей. Великій Князь — напрасно желавъ побѣдою загладить неудачу Изяслава — отдалъ Давидовичамъ всю завоеванную область, кромѣ Курска; исключительно присвоилъ себѣ одно Игорево достояніе и возвратился въ Кіевъ. Г. 1147, Генваря 16.

Въ сіе время Игорь былъ уже Монахомъ. Изнуренный печалію и болѣзнію, онъ изъявилъ желаніе отказаться отъ свѣта, когда Великій Князь готовился итти на его брата[265]. »Давно, и въ самомъ »счастіи, я хотѣлъ посвятить Богу ду»шу мою,« говорилъ Игорь: »нынѣ, въ »темницѣ и при дверяхъ гроба, могу ли »желать инаго? « Изяславъ отвѣтствова-

валъ ему: »ты свободенъ; но выпускаю »тебя единственно ради болѣзни твоей.« Его отнесли въ келью; онъ 8 дней лежалъ какъ мертвый; но постриженный Святителемъ Евфиміемъ, совершенно выздоровѣлъ, и въ Кіевской Обители Св. Ѳеодора принялъ Схиму, которая не спасла его отъ гнѣва Судьбы: скоро увидимъ жалкій конецъ сего несчастнаго Олегова сына.

Игорь Схимникъ.

Князья Черниговскіе выгнали Святослава изъ Брянска, Козельска, Дѣдославля; но слыша, что Георгій прислалъ къ нему 1000 Бѣлозерскихъ лапниковъ, отступили къ Чернигову. Они не устыдились всенародно объявить въ странѣ Вятичей, чтобы жители старались умертвить Святослава, и что убійцы будутъ награждены его имѣніемъ! Родственники гнали сего Князя, друзья оставляли. Въ числѣ ихъ находился Воевода, Князь Іоаннъ *Берладникъ*: онъ не захотѣлъ болѣе съ нимъ скитаться, взялъ у него за службу 200 гривенъ серебра, 6 фунтовъ золота, и перешелъ къ Смоленскому Князю. Только Владиміръ Рязанскій, и сынъ Георгіевъ, Іоаннъ, усердно дѣлили труды и безпокойства съ Святославомъ, который, имѣвъ несчастіе лишиться послѣдняго, изъявилъ достохвальную чувствительность: видя Іоанна больнаго, забылъ войну и непріятелей; молился, думалъ единственно объ немъ; столь горестно оплакивалъ кончину сего юноши, что самъ Георгій старался его утѣшить, и прислалъ богатые дары, обѣщалъ другимъ сыномъ замѣнить ему умершаго вѣрнаго сподвижника. Общая ненависть къ Великому Князю утвердила союзъ между ими: Князь Суздальскій изгналъ Рязанскаго, союзника Изяславова, заставилъ его бѣжать къ Половцамъ, взялъ Торжекъ и плѣнилъ жителей; а Святославъ разорилъ часть Смоленской области, вокругъ Прошвы, или землю Голядскую[266].

Февраля 24. Чувствительность Святослава.

Довольный зломъ, причиненнымъ Удѣлу Изяславовыхъ братьевъ, Георгій желалъ лично угостить Святослава, коего сынъ, Олегъ, подарилъ ему тогда рѣдкаго красотою барса. Лѣтописецъ хвалитъ искреннее дружество, веселую бесѣду Князей, великолѣпіе обѣденнаго пиршества и щедрость Георгія въ награжденіи Бояръ Святославовыхъ. Между сими Вельможами отличался девяностолѣтній старецъ, именемъ Пешръ; онъ служилъ дѣду, отцу Государя своего; уже не могъ сѣсть на коня, но слѣдовалъ за Княземъ, ибо сей

Князь былъ несчастливъ. Георгій, непріятель Роспислава Рязанскаго, осыпалъ ласками и дарами его племянника, Владиміра, какъ друга и товарища Святославова [267].

Начало Москвы.

Сіе угощеніе достопамятно: оно происходило въ *Москвѣ*. Къ сожалѣнію, Лѣтописцы современные не упоминаютъ о любопытномъ для насъ ея началѣ, ибо не могли предвидѣть, что городокъ бѣдный и едва извѣстный въ отдаленной землѣ Суздальской будетъ со временемъ главою обширнѣйшей Монархіи въ свѣтѣ. По крайней мѣрѣ знаемъ, что Москва существовала въ 1147 году, Марта 28, и можемъ вѣрить новѣйшимъ Лѣтописцамъ въ томъ, что Георгій былъ ея строителемъ[268]. Они разсказываютъ, что сей Князь, пріѣхавъ на берегъ Москвы - рѣки, въ села зажиточнаго Боярина *Кучка*, *Степана Ивановича*, велѣлъ умертвить его за какую-то дерзость, и плѣненный красотою мѣста, основалъ тамъ городъ; а сына своего, Андрея, княжившаго въ Суздальскомъ Владимірѣ, женилъ на прелестной дочери казненнаго Боярина. »Москва »есть *третій* Римъ« — говорятъ сіи повѣствователи — »и четвертаго не бу»детъ. Капитолій заложенъ на мѣстѣ,

»гдѣ найдена окровавленная голова чело»вѣческая: Москва также на крови осно»вана, и къ изумленію враговъ нашихъ »сдѣлалась Царствомъ знаменитымъ.« Она долгое время именовалась *Кучковымъ*.

Ободренный Святославъ возвратился къ берегамъ Оки. Тамъ соединились съ нимъ Ханы Половецкіе, его дяди, и такъ называемые *Бродники*, о коихъ здѣсь въ первый разъ упоминается. Сіи люди были Христіане, обитали въ степяхъ Донскихъ среди варваровъ, уподоблялись имъ дикою жизнію и, какъ вѣроятно, состояли большею частію изъ бѣглецовъ Русскихъ: они за деньги служили нашимъ Князьямъ въ ихъ междоусобіяхъ [269]. Разоривъ многія селенія въ верховьѣ Угры, въ Смоленской области, Святославъ завоевалъ всю страну Вятичей, отъ Мценска до Сѣверскаго Удѣла, и вмѣстѣ съ Глѣбомъ, сыномъ Георгія, шелъ далѣе, когда Послы Давидовичей встрѣтили его и сказали именемъ Князей: »Забудемъ прошедшее. Дай намъ »клятву союзника, и возьми свою отчи»ну. Не хотимъ твоего имѣнія.« Успѣхи ли Ольговича склонили ихъ къ миру? или сынъ Всеволодовъ, Святославъ, который, въ замѣну Владиміра получивъ въ Удѣлъ отъ Великаго Князя Бужскъ, Меджибожъ,

Бродники.

Копельницу и другіе города, держалъ его сторону, но жалѣлъ о дядѣ и тайно съ нимъ пересылался? Какъ бы то ни было, Черниговскіе Князья, Святославъ Ольговичь и сынъ Всеволодовъ заключили союзъ, чтобы соединенными силами противоборствовать Изяславу Мстиславичу[270].

Еще Великій Князь не зналъ сего вѣроломства Давидовичей и спокойно занимался въ Кіевѣ важнымъ дѣломъ церковнымъ. Слѣдуя примѣру Великаго Ярослава, онъ созвалъ шесть Россійскихъ Епископовъ и велѣлъ имъ, безъ всякаго сношенія съ Царемградомъ (гдѣ Духовенство не имѣло тогда Главы) на мѣсто скончавшагося Митрополита, Грека Михаила, поставить Климента, Черноризца, Схимника, знаменитаго не только Ангельскимъ Образомъ, но и рѣдкою мудростію[271]. Нѣкоторые Епископы представляли, что благословеніе Патріарха для того необходимо; что нарушить сей древній обрядъ есть уклониться отъ православія Восточной Церкви, и что умершій Святитель Михаилъ обязалъ ихъ всѣхъ грамотою не служить безъ Митрополита въ Софійскомъ храмѣ. Другіе, не столь упорные, объявили себя готовыми исполнить

Поставленіе Россійск. Митрополита.

волю Изяславову, согласную съ пользою и честію Государства. Епископъ Смоленскій, Онуфрій, выдумалъ посвятить Митрополита главою Св. Климента, привезенною Владиміромъ изъ Херсона (такъ же, какъ Греческіе Архіереи издревле ставили Патріарховъ рукою Іоанна Крестителя) и симъ торжественнымъ обрядомъ успокоилъ Духовенство. Одинъ Нифонтъ, Святитель Новогородскій, не признавалъ Климента Пастыремъ Церкви; осуждалъ Епископовъ какъ человѣкоугодниковъ, и заслужилъ благоволеніе Николая IV, который чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ заступивъ мѣсто изгнаннаго Царяградскаго Патріарха, Козьмы II, написалъ къ Нифонту одобрительную грамоту и сравнивалъ его въ ней съ первыми Святыми Отцами.

Въ то время, какъ Изяславъ, распустивъ Соборъ и возобновивъ миръ съ Половцами, думалъ наслаждаться спокойствіемъ, коварные Давидовичи прислали объявить ему, что Святославъ завоевалъ ихъ область; что они желаютъ выгнать его съ помощію Великаго Князя и смирить Георгія, ихъ врага общаго. Изяславъ отпустилъ къ нимъ племянника, Всеволодова сына, и скоро, убѣжденный вто-

ричною прозьбою Князей Черниговскихъ, велѣлъ собираться войску, чтобы итти на Святослава и Георгія. »Пойдемъ съ ра»достію и съ дѣтьми на Ольговича,« говорили ему Кіевляне: »по Георгій твой »дядя. Государь! дерзнемъ ли поднять ру»ку на сына *Мономахова*?« Сполъ народъ любилъ память добродѣтельнаго Владиміра! Изяславъ не хотѣлъ слушать Бояръ, которые сомнѣвались въ вѣрности Князей Черниговскихъ. »Мы дали взаим»ную клятву быть союзниками,« сказалъ онъ съ твердостію: »иду — и пусть ма»лодушные остаются!« Уже Великій Князь стоялъ на рѣкѣ Супоѣ, поручивъ столицу брату своему, Владиміру. Къ счастію, Боярин Кіевскій, Улѣбъ, свѣдалъ въ Черниговѣ тайный заговоръ и спѣшилъ увѣдомить Изяслава, что Давидовичи мыслятъ злодѣйски умертвить его или выдать Святославу, находясь въ согласіи съ Георгіемъ. Великій Князь не вѣрилъ тому; но чрезъ Посла требовалъ отъ нихъ новой клятвы въ дружествѣ[272]. »Развѣ »мы нарушили прежнюю?« говорили они: »Христіанинъ не долженъ призывать всуе »имени Божія.« Тогда Посолъ обличилъ ихъ въ гнусномъ злоумышленіи. Безмолвствуя, Давидовичи смотрѣли другъ на друга,

Любовь къ Мономаху.

Измѣна Черниг. Князей.

выслали Боярина, совѣщовались, и наконецъ, призвавъ его, отвѣтствовали: »Не »запираемся; но можемъ ли спокойно ви»дѣть злосчастіе брата своего, Игоря? »Онъ Чернецъ, Схимникъ, и все еще въ »неволѣ. Изславъ, самъ имѣя братьевъ, »снесъ ли бы ихъ заключеніе? Да возвра»титъ свободу Игорю, и мы будемъ ис»кренними друзьями!« Бояринъ Кіевскій напомнилъ имъ безкорыстіе своего Князя, не хотѣвшаго удержать за собою ни Сѣверскаго Новагорода, ни Путивля, и сказавъ: »Богъ да судитъ и сила животво»рящаго креста да накажетъ клятвопре»ступниковъ!« бросилъ на столъ *крестныя* или союзныя *грамоты*. Война была объявлена, и гонцы Изславовы въ Кіевѣ, Смоленскѣ, Новѣгородѣ, обнародовали вѣроломство Князей Черниговскихъ, звали мстителей, воспаляли сердца праведнымъ гнѣвомъ.

Сія вѣсть имѣла въ Кіевѣ слѣдствіе ужасное. Владиміръ Мстиславичь собралъ гражданъ на Вѣче къ Св. Софіи. Митрополитъ, Лазарь Тысячкій и всѣ Бояре тамъ присутствовали. Послы Изславовы выступили и сказали громогласно: »Ве»ликій Князь *цѣлуетъ* своего брата, Ла»заря и всѣхъ гражданъ Кіевскихъ, а Ми-

»трополиту кланяется.« . . . Народъ съ нетерпѣніемъ хотѣлъ знать вину Посольства. Вѣстникъ говорилъ: »*Такъ вѣщаетъ Изяславъ*: Князья Черниговскіе и »сынъ Всеволодовъ, сынъ сестры моей, »облаготворенный мною, забывъ святость »крестнаго цѣлованія, тайно согласились »съ Ольговичемъ и Георгіемъ Суздальскимъ. »Они думали лишить меня жизни или сво»боды; но Богъ сохранилъ вашего Князя. »Теперь, братья Кіевляне, исполните о»бѣтъ свой: идите со мною на враговъ »Мономахова роду. Вооружитесь отъ ма»ла до велика. Конные на коняхъ, пѣшіе »въ ладіяхъ да спѣшатъ къ Чернигову! »Вѣроломные надѣялись, убивъ меня, ис»требить и васъ.« Всѣ единогласно отвѣтствовали: »идемъ за тебя, и съ дѣтьми!« Но, къ несчастію, сыскался одинъ человѣкъ, который сіе прекрасное народное усердіе омрачилъ мыслію злодѣйства. »Мы рады итти,« говорилъ онъ: »но вспо»мните, что было нѣкогда при Изяславѣ »Ярославичѣ. Пользуясь народнымъ вол»неніемъ, злые люди освободили Всеслава »и возвели на престолъ: дѣды наши за »то пострадали Врагъ Князя и народа, »Игорь, не въ темницѣ сидитъ, а живетъ »спокойно въ монастырѣ Св. Ѳеодора:

»умертвимъ его, и тогда пойдемъ наказать »Черниговскихъ.« Сія мысль имѣла дѣйствіе вдохновенія. Тысячи голосовъ повторили: »да умретъ Игорь!« Напрасно Князь Владиміръ, устрашенный такимъ намѣреніемъ, говорилъ народу: »Братъ »мой не хочетъ убійства. Игорь оспа»нился за стражею; а мы пойдемъ къ »своему Государю.« Кіевляне твердили: »Знаемъ, что добромъ не возможно раз»дѣлаться съ племенемъ Олеговымъ.« Митрополитъ, Лазарь и Владиміровъ Тысячскій, Рагуйло, запрещали, удерживали, молили: народъ не слушалъ, и толпами устремился къ монастырю. Владиміръ сѣлъ на коня, хотѣлъ предупредить неистовыхъ, но встрѣтилъ ихъ уже въ монастырскихъ вратахъ: схвативъ Игоря въ церкви, въ самый часъ Божественной Литургіи, они вели его съ шумомъ и свирѣпымъ воплемъ. »Братъ лю»безный! куда ведутъ меня?« спросилъ Игорь. Владиміръ старался освободить несчастнаго, закрылъ собственною одеждою, привелъ въ домъ къ своей матери, и заперъ ворота, презирая ярость мятежниковъ, которые толкали его, били, — сорвали съ Боярина Владимірова, Михаила, крестъ и златыя цѣпи. Но жертва была

Убіеніе Игоря.

обречена: злодѣи вломились въ домъ, безжалостно убили Игоря, и влекли нагаго по улицамъ до самой торговой площади; спали вокругъ, и смотрѣли какъ невинные. Присланные отъ Владиміра Тысячскіе въ глубокой горести сказали гражданамъ: »Воля народная исполнилась: Игорь »убитъ! Погребемъ же тѣло его.« Народъ отвѣтствовалъ: »Убійцы не мы, а Давидовичи и сынъ Всеволодовъ. Богъ и Свя»тая Софія защитили нашего Князя!« Трупъ Игоревъ отнесли въ церковь; на другой день облачили въ ризу Схимника и предали землѣ въ монастырѣ Св. Симеона. Игуменъ Ѳеодоровской Обители, Аѳанія, совершая печальный обрядъ, воскликнулъ къ зрителямъ: »Горе живущимъ нынѣ! горе вѣку сущному и сердцамъ же»стокимъ!« Въ то самое время загремѣлъ громъ: народъ изумился, и слезами раскаянія хотѣлъ обезоружить гнѣвное Небо[213]. — Великій Князь, свѣдавъ о семъ злодѣйствѣ, огорчился въ душѣ своей, и говорилъ Боярамъ, проливая слезы: »Теперь назовутъ »меня убійцею Игоря! Богъ мнѣ свидѣ»тель, что я не имѣлъ въ томъ ни ма»лѣйшаго участія, ни дѣломъ, ни словомъ: »Онъ разсудитъ насъ въ другой жизни. »Кіевляне поступили нечестиво.« Но боясь

строгостію утратить любовь народную, Изяславъ оставилъ виновныхъ безъ наказанія; возвратился въ столицу, и ждалъ рати Смоленской.

Война междоусобная.

Война началася. Святославъ Ольговичь, увѣдомленный о жалостной кончинѣ брата, созвалъ дружину, и рыдая въ горести, заклиналъ всѣхъ быть усердными орудіями мести справедливой. Онъ пошелъ къ Курску, гдѣ находился сынъ Великаго Князя, Мстиславъ, который, чтобы узнать вѣрность жителей, спрашивалъ, готовы ли они сразиться? »Готовы,« отвѣтствовали граждане: »но только не обнажимъ »меча на внука Мономахова:« ибо Глѣбъ, сынъ Георгія Владиміровича, былъ съ Святославомъ. Юный Мстиславъ уѣхалъ къ отцу, а Курскъ и города на берегахъ Сейма добровольно поддалися Глѣбу[214]; другіе оборотялись и не хотѣли измѣнить Государю Кіевскому: напрасно Святославъ и Глѣбъ грозили жителямъ вѣчною неволею и Половцами. Соединясь съ дружиною Черниговскою, сіи Князья взяли приступомъ только одинъ городъ; свѣдавъ же, что Изяславъ идетъ къ Сулѣ, и что рать Смоленская выжгла Любечь, ушли въ Черниговъ, оставленные своими друзьями, Половцами. Великій Князь завоевалъ крѣпкій городъ Все-

воложь, обратилъ въ пепелъ Бѣлую Вежу и другія мѣста въ Черниговской области, но безъ успѣха приступалъ къ *Глѣблю* (ибо жители, въ надеждѣ на Святаго защитника своего, оборонялись мужественно) и возвратился въ Кіевъ торжествовать побѣду веселымъ пиромъ, отложивъ дальнѣйшія предпріятія до удобнаго времени. Онъ велѣлъ брату своему, Ростиславу, итти въ Смоленскъ и вмѣстѣ съ Новогородцами тревожить область Суздальскую.

Скоро непріятельскія дѣйствія возобновились. Глѣбъ занялъ Остеръ, и давъ слово Великому Князю ѣхать къ нему въ Кіевъ для свиданія, хотѣлъ нечаянно взять Переяславль; но былъ отраженъ[275]. Въ то же время Черниговцы, дружина Святославова и Половцы, ихъ союзники, опустошили Брагинъ. Изяславъ, осадивъ Глѣба въ Городцѣ или Острѣ, принудилъ его смириться, и сталъ близъ Чернигова на *Олеговомъ полѣ*, предлагая врагамъ своимъ битву. Они не смѣли, ибо видѣли рать многочисленную. Великій Князь пошелъ къ Любечу, гдѣ находились ихъ запасы. Давидовичи, Святославъ и сынъ Всеволодовъ, соединясь съ Князьями Рязанскими, рѣшились наконецъ ему

Г. 1148

противоборствовать. Уже стрѣлки начали дѣло; но сильный, необыкновенный зимою дождь развелъ непріятелей. Рѣка, бывшая между ими, наполнилась водою, и самый Днѣпръ тронулся: Изяславъ едва успѣлъ перейти на другую сторону; а Венгры, служившіе ему какъ союзники, обломились на льду.

Тогда Святославъ и Князья Черниговскіе отправили Посольство къ Георгію. »Мы воюемъ« — говорили они — »а вы »въ бездѣйствіи Непріятель обратилъ въ »пепелъ наши города за Десною и села въ »окрестностяхъ Днѣпра, а помощи отъ »тебя не видимъ. Исполни обѣтъ, утвер»жденный цѣлованіемъ креста: иди съ »нами на Изяслава, или мы прибѣгнемъ »къ великодушію врага сильнаго.« Георгій все еще медлилъ[276]. Другое обстоятельство также способствовало миру. Ростиславъ, старшій сынъ Георгіевъ, посланный отцемъ дѣйствовать за-одно съ Князьями Черниговскими, гнушался ихъ вѣроломствомъ, и сказавъ дружинѣ: »пусть гнѣвается родитель, но злодѣи »Мономаховой крови не будутъ мнѣ союз»никами,« пріѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ Изяславъ встрѣтилъ его дружелюбно, угостилъ, осыпалъ дарами. Сей юноша, не

Медленность Георгія.

имѣя въ Суздальской землѣ никакого Удѣла, предложилъ свои ревностныя услуги Великому Князю, какъ старшему изъ внуковъ Мономаховыхъ. Изяславъ отвѣтствовалъ: »Всѣхъ насъ старѣе отецъ »твой; но онъ не умѣетъ жить съ на»ми въ дружбѣ, а я хочу быть для всѣхъ »моихъ братьевъ нѣжнымъ родственни»комъ. Георгій не даетъ тебѣ городовъ: »возьми ихъ у меня.« Онъ далъ ему бывшій Удѣлъ своего неблагодарнаго племянника, Святослава Всеволодовича[277], вмѣстѣ съ Городцемъ Осперскимъ, выславъ оттуда коварнаго Глѣба. »Спѣши къ друз»ямъ« — сказалъ ему Великій Князь — »и »требуй отъ нихъ Удѣла:« ибо Глѣбъ, смирясь невольно, оставался единомышленникомъ непріятелей Изяславовыхъ и вторично хотѣлъ-было завладѣть Переяславлемъ. Думая, что искренній, чувствительный Ростиславъ можетъ примирить отца съ Великимъ Княземъ, и страшася быть жертвою ихъ союза, Давидовичи изъявили ему желаніе прекратить войну, говоря благоразумно: »*Миръ стоитъ* »*до рати, а рать до мира:* такъ слыха»ли мы отъ своихъ отцевъ и дѣдовъ. Не »вини насъ, хотѣвшихъ войною освобо»дить брата. Но Игорь уже въ могилѣ,

»гдѣ и всѣ будемъ. Богъ да судитъ про»чее; а намъ не должно губить отечества.« Изяславъ хотѣлъ знать мысли брата. Смоленскій Князь отвѣтствовалъ: »Я »Христіанинъ и люблю Русскую землю: »не хочу кровопролитія; но если Давидо»вичи и Святославъ не престанутъ зло»биться на тебя за Игоря, то лучше »явно воевать — и будетъ, что угодно »Богу.« Тогда Великій Князь отправилъ Послами въ Черниговъ Бѣлогородскаго Епископа Ѳеодора, Печерскаго Игумена Ѳеодосія и Бояръ, которые заключили торжественный миръ. Давидовичи, Святославъ Ольговичъ и племянникъ его, сынъ Всеволодовъ, въ Соборномъ храмѣ цѣловали крестъ, давъ клятву оставить злобу и »блюсти Русскую землю за-одно съ Изяславомъ.« Скоро Великій Князь позвалъ ихъ на совѣтъ въ Городецъ: Святославъ и племянникъ его отказались отъ свиданія; но Давидовичи, отвѣтствуя за вѣрность того и другаго, условились тамъ съ Изяславомъ дѣйствовать противъ Георгія Суздальскаго, который отнималъ дани у Новогородцевъ и безпокоилъ ихъ границы. Союзники вмѣстѣ пировали и разъѣхались, отложивъ войну до зимы: ибо рѣки, топи, болота за-

прудняли путь лѣпомъ, и медленность спрашила Полководцевъ болѣе, нежели морозы, снѣга и мятели. — Черниговцы долженствовали итти къ Рославову и встрѣтить Великаго Князя на берегахъ Волги.

Георгій, желая казаться великодушнымъ защитникомъ угнѣсненныхъ Ольговичей, въ самомъ дѣлѣ мыслилъ только о себѣ, и ненавидѣлъ Изяслава единственно какъ похитителя достоинства Великокняжескаго; не могъ также простить и Новогородцамъ безчестное изгнаніе своего сына, Рославслава. Князь ихъ, Святополкъ, хотѣвъ въ 1147 году отмстить Суздальскому за взятіе Торжка, возвратился съ дороги отъ распутья, и жители сего опустошеннаго города еще томились въ неволѣ. Епископъ Нифонтъ, другъ народнаго благоденствія, ѣздилъ въ Суздаль; былъ принятъ съ отмѣннымъ уваженіемъ, свящилъ тамъ храмы, освободилъ всѣхъ плѣнниковъ, но не могъ склонить Георгія къ миру[278].

Оставивъ Владиміра въ столицѣ, сына своего въ Переяславлѣ, а Рославслава Георгіевича пославъ въ Бужскъ, чтобы охранять тамошнія границы и спокойно ждать конца войны, Великій Князь

отправился въ Смоленскъ къ брату, веселился съ нимъ, праздновалъ, мѣнялся дарами и расположилъ военныя дѣйствія[279]. Онъ поручилъ всю рать Смоленскому Князю, велѣлъ ему итти къ берегамъ Волги, къ устью Медвѣдицы, и пріѣхалъ въ Новгородъ. Тамъ начальствовалъ уже не братъ его, а сынъ, Ярославъ: ибо Святополкъ, упрочивъ любовь народную, былъ переведенъ Изяславомъ въ область Владимірскую. Граждане давно не видали у себя Великихъ Князей, и встрѣтили внука Мономахова съ живѣйшею радостію. Многочисленныя толпы провождали его до городскихъ воротъ, гдѣ сполли всѣ Болре съ юнымъ Княземъ. Отслушавъ Литургію въ Софійскомъ храмѣ, Изяславъ далъ пиръ народу. Бирючи или Герольды ходили по улицамъ и звали гражданъ обѣдать съ Княземъ. Такъ называемое *Городище*, донынѣ извѣстное, было мѣстомъ сего истинно великолѣпнаго пиршества: Государь веселился съ народомъ, какъ добрый отецъ среди любезнаго ему семейства. На другой день ударили въ Вѣчевый колоколъ, и граждане спѣшили на Дворъ Ярославовъ: тамъ Великій Князь, въ собраніи Новогородцевъ и Псковитянъ, произнесъ краткую, но сильную рѣчь.

Народный обѣдъ въ Новогородѣ.

»Братья!« сказалъ онъ: »Князь Суздальскій оскорбляетъ Новгородъ. Оставивъ »столицу Русскую, я прибылъ защитить »васъ. Хотите ли войны? мечь въ ру»кѣ моей. Хотите ли мира? вступимъ въ »переговоры.« *Войны! войны!* отвѣтствовалъ народъ: »ты нашъ Владиміръ, ты »Мстиславъ! пойдемъ съ тобою всѣ, отъ »стараго до младенца.« Ратники надѣли шлемы. Псковитяне, Корелы собрали также войско, и Великій Князь на устьѣ Медвѣдицы соединился съ братомъ своимъ, Ростиславомъ. Напрасно ждали они возвращенія Посла, отправленнаго ими къ дядѣ еще изъ Смоленска: Георгій задержалъ его и не хотѣлъ отвѣтствовать на ихъ жалобы. Напрасно ждали и Князей Черниговскихъ, которые остановились въ землѣ Вятичей и хотѣли прежде видѣть, кому счастіе войны будетъ благопріятствовать. Мстиславичи вступили въ область Суздальскую: села и города запылали на берегахъ Волги до *Углича* и Мологи; жители спасались бѣгствомъ. Новогородцы разорили окрестности Ярославля, и война кончилась безъ сраженія: ибо весна уже наступала, рѣки покрывались водою и кони худо служили всадникамъ. Изяславъ, проводивъ Новогородцевъ, возвратился въ Смоленскъ и благополучно возвратился въ столицу, къ искренней радости народа. Семь тысячь плѣнниковъ свидѣтельствовали его побѣду.

Речь Изяслава.

Г. 1149. Опустошеніе земли Суздальской.

Скоро Великій Князь испыталъ превратность счастія, и могъ приписать оную собственной несправедливости. Ростиславъ Георгіевичь былъ ему истиннымъ другомъ; но клеветники говорили Изяславу, что сей Князь, въ его отсутствіе, старался обольстить Днѣпровскихъ Берендѣевъ и самыхъ Кіевлянъ, хотѣлъ завладѣть столицею и подобно отцу ненавидитъ родъ Мстислава[280]. Люди, склонные къ чистосердечной довѣренности, легко вѣрятъ и злословію: Великій Князь, упрекая Ростислава неблагодарностію, отнялъ у него все имѣніе, оружіе, коней; заключилъ въ цѣпи дружину, и самого отправилъ съ тремя человѣками въ лодкѣ къ отцу, не давъ ему суда и не хотѣвъ слушать оправданій. Георгій оскорбился безчестіемъ сына гораздо болѣе, нежели опустошеніемъ Суздальской области. »Такъ платитъ Изяславъ неосторожному юношѣ за безразсудную любовь и »дружбу!« говорилъ онъ: »жестокій племенникъ совершенно отчуждаетъ меня

Несправедливость Велик. Князя.

»и дѣтей моихъ отъ *земли Русской*« (симъ именемъ преимущественно означалась тогда *Россія южная*). Георгій наконецъ выступилъ, соединясь съ Половцами. Святославъ Ольговичь, видя безпрестанно въ мысляхъ своихъ окровавленную тѣнь брата и считая Великаго Князя убійцею, обрадовался случаю мести: миръ, клятвенно утвержденный въ Черниговскомъ храмѣ, и брачный союзъ юной его дочери съ сыномъ Князя Смоленскаго не могли укротить сей злобы, ибо она казалась ему священнымъ долгомъ. Но Давидовичи рѣшительно отказались отъ дружбы Георгія, отвѣтствуя: »ты »не спасъ городовъ нашихъ; нынѣ, заключивъ союзъ съ Изяславомъ, не хотимъ »нарушить онаго, и *не можемъ играть* »*душею*[281].« Усердно помогая Великому Князю, они вмѣстѣ съ нимъ убѣждали Святослава быть его другомъ, согласно съ данною ими клятвою. »Буду« (сказалъ Ольговичь) »когда Изяславъ возвратитъ »мнѣ все имѣніе моего брата.« Увѣренный, что Георгій дѣйствительно намѣренъ итти къ Кіеву, Святославъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу близъ Обояна; также и сынъ Всеволодовъ, единственно въ угодность дядѣ. Георгій долго стоялъ

у Бѣлой Вежи, надѣясь однимъ страхомъ побѣдить Великаго Князя. Но Изяславъ, собравъ вѣрныхъ братьевъ, готовился къ битвѣ. »Я отдалъ бы ему (говорилъ онъ) »любую область, если бы Георгій пришелъ »одинъ съ дѣтьми своими; но съ нимъ варвары Половцы и враги мои, Ольговичи.« Кіевляне хотѣли мира: »заключимъ его »(сказалъ Изяславъ), но имѣя въ рукахъ »оружіе.« Георгій осадилъ Переяславль: тамъ находились Владиміръ и Святополкъ Мстиславичи. Великій Князь спѣшилъ защитить городъ и вошелъ въ него; а Георгій, желая оказать умѣренность, послалъ къ нему Боярина съ такими словами: »Чтобы отвратить не»счастное кровопролитіе, забываю обиды, разореніе моихъ областей и спарѣйшинство, коего ты лишилъ меня не»справедливо. *Царствуй* въ Кіевѣ: отдай »мнѣ только Переяславль, да господ»ствуетъ въ немъ сынъ мой!« Гордый Изяславъ велѣлъ задержать Посла; отслушалъ Литургію у Св. Михаила, и готовясь обнажить мечь, требовалъ благословенія отъ Епископа Евѳимія. Напрасно сей добрый Пастырь слезно умолялъ его примириться. »Нѣтъ!« сказалъ Князь: »*я добылъ Кіева и Переяславля головою:*

»могу ли отдать ихъ?« Умные Бояре совѣтовали ему хотя помедлить, думая, что Георгій безъ сраженія удалится, съ однимъ стыдомъ неудачи. Но Изяславъ, слѣдуя мнѣнію другихъ и порыву собственнаго, нетерпѣливаго мужества, расположилъ войско противъ непріятеля. Уже солнце спускалось къ Западу, и въ Переяславлѣ благовѣстили къ Вечернѣ: Полководцы еще не давали знака, и рать не двигалась; одни стрѣлки были въ дѣйствіи. Георгій началъ отступать: тогда Изяславъ, какъ бы пробужденный отъ глубокаго сна, быстро устремился впередъ, вообразивъ, что непріятель бѣжитъ. Запрубили въ воинскія прубы; солнце закатилось, и шумъ битвы раздался. Она была кровопролитна и несчастлива для Великаго Князя. Берендѣи обратили тылъ; за ними Изяславъ Давидовичь съ дружиною Черниговскою; за ними Кіевляне; а Переяславцы измѣнили, взявъ сторону Георгія. Изяславъ пробился сквозь полкъ Ольговича и Суздальскій, прискакалъ самъ-третей въ Кіевъ, и собравъ жителей, спрашивалъ, могутъ ли они выдержать осаду? Граждане въ унынін отвѣтствовали ему и Ростиславу Смоленскому: »Отцы, сыновья и братья

Августа 23 Битва у Переяславля

»наши лежатъ на полѣ битвы; другіе въ »плѣну или безъ оружія. Государи добрые! »не подвергайте столицы расхищенію; »удалитесь на время въ свои частныя обла»сти. Вы знаете, что мы не уживемся »съ Георгіемъ: когда увидимъ ваши зна»мена, то всѣ единодушно на него воз»станемъ.« Великій Князь, взявъ супругу, дѣтей, Митрополита Климента, поѣхалъ въ Владиміръ, а Ростиславъ въ Смоленскъ[282]. Георгій вошелъ въ Переяславль, черезъ 3 дни въ Кіевъ, и дружелюбно пригласивъ туда Владиміра Черниговскаго, въ общемъ Княжескомъ совѣтѣ распорядилъ Удѣлы: отдалъ Святославу Ольговичу Курскъ, Посемье, Сновскую область, Слуцкъ и всю землю Дреговичей, бывшую въ зависимости отъ Великаго Княженія; сыновьямъ же: Ростиславу Переяславль, Андрею Вышегородъ, Борису Бѣлгородъ, Глѣбу Каневъ, Василько Суздаль. Знаменитый Епископъ Нифонтъ находился тогда въ Кіевѣ: призванный Изяславомъ, онъ все еще не хотѣлъ покориться Митрополиту Клименту; называлъ его не Пастыремъ Церкви, а *волкомъ*, и заключенный въ монастырѣ Печерскомъ, великодушно сносилъ гоненіе. Георгій возвратилъ ему свободу, и съ

Бѣгство Изяслава.

чеснію отпустивъ къ Новогородцамъ сего любезнаго имъ Епископа, надѣялся тѣмъ преклонить къ себѣ сердца ихъ, хотя въ то же самое время Воевода Іоаннъ Берладникъ, оставивъ Смоленскаго Князя и вступивъ въ Георгіеву службу, нападалъ на чиновниковъ Новогородскихъ, собиравшихъ дань въ уѣздахъ[283].

Изгнанный Великій Князь обратился къ старшему дядѣ, Вячеславу, имъ оскорбленному; льстилъ ему именемъ втораго отца, предлагалъ господствовать въ Кіевѣ. Но Вячеславъ держалъ сторону Георгія, не вѣря ласкамъ, не боясь угрозъ племянника, который послалъ союзниковъ въ Венгерскомъ Королѣ Гейзѣ, Владиславѣ Богемскомъ и въ Ляхахъ. Первый не задолго до того времени женился на его меньшей сестрѣ, Евфросиніи — такъ она называется въ Буллѣ Папы, Иннокентія IV — и далъ шурину 10,000 всадниковъ[284]. Лѣтописецъ сказываетъ, что Государи Богемскій и Польскій, *сваты* Изяславовы, сами привели къ нему войско, и что Болеславъ Кудрявый, вмѣстѣ съ братомъ Генрикомъ утѣшенный роскошнымъ обѣдомъ въ Владимірѣ *опоясалъ мечемъ* многихъ Сыновей Боярскихъ. Но сіи иноземные союзники, узнавъ, что

Союзъ съ Венграми, Богемцами и Поляками.

Георгій соединился съ Вячеславомъ въ Пересопницѣ, и что мужественный Владимірко Галицкій идетъ къ нему въ помощь, не захотѣли битвы, остановились у Чемерина и совѣтовали Изяславу примириться съ дядею. Они, какъ посредники между ими, вступили въ переговоры, увѣряя, что равно доброхотствуютъ той и другой сторонѣ. »Вѣрю и »благодарю васъ,« отвѣтствовалъ Георгій: »идите же домой и не шатопите »земли нашей; тогда я готовъ удовле»творить требованіямъ моего племянни»ка.« Союзники выпили весьма охотно изъ Россіи; но хитрый Георгій, удаливъ ихъ, опровергнулъ мирныя предложенія, которыя состояли въ томъ, чтобы онъ, господствуя въ столицѣ Кіевской или уступивъ оную старшему брату, клятвенно утвердилъ за Изяславомъ область Владимірскую, Луцкую и Великій Новгородъ со всѣми данями. Князь Суздальскій надѣялся отнять у племянника всѣ владѣнія, а гордый Изяславъ предпочиталъ гибель миру постыдному.

Непріятельскія дѣйствія начались въ Волыніи осадою Луцка, славною для сына Георгіева Андрея, ибо онъ имѣлъ случай оказать рѣдкое мужество. Въ од-

Г. 1150. Мужество Андрея.

ну ночь, оставленный союзными Половцами—которые съ Воеводою своимъ, Ярославомъ, бѣжали отъ пустой тревоги[285] — сей Князь презрѣлъ общій страхъ, устыдилъ дружину и хотѣлъ лучше умереть, нежели сойти съ мѣста. Видя же подъ стѣнами Луцка знамена отца
Фев 8. своего (пришедшаго къ городу съ другой стороны) и сильную вылазку осажденныхъ, Андрей устремился въ битву, гналъ непріятелей, и былъ на мосту окруженъ ими. Его братья, Ростиславъ, Борисъ, оспались далеко, ничего не зная: ибо пылкій Андрей не велѣлъ распустить своей хоругви, не вспомнилъ сего обряда воинскаго и не приготовилъ ихъ къ сраженію. Только два воина могли слѣдовать за Княземъ: одинъ пожертвовалъ ему жизнію. Камни сыпались съ городскихъ стѣнъ; уязвленный конь Андреевъ исходилъ кровію; острая рогатина прошла сквозь луку сѣдельную. Герой готовился умереть великодушно, подобно Изяславу I, его прадѣду; изломивъ копье, вынулъ мечь; призвалъ имя Св. Ѳеодора (ибо въ сей день торжествовали его память), сразилъ Нѣмца, готоваго пронзить ему грудь, и благополучно возвратился къ отцу. Георгій, дядя Вячеславъ, Бояре, ви-

тязи, съ радостными слезами славили храбрость юноши. Добрый конь его вынесъ господина изъ опасности и палъ мертвый: благодарный Андрей соорудилъ ему памятникъ надъ рѣкою Стыремъ. Памятникъ коню.

Братъ Изяславовъ, Владиміръ, начальствовалъ въ Луцкѣ. Три недѣли продолжалась осада: жители не могли почерпнуть воды въ Стырѣ, и Великій Князь хотѣлъ отважиться на битву для спасенія города. Тутъ Владимірко Галицкій оказалъ человѣколюбіе: сталъ между непріятелями, чтобы не допустить ихъ до кровопролитія, и взялъ на себя быть ходатаемъ мира. Юрій Ярославичь, внукъ бывшаго Великаго Князя, Святополка-Михаила[286], и Ростиславъ, сынъ Георгіевъ, мѣшали оному; но Владимірко, кроткій Вячеславъ и всѣхъ болѣе добродушный Андрей склонили Георгія прекратить несчастную вражду. Весною заключили миръ: Изяславъ призналъ себя *виновнымъ*, то есть, *слабѣйшимъ*; съѣхался съ дядями въ Пересопницѣ, и сидѣлъ съ ними на одномъ коврѣ. Согласились, чтобы племянникъ княжилъ спокойно въ области Владимірской и пользовался данями Новогородскими; обяза- Миръ.

лись также возвратить другъ другу всякое движимое имѣніе, отнятое въ теченіе войны. Изяславъ сложилъ съ себя достоинство Великаго Князя; а Георгій, желая казаться справедливымъ, уступилъ Кіевъ брату, старшему Мономахову сыну. Свадьбы и пиры были слѣдствіемъ мира: одна дочь Георгіева, именемъ Ольга, вышла за Ярослава Владиміровича Галицкаго, а другая за Олега, сына Святославова[287].

Коварство Георгія.

Всѣ казались довольными; но скоро обнаружилось коварство Георгія. Въ угодность ему, какъ вѣроятно, Бояре его представили, что тихій, слабый Вячеславъ не удержитъ за собою Россійской столицы: Георгій, согласный съ ними, послалъ брата княжить въ Вышегородъ, на мѣсто своего сына Андрея. Сверхъ того, будучи корыстолюбивъ, онъ не исполнилъ условій, и не возвратилъ Изяславу воинской добычи. Племянникъ жаловался: не получивъ удовлетворенія, занялъ Луцкъ, Пересопницу, гдѣ находился Глѣбъ Георгіевичь. Давъ ему свободу, Изяславъ сказалъ: »У меня нѣтъ вражды съ »вами, братьями; но могу ли сносить »обиды? Иду на вашего отца, который »не любитъ ни правды, ни ближнихъ.«

Новая вражда.

Увѣренный въ доброхотствѣ Кіевлянъ, онъ съ малочисленною дружиною пришелъ къ берегамъ Днѣпра и соединился съ Берендѣями; а Князь Суздальскій, изумленный нечаянною опасностію, бѣжалъ въ Городецъ[288].

Надѣясь воспользоваться симъ случаемъ, слабодушный Вячеславъ пріѣхалъ въ Кіевъ и расположился во дворцѣ. Но граждане спремились толпами на встрѣчу къ Изяславу. »Ты нашъ Государь!« восклицали они: »не желаемъ ни Георгія, »ни брата его!« Великій Князь послалъ объявить дядѣ, чтобы онъ, не хотѣвъ добровольно принять отъ него чести старѣйшинства, немедленно удалился, ибо обстоятельства перемѣнились. »Убей »меня здѣсь,« отвѣтствовалъ Вячеславъ: »а живаго не изгонишь!« Сія минутная твердость была безполезна. Провождаемый множествомъ народа изъ Софійской церкви, Изяславъ въѣхалъ на Дворъ Ярославовъ, гдѣ дядя его сидѣлъ въ сѣняхъ. Бояре совѣтовали Великому Князю употребить насиліе; нѣкоторые вызывались даже подрубить сѣни »Нѣтъ!« сказалъ онъ: »я не убійца моихъ ближнихъ; лю»блю дядю, и пойду къ нему самъ.« Князья обнялися дружелюбно. »Видишь ли мя-

»тежъ народа?« говорилъ племянникъ: »дай »миновать общему волненію, и для соб»ственной безопасности иди въ Вышего»родъ. Будь увѣренъ, что я не забуду »тебя.« Вячеславъ удалился.

Торжество Великаго Князя было не долговременно. Сынъ его, Мстиславъ, хотѣлъ взять Переяславль: тамъ княжилъ Ростиславъ Георгіевичъ, который вмѣстѣ съ Андреемъ рѣшился мужественною обороною загладить постыдное бѣгство отца, привелъ въ городъ Днѣпровскихъ кочующихъ Торковъ, готовыхъ соединиться съ Кіевлянами, и ждалъ врага неустрашимо. Великій Князь не имѣлъ времени заняться сею осадою: свѣдавъ о приближеніи Владимірка Галицкаго, друга Георгіева, также о соединеніи Давидовичей съ Княземъ Суздальскимъ, онъ поѣхалъ къ Вячеславу и вторично предложилъ ему сѣсть на тронъ Мономаховъ. »Для чего »же ты выгналъ меня съ безчестіемъ »изъ Кіева?« возразилъ дядя: »теперь от»даешь его мнѣ, когда сильные враги го»товы изгнать тебя самого.« Смягченный ласковыми словами племянника, сей добродушный Князь обнялъ его съ нѣжностію, и заключивъ съ нимъ искренній союзъ надъ гробомъ Святыхъ Бориса и

Добродушіе Вячеслава.

Глѣба, отдалъ ему всю дружину свою, знаменитую мужествомъ, чтобы отразить Владимірка. Изяславъ при звукѣ трубъ воинскихъ бодро выступилъ изъ столицы[289]; но счастіе опять измѣнило его храбрости. Еще дружина Вячеславова не успѣла къ нему присоединиться: Берендѣи же и Кіевляне, встрѣтивъ Галичанъ на берегахъ Супруны, ужаснулись ихъ силы, и пустивъ нѣсколько стрѣлъ, разсѣялись. Онъ удерживалъ бѣгущихъ; хотѣлъ умереть на мѣстѣ; молилъ, заклиналъ робкихъ; наконецъ, видя вокругъ себя малочисленныхъ Венгровъ и Поляковъ, сказалъ дружинѣ съ горестію: »одни »ли чужеземцы будутъ моими защитни»ками?« и самъ поворотилъ коня. Непріятель слѣдовалъ за нимъ осторожно, боясь хитрости. Великій Князь нашелъ въ Кіевѣ Вячеслава, и еще не успѣлъ опобѣдать съ нимъ во дворцѣ, когда имъ сказали, что Георгій на берегу Днѣпра, и что Кіевляне перевозятъ его войско въ своихъ лодкахъ. Исполняя совѣтъ племянника, Вячеславъ уѣхалъ въ Вышегородъ, а Великій Князь со всею дружиною въ область Владимірскую, занявъ крѣпости на берегахъ Горыни[290].

Побѣда Владимірова.

Георгій и Князь Галицкій сошлися

подъ стѣнами Кіева: съ первымъ находились Святославъ, племянникъ его (сынъ Всеволодовъ) и Давидовичи. Напрасно хотѣвъ догнать Изяслава, они вступили въ городъ, коего жители не дерзнули противиться мужественному Владимірку. Сей Князь и Георгій торжествовали побѣду въ монастырѣ Печерскомъ: новые дружественные обѣты утвердили союзъ между ими. Владимірко выгналъ еще Изяславова сына изъ Дорогобужа, взялъ нѣсколько городовъ Волынскихъ, отдалъ ихъ Мстиславу Георгіевичу, съ нимъ бывшему, но не могъ взять Луцка, и возвратился въ землю Галицкую, довольный своимъ походомъ, который доставилъ ему случай видѣть славные храмы Кіевскіе и гробъ Святыхъ мучениковъ, Бориса и Глѣба[291].

Георгій, болѣ новыхъ предпріятій Изяславовыхъ, поручилъ Волынскую область свою надежнѣйшему изъ сыновей, храброму Андрею. Сей Князь болѣе и болѣе заслуживалъ тогда общее уваженіе: онъ смирилъ Половцевъ, которые, называясь союзниками отца его, грабили въ окрестностяхъ Переяславля и не хотѣли слушатьОсловъ Георгія; но удалились, какъ скоро Андрей велѣлъ имъ оставить

Бодрость Андреева.

Россіянъ въ покоѣ. Укрѣпивъ Пересопницу, онъ взялъ такія мѣры для безопасности всѣхъ городовъ, что Изяславъ раздумалъ воевать съ нимъ, и въ надеждѣ на его добродушіе предложилъ ему миръ. »Отказываюсь отъ Кіева (говорилъ Вели»кій Князь), если отецъ твой уступитъ »мнѣ всю Волынію. Венгры и Ляхи не »братья мои: земля ихъ мнѣ не отече»ство. Желаю остаться Русскимъ и вла»дѣть достояніемъ нашихъ предковъ.« Андрей вторично старался обезоружить родителя; но Георгій опровергнулъ мирныя предложенія, и заставилъ Изяслава снова обратиться къ иноземнымъ союзникамъ.

Меньшій его братъ, Владиміръ Мстиславичь, поѣхалъ въ Венгрію, и склонилъ Короля объявить войну опаснѣйшему изъ непріятелей Изяславовыхъ, Владимірку Галицкому, представляя, что сей Князь отважный, честолюбивый, есть общій врагъ Державъ сосѣдственныхъ. Въ глубокую осень, чрезъ горы Карпатскія, Гейза вошелъ въ Галицію, завоевалъ Санокъ, думалъ осадить Перемышль. Желая безъ кровопролитія избавиться отъ врага сильнаго, хитрый Владимірко купилъ золотомъ дружбу Венгерскаго Архіепи- Хитрость Владиміра

скопа, именемъ Кукниша, и знатнѣйшихъ чиновниковъ Гейзиныхъ, которые убѣдили своего легковѣрнаго Монарха отложить войну до зимы. Но связь Гейзы съ Великимъ Княземъ еще болѣе утвердилась: Владиміръ Мстиславичь женился на дочери Бана, родственника Королевскаго, и вторично посланный братомъ въ Венгрію, привелъ къ нему 10,000 отборныхъ воиновъ[292]. Тогда Изяславъ, нетерпѣливо ожидаемый Кіевлянами, Берендѣями и преданною ему дружиною Вячеслава, смѣло выступилъ въ поле, миновалъ Пересопницу, и зная, что за нимъ идутъ полки Владимірковы, спѣшилъ къ столицѣ Великаго Княженія. Бояре говорили ему: »у насъ впереди не»пріятель, за нами другой.« Князь отвѣтствовалъ: »Не время спрашиться. Вы »оставили для меня домы и села Кіевскія, я лишенъ родительскаго престола: »умру или возьму свое и ваше. Достигнетъ ли насъ Владимірко, сразимся; »встрѣтимъ ли Георгія, также сразимся. Иду на судъ Божій.«

Г. 1151.

Твердость Изяслава.

Граждане Дорогобужа встрѣтили Изяслава со крестами, но боялись Венгровъ. »Будьте покойны,« сказалъ Великій Князь: »я предводительствую ими. Не вы, люди »моего отца и дѣда, а только одни враги

»мои должны ихъ ужасаться.« Другіе города изъявляли ему такую же покорность. Онъ нигдѣ не медлилъ; но войско его едва оставило за собою рѣку Ушъ, когда легкій отрядъ Галицкаго показался на другой сторонѣ. Самъ Владимірко, вмѣстѣ съ Андреемъ Георгіевичемъ, стоялъ за лѣсомъ, въ ожиданіи своей главной рати. Началась перестрѣлка. Великій Князь хотѣлъ ударить на малочисленныхъ непріятелей: Бояре ему отсовѣтовали. »Рѣка и »лѣсъ передъ нами,« говорили они: »пользуясь ими, Владимірко можетъ долго со»противляться; задніе полки его при»спѣютъ къ битвѣ. Лучше не тратить »времени, итти впередъ и соединиться »съ усердными Кіевлянами, ждущими тебя »на берегахъ Теперева.« Изяславъ велѣлъ ночью разложить большіе огни, и тѣмъ обманувъ непріятеля, удалился, шелъ день и ночь, опрядилъ Владиміра Мстиславича къ Бѣлугороду, и надѣялся взять его незапно. Такъ и случилось. Борисъ Георгіевичь, пируя въ Бѣлогородскомъ дворцѣ своемъ съ дружиною и съ Попами, вдругъ услышалъ громкій кликъ и воинскія трубы: свѣдалъ, что полки Изяславовы уже входятъ въ городъ, и бѣжалъ къ отцу, не менѣе сына безпечному. Геор-

Воинская хитрость

Безпечность Георгія и торжество Изяслава.

гій жилъ спокойно въ Кіевѣ, ничего не зналъ: приведенный въ ужасъ споль нечаянною вѣстію, онъ бросился въ лодку и уѣхалъ въ Осперъ; а Великій Князь, оставивъ въ Бѣлѣгородѣ Владиміра Мстиславича для удержанія Галичанъ, вошелъ въ столицу, славимый, ласкаемый народомъ, какъ отецъ дѣтьми. Многіе Бояре Суздальскіе были взяты въ плѣнъ. Великій Князь, изъявивъ въ Софійскомъ храмѣ благодарность Небу, угостилъ обѣдомъ усердныхъ Венгровъ и своихъ друзей Кіевскихъ: а друзьями его были всѣ добрые граждане. За роскошнымъ пиромъ слѣдовали игры: ликуя среди обширнаго двора Ярославова, народъ съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на ристаніе искусныхъ Венгерскихъ всадниковъ[293].

Ристаніе въ Кіевѣ.

Еще Кіевляне опасались Владимірка; но изумленный бѣгствомъ Георгія, онъ сказалъ Андрею, который шелъ вмѣстѣ съ нимъ: »Свящъ мой есть примѣръ без»печности; господствуешь въ Россіи, и не »знаешь, что въ ней дѣлается; одинъ »сынъ въ Пересопницѣ, другой въ Бѣлѣ»городѣ, и не даютъ отцу вѣсти о дви»женіяхъ врага! Когда вы такъ правите »землею, я вамъ не товарищъ. Мнѣ ли »одному ратоборствовать съ Изяславомъ,

»теперь уже сильнымъ? Иду въ область »свою.« И немедленно возвратился, собирая на пути дань со всѣхъ городовъ Волынскихъ. Обитатели, угрожаемые плѣномъ, сносили ему серебро; жены, выкупая мужей, отдавали свои ожерелья и серьги. Андрей съ печальнымъ сердцемъ пріѣхалъ къ отцу въ Городецъ Осперскій.

Утвердясь въ столицѣ, Великій Князь призвалъ дядю своего, Вячеслава, изъ Вышегорода. »Богъ взялъ моего родителя,« говорилъ онъ: »будь мнѣ вторымъ отцемъ. Два раза я могъ посадить тебя »на престолѣ, и не сдѣлалъ того, ослѣпленный властолюбіемъ. Прости вину »мою, да буду спокоенъ въ совѣсти. Кіевъ »твой: господствуй въ немъ подобно отцу »и дѣду.« Добрый Вячеславъ, пронятый симъ великодушіемъ, съ чувствительностію отвѣтствовалъ: »Ты исполнилъ наконецъ долгъ собственной чести своей. »Не имѣя дѣтей, признаю тебя сыномъ »и братомъ. Я старъ; не могу одинъ править землею: будь моимъ товарищемъ въ »дѣлахъ войны и мира; соединимъ наши »полки и дружину. Иди съ ними на враговъ, когда не въ силахъ буду дѣлить »съ тобой опасности!« Они цѣлова-

Справедливость Велик. Князя.

Признательность Вячеслава.

ли крестъ въ Софійскомъ храмѣ; клялися быть неразлучными во благоденствіи и злосчастіи. Старецъ, по древнему обыкновенію, далъ пиръ Кіевлянамъ и добрымъ союзникамъ, Венграмъ. Одаривъ послѣднихъ конями, сосудами драгоцѣнными, одеждами, шканями, Изяславъ отпустилъ ихъ въ отечество; а въ слѣдъ за ними отправилъ сына своего благодарить Короля Гейзу. Сей Посолъ именемъ отца долженъ былъ сказать ему слѣдующія выразительныя слова: »Да поможетъ те-
Благодарность къ Королю Венгерскому.
»бѣ Богъ, какъ ты помогъ намъ! Ни сынъ »отцу, ни братъ единокровному брату »не оказывалъ услугъ важнѣйшихъ. Будемъ »всегда заодно. Твои враги суть наши; не »златомъ, одною кровію своею можемъ »заплатить тебѣ долгъ. Но соверши до»брое дѣло: еще имѣемъ врага сильнаго. »Ольговичи и Князь Черниговскій, Влади»міръ, въ союзѣ съ Георгіемъ, который »сыплетъ злато и манитъ къ себѣ ди»кихъ Половцевъ. Не зовемъ тебя самого: »ибо Царь Греческій имѣетъ рать съ то»бою. Но когда наступитъ весна, мирная »для Венгріи, то пришли въ Россію по»вое войско. И мы въ спокойную чреду »свою придемъ къ тебѣ съ дружиною вспо»могательною. Богъ намъ поборникъ, на-

»родъ и Черные Клобуки друзья.« — Великій Князь звалъ также въ помощь къ себѣ брата, Ростислава Смоленскаго, который всегда думалъ, что старшій ихъ дядя имѣетъ законное право на область Кіевскую. Вячеславъ, увѣряя сего племянника въ дружбѣ, назвалъ его *вторымъ* сыномъ, и съ любовію принялъ Изяслава Черниговскаго, который, вопреки брату, Владиміру Давидовичу, отказался отъ союза съ Княземъ Суздальскимъ.

Георгій имѣлъ время собрать войско, и сталъ противъ Кіева, вмѣстѣ съ Ольговичами—то есть, двумя Святославами, дядею и племянникомъ—Владиміромъ Черниговскимъ и Половцами, разбивъ шатры свои на лугахъ восточнаго берега Днѣпровскаго. Рѣка покрылась военными ладіями; битвы начались. Лѣтописцы говорятъ съ удивленіемъ о хитромъ вымыслѣ Изяслава: ладіи сего Князя, сдѣланныя о двухъ рулях, могли *не обращаясь* итти вверхъ и внизъ; одни весла были видимы: гребцы сидѣли подъ защитою высокой палубы, на которой стояли латники и стрѣлки. Отраженный Георгій вздумалъ переправиться ниже Кіева; ввелъ ладіи свои въ *Долобское* озеро [illegible], и велѣлъ ихъ тащить оттуда бере- Осада Кіева.

гомъ до рѣки Золотчи, впадающей въ Днѣпръ. Изяславъ шелъ другою стороною, и суда его вступили въ бой съ непріятелемъ у *Витичевскаго брода*. Князь Суздальскій и тутъ не имѣлъ успѣха; но Половцы тайнымъ обходомъ разстроили Изяславовы мѣры: у городка Заруба, близъ Трубежскаго устья, они бросились въ Днѣпръ на коняхъ своихъ, вооруженные съ головы до ногъ, и закрываясь щитами. Святославъ Ольговичь и племянникъ его предводительствовали ими. Береговая стража Кіевская оробѣла. Напрасно Воевода Шварнъ хотѣлъ остановить бѣгущихъ: »съ ними не было Князя (говоритъ »Лѣтописецъ), а Боярина не всѣ слуша»ютъ.« Половцы достигли берега, и Георгій спѣшилъ въ томъ же мѣстѣ переправиться черезъ Днѣпръ.

Великій Князь отступилъ къ Кіеву и вмѣстѣ съ дядею сталъ у *Златыхъ* вратъ; Изяславъ Давидовичь между *Златыми* и *Жидовскими* вратами; подлѣ него Князь Смоленскій; Борисъ Всеволодковичь Городненскій, внукъ Мономаховъ, у вратъ *Лятскихъ* или Польскихъ. Ряды Кіевлянъ окружили городъ. Черные Клобуки явились также подъ его стѣнами съ своими вежами и многочисленными сила-

дами, которыя разсыпались въ окрестностяхъ Кіевскихъ. Дѣятельность, движеніе, необозримый строй людей вооруженныхъ и самый безпорядокъ представляли зрѣлище любопытное. Пользуясь общимъ смятеніемъ, хищные друзья, Берендѣи и Торки, обирали монастыри, жгли села, сады. Изяславъ, чтобы унять грабителей, велѣлъ брату своему, Владиміру, соединить ихъ и поставить у *Могилы Олеговой*, между оврагами. Воины, граждане, народъ, съ твердостію и мужествомъ ожидали непріятеля [95].

Но старецъ Вячеславъ еще надѣялся убѣдить брата словами мирными, и въ присутствіи своихъ племянниковъ далъ Послу наставленіе. »Иди къ Георгію,« сказалъ онъ: »цѣлуй его моимъ именемъ и говори такъ: Сколько разъ молилъ я васъ, »тебя и племянника, не проливать крови Христіанъ и не губить земли Русской! Изяславъ, возставъ на Игоря, велѣлъ мнѣ объявить, что ищетъ престола Кіевскаго единственно для меня, »втораго отца своего; а послѣ завладѣлъ »собственными моими городами, Туровымъ »и Пинскимъ! Равно обманутый и тобою »— лишенный Перессопницы, Дорогобужа »— не имѣя ничего, кромѣ Вышегорода, я Миролюбіе Вячеслава.

»молчалъ; имѣя Богомъ данную мнѣ силу, »полки и дружину, терпѣливо сносилъ »обиды, самое уничиженіе, и думая толь»ко о пользѣ отечества, унималъ васъ. »Напрасно вы не хотѣли внимать совѣ»тамъ человѣколюбія; отвергая ихъ, на»рушали уставъ Божій. Нынѣ Изяславъ »загладилъ вину свою: почтилъ дядю »вмѣсто отца; я назвалъ его сыномъ. Бо»юшься ли унизиться предо мною? Но »кто изъ насъ старшій? Я былъ уже бра»тъ, когда ты родился. Опомнись, или, »поднявъ руку на старшаго, бойся гнѣва »Небеснаго!« — Посолъ Вячеславовъ нашелъ Георгія въ Василевѣ. Князь Суздальскій, выслушавъ его, отправилъ собственнаго Боярина къ брату; признавалъ его своимъ отцемъ; обѣщалъ во всемъ удовлетворить ему, но требовалъ, чтобы Мстиславичи выѣхали изъ области Кіевской. Старецъ отвѣтствовалъ: »У тебя *семь* сыновей: »отгоняю ли ихъ отъ родителя? У меня »ихъ только два: не разстанусь съ ними. »Иди въ Переяславль и Курскъ; иди въ »*Великій* Ростовъ, или въ другіе города »свои; удали Ольговичей, и мы прими»римся. Когда же хочешь кровопролитія, »по машерь Божія да судитъ насъ въ »семъ вѣкѣ и будущемъ!« Вячеславъ, говоря

сіи послѣднія слова, указалъ на Златыя врата и на образъ Маріи, тамъ изображенный.

Георгій ополчился и подступилъ къ Кіеву отъ Бѣлагорода. Стрѣлы летали чрезъ Лыбедь. Пылкій Андрей устремился на другую сторону рѣки, и гналъ стрѣлковъ непріятельскихъ къ городу; но былъ оставленъ своими: одинъ Половчинъ схватилъ коня его за узду и принудилъ Героя возвратиться. Юный Владиміръ Андреевичъ, внукъ Мономаховъ, спѣшилъ раздѣлить съ братомъ опасность: пѣшунъ силою удержалъ сего отрока. Дружина ихъ шла на полкъ Вячеславовъ и Великаго Князя за Лыбедью; прочее войско Георгіево сразилось съ Борисомъ у вратъ Ляшскихъ. Изяславъ наблюдалъ всѣ движенія битвы: онъ велѣлъ братьямъ, не разстроивая полковъ, съ избранными отрядами и Черными Клобуками ударить вдругъ на непріятеля. Смятые ими, Половцы, Суздальцы бѣжали, и трупы наполнили рѣку Лыбедь. Тутъ вмѣстѣ со многими палъ мужественный сынъ Хана славнаго, Боняка, именемъ Севенчь, который хвалился, подобно отцу своему, *зарубить* мечемъ врата Златыя[396]. Съ того времени Суздальцы не дерзали переходить чрезъ Лыбедь, и Георгій скоро

Пылкость Андрея.

Отступленіе Георгія.

отступилъ, чтобы соединиться съ Владиміркомъ: ибо Галицкій Князь, забывъ прежнюю досаду, шелъ къ нему въ помощь.

Храбрые Мстиславичи пылали нетерпѣніемъ гнаться за врагомъ. Согласно съ характеромъ своимъ, Вячеславъ говорилъ, что они могутъ не спѣшить, и что Всевышній даетъ побѣду не скорому, а справедливому; но убѣжденный ихъ представленіями, и самъ немедленно сѣлъ на коня, вмѣстѣ съ племянниками совершивъ молитву въ храмѣ Богоматери. Никогда народъ Кіевскій не вооружался охотнѣе; никогда не изъявлялъ болѣе усердія къ своимъ Государямъ. »Всякой, »кто можетъ двигаться и владѣть ру»кою, да идетъ въ поле!« сказали граждане: »или да лишится жизни ослушникъ!« Борисъ Городненскій былъ отправленъ лѣсомъ въ слѣдъ за Георгіемъ, который думалъ взять Бѣлгородъ; но видя жителей готовыхъ обороняться, пошелъ на встрѣчу къ Галичанамъ. Изяславъ, спарая предупредить сіе опасное соединеніе, настигъ его за Стугною. Сдѣлалась ужасная буря и тьма; дождь лился рѣкою, и ратники не могли видѣть другъ друга. Какъ бы устрашенныя несчастнымъ

Усердіе Кіевлянъ.

предзнаменованіемъ, оба войска желали мира: Послы ѣздили изъ стана въ станъ, и Князья могли бы согласиться, если бы мстительные Ольговичи и Половцы тому не воспротивились. Георгій, принявъ ихъ совѣтъ, рѣшился на кровопролитіе; однакожъ убѣгалъ битвы, ожидая Владиміра, и ночью перешелъ за рѣку Рушъ (нынѣ Ропокъ). Изяславъ не далъ ему идти далѣе: надлежало сразиться. Андрей успроилъ Суздальцевъ[297]; объѣхалъ всѣ ряды; спарался воспламенить мужество въ Половцахъ и въ своей дружинѣ. Съ другой стороны Великій Князь, Полководецъ искусный, такжe наилучшимъ образомъ распорядилъ войско, и требовалъ благословенія отъ Вячеслава. Сей старецъ, утомленный походомъ, долженъ былъ оспаться за строемъ. »Неблаго»дарный Георгій опвергнулъ миръ, столь »любезный душѣ твоей,« говорили ему племянники: »теперь мы готовы уме»реть за честь нашего отца и дяди.« Вячеславъ опвѣтствовалъ: »Суди Богъ »моего брата; я отъ юности гнушал»ся кровопролитіемъ.« — Битва началася. Изяславъ приказалъ всѣмъ полкамъ смотрѣть на его собственный, чтобы слѣдовать ему въ движеніяхъ. Андрей

Битва.

встрѣшилъ ихъ, и сильнымъ ударомъ изломилъ свое копіе. Уязвленный въ ноздри конь его ярился подъ всадникомъ; шлемъ слетѣлъ съ головы, щитъ Андреевъ упалъ на землю: но Богъ сохранилъ мужественнаго Князя. Изяславъ также былъ впереди; также изломилъ копіе: раненный въ бедру и руку, не могъ усидѣть на конѣ и плавалъ въ крови своей. Битва продолжалась. Дикіе варвары, союзники Георгіевы, рѣшили ея судьбу: пустивъ тучу стрѣлъ, обратились въ бѣгство; за Половцами Ольговичи, и наконецъ Князь Суздальскій. Многіе изъ его воиновъ упали въ грязномъ Рушѣ; многіе легли на мѣстѣ или отдались въ плѣнъ. Георгій съ малымъ числомъ ушелъ за Днѣпръ въ Переяславль.

Изяславъ раненъ.

Бѣгство Георгіл.

Между тѣмъ Великій Князь, нѣсколько времени лежавъ на землѣ, собралъ силы, всталъ, и едва не былъ изрубленъ собственными воинами, которые, въ жару битвы, не узнали его. »Я Князь,« говорилъ онъ. »Тѣмъ лучше,« сказалъ одинъ воинъ, и мечемъ разсѣкъ ему шлемъ, на коемъ блистало златое изображеніе Святаго Пантелеймона [298]. Изяславъ, закрывъ лице, увидѣлъ общую радость Кіевлянъ, считавшихъ его мертвымъ; исхо-

Чувствительность Изяслава

дилъ кровію, но слыша, что Владиміръ Черниговскій убитъ, велѣлъ посадить себя на коня и везти къ его пруду; искренно сожалѣлъ объ немъ, и съ чувствительностію ушѣшалъ горестнаго Изяслава Давидовича, который, взявъ тѣло брата, союзника Георгіева, спѣшилъ защитить свою столицу: ибо Святославъ Ольговичъ хотѣлъ нежданно овладѣть ею; но тучный, дебелый и до крайности утомленный бѣгствомъ, сей Князь принужденъ былъ отдыхать въ Оснерѣ, гдѣ свѣдавъ, что въ Черниговѣ уже много войска, онъ рѣшился ѣхать прямо въ Новгородъ Сѣверскій; а послѣ дружелюбно раздѣлился съ Изяславомъ Давидовичемъ: каждый изъ нихъ взялъ часть отцевскую [299].

Мстиславичи осадили Переяславль. Утративъ лучшую дружину въ битвѣ, и слыша, что Владимірко Галицкій, достигнувъ Вужска, возвратился, Георгій принялъ миръ отъ снисходительныхъ побѣдителей. »Отдаемъ Переяславль любому »изъ сыновей твоихъ,« говорили они: »но »самъ иди въ Суздаль. Не можемъ быть »съ тобою въ сосѣдствѣ, ибо знаемъ тебя. Не хотимъ, чтобы ты снова при»звалъ друзей своихъ, Половцевъ, грабить

Вѣроломство Георгія.

»область Кіевскую.« Георгій далъ клятву выѣхать, и нарушилъ оную подъ видомъ оскорбленнаго усердія къ Св. Борису: праздновалъ его память, жилъ на берегу Альты, молился въ храмѣ сего Мученика и не хотѣлъ удалиться отъ Переяславля [300]. Одинъ сынъ его, Андрей, глушаясь вѣроломствомъ, отправился въ Суздаль. Узнавъ, что коварный дядя зоветъ къ себѣ Половцевъ и Галичанъ, Великій Князь грозно требовалъ исполненія условій: Георгій оставилъ сына въ Переяславлѣ, но выѣхалъ только въ Городецъ, и ждалъ благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ.

Надеждою его былъ мужественный Владимірко. Мстиславъ, сынъ Великаго Князя, велъ къ родителю многочисленное союзное войско Короля Гейзы, и своею неосторожностію лишился онаго. Вступивъ въ Волынію, онъ пировалъ съ Венграми, угощаемый дядею, Владиміромъ Мстиславичемъ; слышалъ о приближеніи Галицкаго Князя, но безпечно легъ спать, въ надеждѣ на стражу и самохвальство Венгровъ. »Мы всегда готовы къ бою,« говорили они, и пили безъ всякой умѣренности. Въ полночь тревога разбудила Мстислава: дружина его сѣла на коней; но упоенные виномъ союзники лежали какъ

мертвые. Владимірко ударилъ на нихъ предъ разсвѣтомъ: билъ, истреблялъ — и Великій Князь получилъ извѣстіе, что сынъ его едва могъ спастися одинъ съ своими Боярами [301]. Тогда Изяславъ призвалъ союзниковъ: Князя Черниговскаго и сына Всеволодова, его племянника: даже и Святославъ Ольговичъ, повинуясь необходимости, далъ ему вспомогательную дружину. Сіе войско осадило Городецъ. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ, оставленный прежними друзьями и товарищами, Князь Суздальскій долженъ былъ чрезъ нѣсколько дней смириться: уступивъ Переяславль Мстиславу Изяславичу, возвратился въ наслѣдственный Удѣлъ свой и поручилъ Городецъ сыну Глѣбу [302]. Но скоро Изяславъ отнялъ у Георгія и сіе прибѣжище въ южной Россіи: сжегъ тамъ всѣ деревянныя зданія, самыя церкви, и сравнялъ крѣпость съ землею. Г. 1152.

Наказавъ главнаго непріятеля, Великій Князь желалъ отмстить хитрому, счастливому сподвижнику Георгіеву, Владимірку: Король Венгерскій хотѣлъ того же. Имъ надлежало соединиться у подошвы горъ Карпатскихъ [303]. Лѣтописцы славятъ взаимную искреннюю дружбу сихъ Государей: сановники Гейзы отъ его име- Помощь Венгровъ.

ни привѣтствовали Великаго Князя на дорогѣ; самъ Король, провождаемый братьями, Ладиславомъ и Стефаномъ, всѣмъ Дворомъ, всѣми Баронами, выѣхалъ встрѣтить Изяслава, который велъ за собою многочисленное стройное войско. Съ любовію обнявъ другъ друга, они, въ шатрѣ Королевскомъ, условились не жалѣть крови для усмиренія врага — и на разсвѣтѣ, ударивъ въ бубны, семдесять полковъ Венгерскихъ двинулись впередъ; за ними шли Россіяне и конные Берендѣи; вступивъ въ землю Галицкую, расположились близъ рѣки Сана, ниже Перемышля. Владимірко стоялъ на другой сторонѣ, готовый къ бою, и схватилъ нѣсколько *заложниковъ* Королевскихъ [3¾]. Тогда было Воскресенье: Гейза, обыкновенно празднуя сей день, отложилъ битву до слѣдующаго. По данному знаку союзное войско приступило къ рѣкѣ. Изяславъ находился въ срединѣ, и шакъ говорилъ ратникамъ: »Братья и »дружина! доселѣ Богъ спасалъ отъ безче»стія землю Русскую и сыновъ ея: отцы »наши всегда славились мужествомъ. Ны»нѣ ли уронимъ честь свою предъ глаза»ми союзниковъ иноплеменныхъ? Нѣтъ, »мы явимъ себя достойными ихъ уваже»нія.« Въ одно мгновеніе ока Россіяне бро-

Рѣчь Изяслава и побѣда.

сились въ Санъ: Венгры шакже, и смяли Галичанъ, стоявшихъ за валомъ. Побѣжденный Владимірко, проскакавъ на борзомъ конѣ между полками Венгровъ и Черныхъ Клобуковъ (одинъ съ какимъ-то Избыгнѣвомъ), заключился въ Перемышлѣ. Союзники могли бы тогда взять крѣпость; но воины ихъ, грабя Княжескій богатый дворецъ на берегу Сана, дали время многимъ разсѣяннымъ бишвою Галичанамъ собраться въ городѣ Владимірко хошѣлъ мира: ночью отправилъ къ Архіепископу и Боярамъ Венгерскимъ множество серебра, золота, драгоцѣнныхъ одеждъ, и вторично склонилъ ихъ быть за него ходашаями. Они представили Гейзѣ, что Галицкій Князь, тяжело раненный, признается въ винѣ своей; что Небо милуетъ кающихся грѣшниковъ; что онъ служилъ копіемъ своимъ отцу Гейзину, Белѣ *Слѣпому*, противъ Ляховъ; что Владимірко, зная великодушіе Короля и готовясь скоро умереть, поручаетъ ему юнаго сына, и боится единственно злобы Изяславовой. Великій Князь не хошѣлъ слышать о мирѣ. »Если умретъ »Владимірко« — говорилъ онъ — »по безвре»менная кончина его будетъ справедливою »Небесною казнію. Сей вѣроломный, кляп-

Примиреніе Владимірка.

»венно обѣщавъ намъ пріязнь свою, раз»билъ твое и мое войско. Забудемъ ли без»честіе? Нынѣ Богъ предаетъ Владимірка »въ руки наши: возмемъ его и землю Галиц»кую.« Мстиславъ, сынъ Великаго Князя, еще ревностнѣе отца пропивился миру: напрасно Владимірко старался моленіемъ и ласками обезоружить ихъ. Но Гейза отвѣтствовалъ: »не могу убить того, кто »винится,« и простилъ врага, съ условіемъ, чтобы онъ возвратилъ чужіе, занятые имъ города Россійскіе (Бужскъ, Тихомль, Шумскъ, Выгошевъ, Гнойни) и навсегда остался другомъ Изяславу, или, по тогдашнему выраженію, *не разлучался съ нимъ ни въ добрѣ, ни въ злѣ.* Изъ шатра Королевскаго послали ко мнимо-больному Владимірку чудотворный крестъ Св. Спефана: сей Князь далъ присягу. »Если онъ »измѣнитъ намъ (сказалъ Гейза), то или »мнѣ не царствовать или ему не княжить.« Услуживъ шурину и смиривъ надменнаго Владимірка, бывшаго въ тѣсномъ союзѣ съ Греками, Король спѣшилъ къ берегамъ Сава, отразить Императора Мануила, хотѣвшаго отмстить ему за обиду своего Галицкаго друга[305] Изяславъ, возвратяся въ Кіевъ съ торжествомъ, изъявилъ благодарность Всевышнему, праздновалъ съ дядею Вя-

Простодушіе Гейзы.

чеславомъ, увѣдомилъ брата своего, Князя Смоленскаго, о счастливомъ успѣхѣ похода, и совѣтовалъ ему остерегаться Георгія слыша, что онъ вооружается въ Росповѣ.

Князь Суздальскій еще болѣе возненавидѣлъ Мстиславичей за разрушеніе Городца, который былъ единственнымъ его достояніемъ въ полуденныхъ, любезныхъ ему странахъ Государства. Тамъ онъ жилъ духомъ и мыслями; тамъ лежалъ священный прахъ древнихъ Князей Россійскихъ, славились храмы чудесами и жители благочестіемъ. Георгій въ наслѣдственномъ восточномъ Удѣлѣ своемъ видѣлъ небо суровое, дикія степи, дремучіе лѣса, народъ грубый; считалъ себя какъ бы изгнанникомъ, и презирая святость клятвъ, думалъ только о способахъ удовлетворить своему властолюбію. Онъ призвалъ Князей Рязанскихъ и Половцевъ, кочевавшихъ между Волгою и Дономъ [306]; занялъ область Вятичей и вслѣдъ Князю Новагорода Сѣверскаго, Святославу Ольговичу, шакже быть къ нему въ станъ подъ Глуховъ Владимірко, свѣдавъ о походѣ Георгія, думалъ вмѣстѣ съ нимъ начать военныя дѣйствія противъ Мстиславичей; но Изяславъ успѣлъ отразить его и заставилъ возвратиться. Князь Галицкій,

Любовь Георгія къ южной Россіи.

Вѣроломство Владимірка.

мужествомъ достойный отца, не хотѣлъ уподобляться ему въ вѣрности слова: не боялся клятвопреступленія, и доказалъ ошибку снисходительнаго Гейзы, не исполнивъ обѣщанія, то есть, силою удержавъ за собою города Великокняжескіе, Шумскъ, Тихомль и другіе. Видя, что Георгій намѣренъ осадить Черниговъ, Князь Смоленскій, по сдѣланному условію съ братомъ, вошелъ въ сей городъ защитить Изяслава Давидовича, ихъ союзника. Тутъ находился и Святославъ Всеволодовичь, который уже зналъ характеръ Георгіевъ, и не любилъ его. Съ душевнымъ прискорбіемъ они говорили другъ другу: »будетъ ли конецъ нашему междоусобію?« Набожный Князь Суздальскій, подступивъ къ Чернигову въ день Воскресный, не хотѣлъ обнажить меча для праздника[307]; но велѣлъ Половцамъ жечь и грабить въ окрестностяхъ! Двѣнадцать дней продолжались битвы, знаменитыя мужествомъ Андрея Георгіевича: онъ требовалъ, чтобы Князья, союзники Георгіевы, сами по очереди ходили на приступъ, для ободренія войска; служилъ имъ образцемъ, и собственною храбростію воспламенялъ всѣхъ. Осажденные не могли защитить внѣшнихъ укрѣпленій, сожженныхъ Половцами,

Подвиги Андрея.

и городъ былъ въ опасности; но Великій Князь спасъ его. Услышавъ только, что Изяславъ перешелъ Днѣпръ, робкіе Половцы бѣжали: Георгій также отступилъ за Сновъ, и Князь Черниговскій встрѣтилъ своего избавителя на берегу рѣки Бѣлоуса.

Святославъ Ольговичь, удерживая Георгія, говорилъ: »Ты принудилъ меня воевать: разорилъ мою область, вездѣ поправилъ хлѣбъ, и теперь удаляешься! »Половцы также ушли въ степные города свои[308]. Мнѣ ли одному бороться съ »сильными?« Но Князь Суздальскій, оставивъ у Святослава только 50 человѣкъ дружины съ сыномъ Васильком, вышелъ изъ области Сѣверской, чтобы овладѣть всею страною Вятичей, гдѣ ему никто не противился.

Тогда была уже глубокая осень. Изяславъ дождался зимы, поручилъ Смоленскому Князю наблюдать за Георгіемъ, осадилъ Новгородъ Сѣверскій и далъ миръ Святославу Ольговичу; а сынъ Великаго Князя, Мстиславъ, съ Кіевскою дружиною и съ Черными Клобуками воевалъ землю Половецкую, разбилъ варваровъ на берегахъ Орели и Самары, захватилъ ихъ вежи, освободилъ множество Россійскихъ

Г. 1153, въ Февралѣ.

плѣнниковъ. Но сей успѣхъ не могъ упвердить безопасности восточныхъ предѣловъ Кіевскихъ: скоро Мстиславъ долженъ былъ вторично идти къ берегамъ Пела для отраженія Половцевъ.

Тогда, желая покоя, Великій Князь отправилъ Боярина, Петра Бориславича, съ крестными грамотами къ Владимірку Галицкому. »Ты нарушилъ клятву« — говорилъ ему Посолъ — »данную тобою на»шему Государю и Королю Венгерскому »въ моемъ присутствіи [309]. Еще можешь »загладить преступленіе: возврати горо»да Изяславовы и будь его другомъ.« Владимірко отвѣтствовалъ: »Братъ мой Изя»славъ печалію подвелъ на меня Вен»гровъ: никогда не забуду того; умру »или отмщу.« Посолъ напоминалъ ему цѣлованіе креста. »Онъ былъ не великъ!« сказалъ Владимірко въ насмѣшку. »Но си»ла онаго велика,« возразилъ Петръ: »Вель»можа Королевскій объявлялъ тебѣ, что »если, цѣловавъ сей чудесный крестъ Св. »Стефана, преступишь клятву, то живъ »не будешь.« Владимірко не хотѣлъ слушать, и велѣлъ Послу удалиться. Изяславовъ Боярин положилъ на столъ грамоты клятвенныя, въ знакъ разрыва. Ему не дали даже и подводъ. Петръ от-

На смѣшка Владимірка.

правился на собственныхъ коняхъ; а Владимірко, пошедши въ церковь къ Вечернѣ и видя его ѣдущаго изъ города, смѣялся надъ нимъ съ своими Боярами. — Въ ту же ночь Опрокъ Княжескій, догнавъ сего Посла, велѣлъ ему остановиться. Петръ ожидалъ новой для себя непріятности, безпокоился, и на другой день, въ слѣдствіе вторичнаго повелѣнія, возвратился въ Галичъ. Слуги Владимірковы встрѣтили его предъ дворцемъ въ *черныхъ* одеждахъ. Онъ вошелъ въ сѣни: Печальная одежда. пѣшамъ юный Князь Ярославъ сидѣлъ на мѣстѣ отца, въ черной мантіи и въ клобукѣ, среди Вельможъ и Бояръ, также одѣтыхъ въ печальныя мантіи. Послу дали стулъ. Ярославъ заливался слезами; царствовало глубокое молчаніе. Изумленный Боярин Изяславовъ хотѣлъ знать причину сей общей горести, и свѣдалъ, что Владимірко, совершенно здоровый наканунѣ, отслушавъ Вечерню въ церкви, не могъ сойти съ мѣста, упалъ, и принесенный во дворецъ, скончался. »Да бу»детъ воля Божія!« сказалъ Петръ: »всѣ »люди смертны.« Ярославъ отеръ слезы. »Мы желали извѣстить тебя о семъ не»счастіи,« говорилъ онъ Послу: »скажи отъ »меня Изяславу: *Богъ взялъ моего роди-*

Смерт. Владимірка.

Рѣчь Ярослава.

»теля, бывъ судіею между имъ и тобою.
»Могила прекратила вражду. Будь же
»имъ вмѣсто отца. Я наслѣдовалъ Кня-
»женіе; воины и дружина родительская со
»мною: одно его копіе поставлено у гроба:
»и то будетъ въ рукѣ моей. Люби меня
»какъ сына своего, Мстислава: пусть онъ
»ѣздитъ съ одной стороны подлѣ твоего
»стремени, а я съ другой, окруженный
»всѣми полками Галицкими!«

Великій Князь изъявилъ сожалѣніе о внезапной кончинѣ знаменитаго, умнаго Владимірка, основателя могущественной Галицкой области, но требовалъ доказательствъ искренняго дружелюбія отъ Ярослава—то есть, возвращенія городовъ Кіевскихъ, и видя, что ему хотятъ удовлетворить только ласковыми словами, а не дѣломъ, прибѣгнулъ къ оружію. Войско Галицкое стояло на берегахъ Серета: Изяславъ, пользуясь густымъ утреннимъ туманомъ, перешелъ за сію рѣку. Мгла исчезла, и непріятели увидѣли другъ друга. Юный Князь Галицкій сѣлъ на коня. Усердные Вельможи сказали ему: »Ты »у насъ одинъ: что будетъ, если погибнешь? Заключись въ Теребовлѣ: мы сразимся; и кто останется живъ, тотъ »придетъ умереть съ тобою.« Въ сраже-

ніи упорномъ и кровопролитномъ побѣда казалась сомнительною. Сынъ и братья Изяславовы не могли успокоить; но Великій Князь одолѣлъ на другомъ крылѣ. Съ обѣихъ сторонъ гнались и бѣжали; объ стороны взяли плѣнниковъ, но Изяславъ болѣе. Онъ поставилъ на мѣстѣ битвы знамена непріятельскія и схватилъ многихъ разсѣянныхъ Галичанъ, которые толпами къ нимъ собирались, обманутые сею хитростію. Видя малое число своей дружины, и боясь вылазки изъ Теребовля, Изяславъ велѣлъ ночью умертвить всѣхъ несчастныхъ плѣнниковъ, кромѣ Бояръ, и съ покойною совѣстію возвратился въ Кіевъ, торжествовать вторый бракъ свой. Невѣстою его была Княжна Абазинская, безъ сомнѣнія Христіанка: ибо въ отечествѣ ея и въ сосѣдственныхъ земляхъ Кавказскихъ находились издавна храмы истиннаго Бога, коихъ слѣды и развалины донынѣ тамъ видимы [310]. Мстиславъ, отправленный отцемъ, встрѣтилъ сію Княжну у пороговъ Днѣпровскихъ и съ великою честію привезъ въ Кіевъ.

Сомнительная побѣда.

Бракъ Изяславовъ.

Г. 1154

Готовясь къ новому междоусобному кровопролитію (ибо непримиримый Князь Суздальскій стоялъ уже съ войскомъ въ землѣ Вятичей, близъ Козельска), Изяславъ

Дѣла Новогородскія.

съ прискорбіемъ видѣлъ безчестіе своего меньшаго сына, Ярослава, изгнаннаго Новогородцами, которые — въ 1149 году положивъ на мѣстѣ 1000 Финляндцевъ, хотѣвшихъ ограбить Водскую область [511] — въ теченіе пяти лѣтъ не имѣли иныхъ враговъ, кромѣ самихъ себя, и занимались одними внутренними раздорами. Избранный сими легкомысленными народомъ, Ростиславъ Смоленскій, въ угодность ему, отправился княжить въ Новгородъ, а Ярославъ въ Владиміръ Волынскій, на мѣсто умершаго Святополка Мстиславича.

Малочисленность союзныхъ Половцевъ и конскій падежъ заставили Георгія отложить войну. Между тѣмъ Изяславъ, не доживъ еще до глубокой старости, скончался, къ неутѣшной горести Кіевлянъ, всѣхъ Россіянъ и самыхъ иноплеменниковъ, Берендѣевъ, Торковъ. Они единогласно называли его своимъ *Царемъ* славнымъ, *господиномъ* добрымъ, *отцемъ* подданныхъ. Старецъ Вячеславъ, проливая слезы, говорилъ: »сынъ любезный! сему »гробу надлежало быть моимъ; но Богъ »изволитъ, что Ему угодно!« — Княженіе Изяслава описано въ лѣтописяхъ съ удивительною подробностію. Мужественный и дѣятельный, онъ всего болѣе искалъ

Ноября 13. Кончина Изяслава.

Характеръ его.

любви народной, и для того часто пировалъ съ гражданами; говорилъ на Вѣчахъ, подобно Великому Ярославу; предлагалъ имъ дѣла Государственныя, и хотѣлъ, чтобы народъ, исполняя волю Государя, служилъ ему охотно и враговъ его считалъ собственными. Раздѣливъ престолъ съ дядею, добродушнымъ и слабымъ, Изяславъ въ самомъ дѣлѣ не уменьшилъ власти своей, но заслужилъ похвалу современниковъ; обходился съ нимъ какъ нѣжный сынъ съ отцемъ; одинъ бралъ на себя труды, опасности, но приписывалъ ему честь побѣдъ своихъ, и жилъ самъ въ нижней части города, уступивъ Вячеславу дворецъ Княжескій [512].

Геройскій умеръ за Кіевъ, Изяславъ удалялся отъ иныхъ случаевъ проливать кровь Россіянъ: не вступился за сына, оскорбленнаго Новогородцами, ни за Рогволода Борисовича, зятя своего, котораго Полочане въ 1151 году свергнули съ престола, избравъ на его мѣсто Ростислава Глѣбовича, Князя Минскаго, и признавъ Святослава Ольговича покровителемъ ихъ области [513]. Такъ граждане своевольствовали въ нашемъ древнемъ отечествѣ, употребляя во зло правило, что *благо народное священнѣе всѣхъ иныхъ законовъ.*

Своевольство Полочанъ.

Тѣло Изяслава было погребено въ монастырѣ Св. Ѳеодора, основанномъ Великимъ Мстиславомъ.

ГЛАВА XIII.

Великій Князь Ростиславъ-Михаилъ Мстиславичь.

Любовь Кіевлянъ къ Вячеславу. Смерть его. Сановники придворные. Неблагоразуміе и малодушіе Ростислава. Гордость Мстиславова. Своевольство Новогородцевъ. Кіевляне поддаются Изяславу. Георгій вступаетъ въ Кіевъ.

Г. 1154 — 1155.

Узнавъ о кончинѣ Великаго Князя, Изяславъ Черниговскій приплылъ къ Кіеву, чтобы оросить слезами гробъ умер-
Г. 1154. шаго; но старецъ Вячеславъ и Бояре, справедливо опасаясь его коварныхъ намѣреній, не позволили ему въѣхать въ столицу. Они ждали Князя Новогородскаго и Смоленскаго. Граждане, Торки, Берендѣи, съ изъявленіемъ усердія встрѣтили Ростислава (который оставилъ въ

Новѣгородѣ сына своего, Давида), и добродушный дядя сказалъ ему: »Я свою у двер»ей проба; суды, расправа и безпокойства »ратныя уже не мое дѣло. Подобно Изясла»ву будь мнѣ сыномъ и Государемъ Россіянъ. »Отдаю тебѣ полкъ и дружину свою.« Бояре, вмѣстѣ съ народомъ, требовали отъ новаго Князя, чтобы онъ, слѣдуя примѣру Любовь Кіевлянъ къ Вячеславу. старшаго брата, всегда уважалъ дядю какъ отца, и въ такомъ случаѣ обѣщались служить ему вѣрно. — Въ Кіевѣ находился тогда Святославъ Всеволодовичь: призванный Вячеславомъ, онъ уѣхалъ тайно отъ своихъ дядей и взялъ сторону Великаго Князя, отдавшаго ему за то Пинскъ и Туровъ.

Съ другой стороны Изяславъ Черниговскій и Святославъ Ольговичь заключили союзъ съ Георгіемъ, котораго сынъ Глѣбъ, напавъ Половцевъ, осадилъ Переяславль: Мстиславъ Изяславичь отразилъ ихъ съ помощію Кіевской дружины. Великій Князь, чтобы предупредить Суздальскаго, хотѣлъ воспользоваться сею первою удачею и шелъ къ Чернигову; но печальная вѣсть настигла его въ Вышегородѣ. Добрый Вячеславъ скоропостижно умеръ: ввечеру пировалъ съ Боярами и ночью заснулъ навѣки. Искренно сожалѣя Г. о кончинѣ его, Ростиславъ спѣшилъ въ 1155.

Смерт. Вячеслава. Кіевъ предалъ землѣ тѣло старца въ Софійскомъ храмѣ и былъ свидѣтелемъ общей горести: ибо народъ любилъ кроткія, Христіанскія добродѣтели сего Мономахова сына. Въ похвалу Великому Князю Лѣтописцы сказываютъ, что онъ, созвавъ во дворцѣ Вельможъ, Тіуновъ, Казначеевъ, Ключниковъ умершаго дяди, велѣлъ принести сго имѣніе: одежды, золото, серебро; все роздалъ по монастырямъ, церквамъ, темницамъ, богадѣльнямъ, и поручивъ исполнить сіе распоряженіе вдовствующей супругѣ отца своего, взялъ себѣ на память одинъ крестъ.

Сановники придворные.

Когда Ростиславъ возвратился къ войску, Бояре не совѣтовали ему итти далѣе. »Ты еще слабъ на престолѣ,« говорили они: »упверди власть свою, заслужи любовь народную, и тогда не бойся »Георгія.« Великій Князь отвергнулъ благоразумный совѣтъ; онъ прибдижился къ Чернигову, требуя, чтобы Изяславъ далъ ему клятву вѣрнаго союзника. »Кто »вступилъ въ мою область непріятелемъ, »съ тѣмъ не хочу дружиться,« отвѣтствовалъ Изяславъ, и соединясь съ Глѣбомъ Георгіевичемъ, расположился станомъ на берегахъ рѣки Бѣлоуса. Тутъ открылось малодушіе Ростислава, коп-

Неблагоразуміе и малодушіе Ростислава.

рый, будучи устрашенъ множествомъ Половцевъ, въ самомъ началѣ перестрѣлки далъ знать Черниговскому Князю, что уступаетъ ему Кіевскую область съ Переяславлемъ, желая одного мира Съ негодованіемъ видя малодушіе дяди, Мстиславъ Изяславичь поворотилъ коня, и сказавъ: »не будь же ни мнѣ Переяслав»ля, ни тебѣ Кіева!« удалился съ своею дружиною. Войско разстроилось; свирѣпые Половцы гнали, рубили бѣгущихъ, и схватили, въ числѣ плѣнныхъ Святослава Всеволодовича. Мстиславъ взявъ въ Переяславлѣ жену, дѣтей, ушелъ въ Луцкъ, а бывшій Великій Князь въ Смоленскъ, лишась въ то же время и Новагорода: ибо тамошніе жители изгнали сына его, Давида, отправили Епископа Нифонта Посломъ въ Суздаль и призвали Мстислава Георгіевича княжить въ ихъ области[314].

Гордость Мстислава.

Своволь-ство Новогородцевъ

Кіевляне, услышавъ съ горестію о несчастіи Ростислава, должны были обратиться къ побѣдителю. Епископъ Каневскій, Даміанъ, ихъ именемъ сказалъ Изяславу: »Государь! иди управлять на»ми, да не будемъ жертвою варваровъ!« Тогда же въ сіе время Половцы свирѣпствовали въ окрестностяхъ Днѣпра, и долю

Кіевляне поддались Изяславу.

не могли быть усмирены Глѣбомъ Георгіевичемъ, которому Изяславъ Давидовичь отдалъ Переяславль. Между шѣмъ Георгій уже шелъ съ войскомъ, и близъ Смоленска получилъ вѣсть о новой, благопріятной для него перемѣнѣ обстоятельствъ; согласился забыть вражду Ростислава Мстиславича, примирился съ нимъ, и спѣшилъ къ Кіеву; простилъ и Святослава Всеволодовича, уваживъ ходатайство его дяди, Сѣверскаго Князя, и послалъ объявить Черниговскому, чтобы онъ выѣхалъ изъ столицы Мономаховой[315]. Изяславъ колебался, медлилъ; говорилъ, что Кіевляне добровольно возвели его на престолъ; но убѣжденный Святославомъ Ольговичемъ, и не имѣя надежды отразить силу силою, отправился въ Черниговъ. Георгій, вступивъ въ Кіевъ, съ общаго согласія принялъ санъ Великаго Князя.

Георгій вступаетъ въ Кіевъ.

Мар. 20.

ГЛАВА XIV.

Великій Князь Георгій или Юрій Владимировичь, прозваніемъ Долгорукій.

Г. 1155 — 1157.

Удѣлы. Мстиславъ ѣдетъ въ Польшу. Тишина въ Россіи. Новое кровопролитіе. Берендѣи бьютъ Половцевъ. Союзъ съ Половцами. Смятеніе въ Новѣгородѣ. Союзъ противъ Георгія. Смерть его и свойства. Ненависть къ нему. Дѣла церковныя.

Слѣдуя обыкновенію, онъ назначилъ сыновьямъ Удѣлы: Андрею Вышегородъ, Борису Туровъ, Глѣбу Переяславль, Васильку окрестности Роси, гдѣ жили Берендѣи и Торки[316]; а Святославъ Ольговичь помѣнялся городами съ своимъ племянникомъ, сыномъ Всеволода, взявъ у него Сновъ, Воротынскъ, Карачевъ, и давъ ему за нихъ другіе.

Удѣлы.

Опасаясь смѣлаго, пылкаго Мстислава, Великій Князь послалъ Юрія Ярославича, внука Святополкова, съ Воеводами на Горынь[317]: они взяли Пересопницу. Въ то же время зять Георгіевъ Князь Галицкій, и Владиміръ, братъ Смо-

Мстиславъ ѣдетъ въ Польшу.

ленскаго, осадили Луцкъ. Мстиславъ отправился искать союзниковъ въ Польшѣ; но меньшій братъ его, Ярославъ, заставилъ непріятелей снять осаду.

Достигнувъ главной цѣли своей, обремененный лѣтами и желая спокойствія, Георгій призвалъ Ростислава Смоленскаго, клялся забыть вражду Изяславичей, его племянниковъ, и хотѣлъ видѣть ихъ въ Кіевѣ. Ярославъ повиновался[318]; но Мстиславъ, боясь обмана, не ѣхалъ: Георгій послалъ къ нему *крестную грамоту*, въ доказательство искренней дружбы. Узнавъ о семъ союзѣ и прибытіи въ Кіевъ Галицкой вспомогательной дружины, Князь Черниговскій, недовольный Георгіемъ, также смирился и выдалъ дочь свою за его сына, Глѣба. Великій Князь уступилъ Изяславу Корческъ, а Святославу Ольговичу Мозырь. Князья же Рязанскіе новыми крестными обѣтами утвердили связь съ Ростиславомъ Смоленскимъ, коего они признавали ихъ отцемъ и покровителемъ[319].

Тишина въ Россіи

Россія наслаждалась тишиною, говорятъ Лѣтописцы[320]: сія тишина была весьма непродолжительна. Мстиславъ принялъ *крестную грамоту* отъ дѣда, но не далъ ему собственной, и выгналъ Георгіева союзника, Владиміра, роднаго дядю своего, изъ Владимірской области; плѣнилъ его семейство, жену; ограбилъ Бояръ и манъ, которая съ богатыми дарами возвратилась тогда отъ Королевы Венгерской, ея дочери[321]. Оскорбленный Георгій, въ надеждѣ смирить внука съ помощію одного Галицкаго Князя, не хотѣлъ взять съ собою ни Черниговской, ни Сѣверской дружины, и выступилъ съ Берендѣями. Напрасно искавъ защиты въ Венгріи, изгнанникъ Владиміръ Мстиславичь прибѣгнулъ къ Великому Князю; но Георгій въ самомъ дѣлѣ не думалъ объ немъ, а хотѣлъ, пользуясь случаемъ, завоевать область Волынскую для *другаго* племянника, Владиміра Андреевича, чтобы исполнить обѣщаніе, нѣкогда данное отцу его. Жестокое сопротивленіе Мстислава уничтожило сіе намѣреніе: десять дней кровь лилась подъ стѣнами Владимірскими, и Георгій, какъ бы подвигнутый человѣколюбіемъ, снялъ осаду. »Изяславичь веселится убійствами и вражду,« сказалъ онъ дѣтямъ и Боярамъ: »желаю не погибели его, а мира, и буду»чи старшимъ, уступаю.« — Владиміръ Андреевичь ходилъ къ Червену съ мирными предложеніями: напоминалъ тамош-

Г. 1156.

Новое кровопролитіе.

нимъ гражданамъ о своемъ родителѣ, великодушномъ ихъ Князѣ Андреѣ[322]; обѣщалъ быть ему подобнымъ, справедливымъ, милостивымъ; но уязвленный въ горло стрѣлою, удалился, отмстивъ жителямъ опустошеніемъ земли Червенской. Георгій наградилъ его Пересопницею и Дорогобужемъ; а Мстиславъ, слѣдуя за дѣдомъ, жегъ селенія на берегахъ Горыни

Великій Князь щадилъ старинныхъ друзей своихъ, Половцевъ. Они превожили окрестности Днѣпра, и были наказаны мужественными Берендѣями, которые многихъ хищниковъ умертвили, другихъ взяли въ плѣнъ, и въ противность Георгіеву желанію не хотѣли ихъ освободить, говоря: »мы умираемъ за Русскую »землю, но плѣнники наша собствен»ность.« Георгій, два раза ѣздивъ въ Каневъ для свиданія съ Ханами Половецкими, не могъ обезоружить ихъ ни лаской, ни дарами; наконецъ заключилъ съ ними новый союзъ, чтобы въ нужномъ случаѣ воспользоваться помощію сихъ варваровъ: ибо онъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, не могъ быть увѣренъ въ своей безопасности.

Берендѣи бьютъ Половцевъ.

Союзъ съ Половцами.

Ростиславъ Мстиславичь имѣлъ преданныхъ ему людей въ Новѣгородѣ, ко-

торые съ единомышленниками своими объявили всенародно, что не хотятъ повиноваться Мстиславу Георгіевичу. Сдѣлалось смятеніе; граждане раздѣлились на двѣ стороны: *Торговая* вооружилась за Князя, *Софійская* противъ него, и мостъ Волховскій, съ обѣихъ сторонъ оберегаемый воинскою стражею, былъ границею между несогласными. Но сынъ Георгіевъ бѣжалъ ночью, узнавъ о прибытіи дѣтей Смоленскаго Князя[323], и такимъ образомъ уступилъ Княженіе Ростиславу, который, чрезъ два дни въѣхавъ въ Новгородъ, возстановилъ совершенную тишину.

Смятеніе въ Новѣгородѣ.

Г. 1157.

Сіе происшествіе долженствовало оскорбить Георгія: у него были и другіе враги. Изяславъ Давидовичь съ завистію смотрѣлъ на престолъ Кіевскій; искалъ друзей; примирился съ Ростиславомъ, и для того оставилъ безъ мести невѣрность своего племянника, Святослава Владиміровича, который, вдругъ занявъ на Деснѣ города Черниговскіе, передался къ Смоленскому Князю[324]. Мстиславъ Изяславичь Волынскій также охотно вступилъ въ союзъ съ Давидовичемъ, чтобы дѣйствовать противъ Георгія, и сіи Князья, напрасно убѣждавъ Сѣверскаго

Союзъ противъ Георгія.

взять ихъ сторону, готовились идти къ Кіеву, въ надеждѣ на свое мужество, неосторожность и слабость Георгіеву. Судьба отвратила кровопролитіе: Георгій, пировавъ у Боярина своего, Петрила, ночью занемогъ и чрезъ пять дней умеръ. Свѣдавъ о томъ, Изяславъ Давидовичь пролилъ слезы, и воздѣвъ руки на небо, сказалъ: »благодарю Тебя, Го»споди, что Ты разсудилъ меня съ нимъ »внезапною смертію, а не кровопроли»тіемъ!«

Маія 15, Смерт. Георгія.

Георгій властолюбивый, но безпечный, прозванный Долгорукимъ, знаменитъ въ нашей Исторіи гражданскимъ образованіемъ восточнаго края древней Россіи, въ коемъ онъ провелъ всѣ цвѣтущія лѣта своей жизни. Распространивъ тамъ Вѣру Христіанскую, сей Князь строилъ церкви въ Суздалѣ, Владимірѣ, на берегахъ Нерли; умножилъ число духовныхъ Пастырей, тогда единственныхъ наставниковъ во благонравіи, единственныхъ просвѣтителей разума; открылъ пути въ лѣсахъ дремучихъ; оживилъ дикія, мертвыя пустыни знаменіями человѣческой дѣятельности; основалъ новыя селенія и города: кромѣ Москвы, *Юрьевъ* Польскій, *Переяславль*

Свойства его.

Залѣсскій (въ 1152 году), украшая ихъ для своего воображенія сими, ему пріятными именами, и самымъ рѣкамъ давая названія южныхъ[325]. Дмитровъ, на берегу Яхромы, также имъ основанъ и названъ по имени его сына, Всеволода-Димитрія, который (въ 1154 году) родился на семъ мѣстѣ. — Но Георгій не имѣлъ добродѣтелей великаго отца; не прославилъ себя въ лѣтописяхъ ни однимъ подвигомъ великодушія, ни однимъ дѣйствіемъ добросердечія, свойственнаго Мономахову племени. Скромные лѣтописцы наши рѣдко говорятъ о злыхъ качествахъ Государей, усердно хваля добрыя; но Георгій безъ сомнѣнія отличался первыми, когда, будучи сыномъ Князя столь любимаго, не умѣлъ заслужить любви народной. Мы видѣли, что онъ игралъ святостію клятвъ и волновалъ изнуренную внутренними несогласіями Россію для выгодъ своего честолюбія: къ безславію его намъ извѣстно также слѣдующее происшествіе Князь Іоаннъ Берладникъ, изгнанный Владиміркомъ изъ Галича, служилъ Георгію, и вдругъ, безъ всякой вины, (въ 1156 году) былъ окованъ цѣпями и привезенъ изъ Суздаля въ Кіевъ: Георгій согласился выдать его, живаго или мер-

шваго, злшю своему, Владиміркову сыну[326]. Заступленіе Духовенства спасло жертву: убѣжденный человѣколюбивыми представленіями Митрополита, Георгій отправилъ Берладника назадъ въ Суздаль; а люди Князя Черниговскаго, высланные на дорогу, силою освободили сего несчастнаго узника. —Однимъ словомъ, народъ Кіевскій столь ненавидѣлъ Долгорукаго, что узнавъ о кончинѣ его, разграбилъ дворецъ и сельскій домъ Княжескій за Днѣпромъ, называемый *Раемъ*, также имѣніе Суздальскихъ Бояръ, и многихъ изъ нихъ умертвилъ въ изступленіи злобы. Граждане, не хотѣвъ, кажется, чтобы и пѣло Георгіево лежало вмѣстѣ съ Мономаховымъ, погребли оное внѣ города, въ Берестовской Обители Спаса.

Ненависть къ нему.

Церковныя дѣла сего времени достойны замѣчанія. Георгій не желалъ оставить Митрополитомъ Климента, избраннаго по волѣ ненавистнаго ему племянника, и согласно съ мыслями Нифонта, Епископа Новогородскаго, имъ уважаемаго, требовалъ инаго Пастыря отъ Духовенства Цареградскаго. Святитель Полоцкій и Мануилъ Смоленскій, врагъ Климентовъ, (въ 1156 году) съ великою честію приняли въ Кіевѣ сего новаго Митрополита, именемъ Константина, родомъ Грека; вмѣстѣ съ нимъ *благословили* Великаго Князя, *кляли память* Изяслава Мстиславича, и въ первомъ совѣтѣ уничтожили всѣ церковныя дѣйствія бывшаго Митрополита[327]; наконецъ, разсудивъ основательнѣе, дозволили отправлять службу Іереямъ и Діаконамъ, коихъ посвятилъ Климентъ. Ревностный Нифонтъ не имѣлъ удовольствія видѣть свое полное торжество: онъ спѣшилъ встрѣтить Константина, но еще до его прибытія скончался въ Кіевѣ, названный славнымъ именемъ *поборника всей земли Русской*[328]. Сей знаменитый мужъ, другъ Святослава Ольговича, имѣлъ и непріятелей, которые говорили, что онъ похитилъ богатство Софійскаго храма и думалъ съ онымъ уѣхать въ Константинополь: современный Лѣтописецъ Новогородскій опровергаетъ такую нелѣпую клевету, и хваля Нифонтовы добродѣтели, говоритъ: »мы только за грѣхи »свои лишились сладостнаго утѣшенія »видѣть здѣсь гробъ его!« — Новогородцы, на мѣсто Нифонта, въ общемъ совѣтѣ избрали добродѣтельнаго Игумена Аркадія и еще непоставленнаго ввели въ домъ Епископскій: ибо избраніе главнаго духов-

Дѣла церковныя.

наго сановника зависѣло тамъ единственно отъ народа[329].

ГЛАВА XV.

Великій Князь Изяславъ Давидовичь Кіевскій. Князь Андрей Суздальскій, прозванный Боголюбскимъ.

Г. 1157 — 1159.

Паденіе Великаго Княженія Кіевскаго. Новое сильное Княженіе Владимірское. Происшествія въ западной Россіи. Мятежный духъ Полочанъ. Раздоръ за Берладника. Безкорыстіе Святослава. Неблагодарность Изяславова. Бѣгство Великаго Князя. Странное завѣщаніе Митрополита. Моръ въ Новѣгородѣ.

Г. 1157. Кіевляне, изъявивъ ненависть къ умершему Великому Князю, послали объявить врагу Георгіеву, Изяславу Давидовичу, чтобы онъ шелъ мирно властвовать въ столицѣ Россійской. Изяславъ, при восклицаніяхъ довольнаго народа, 19 Маія. въѣхалъ въ Кіевъ, оставивъ въ Черниговѣ племянника своего, Святослава Владимировича, съ дружиною воинскою: ибо Князь

Сѣверскій, хотя и миролюбивый, замышлялъ незапно овладѣть сею удѣльною столицею Ольговичей: его не впустили; но Изяславъ, желая имѣть въ немъ благодарнаго союзника, добровольно отдалъ ему Черниговъ; а племянникъ ихъ, Святославъ Всеволодовичь, получилъ въ Удѣлъ Княженіе Сѣверское. Они заключили миръ на берегахъ Свини (гдѣ нынѣ Березна) въ присутствіи Мстислава, Владимірскаго Князя, который, одобривъ условія, спокойно возвратился въ Вольнію[330].

Паденіе Великаго Княженія Кіевскаго.

Такимъ образомъ Изяславъ Давидовичь остался повелителемъ одной Кіевской области и нѣкоторыхъ городовъ Черниговской. Переяславль, Новгородъ, Смоленскъ, Туровъ, область Горынская и вся западная Россія имѣли тогда Государей особенныхъ, независимыхъ, и достоинство Великаго Князя, прежде соединенное съ могуществомъ, сдѣлалось однимъ пустымъ наименованіемъ. Кіевъ еще сохранялъ знаменитость, обязанный ею, кромѣ своего счастливаго положенія, торговлѣ, множеству избыточныхъ обитателей, богатству храмовъ, монастырей: скоро утратитъ онъ и сію выгоду, лишенный сильныхъ защитниковъ. Но въ то время, какъ *древняя* столица наша

клонился къ совершенному паденію, возникаетъ *новая* подъ сѣнію Властителя, давно извѣстнаго мужествомъ и великодушіемъ.

Новое сильное Княженіе Владимірское.

Еще при жизни Георгія Долгорукаго сынъ его, Андрей, въ 1155 году уѣхалъ изъ Вышегорода (не предувѣдомивъ отца о семъ намѣреніи). Ѳеатръ алчнаго властолюбія, злодѣйствъ, грабительствъ, междоусобнаго кровопролитія, Россія южная, въ теченіе двухъ вѣковъ опустошаемая огнемъ и мечемъ, иноплеменниками и своими, казалась ему обителію скорби и предметомъ гнѣва Небеснаго. Недовольный, можетъ быть, правленіемъ Георгія, и съ горестію видя народную къ нему ненависть, Андрей, по совѣту шурьевъ своихъ, Кучковичей, удалился въ землю Суздальскую, менѣе образованную, но гораздо спокойнѣйшую другихъ. Тамъ онъ родился и былъ воспитанъ; тамъ народъ еще не изъявлялъ мятежнаго духа, не судилъ и не мѣнялъ Государей, но повиновался имъ усердно и сражался за нихъ мужественно. Сей Князь набожный, вмѣсто иныхъ сокровищъ взялъ съ собою Греческій образъ Маріи, украшенный, какъ говорятъ Лѣтописцы, пятнадцатью фунтами золота, кромѣ серебра, жемчугу и

камней драгоцѣнныхъ[331]: избралъ мѣсто на берегу Клязмы, въ прежнемъ своемъ Удѣлѣ: заложилъ каменный городъ Боголюбовъ, распространилъ основанный Мономахомъ Владиміръ, украсилъ зданіями каменными, *Златыми* и *Серебряными вратами*. Какъ нѣжный сынъ оплакавъ кончину родителя, онъ воздалъ ему послѣдній долгъ торжественными молитвами, строеніемъ новыхъ церквей, Обителей въ честь умершему, или для спасенія его души; и между тѣмъ, какъ народъ Кіевскій злословилъ память Георгія, священный Клиросъ благословлялъ оную въ Владимірѣ. Суздаль, Ростовъ, дотолѣ управляемые Намѣстниками Долгорукаго[332], единодушно признали Андрея Государемъ. Любимый, уважаемый подданными, сей Князь, славнѣйшій добродѣтелями, могъ бы тогда же завоевать древнюю столицу; но хотѣлъ единственно тишины долговременной, благоустройства въ своемъ наслѣдственномъ Удѣлѣ; основалъ новое *Великое Княженіе Суздальское* или *Владимірское*, и приготовилъ Россію сѣверо-восточную быть, такъ сказать истиннымъ сердцемъ Государства нашего, оставивъ полуденную въ жертву бѣдствіямъ и раздорамъ кровопролитнымъ.

Борисъ Георгіевичь, княживъ при отцѣ въ Туровѣ, или добровольно выѣхалъ оттуда въ Суздальскую область или былъ изгнанъ Юріемъ Ярославичемъ, Святополковымъ внукомъ, который, происходя отъ старшей вѣтви Княжескаго Дому, имѣлъ право на самую область Кіевскую. Изяславъ, желая доставить Удѣлъ Владиміру Мстиславичу, соединился съ Князьями Волынскими, Галицкимъ, Смоленскимъ, и приступилъ къ Турову. Юрій искалъ мира, но мужественно оборонялся, и чрезъ 10 недѣль многочисленное войско осаждающихъ удалилось, потерявъ большую часть копій своихъ отъ заразы[333].

Происшествія въ западной Россіи

Въ числѣ Изяславовыхъ союзниковъ находились и Полочане, которые едва ли уступали иногда Новогородцамъ въ своевольствѣ. Мы упоминали о несчастіи Князя Рогволода Борисовича, изгнаннаго ими безъ всякой основательной причины: Святославъ Черниговскій далъ ему вспомогательную дружину, и жители Друцка съ великою радостію приняли его, выславъ Глѣба Ростиславича, ограбивъ домъ, Бояръ, друзей сего послѣдняго[334]. Отецъ Глѣбовъ, видя опасное волненіе и въ самомъ Полоцкѣ, старался задобрить гражданъ ла-

Мятежный духъ Полочанъ.

Г. 1158.

сками, дарами, и взявъ съ нихъ новую присягу, осадилъ Друцкъ. Сильный отпоръ жителей заставилъ сего Князя искать мира: Рогволодъ далъ клятву жить съ нимъ въ братствѣ, и нарушилъ оную вмѣстѣ съ вѣроломными Полочанами, которые думая загладить измѣну измѣною, послали сказать ему: »Князь добрый! мы »виновны, свергнувъ тебя съ престола, и »разграбивъ твое имѣніе: не помни зла, и »возвратися къ намъ: выдадимъ тебѣ Ро»стиславича Глѣбовича.« Онъ согласился съ ними; но Ростиславъ, увѣдомленный объ ихъ замыслѣ, ходилъ вооруженный, носилъ латы подъ одеждою, и смѣлостію всселялъ боязнь въ злодѣевъ. Наконецъ они устыдились своей робости и звали Князя, жившаго за городомъ, въ собраніе народное, будто бы для дѣлъ государственныхъ. »Вчера я былъ у васъ,« отвѣтствовалъ Ростиславъ: »для чего же вы »не говорили о дѣлахъ?« однакожь поѣхалъ въ городъ. Вѣрный отрокъ Княжескій остановилъ его: ибо народъ уже снялъ съ себя личину, грозно вопилъ на Вѣчѣ и лилъ кровь Бояръ, преданныхъ Глѣбовичамъ. Ростиславъ, соединивъ дружину, удалился въ Минскъ къ брату Володарю; а Рогволодъ, подкрѣпленный силою Кня-

зя Смоленскаго, отнялъ Изяславль у Всеволода Глѣбовича и предписалъ миръ его брату: остался Княземъ Полоцкимъ, далъ Всеволоду Стрѣжевъ, Изяславль Брячиславу Васильковичу, и возстановилъ тишину кратковременную. Володарь, третій сынъ Глѣбовъ, воевалъ тогда съ Литвою: братья присягнули за него въ вѣрномъ исполненіи мирныхъ условій.

Раздоръ за Берладника.

Изяславъ Давидовичь не долго жилъ въ союзѣ съ Галицкимъ и Волынскими Князьями. Поводомъ къ сему разрыву служилъ знаменитый Воевода перваго, Іоаннъ Берладникъ. Князь Галицкій, ненавидя и боясь сего брата двоюроднаго, изгнаннаго Владимірkомъ, умѣлъ склонить на свою сторону не только Венгерскаго Короля съ Поляками, но и многихъ Князей Россійскихъ, желая, чтобы они вмѣстѣ съ нимъ убѣдили Изяслава выдать ему Іоанна. Гнушаясь дѣломъ столь жестокимъ, Великій Князь отвѣчалъ ихъ Посламъ въ Кіевѣ, что онъ никогда на то не согласится. Іоаннъ же, безчеловѣчно гонимый, хотѣлъ мстить Ярославу Владимірковичу: ограбилъ нѣсколько богатыхъ судовъ на Дунаѣ, нанялъ 6000 Половцевъ и вступилъ въ Галицію; но скоро былъ оставленъ сими хищниками, ибо не дозволядъ

имъ опустошать земли и щадилъ доброхотствующихъ ему жителей[335]. Свѣдавъ что Ярославъ вооружается, Великій Князь предложилъ Святославу Ольговичу тѣсный союзъ и два города, Мозырь и Чечерскъ. Тутъ Святославъ оказалъ безкорыстіе великодушное. »Признаюсь« — говорилъ онъ — »что я досадовалъ, когда »ты не отдалъ мнѣ всей области Чер»ниговской; но сердце мое ненавидитъ »злобу между родными. Если враги не»справедливые угрожаютъ тебѣ войною, »то они будутъ и моими врагами. Со»храни меня Богъ отъ мздоимства въ »такомъ случаѣ: не хочу никакихъ горо»довъ, и вооружаюсь.« Пировавъ три дни, они дали знакъ Князю Галицкому, что готовы соединенными силами отразить его нападеніе. Ярославъ успокоился; но Великій Князь вздумалъ самъ объявить ему войну за Іоанна Берладника: ибо многіе Галичане звали сего Воеводу въ землю свою, увѣряя, что народъ толпами устремится подъ его знамена, и что сынъ Владимірковъ нелюбимъ гражданами. Святославъ Ольговичь не хотѣлъ итти; удержалъ Великаго Князя; представлялъ ему, что Іоаннъ не сынъ, не братъ ихъ; но пылкій Изяславъ съ угро-

Безкорыстіе Святослава.

Неблагодарность Изяслава,

зами отвѣтствовалъ въ Васильковѣ Послу Черниговскому: »скажи брату, что »онъ, по возвращеніи моемъ изъ Галича, »волею и неволею можетъ отправиться »назадъ въ Новгородъ Сѣверскій!« Добродушный Святославъ съ горестію видѣлъ несправедливость своего родственника, желая ему добра и мира Государственному [336]. »Богу открыто смиреніе души моей,« сказалъ онъ Вельможамъ: »я не искалъ »управы мечемъ, когда Изяславъ, вмѣсто »цѣлой области Черниговской, далъ мнѣ »только семь городовъ, опустошенныхъ »Половцами и населенныхъ *пленниками*. Онъ »еще не доволенъ, и за миролюбивый, бла»горазумный совѣтъ грозится, вопреки »святой клятвѣ, выгнать меня изъ Чер»нигова! Но Провидѣніе накажетъ вѣролом»ныхъ.« Оно въ самомъ дѣлѣ наказало брата его. Галицкій, соединясь съ Волынскими Князьями, Изяславичами и дядею ихъ, Владиміромъ Андреевичемъ, предупредилъ Великаго Князя и занялъ Бѣлгородъ. Изяславъ обступилъ ихъ съ войскомъ многочисленнымъ: однихъ Половцевъ было у него слишкомъ 20,000. Указывая на сильные полки свои, онъ съ гордостію требовалъ, чтобы союзники вышли изъ города. Но Берендѣи и Торки измѣнили

ему; начальники ихъ тайно велѣли сказать Мстиславу: »Князь! опять насъ все »зависитъ. Если будешь намъ другомъ, »какъ отецъ твой, и дашь каждому по »доброму городу, мы оставимъ Изяслава.« Они сдержали слово: въ глубокую полночь зажгли шатры свои, и съ грознымъ воплемъ ускакали въ городъ. Пробужденный почною тревогою, Великій Князь сѣлъ на коня; увидѣлъ измѣну и побѣжалъ за Днѣпръ вмѣстѣ съ Владиміромъ Мстиславичемъ, его другомъ; Половцы также: многіе изъ нихъ утонули въ Роси; другихъ плѣнили Юрьевцы и Берендѣи. Бѣгство Велик. Князя

Союзники вошли въ столицу, послали объявить Смоленскому Князю, Ростиславу, что они единственно для него завоевали престолъ Кіевскій, и будутъ ему послушны какъ старшему. Мстиславъ требовалъ только, чтобы низверженный Митрополитъ Климентъ снова управлялъ Церковію Россійскою: »ибо »Константинъ (говорилъ онъ) клялъ па»мять отца моего.« Но Ростиславъ не хотѣлъ слышать о Климентѣ, избранномъ, по его мнѣнію, беззаконно. Наконецъ согласились, чтобы не быть Митрополитомъ ни тому, ни другому и призвать новаго изъ Царяграда. Изгнан- Декаб. 22.

ный Мстиславомъ, Константинъ уѣхалъ въ Черниговъ и скоро преставился, удививъ современниковъ и потомство странностію своего завѣщанія. Онъ вручилъ запечатанную духовную Святителю Черниговскому, Антонію, и требовалъ, чтобы сей Епископъ клятвенно обязался исполнить его послѣднюю волю. Антоній въ присутствіи Князя Святослава срѣзалъ печать, и съ изумленіемъ читалъ слѣдующее: »Не погребайте моего тѣла: да будетъ оно извлечено изъ »града и повержено псамъ на снѣденіе!« Епископъ не дерзнулъ нарушить клятвы; но Князь, страшась гнѣва Небеснаго, велѣлъ на третій день привезти тѣло Митрополита въ Черниговъ и съ честію предать землѣ въ Соборной церкви, подлѣ гроба Игоря Ярославича. Лѣтописцы разсказываютъ, что въ сіи три дни, ясные для Чернигова, была ужасная буря и молнія въ Кіевѣ; что однимъ громовымъ ударомъ убило тамъ семь человѣкъ, и вѣтеръ сорвалъ шаперъ Ростислава, стоявшаго тогда въ полѣ близъ Вышегорода; что сей Князь старался молитвами въ церквахъ умилостивить Небо, и что вдругъ настала тишина, когда совершилось погребеніе Митрополитова тѣла.

Странное завѣщаніе Митрополита.

Въ княженіе Изяслава Новгородъ вторично испыталъ бѣдствіе мора: не успѣвали хоронить ни людей, ни скота; отъ смрада безчисленныхъ труповъ не льзя было ходить по городу, ни въ окрестностяхъ. Лѣтописцы не говорятъ о происхожденіи, свойствѣ и наружныхъ знакахъ сей язвы, которая свирѣпствовала единственно въ Новѣгородѣ[337].

Моръ въ Новѣгородѣ.

ГЛАВА XVI.

Великій Князь Ростиславъ-Михаилъ вторично въ Кіевѣ. Андрей въ Владимірѣ Суздальскомъ.

Г. 1159 — 1167.

Злоба Изяславова. Союзъ Ростислава съ Святославомъ. Городъ Берладъ. Впаденіе Половцевъ. Андрей за Изяслава: властвуетъ въ Новѣгородѣ. Клевета на Ростислава. Ростиславъ изгнанъ. Смерть Изяслава. Берладникъ отравленъ ядомъ въ Греціи. Ссора и миръ Великаго Князя со Мстиславомъ. Удѣлы. Набѣгъ Ляховъ. Единовластіе Андрея. Изгнаніе братьевъ его въ Грецію. Кончина Святослава: ея слѣдствія. Вѣроломство Епископа. Безпокойства въ

землѣ Полоцкой. Война съ Болгарами. Побѣда надъ Шведами. Россіяне бьютъ Половцевъ въ степяхъ. Кончина Великаго Князя. Его свойства. Союзы и браки. Дѣла церковныя.

Г. 1159. Ростиславъ — оставивъ сыновей княжить, Святослава въ Новѣгородѣ, Давида въ Торжкѣ, Романа въ Смоленскѣ — былъ съ честію и радостію принятъ отъ
Апрѣ. 12. всѣхъ жителей Кіевскихъ[338]. Племянникъ его, Мстиславъ, возратился въ юго-западную Россію съ богатою добычею, взявъ имѣніе Изяславовыхъ Вельможъ, множество серебра, золота, рабовъ и всякаго скота.

Бывшій Великій Князь ушелъ въ Сожскую область, ему принадлежавшую, и съѣхался въ Гомьѣ, или нынѣшнемъ Гомелѣ, съ женою, которая въ слѣдъ за нимъ бѣжала изъ Кіева. Приписывая свое несчастіе брату Ольговичу, не хотѣвшему дать ему помощи, Изяславъ завоевалъ его область, землю Вятичей, плѣнилъ жителей одного мѣстечка, бывшаго собственностію или вѣномъ Княгини Черниговской, и тревожилъ города Курскіе. Тогда Святославъ, захвативъ имѣніе и семейства многихъ Бояръ сего злобнаго родственника, вступилъ въ союзъ съ Государемъ Кіевскимъ. Они съѣхались
Злоба Изяслава.

въ Моровскѣ, обѣдали другъ у друга, и богатыми дарами утвердили взаимную любовь между собою: Ростиславъ подарилъ Черниговскому Князю нѣсколько соболей, горностаевъ, черныхъ куницъ, песцовъ, волковъ бѣлыхъ и рыбьихъ зубовъ; а Святославъ Великому Князю барда и двухъ коней съ окованными сѣдлами. Союзъ Ростислава съ Святославомъ.

Сіи два Князя, бывъ отъ юности непріятелями, искренно клялися умереть друзьями, и согласились общими силами дѣйствовать противъ Изяслава. Надлежало прежде защитить южные предѣлы Государства отъ внѣшнихъ хищниковъ. Въ Молдавіи, между рѣками Прутомъ и Серетомъ, находился нѣкогда городъ многолюдный и крѣпкій, именемъ Берладъ (нынѣ мѣстечко), основанный близъ развалинъ древней Дакійской Зузидавы[339]: онъ былъ гнѣздомъ своевольныхъ бродягъ, людей разнаго племени и Закона, коихъ главное ремесло состояло въ грабежѣ по Черному морю и Дунаю. Шайки ихъ взяли Олешье (знаменитое торговое мѣсто при устьѣ Днѣпра, гдѣ складывались Греческіе товары, отправляемые въ Кіевъ): Воевода Великокняжескій, Георгій Несторовичь, напалъ на сихъ разбойниковъ и выручилъ многихъ взятыхъ ими плѣнниковъ вмѣ Городъ Берладъ.

Владѣніе Половцевъ.

сшѣ съ богатою добычею[340]. — Надлежало еще отразить набѣгъ Половцевъ: сынъ Святославовъ въ Черниговской области, а дружина Галицкая, Князья Волынскіе и Берендѣи на западномъ берегу Днѣпра побили и гнали ихъ до границы.

Сіи хищники явились съ другой стороны, напятые Изяславомъ Давидовичемъ, который, не теряя времени, осадилъ съ ними Черниговъ, гдѣ Святославъ и племянникъ его, Князь Сѣверскій, едва успѣли изготовиться къ оборонѣ, пребыл войска отъ Ростислава. Но Кіевляне и Берендѣи, вѣря искреннему союзу дяди, не вѣрили племяннику, зная его коварство: чтобы успокоить ихъ, Святославъ Всеволодовичь прислалъ сына въ залогъ къ Ростиславу, и полки Великокняжескіе спасли Черниговъ. Изяславъ, устрашенный силою оныхъ, бѣжалъ въ степи. Тамъ услышалъ онъ, что неосторожный Святославъ отпустилъ союзниковъ и самъ боленъ: чѣмъ желая воспользоваться, Изяславъ снова перешелъ за Десну съ Половцами. Князь Черниговскій дѣйствительно былъ нездоровъ; однакожь съ супругою и съ дѣтьми стоялъ въ полѣ, успѣлъ возвратить Кіевлянъ и мужественно отразилъ варваровъ.

Союзники, гоняясь за Изяславомъ, приступили къ Вырю, гдѣ оставалась его Княгиня съ казною. Тутъ Воевода Іоаннъ Берладникъ имѣлъ случай доказать ему свое усердіе: защитилъ городъ, и принудилъ осаждающихъ удалиться. Изяславъ отмстилъ имъ ужаснымъ разореніемъ Смоленской области: ибо наемники его, Половцы, плѣнили въ ней болѣе десяти тысячъ людей безоружныхъ, кромѣ множества убитыхъ; но видя превосходство силъ на сторонѣ враговъ, онъ искалъ союзника въ могущественномъ Князѣ Суздальскомъ.

Андрей за Изяслава.

Андрей Георгіевичь, не заботясь о Россіи южной, желалъ господствовать въ сѣверной единовластно и присвоить себѣ древнюю столицу Рюрикову, то есть, выгнать отсюда сыновей Великаго Князя: Святослава Ростиславича изъ Новагорода, а Давида изъ Торжка. Недоброхотствуя отцу ихъ, Андрей вступился за Изяслава, и помолвилъ дочь свою за его племянника, Святослава Владиміровича, осаждаемаго тогда Княземъ Черниговскимъ въ городѣ Вщижѣ[341]. Романъ и Рюрикъ, сыновья Великаго Князя, Владѣтель Сѣверскій съ братомъ, Полочане и дружина Галицкая были съ Святославомъ

Ольговичемъ; но слыша, что сильное войско Андреево и Муромское идетъ отразить ихъ отъ Вщижа, союзники склонились къ миру, и Святославъ Черниговскій снялъ осаду, клятвенно обязавъ племянника чтить его какъ старшаго въ родѣ. — Андрей съѣхался съ Изяславомъ въ Волокѣ Ламскомъ, праздновалъ тамъ свадьбу дочери и послалъ сказать Новогородцамъ, что онъ намѣренъ искать ихъ Княженія, не любитъ кровопролитія, но готовъ воевать въ случаѣ сопротивленія. Чиновники объявили о томъ
Г. народу. Слава Андреева давно гремѣла въ
1160. Россіи: Новогородцы плѣнились мыслію повиноваться столь знаменитому Князю; однакожъ, не имѣя причинъ жаловаться на своего, не вдругъ прибѣгнули къ средствамъ насилія: сперва сказали, что область Новогородская никогда не имѣла двухъ Князей, и что Давидъ долженъ оставить Торжекъ; когда же Святославъ Ростиславичь, угождая имъ, велѣлъ брату выѣхать отсюда въ Смоленскъ, они рѣшились, безъ дальнѣйшихъ околичностей, взять его подъ стражу. Увѣдомленный о семъ намѣреніи, Святославъ не хотѣлъ вѣрить. »Вчера« (говорилъ онъ Боярамъ) »граждане любили меня; вчера я

»слышалъ ихъ клятвы, видѣлъ общее у»сердіе.« Въ самое то время народъ вломился во дворецъ, неволею послалъ Князя въ Ладогу, заперъ его жену въ монастырь, разграбилъ казну, оковалъ дружину. Андрей отправилъ племянника, Мстиславa, Намѣстникомъ въ Новгородъ; а Святославъ Ростиславичь ушелъ изъ Ладоги къ отцу, который, въ первую минуту гнѣва, велѣлъ заключить въ душную темницу всѣхъ купцевъ Новогородскихъ, бывшихъ въ Кіевѣ; но выпустилъ и разослалъ ихъ по городамъ, свѣдавъ съ прискорбіемъ, что нѣкоторые изъ нихъ скоропостижно умерли въ оной. Хотя Великій Князь досадовалъ на Андрея Суздальскаго, однакожъ не думалъ мстить ему кровопролитіемъ, и желалъ спокойствія. Андрей властвует въ Новѣгородѣ.

Къ несчастію, онъ не могъ удовлетворить своему искреннему миролюбію. Видя, что Андрей, довольный пріобрѣтеніемъ Новагорода, не расположенъ воевать съ Великимъ Княземъ, безпокойный Изяславъ снова обратился къ Половцамъ, и нашелъ единомышленника въ неспокойномъ Святославѣ Всеволодовичѣ; ихъ сторону взяли также нѣкоторые Бояре Кіевскіе и Черниговскіе, хотѣвшіе

неуспройства: ибо зло общее бываетъ иногда частною выгодою. Святославъ Ольговичь послалъ сына своего, Олега, въ Кіевъ, гдѣ Великій Князь желалъ дружелюбно угостить его. Клевещники увѣрили сего юношу, что Роспислaвъ тайно готовитъ ему темницу, и легкомысленный Олегъ, не сказавъ ни слова отцу, прислалъ къ Изяславу Давидовичу и Князю Сѣверскому. Святославъ душевно оскорбился вѣроломствомъ сына и племянника въ разсужденіи Великаго Князя; но коварные его Вельможи спарались очернить Роспислава »Знай« (говорили они своему Князю) »что Духовникъ Рости»славича ѣздилъ изъ Смоленска къ Изя»славу и предлагалъ ему Черниговъ: Го»сударь Кіевскій притворяется другомъ »твоимъ, но помогаетъ тебѣ *лыщиво*; и »до сего времени ты не видалъ никакой »пользы отъ его союза.« Обманутый клеветою, Черниговскій Князь взялъ сторону браша; однакожь самъ не хотѣлъ участвовать въ войнѣ. Изяславъ съ Союзниками ополчился; стоялъ двѣ недѣли подъ стѣнами Переяславля, убѣждая зятя своего, Глѣба Георгіевича, вооружиться противъ Великаго Князя; не успѣлъ въ томъ, и видя Роспислава готоваго къ

Клевета Роспислава.

битвѣ, удалился. Но вторичное его предпріятіе было счастливѣе: въ теченіе зимы усиленный множествомъ Половцевъ, онъ переправился за Днѣпръ выше Кіева и приступилъ къ Подолу, огражденному высокимъ тыномъ. Тутъ началось сраженіе. Половцы во многихъ мѣстахъ разсѣкли ограду, ворвались въ улицы и зажгли домы. Окруженные пламенемъ, дымомъ и мечами варваровъ, Кіевляне съ Берендѣями въ ужасѣ бѣжали на гору къ Златымъ вратамъ каменной стѣны. Тогда Великій Князь, принявъ совѣтъ дружины, оставилъ Кіевъ, и заключился въ Бѣлѣгородѣ, ожидая скорой помощи.

Г. 1161, Февр. 8.

Ростиславъ изгнанъ.

Изяславъ вступилъ въ Кіевъ, освободилъ плѣнъ многихъ друзей своихъ, бывшихъ подъ стражею, и спѣшилъ осадишь Бѣлгородъ. Великій Князь сжегъ деревянныя укрѣпленія или *острогъ*, и четыре недѣли оборонялся въ крѣпости. Напрасно Святославъ Черниговскій склонялъ браша къ общему миру, совѣтуя ему снять осаду, возвратиться за Днѣпръ и ждать всего отъ справедливости. Изяславъ отвѣтствовалъ его Посламъ: »Ежели уйду »за Днѣпръ, то союзники оставятъ ме»ня. Что-жь будетъ со мною? Въ степяхъ »ли Половецкихъ найду для себя область?

»Лучше умру здѣсь отъ меча, нежели »отъ голода на берегахъ Сейма.« Онъ говорилъ смѣло, но дѣйствовалъ малодушно: ибо услышавъ, что Торки, Берендѣи, Печенѣги Росьскіе, Мстиславъ Волынскій и Галичане идутъ въ помощь къ Великому Князю, Изяславъ бѣжалъ, и погибъ безъ мужественной обороны: непріятельскій всадникъ, именемъ Выйборъ, разсѣкъ ему саблею голову. Великій Князь и Мстиславъ нашли его плавающаго въ крови, и не могли удержаться отъ слезъ искренней горести »Вотъ слѣд»ствіе твоей несправедливости!« сказалъ первый: »недовольный областію Черни»говскою, недовольный самымъ Кіе»вомъ, ты хотѣлъ отнять у меня и Бѣл»городъ!« Изяславъ не отвѣтствовалъ, но
Март. 6. просилъ воды; ему дали вина — и сей несчастный Князь, взглянувъ дружелюбно на враговъ
Смерт. Изяслава. сострадательныхъ, скончался. Пишутъ, что онъ въ битвахъ обыкновенно носилъ власяницу брата своего, Николая Святоши, а въ сей день почему-то не хотѣлъ надѣть ее. Разбивъ Половцевъ, Олегову дружину, Черниговскую и Князя Сѣверскаго, взявъ ихъ обозы, побѣдители отослали въ Черниговъ тѣло Изяслава, искренно оплаканнаго братомъ Святославомъ и еще искреннѣе

Іоанномъ Берладникомъ. Сей злополучный Галицкій Князь, утративъ въ Изяславѣ единственнаго своего покровителя, уѣхалъ въ Грецію и кончилъ горестную жизнь въ Ѳессалоникѣ, отравленный ядомъ, какъ думали современники. Великій Князь, не желая мстить ни Святославу Ольговичу, ни гораздо виновнѣйшему Сѣверскому Владѣтелю, нѣкогда имъ облаготворенному, удовольствовался ихъ новою присягою, и нашелъ способъ дружелюбно раздѣлаться съ Андреемъ, который добровольно уступилъ ему Новгородъ, извѣдавъ безпокойную строптивость его жителей. Обузданные согласіемъ двухъ сильныхъ Государей, они молчали, и Святославъ Ростиславичь возвратился управлять ими[342].

Берладникъ отравленъ въ Греціи.

Мирясь съ непріятелями, Ростиславъ оскорбилъ знаменитѣйшаго друга своего и племянника, Мстислава Волынскаго, который возвелъ его на престолъ и удержалъ на оном. Великій Князь отдалъ ему въ помѣстье Бѣлгородъ, Триполь, Торческъ, какъ будущему наслѣднику всей Кіевской области. Но пылкій Мстиславъ началъ, кажется, прежде времени господствовать въ оной самовластно, не хотѣлъ слушать выговоровъ

Ссора и миръ Велик. Князя со Мстиславомъ.

дяди, и съ гнѣвомъ уѣхавъ въ Волынію[343], старался угрозами преклонить къ себѣ Владиміра Андреевича, княжившаго въ Пересопницѣ. Сей послѣдній отвѣчалъ ему: »Ты властенъ завоевать мою об»ласть, и я готовъ скитаться въ бѣд»ности съ дѣтьми своими по землямъ »чуждымъ; но буду всегда душею и серд»цемъ за Ростислава.« Огорченный злобою племянника, Великій Князь отнялъ у него города Днѣпровскіе, но съ радостію возвратилъ ему оные, когда Мстиславъ одумался, и прибѣгнулъ къ дядѣ съ извиненіями. — Столь же великодушно поступалъ Великій Князь и съ другими, ближними и дальними родственниками. Меньшій его братъ, Владиміръ Мстиславичь, упорный союзникъ Изяслава Давидовича, самовольно властвовалъ въ Слуцкѣ: Ростиславъ принудилъ Владиміра выѣхать оттуда, но далъ ему пять городовъ Кіевскихъ; а внуку Вячеславову, именемъ Роману, два города въ Смоленской области, Васильевъ и Красный. Мы говорили о Туровскомъ Владѣтелѣ, Юріи Ярославичѣ, внукѣ Святополка-Михаила: отверженный отъ союза двухъ тогда господствующихъ Домовъ Княжескихъ, Мономахова и Черниговскаго, онъ держался единственно своимъ мужествомъ, и счастливо отразилъ приступъ соединенныхъ Князей Волынскихъ, хотѣвшихъ, подобно Изяславу Давидовичу, изгнать его изъ Турова. Великій Князь, любя справедливость, заключилъ съ нимъ миръ[344]. — Тишина внутренняя была тѣмъ нужнѣе, что внѣшніе непріятели, Ляхи, въ сіе время безпокоили западную Россію и грабили въ окрестностяхъ Червена.

Вѣрность Княжеская.

Г. 1162—63.

Удѣлы.

Набѣгъ Ляховъ.

Андрей Георгіевичь, ревностно занимаясь благомъ Суздальскаго Княженія, оставался спокойнымъ зрителемъ отдаленныхъ происшествій. Имѣя не только доброе сердце, но и разумъ превосходный, онъ видѣлъ ясно причину государственныхъ бѣдствій, и хотѣлъ спасти отъ нихъ по крайней мѣрѣ свою область: то есть, отмѣнилъ несчастную Систему Удѣловъ, княжилъ единовластно, и не давалъ городовъ ни братьямъ, ни сыновьямъ. Можетъ быть, Бояре первыхъ осуждали его, ибо лишались выгоды участвовать въ правленіи Князей юныхъ, грабить землю и наживаться. Нѣкоторые думали также, что онъ незаконно властвуетъ въ Суздалѣ, ибо Георгій назначалъ сіе Княженіе для меньшихъ дѣтей; и что народъ, обязанный уважать волю покойнаго Государя, не могъ безъ вѣроломства избрать Андрея.

Единовластіе Андрея.

Можетъ быть, и братья сего Князя, слѣдуя внушенію коварныхъ Бояръ, изъявляли негодованіе, и мыслили рано или поздно воспользоваться своимъ правомъ. Какъ бы то ни было, Андрей, дотолѣ кроткій во всѣхъ извѣстныхъ случаяхъ, рѣшился для государственнаго спокойствія на дѣло несправедливое по мнѣнію нашихъ предковъ: онъ выгналъ братьевъ: Мстислава, Василька, Михаила; также двухъ племянниковъ (дѣтей умершаго Ростислава Георгіевича) и многихъ знатнѣйшихъ Вельможъ Долгорукаго, тайныхъ своихъ непріятелей. Мстиславъ и Василько Георгіевичи, вмѣстѣ съ ихъ вдовствующею родительницею, мачихою Андрея, удалились въ Константинополь, взявъ съ собою меньшаго брата, осьмилѣтняго Всеволода (столь знаменитаго въ послѣдствіи). Тамъ Императоръ Мануилъ принялъ изгнанниковъ съ честію и съ любовію; желалъ ихъ утѣшить благодѣяніями, и далъ Василько, по извѣстію Россійскихъ и Греческихъ Лѣтописцевъ, область Дунайскую[345].

Изгнаніе братьевъ его въ Грецію.

Г. 1164—66.

Въ Россіи южной кончина Святослава Черниговскаго произвела несогласіе между сыномъ его и племянникомъ. Святославъ, достопамятный своею привязанностію къ несчастному брату Игорю и миролюбіемъ, оставилъ наслѣдникамъ великое богатство. Старшій его сынъ, Олегъ, находился въ отсутствіи. Черниговскій Епископъ Антоній и Вельможи собрались къ горестной овдовѣвшей Княгинѣ, и боясь хищнаго Владѣтеля Сѣверскаго, рѣшились таить смерть Святослава до Олегова возвращенія. Всѣ дали въ томъ клятву, и во первыхъ Епископъ, хотя Бояре говорили ему: »нужно ли цѣ»ловать крестъ Святителю? любовь »твоя къ Дому Княжескому извѣстна.« Но Святитель былъ Грекъ, по словамъ Лѣтописца: хитръ и коваренъ. Онъ въ тотъ же часъ написалъ къ Святославу Всеволодовичу, что дядя его скончался; что Олега и воинской дружины нѣтъ въ городѣ; что Княгиня съ меньшими дѣтьми въ изумленіи опъ горести, и что Святославъ найдетъ у нее сокровища несмѣтныя. Сей Князь немедленно отправилъ сына занять Гомель, а Бояръ своихъ въ другія Черниговскія области, и самъ хотѣлъ въѣхать въ столицу. Олегъ предупредилъ его; однакожь добровольно уступилъ ему Черниговъ, взявъ Новгородъ Сѣверскій. Святославъ клялся наградить братьевъ Олеговыхъ иными Удѣлами, и

Кончина Святослава:

Вѣроломство Епископа.

слѣдствія.

забывъ обѣтъ, присвоилъ себѣ одному города умершаго внучатнаго брата, сына Владимирова, Князя Вщижскаго. Съ обѣихъ сторонъ готовились къ войнѣ. Святославъ уже звалъ Половцевъ; но Великій Князь, будучи тестемъ Олеговымъ, примирилъ ссору и заставилъ Святослава уступить Олегу четыре города[346].

Г. 1159—66. Безпокойства въ землѣ Полоцкой.

Ростиславъ не могъ успокоить однихъ Владѣтелей Кривскихъ или Полоцкихъ. Глѣбовичи, нарушивъ миръ, нечаянно взяли Изяславль и заключили тамошнихъ Князей, Брячислава и Володшу Васильковичей, въ оковы. Рогволодъ Полоцкій, пребуя защиты Государя Кіевскаго, осадилъ Минскъ, и стоявъ тамъ шесть недѣль, освободилъ Васильковичей мирнымъ договоромъ; а послѣ, желая отнять Городокъ у Володаря Глѣбовича, самъ упрашилъ Полоцкъ, гдѣ народъ призналъ своимъ Владѣтелемъ его племянника двоюроднаго, Всеслава Васильковича. Сынъ Великаго Князя, Давидъ, господствуя въ Витебскѣ, долженъ былъ вступиться за Всеслава, изгнаннаго мятежнымъ Володаремъ, и снова ввелъ его въ Полоцкъ, къ удовольствію народа. Въ сихъ ничтожныхъ, однакожъ кровопролитныхъ распряхъ Липовцы служили Кривскимъ

Владѣтелямъ какъ ихъ подданные.

Давно Россіяне, притупляя мечи въ гибельномъ междоусобіи, не имѣли никакой знаменитой раны внѣшней: Андрей, нѣсколько лѣтъ наслаждавшись мирнымъ спокойствіемъ, вспомнилъ наконецъ воинскую славу юныхъ лѣтъ своихъ, и выступилъ въ поле, соединясь съ дружиною Князя Муромскаго, Юрія Ярославича. Оскорбленный сосѣдственными Болгарами, онъ разбилъ ихъ войско многочисленное, взялъ знамена, и прогналъ Князя. Возвратясь съ конницею на мѣсто битвы, гдѣ пѣхота Владимірская стояла вокругъ Греческаго образа Богоматери, привезеннаго изъ Вышегорода, Андрей палъ предъ святою иконою, слезами изъявилъ благодарность Небу, и желая сохранить память сей важной побѣды, установилъ особенный праздникъ, донынѣ торжествуемый нашею Церковію. Россіяне завладѣли на Камѣ *славнымъ* Болгарскимъ городомъ Бряхимовымъ, и нѣсколько другихъ городовъ обратили въ пепелъ[347].

Война съ Болгарами.

Въ сіе же лѣто Новогородцы одержали побѣду надъ Шведами, которые, овладѣвъ тогда Финляндіею, хотѣли завоевать Ладогу и пришли на судахъ къ устью Волхова. Жители сами выжгли за-

Побѣда надъ Шведами.

городные домы свои, ждали Князя, и подъ начальствомъ храбраго Посадника, Пѣжаны, оборонялись мужественно, такъ, что непріятель отступилъ къ рѣкѣ Воронои или Салмѣ[348]. Въ пятый день присѣлъ Святославъ съ Новогородскимъ Посадникомъ Захаріею, напалъ на Шведовъ и взялъ множество плѣнниковъ; изъ пятидесяти-пяти судовъ ихъ спаслись только двѣнадцать.

Въ окрестностяхъ Днѣпра Половцы не преставали злодѣйствовать и грабить: чтобы унять ихъ, Ростиславъ призвалъ многихъ Князей съ дружинами. Казалось, что онъ хотѣлъ, подобно дѣду Мономаху, прославить себя важнымъ предпріятіемъ и надолго смирить варваровъ; но войско союзное пеклося единственно о безопасности судоходства по Днѣпру, и нѣсколько времени стоявъ у Канева, разошлося, когда флотъ купеческій благополучно прибылъ изъ Греціи. — За то Сѣверскій Князь и братъ Черниговскаго, при наступленіи зимы, отмѣнно жестокой, съ малочисленною дружиною дерзнули углубиться въ степи Половецкія; взяли станы двухъ Хановъ и возвратились съ добычею, серебромъ и золотомъ[349].

Россіяне бьютъ Половцевъ въ степяхъ

Ростиславъ, уже престарѣлый, всего болѣе заботился тогда о судьбѣ дѣтей своихъ: не смотря на слабое здоровье, онъ поѣхалъ въ область Новогородскую, чтобы утвердить Святослава на ея престолѣ. Угощенный зятемъ Олегомъ въ Чечерскѣ, Великій Князь имѣлъ удовольствіе видѣть искреннюю любовь Смолянъ, которыхъ Послы встрѣтили его верстъ за 300 отъ города. Сынъ Романъ, внуки, Епископъ Мануилъ, вмѣстѣ съ народомъ, привѣтствовали добраго старца: Вельможи, купцы, по древнему обыкновенію, сносили дары Государю. Утомленный путемъ, онъ не могъ ѣхать далѣе Великихъ Лукъ, и призвавъ туда знатнѣйшихъ Новогородцевъ, взялъ съ нихъ клятву забыть прежнія неудовольствія на сына его, никогда не искать иного Князя, *разлучиться съ нимъ одною смертію*[350] Щедро одаренный ими и Святославомъ, успокоенный ихъ согласіемъ, Великій Князь возвратился въ Смоленскъ, гдѣ Рогнѣда, дочь Мстислава Великаго, видя изнеможеніе брата, совѣтовала ему остаться, чтобъ быть погребеннымъ въ церкви, имъ сооруженной. »Нѣтъ,« сказалъ Ростиславъ »я хочу лежать въ Кіевской Обители Св. Ѳеодора, вмѣстѣ съ

Г. 1167, Марта 14. Кончина Велик. Князя.

»нашимъ отцемъ; а ежели Богъ исцѣлитъ »меня, то постригуся въ монастырѣ Ѳе»одосіевомъ.« Онъ скончался на пути, тихимъ голосомъ читая молитву, смотря на икону Спасителя и проливая слезы Христіанскаго умиленія.

Его свойства.

Сей внукъ Мономаховъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ Государей, которые въ своемъ блестящемъ верховномъ санѣ находятъ болѣе тягости, нежели удовольствія. Онъ не искалъ Великаго Княженія, и дважды возведенный на престолъ онаго, искренно желалъ отказаться отъ власти. Любя Печерскаго Игумена, Поликарпа, Ростиславъ имѣлъ обыкновеніе всякую Субботу и Воскресенье Великаго поста обѣдать во дворцѣ съ симъ благочестивымъ мужемъ и съ двѣнадцатью братьями Ѳеодосіевой Обители; бесѣдовалъ о добродѣтеляхъ Христіанскихъ, и часто говорилъ имъ о намѣреніи удалиться отъ суетнаго міра, чтобы краткую, *милютекущую* жизнь посвятить Небу въ безмолвіи монастырскомъ, особенно послѣ кончины Святослава Ольговича; но разумный Игуменъ всегда ему отвѣтствовалъ: »Князь! Небо »требуетъ отъ тебя иныхъ подвиговъ; »дѣлай правду и блюди землю Русскую[351].«

Нѣтъ сомнѣнія, что Государь истинно набожный скорѣе инаго можетъ быть отцемъ народа, если одаренъ свыше умомъ и твердостію. Ростиславъ не отличался великими свойствами отца и дѣда; но любилъ миръ, тишину отечества, справедливость, и боялся запятнать себя кровію Россіянъ.

Союзы и бракъ

Сей Великій Князь былъ другомъ Императора Мануила, и помогалъ ему, какъ Государю единовѣрному, противъ Короля Венгерскаго, Спефана III. Мануилъ тогда же заключилъ союзъ и съ Галицкимъ Княземъ, Ярославомъ. Узнавъ о намѣреніи послѣдняго выдать дочь свою за Спефана, Императоръ писалъ къ нему, что сей Король есть извергъ вѣроломства, и что супруга такого человѣка безъ сомнѣнія будетъ несчастлива. Письмо имѣло дѣйствіе, и хотя Ярославъ, уже отправивъ невѣсту въ Венгрію, не могъ отмѣнить брака однакожь взялъ сторону Грековъ. Спефанъ—кажется, досадуя на тестя—развелся съ молодою супругою и женился на дочери Австрійскаго Герцога. — Не смотря на союзъ съ Императоромъ, Галицкій Князь дружески принялъ врага Мануилова, Андроника Комнина, сына Исаакіева, бѣжавшаго изъ темницы Кон-

Андроникъ живетъ въ Россіи.

стантинопольской, и далъ ему въ Удѣлъ нѣсколько городовъ[352]. Андроникъ, какъ пишутъ Византійскіе Историки, всегда ѣздилъ на охоту съ Ярославомъ, присутствовалъ въ его Совѣтѣ Государственномъ, жилъ во дворцѣ, обѣдалъ за столомъ Княжескимъ, и собиралъ для себя войско. Изъявивъ неудовольствіе Ярославу, Мануилъ прислалъ наконецъ въ Галичь двухъ Митрополитовъ, которые уговорили Андроника возвратиться въ Царьградъ: Епископъ Галицкій, Козьма, и Бояре Ярославовы съ честію проводили его за границу. Сей изгнанникъ чрезъ нѣсколько лѣтъ достигъ сана Императорскаго: будучи признательнымъ другомъ Россіянъ, онъ подражалъ имъ во нравахъ: любилъ звѣриную ловлю, бѣганіе въ запуски, и низверженный съ престола, хотѣлъ вторично ѣхать въ наше отечество; но былъ пойманъ и замученъ въ Константинополѣ.

Дѣла Церковныя.

Роспиславъ въ 1160 году призвалъ изъ Греціи новаго Митрополита, Ѳеодора, умершаго чрезъ три года. Великій Князь, отдавая наконецъ справедливость достоинствамъ изгнаннаго Святителя, Климента, желалъ возвратить ему санъ Архипастыря нашей Церкви, и для того

послалъ Вельможу, Юрія Тусемковича, въ Грецію; но сей Боярин вступился въ Олешьѣ новаго Митрополита, Іоанна, поставленнаго въ Константинополѣ безъ согласія Великокняжескаго Роспиславъ былъ весьма недоволенъ; однакожь, смягченный дружескимъ письмомъ Мануила и дарами, сіявшими въ бархатахъ и ящикахъ драгоцѣнныхъ, принялъ Греческаго Святителя, съ условіемъ, чтобы впредь Императоръ и Патріархъ не избирали Митрополитовъ Россіи безъ воли ея Государей. — Исполняя требованіе честолюбивыхъ Новогородцевъ, Іоаннъ позволилъ ихъ Епископу, именемъ также Іоанну, мужу добродѣтельному, называться *Архіепископомъ*[353]. Сей Митрополитъ, умершій не за-долго до кончины Великаго Князя, славился ученостію, и слыша о желаніи Папы, Александра III, знать особенные Догматы нашей Церкви, писалъ къ нему ласково, оправдывая уставы Восточной. Письмо его, истинное или подложное, напечатано на языкѣ Латинскомъ и достойно Пастыря Христіанскаго. »Не »знаю« (говоритъ сочинитель), »какимъ »образомъ произошли ереси въ Вѣрѣ Бо»жественной; не понимаю, какъ могутъ »Римляне именовать насъ лже-Христіана-

»ми. Мы не слѣдуемъ такому примѣру, и »счищаемъ ихъ своими бранями, хотя и »видимъ, что они во многомъ заблуждаются.« Предложивъ ученіе обѣихъ Церквей, и доказавъ согласіе нашего съ Апостольскимъ, добрый Митрополитъ убѣждаетъ Папу возстановить древнее единство Вѣры; кланяется ему отъ имени всего Духовенства, и желаетъ, чтобы любовь братская обитала въ сердцахъ Христіанъ[354].

ГЛАВА XVII.

Великій Князь Мстиславъ Изяславичь Кіевскій.

Андрей Суздальскій или Владимірскій.

Г. 1167 — 1169.

Вѣроломство Владиміра. Изгнаніе Святослава изъ Новагорода. Война съ Половцами. Рѣчь Мстислава. Клевета Боляръ. Ненависть Андрея ко Мстиславу. Взятіе и совершенное паденіе Кіева.

Сыновья Ростислава, братъ его Владиміръ, народъ Кіевскій и Черные Клобуки — исполняя извѣстную имъ послѣднюю волю умершаго Великаго Князя — звали на престолъ Мстислава Волынскаго. Сей Князь, задержанный какими-то особенными распоряженіями въ своемъ частномъ Удѣлѣ, поручилъ Кіевъ племяннику, Василько Ярополковичу, прислалъ новаго Тіуна въ Кіевъ, и скоро узналъ отъ нихъ, что дядя его, братъ Ярославъ, Ростиславичи и Князь Дорогобужскій Владиміръ Андреевичь, заключивъ тѣсный союзъ, думаютъ самовольно располагать областями: хотятъ присвоить себѣ Брестъ, Торческъ и другіе города. Мстиславъ оскорбился; призвалъ Галичанъ, Ляховъ, и выступилъ къ Днѣпру съ сильною ратію. Усердно любивъ отца, Кіевляне любили и сына, знаменитаго дѣлами воинскими; народъ ожидалъ Мстислава съ нетерпѣніемъ, встрѣтилъ съ радостію, и Князья смирились. Только Владиміръ Мстиславичь, малодушный и вѣроломный, дерзнулъ оборониться въ Вышегородѣ[355]: Великій Князь могъ бы наказать мятежника; но, желая тишины, уступилъ ему Котельницу, и чрезъ нѣсколько дней свѣдалъ о новыхъ злыхъ умыслахъ сего дяди. Владиміръ хотѣлъ оправдаться. Свиданіе ихъ было въ Обители Печерской. »Еще *не об-*

Г. 1167.

Вѣроломство Владиміра.

»*сохли* уста пивом, которыми ты цѣло»валъ крестъ въ знакъ искренняго друже»ства!« говорилъ Мстиславъ, и требовалъ вторичной присяги отъ Владиміра. Давъ оную, безсовѣстный дядя за тайну объявилъ Боярамъ своимъ, что Берендѣи готовы служить ему и свергнуть Мстислава съ престола. Вельможи устыдились повиноваться кляпвопреступнику. »И »такъ Отроки будутъ моими Боярами!« сказалъ онъ и пріѣхалъ къ Берендѣямъ, подобно ему вѣроломнымъ: ибо сіи варвары, бывъ дѣйствительно съ нимъ въ согласіи, но видя его оставленнаго и Князьями и Боярами, пустили въ грудь ему двѣ стрѣлы. Владиміръ едва могъ спастися бѣгствомъ. Гнушаясь самъ собою, отверженный двоюроднымъ братомъ, Княземъ Дорогобужскимъ, и боясь справедливой мести племянника, сей несчастный обратился къ Андрею Суздальскому, который принялъ его, но не хотѣлъ видѣть; обѣщалъ ему Удѣлъ, и велѣлъ жить въ области Глѣба Рязанскаго. Мать Владимірова оставалась въ Кіевѣ: Мстиславъ сказалъ ей: »ты свободна: иди, куда хочешь; »но могу ли быть съ тобою въ одномъ »мѣстѣ, когда сынъ твой ищетъ головы »моей и смѣется надъ святостію крест»ныхъ обѣтовъ?«

Андрей иногда же принялъ къ себѣ и другаго изгнанника, Святослава Ростиславича. Новогородцы — думая, что смерть отца Святославова разрѣшила ихъ клятву — въ тайныхъ ночныхъ собраніяхъ умыслили изгнать своего Князя. Свѣдавъ заговоръ, Святославъ уѣхалъ въ Великія Луки, и велѣлъ объявить Новогородцамъ, что не хочетъ княжить у нихъ. »А мы не хотимъ имѣть тебя Княземъ,« отвѣтствовали граждане, клялися въ томъ иконою Богоматери, и выгнали его изъ Лукъ. Святославъ бѣжалъ въ Суздальскую область, и съ помощію Андрея обративъ въ пепелъ Торжекъ, грабилъ окрестности. Съ другой стороны Князь Смоленскій, отмщая за брата, выжегъ Луки[356]. Бѣдные жители стремились толпами въ Новгородъ, требуя защиты. Могущественный Андрей, дѣйствуя согласно съ Романомъ Смоленскимъ и Всеславомъ Полоцкимъ, хотѣлъ, чтобы Новогородцы смирились предъ Святославомъ. »Вамъ не бу»детъ инаго Князя,« говорилъ онъ съ угрозами. Но упрямый народъ презиралъ оныя; убилъ Посадника и двухъ иныхъ друзей Святославовыхъ; готовился къ оборонѣ, и просилъ сына у Велицкаго Князя Мстислава, обѣщаясь умереть за него

Изгнаніе Святослава изъ Новагорода.

и за вольность. Едва Послы Новогородскіе могли проѣхать въ Кіевъ: ибо на всѣхъ дорогахъ стерегли ихъ и ловили какъ злодѣевъ. Между тѣмъ въ Новѣгородѣ начальствовалъ умный Посадникъ Якунъ и заставилъ Святослава удалиться отъ Русы: сей Князь, имѣвъ сильное войско союзное, не дерзнулъ вступить въ битву, довольный разореніемъ многихъ селеній, и чрезъ два года умеръ, хваленый въ лѣтописяхъ за его добродѣтель, безкорыстіе и любовь къ дружинѣ.

Г. 1168. Война съ Половцами.

Нѣсколько мѣсяцевъ Новгородъ сиротствовалъ безъ Князя, съ нетерпѣніемъ ожидая его изъ Кіева. Въ сіе время Мстиславъ былъ занятъ воинскимъ предпріятіемъ. Въ торжественномъ собраніи всѣхъ Князей союзныхъ онъ сказалъ имъ: »Земля Русская, наше отечество, спасаетъ »отъ Половцевъ, которые не премѣнили »донынѣ ихъ древняго обычая: всегда кля»нутся быть намъ друзьями, берутъ дары, но плѣняютъ Христіанъ, и множе»ство невольниковъ отводятъ въ свои »вежи. Нѣтъ безопасности для купеческихъ »судовъ нашихъ, ходящихъ по Днѣпру съ »богатымъ грузомъ. Варвары думаютъ »совершенно овладѣть торговымъ пу»темъ Греческимъ[357]. Время прибѣгнуть къ

Рѣчь Мстислава.

»средствамъ дѣйствительнымъ и силь»нымъ. Друзья и братья! оставимъ междо»усобіе; воззримъ на Небо, обнажимъ мечь, »и призвавъ имя Божіе, ударимъ на вра»говъ. Славно, братья, искать чести въ »полѣ и слѣдовъ проложенныхъ тамъ на»шими отцами и дѣдами!« Всѣ единодушно изъявили согласіе умереть за Русскую землю, и каждый привелъ свою дружину: Святославъ Черниговскій, Олегъ Сѣверскій, Ростиславичи, Глѣбъ Переяславскій, Михаилъ братъ его, Князья Туровскій и Волынскіе. Бояре, радовались согласію Государей, и народъ благословлялъ ихъ ревность быть защитниками отечества. Девять дней шло войско степями[358]: Половцы услышали, и бѣжали отъ Днѣпра, бросая жены и дѣтей. Князья, оставивъ назади обозъ, гнались за ними, разбили ихъ, взяли многія вежи на берегахъ Орели, освободили Россійскихъ невольниковъ и возвратились съ добычею, съ табунами и плѣнниками, потерявъ не болѣе трехъ человѣкъ. Сію добычу, слѣдуя древнему обыкновенію, раздѣлили между собою Князья, Бояре и воины. Народъ веселился и торжествовалъ побѣду въ день Пасхи. Скоро, къ общему удовольствію, прибылъ благополучно и богатый купеческій флотъ

2 Марта.

изъ Греціи: Князья ходили съ войскомъ на встрѣчу къ оному, чтобы защитить купцевъ отъ нападенія Половцевъ, еще не совсѣмъ усмиренныхъ.

Ни Мстиславъ, пируя тогда съ союзниками подъ Каневымъ[359], ни Кіевляне, радуясь побѣдѣ и товарамъ Греческимъ, не предвидѣли близкаго несчастія. Одна изъ причинъ онаго была весьма маловажна: Князья жаловались на Мстислава, что онъ, будучи съ ними на берегахъ Ореди, тайно посылалъ ночью дружину свою въ слѣдъ за бѣгущими врагами, чтобы не дѣлиться ни съ кѣмъ добычею. Два Боярина, удаленные Великимъ Княземъ отъ Двора за гнусное воровство, старались также поссорить братьевъ, увѣряя Давида и Рюрика, что Мстиславъ намѣренъ заключить ихъ въ темницу. Легковѣріе свойственно нравамъ грубымъ. Бояре Кіевскіе, знавшіе чистосердечіе Государя своего, и собственная его присяга, по тогдашнему обычаю, доказали неосновательность злословія; но Ростиславичи остались въ подозрѣніи, и не согласились выдать клеветниковъ брату, говоря: »кто жь захочетъ впредь остерегать насъ?« Въ то же время дядя Мстислава, Владиміръ Андреевичь, несправедливо требуя отъ него новыхъ городовъ сдѣлался ему врагомъ и съ негодованіемъ уѣхалъ въ Дорогобужъ. Такимъ образомъ Великій Князь лишился друзей и сподвижниковъ, столь нужныхъ въ опасности.

Клевета Боляръ.

Но главною виною паденія его было то, что онъ исполнилъ желаніе Новогородцевъ, и долго медливъ, послалъ наконецъ сына, именемъ Романа, управлять ими. Сей юный Князь взялся быть ихъ мстителемъ; разорилъ часть Полоцкой области, сжегъ Смоленскій городокъ Торопецъ, плѣнилъ многихъ людей. Андрей Суздальскій вступился за союзниковъ, и не могъ простить Мстиславу, что онъ, какъ бы въ досаду ему, объявилъ себя покровителемъ Новогородцевъ. Можетъ быть, Андрей съ тайнымъ удовольствіемъ видѣлъ случай уничтожить первенство Кіева и сдѣлаться Главою Князей Россійскихъ: по крайней мѣрѣ, оставивъ на время въ покоѣ Новгородъ, онъ думалъ только о средствахъ низвергнуть Мстислава, издавна имъ нелюбимаго: тайно согласился съ Ростиславичами, съ Владиміромъ Дорогобужскимъ, Олегомъ Сѣверскимъ, Глѣбомъ Переяславскимъ и съ Полоцкимъ Княземъ; взялъ дружину у Владѣтелей Рязанскаго и Муромскаго,

Ненависть Андрея ко Мстиславу.

ему покорныхъ; собралъ многочисленную рать; поручилъ ее сыну Мстиславу и Воеводѣ Борису Жидиславичу; велѣлъ имъ итти къ Вышегороду, гдѣ княжилъ тогда Давидъ Ростиславичь и гдѣ надлежало
Г. 1169. соединиться всѣмъ союзникамъ. Сіе грозное ополченіе *одиннадцати* Князей (въ числѣ коихъ былъ и юный Всеволодъ Георгіевичь, пріѣхавшій изъ Царяграда) шло съ разныхъ сторонъ къ Днѣпру[360]; а неосторожный Мстиславъ ничего не вѣдалъ, и въ то же время послалъ вѣрнаго ему Михаила Георгіевича, Андреева брата, съ отрядомъ Черныхъ Клобуковъ къ Новугороду: Ростиславичи схватили сего Князя на пути вмѣстѣ съ купцами Новогородскими. Мстиславъ едва успѣлъ призвать Берендѣевъ и Торковъ, когда непріятели стояли уже подъ стѣнами города; два дни оборонялся мужественно: въ третій союзники взяли Кіевъ *приступомъ*: чего не бывало доселѣ. Сія, по слову древняго Олега, *мать* городовъ Россійскихъ, нѣсколько разъ осаждаемая и плѣняемая, отворяла иногда Златыя врата свои непріятелямъ; но никто не входилъ въ нихъ *силою*. Побѣдители, къ стыду своему, забыли, что они Россіяне: въ теченіе трехъ дней гра-

Марта 8. Взятіе и совершенное паденіе Кіева.

били, не только жителей и домы, но и монастыри, церкви, богатый храмъ Софійскій и Десятинный; похитили иконы драгоцѣнныя, ризы, книги, самые колокола — и добродушный Лѣтописецъ, желая извинить грабителей, сказываетъ намъ, что Кіевляне были тѣмъ наказаны за грѣхи ихъ, и за нѣкоторыя ложныя церковныя ученія тогдашняго Митрополита Константина[361]! . . . Мстиславъ ушелъ съ братомъ Ярославомъ въ Волынію, оставивъ жену, сына, Бояръ плѣнниками въ рукахъ непріятельскихъ[362], и едва не былъ на пути застрѣленъ измѣнниками, Черными Клобуками.

Андрей отдалъ Кіевъ брату своему Глѣбу; но сей городъ навсегда утратилъ право называться столицею отечества. Глѣбъ и преемники его уже зависѣли отъ Андрея, который съ того времени сдѣлался истиннымъ *Великимъ Княземъ Россіи*; и такимъ образомъ городъ Владиміръ, новый и еще бѣдный въ сравненіи съ древнею столицею, заступилъ ея мѣсто, обязанный своею знаменитостію нелюбви Андреевой къ южной Россіи.

Конецъ II Тома.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ II ТОМУ

ИСТОРІИ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

© ПНБ СО РАН

(1 Въ печати. *Несторъ* стр. 69.

(2) См. Дипм. Chron. кн. VII. Кадлубекъ пишетъ, что Болеславъ, взявъ Кіевъ (см. ниже), возвелъ на престолъ Россійскій своего родственника (*Hist. Polon.* кн. II, стр. 648).

(3) Рѣка Полтавской Губерніи, впадающая въ Трубежъ.

(4) См. *Пушкин.* Лѣтописца.

(5) См. Нестора.

(6) Кромѣ Моисея *Угрина*, Георгіева брата, уведеннаго въ Кіевъ къ Владиміровой дочери, Передславѣ. Вмѣстѣ со многими Россіянами плѣненный Болеславомъ, онъ, какъ вторый Іосифъ, не хотѣлъ промѣнять своего цѣломудрія и рабствуя на любовь одной знатной красавицы (См. *Житіе Моисея* въ *Патерикѣ*). Ефремъ, Новогородскій Чудотворецъ, былъ также братъ Георгія Угрина (какъ написано въ *Прологѣ* Генв. 28), Конюшій Бориса и Глѣба. Онъ взялъ отрубленную голову брата и велѣлъ положить ее въ гробъ съ собою. Нестеръ говоритъ, что добрые Россіяне *тайно* погребли тѣло Борисово въ Вышегородѣ, въ церкви Св. Василія, но не могли отыскать искаженнаго трупа Георгіева. Въ нѣкоторыхъ спискахъ именно означено, что Св. Борисъ убитъ Іюля въ 24 день.

(7) См. въ *Инат., Хлѣби, Воскрес.* (I, 167), и въ другихъ лѣтописяхъ.

(8) *Плачь* Глѣбовъ о Борисѣ достоинъ замѣчанія въ лѣтописи: онъ нѣженъ и краснорѣчивъ. На примѣръ: »Увы мнѣ, Господи! Луче бы ми »умрети съ братомъ, нежели жити на свѣтѣ »семь. Аще бо быхъ, брате мой, видѣлъ лице »твое Ангельское, умерлъ быхъ съ тобою. »Нынѣ же что ради остахъ азъ единъ? Гдѣ суть »словеса твоя, яже глагола къ мнѣ, брате мой »любимый? Нынѣ уже не услышю тихаго тво»его наказанья« — и проч.

Въ *Никон. Лѣт.*, въ *Новогород.* Попа Іоанна, въ *Степен. Книгѣ* и во многихъ другихъ сказано, что мѣсто, гдѣ лежало Глѣбово тѣло, ознаменовалось чудесами. — Глѣбъ умерщвленъ, по извѣстію многихъ лѣтописцевъ, 5 Сент. *въ Понедѣльникъ:* такъ и было въ 1015 году. Христіанскія имена Бориса и Глѣба были Давидъ и Романъ.

(9) Въ *Троиц.* и *Пушкин. Рак.* подлѣ Новагорода (нынѣ селеніе на берегу Ильменя) была тоже, что Берестовое подлѣ Кіева: сельскимъ жилищемъ Князей. Въ лѣтописи сказано, что Новогородцы побили Варяговъ на *дворѣ Параскоховомъ.* – Передслава была, вѣроятно, дочь Рогнѣды. — Въ *Новогород.* Попа Іоанна сказано, что Ярославъ собралъ 3000 Новогородцевъ, а Варяговъ 1000. Въ харатейныхъ: »собравъ Ва»ряговъ 1000« (въ *Ипат.* и *Хлѣбн.* 6000) »а про»чихъ 40,000« (въ другихъ спискахъ 30,000), — т. е. не однихъ Новогородцевъ, но и другихъ Россіянъ, можетъ быть Чуди, Псковитянъ, Кривичей.

(10) Въ *Ипатьев.* и *Хлѣбн.* сказано, что Ярославъ стоялъ на *сей* сторонѣ Днѣпра, т. е. на правой.

Въ *Новогород. Лѣт.* Попа Іоанна и въ *Никон.* ругатель, Воевода Святополковъ, названъ *Волчій Хвостъ* (см. сей Исторіи Т. 1, г. 984).—Видно, что Новогородцы были тогда лучшими плотниками. — О награжденіи воиновъ говорится въ харат. *Новогород.* и Попа Іоанна лѣтописи. Если у Ярослава было, какъ пишетъ Несторъ, 40,000 воиновъ, и если гривна XI вѣка равнялась цѣною съ гривною Смоленскою 1228 года, то сей Князь роздалъ имъ 125 пудъ серебра (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 290 и 475): много по тогдашнему времени!

(11) Дитм. кн. VII и VIII.

Собственныя наши лѣтописи подтверждаютъ истину Дитмарова сказанія о нападеніи Великаго Князя на Польшу въ 1017 году.

(12) См. въ *Никонов.* и во многихъ другихъ спискахъ Нестора. — Не только въ *Никонов.*, но и въ древней *Новогород. Лѣт.* сказано, что въ 1017 году заложена церковь Св. Софіи въ Кіевѣ: она, по извѣстію Дитмара (стр. 426, была разрушена пожаромъ сего году. Ярославъ въ 1037 году заложилъ новую (см. ниже), распространивъ Кіевъ и сдѣлавъ *Златыя врата.*

(13) См. Мартин. Галлуса стр. 62, Кадлубека кн. II, стр. 648, Длугоша кн. II, стр. 151 — 152, и Нестора.

Въ *Троицк.* и во многихъ: »кормилецъ Воево»да, именемъ *Блудъ.*« Въ древнѣйшемъ *Пушкин.*, также въ *Кенигсберг.* и другихъ: »именемъ *Будый.*« У Длугоша Budy Сей Воевода, пѣстунъ Ярославовъ, могъ быть дѣйствительно самый предатель Ярополковъ, и въ 1018 году лѣтъ семидесяти. Владиміръ не имѣлъ правилъ Фридриха Великаго въ разсужденіи измѣнниковъ, когда Анаспасъ пользовался его милостію и довѣренностію.

(14) Мартинъ Галлусъ и Кадлубекъ также описываютъ сію брань (Кадлуб. Hist. Polon. кн. II, стр. 649). Длугошъ говоритъ тоже, что Несторъ. Въ *Никон.* и другихъ лѣтописяхъ сказано, что Воевода Блудъ лишился жизни въ семъ несчастномъ сраженіи.

(15) См. Дитмара. Длугошъ замѣчаетъ, что тогдашніе города Россійскіе, построенные изъ одного дерева, безъ каменныхъ стѣнъ, не могли сопротивляться Болеславу Hist. Polon. кн. II, стр. 151).

(16) Такъ пишетъ Дитмаръ, котораго знакомцы были тогда съ Королемъ Польскимъ и видѣ-

ли все собственными глазами. Нарушевичъ именуетъ сего Архіепископа Анастасіемъ (Hist. Narodu Polsk., T. II, стир. 191). — Диѣмаръ говоритъ, что *девять* сестеръ Ярославовыхъ и жена его находились тогда въ Кіевѣ: Несторъ упоминаетъ только о двухъ Владиміровыхъ дочеряхъ. Польскіе Историки называютъ Предславину сестру *Мечиславою*, или *Мстиславою* (Длугош. Hist. Pol. кн. I, стир. 154).

Польскіе Историки разсказываютъ, что Болеславъ, въѣзжая въ Кіевъ, мечемъ своимъ, въ знакъ побѣды, разрубилъ тамошнія *Златыя врата* (Длугошъ); что сей удивительный мечъ былъ данъ Болеславу Ангеломъ (Богуфал. стир. 25 и Кадлуб. Hist. Polon. кн. II, стир. 645), и названъ *щербецъ* по *щербинѣ*, которая сдѣлалась на его лезвеѣ отъ разрубленія Кіевскихъ воротъ (Марц. Галлусъ стир. 62, Кадл. стир. 645, Богуфал. стир. 25); что онъ въ позднѣйшія времена хранился въ арсеналѣ Краковскомъ, и что Короли Польскіе всегда ходили съ нимъ на войну (Кадлуб. стир. 645). Изрядныя басни: замѣтимъ ниже и другія.

Диѣмаръ пишетъ, что жена Святополкова оставалась въ Россіи, когда сей Князь бѣжалъ въ Польшу.

(17) Въ *Троицк.* и въ иныхъ спискахъ названъ Посадникъ Новогородскій Константиномъ. — О *купахъ* см. ниже. — По извѣстіямъ Скандинавскимъ, многіе Норвежцы пришли тогда на корабляхъ къ Ярославу (см. Торф. Hist. Norveg. Ч. III, стир. 97). Въ *Архангельск.* означено ихъ число: 11.100.

(18) См. Диѣм. Chron. кн. VIII (о сестрахъ Ярославовыхъ стир. 426). См. также Длугош. Hist. Polon. кн. II, стир. 168. Въ *Воскресенск.* спискѣ и во многихъ, кромѣ *Пушк.*, *Троицк.*, *Кенигсберг.*, сказано: »и тогда Болеславъ положи »себѣ на ложе Переславу, сестру Ярославлю«

Древнѣйшій Польскій Лѣтописецъ, Маршинъ Галлусъ, увѣряетъ, что она была главною причиною войны, и что Ярославъ, не хотѣвъ выдать сестры за Короля, сдѣлалъ его своимъ жестокимъ врагомъ. Ломоносовъ несправедливо называетъ сію Княжну *супругою* Болеслава (о женахъ его см. въ Нарушев. Hist. Narodu Polsk. II, 202). — Польскіе Историки (Длугошъ, Кромеръ, Сарницкій и другіе) говорятъ, что Болеславъ, предъ выступленіемъ изъ Кіева, въ знакъ владычества своего надъ Россіянами, и слѣдуя примѣру Геркулеса, поставилъ столпы желѣзные въ Днѣпрѣ, гдѣ впадаетъ въ него рѣка *Сула*. Но древнѣйшій ихъ писатель, Кадлубекъ, сказываетъ, что желѣзный столпъ поставленъ Болеславомъ не въ Россіи, а въ *Саксоніи*, въ рѣкѣ *Салѣ*, и что въ Кіевѣ онъ зарубилъ только *Златыя врата*, означивъ сими двумя памятниками границы своихъ владѣній на Западѣ и Востокѣ (Hist. Polon. кн. II, стр. 648). Сарницкій пишетъ, что Король положилъ въ Днѣпрѣ мѣдныя трубы, которыя отъ теченія воды издаютъ звуки и произносятъ имя Болеслава. »Другіе же (говоритъ онъ) увѣряютъ, что сіи »звуки раждаются отъ пустоты, находящейся »въ скалѣ надъ рѣкою« (Sarnicii Annal. Polon. кн. VI, стр. 1048). Нарушевичъ не осмѣлился повторить сихъ словъ земляка своего (Hist. N. P. II, 194).

(19) Маршинъ Галлусъ (стр. 62, 63) и Кадлубекъ описываютъ дѣйствія въ такомъ порядкѣ:

Ярославъ, слыша о вступленіи Короля въ Россію, оставляетъ государство и бѣжитъ, не извѣстно куда. Болеславъ беретъ Кіевъ, возводитъ тамъ какого-то родственника на престолъ, идетъ назадъ и распускаетъ большую часть войска. Князь Россійскій гонится за нимъ, будучи во сто разъ сильнѣе его; сражается на Бу-

гѣ, и побѣжденъ. Чрезъ нѣсколько времени Великій Князь опять тамъ же сходится съ Болеславомъ, насмѣхается надъ нимъ, разбитъ и взятъ въ плѣнъ съ знаменитѣйшими вельможами. Ихъ ведутъ къ Болеславу *на слычках*ъ, какъ гончихъ собакъ, и великодушный побѣдитель говоритъ: *низко ругаться надъ уничиженными судьбою; что случилось съ другими, можетъ случиться и съ нами.*

Длугошъ описываетъ даже четыре сраженія, и въ разныя времена Hist. Polon. кн. II. стр. 151 – 168). Кромеръ, Стриковскій и другіе повторили сказку Длугоша, смѣсь Несторовыхъ и древнихъ Польскихъ извѣстій, раскрашенную вымысломъ. Но сказаніе Дитмара, современнаго Историка, утверждаетъ истину Несторова повѣствованія и лѣтосчисленія. Впрочемъ и Мартинъ Галлусъ относитъ взятіе Кіева къ 1018 году.

Длугошъ и Кромеръ говорятъ, что Болеславъ принялъ тогда данное ему отъ *Россіянъ* имя *Храбраго,* и построивъ новый замокъ близъ рѣки Вислецы, назвалъ его *Храбрецомъ.*

(20) Рѣка Судома означена на картѣ Рос. Государства, сочиненной при Импер. Дено. Тутъ селенія Дубровки, Порѣчье, Сорокино и проч.

(21) См. Торфеев. Hist. Norveg. Ч. III, стр. 97. Брячислава называютъ Норвежскіе Писатели *Вратиславомъ,* Ярослава *Ярислейфомъ,* а Святополка *Гуриславомъ.*

(22) Memor. popul. Т. II, 1010. Кедринъ пишетъ, что Андроникъ завладѣлъ Тавридою съ помощію *брата* Владимірова (вѣрнѣе сына), именемъ *Сфенга.* Тогдашній Великій Князь, Святополкъ, занятый войною съ Ярославомъ, не могъ помогать Грекамъ.

(23) См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 87, и Oriental Geography, въ предислов. стр. XXVIII.

Левитъ Іегуда (Iehudah) назвалъ сію книгу *Сеферъ Козри.* Ученый Буксдорфъ напечаталъ ее въ Базелѣ, въ 1660 году, съ Латинскимъ переводомъ, и говоритъ объ ней: liber multiplicis doctrinae ac multae laudis. — Въ нашествіе Татаръ, въ XIIIвѣкѣ, уже не видимъ никакихъ слѣдовъ Козарской Державы на берегахъ Каспійскаго моря. Ясы владѣли тогда городомъ при устьѣ Волги (См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 362).

(24) Святославъ побѣдилъ Касоговъ, однакожъ не овладѣлъ, кажется, ихъ страною (см. сей *Исторіи* Т. I, г. 966.)

Въ то время, какъ Мстиславъ имѣлъ войну съ Касогами, Ярославъ, по *Ипатьев.* и *Хлѣбникове.* списку, ѣздилъ въ Брестъ.

(25) Козары должны были составлять знатнѣйшую часть жителей въ области Тмутороканской, гдѣ могли оставаться также потомки древняго Воспорскаго народа, смѣшаннаго съ Готѳами, Уграми и проч. См. сей *Исторіи* Т. I, стр. 46, примѣч. 86.

Несторъ въ первый разъ упоминаетъ здѣсь о Суздальской области, населенной прежде Мерею, т. е. Чудскимъ народомъ (см. сей Исторіи Т. I, стр. 41).

(26) Около сего времени былъ въ Скандинавіи знаменитый Ярль или Принцъ, Финъ *Слѣпый* (см. Стурлез. Hist. Reg. Sept. Т. II, стр. 137 и Далин. Gesch. des R. Schwed. II, 9). Баеръ считалъ сего Якуна Іаковомъ, сыномъ Швед. Короля Олофа и шуриномъ Ярослава (см. Баер. въ Коммент. Акад. IV, 291).

Лисшвенъ есть нынѣ мѣстечко близъ Городни. Тамъ видны остатки древнихъ укрѣпленій.

Черниговъ былъ въ землѣ Сѣверянъ. Далѣе см. *Воскресенск. Лѣт.* I, 182.

(27) Сей Городецъ былъ противъ Кіева, на восточномъ берегу Днѣпра (см. ниже, примѣч.

165). Нынѣшній Осперъ назывался также *Городцемъ Стрецкимъ* и *Въстрѣскымъ*, т. е. Осперскимъ (см. *Воскр. Лѣт.* II, 8, и *Хмѣльников.* подъ годомъ 6649). Извѣстенъ еще и третій Городецъ, бывшій на Сеймѣ рѣкѣ (см. *Больш. Чертежъ*).

(28) Кельха Liefland Historia, стр. 31. Ярославъ, названный въ крещеніи Георгіемъ или *Юріемъ*, далъ Ливонскому *Юрьеву* свое имя.

(29) Бельзъ и нынѣ существуетъ въ Галиціи. Лѣтописецъ сказываетъ, что Ярославъ въ 1022 году ходилъ къ Берестью, на границу Польскую — не знаемъ, за чѣмъ: можетъ быть, онъ снова хотѣлъ шогда воевать съ Болеславомъ или вступить съ нимъ въ мирные переговоры. — Въ 1030 году Болеслава уже не было на свѣтѣ: онъ умеръ въ 1025 (см. Нарушев. Hist. Narodu Polsk. II, 202. Несторъ говоритъ о мятежѣ, безпорядкахъ, избіеніи Бояръ, Епископовъ и Священниковъ въ землѣ Ляховъ по кончинѣ Болеслава *Великаго* (такъ онъ называетъ его): но сіе возмущеніе случилось уже по смерти Мечислава (см. Нарушев. Hist. N. P. II, 290, 291, въ Длугошѣ кн. II, стр. 193 — 194).

О войнѣ 1032 года упоминаетъ Длугошъ (а за нимъ и Кромеръ) единственно по извѣстію Нестора, прибавляя отъ себя, что Мечиславъ удержалъ въ подданствѣ Россійскіе города, завоеванные отцемъ его. Сей Историкъ говоритъ, что Ярославъ населилъ своими плѣнниками окрестности рѣки *Порси*: но есть, Длугошъ не разумѣлъ, что въ словахъ Несторовыхъ: »по»сади по Рси,« *по* есть союзъ. — Города, основанные на сей рѣкѣ Ярославомъ, могутъ быть Корсунь, Богуславъ, Юрьевъ.

(30) Мечиславова смерть въ *Пушкин.*, *Кенигсберг.* и многихъ другихъ спискахъ, согласно съ Византійскою хронологіею, означена въ 1036 году.

Мстиславъ названъ *Удалымъ* въ *Никон. Лѣт.* I, 131.

(31) Стурлезонъ разсказываетъ, что какой-то Висивальдъ, Князь Русской, сватался за прекрасную вдовствующую Королеву Шведскую, Сигриду Сторраду, которая велѣла умертвить его вмѣстѣ съ другимъ женихомъ своимъ, Королемъ Вестфольдскимъ, за такую ихъ дерзость (Hist. Reg. Sept. I, 261). Далинъ (Gesch. des R. Schw. I, 451).

(32) См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 434, и Стурлез. Hist. Reg. Sept. I, 517. »Ингигерда« (говоритъ сей Лѣтописецъ) »отдала Альдейгабургъ въ управленіе родственнику своему, Ярлу »(Принцу) Рагвальду. У нее было *три* сына отъ Ярослава: Вальдимаръ (Владиміръ), »Висиволдъ (Всеволодъ) и *Гольти*, то есть, *ловкій, быстрый*.« Мы не знаемъ, котораго изъ сыновей Ярославовыхъ Скандинавы означали симъ послѣднимъ именемъ: можетъ быть, Игорь. Объ имени Анны см. ниже.

(33) »Тоняху въ *Сытомли*, ине же въ инѣхъ рѣкахъ.« Мы не знаемъ рѣки Сѣтомли. Сіе имя означало, можетъ быть, рукавъ Днѣпра.

Вѣроятно, что многіе изъ Печенѣговъ ушли къ Дунаю, гдѣ обитали ихъ товарищи; нѣкоторые остались еще между Волгою и Днѣпромъ, гдѣ скоро начали господствовать Половцы.

См. описаніе *Златыхъ вратъ* Цареградскихъ въ Дюканж. Constantinopol. Christ. стр. 52—53. Ѳеодосій Великій соорудилъ ихъ, побѣдивъ тирана Максима. — Ярославъ надъ Златыми Кіевскими вратами сдѣлалъ церковь Благовѣщенія. (См. *Ипат.* и *Хлѣбн.*)

О Митрополіи см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 425. Въ лѣтописи: »при семъ (Ярославѣ) »Черноризцы почаша множитися и *монастыреве починаху* быти.«

Обстоятельство, что Ярославъ построилъ вмѣстѣ монастырь Св. Георгія, ему соименнаго, и Св. Ирины, заставило думать Татищева, что Великая Княгиня, Ингигерда, называлась Христіанскимъ именемъ Ирины: вѣроятно; однакожь на ея древнихъ иконахъ, которыя хранятся въ Новогородскомъ Архіерейскомъ домѣ, изображено имя *Анны*. Въ письменномъ *Софійскомъ Уставѣ* она также называется *Анною*, подъ 5 числомъ Сентября и четвертымъ Октября. Согласимъ одно съ другимъ, положивъ, что Ярославова супруга именовалась въ свѣтѣ Ириною, а передъ кончиною постриглась и была названа въ монашествѣ Анною. Память ея празднуется въ Софійскомъ Новогородскомъ Соборѣ Февраля 10 и еще Окт. 4., вмѣстѣ съ памятію сына Ярославова Владиміра. Неизвѣстно, кто установилъ первое празднество; а второе Архіепископъ Евѳимій въ 1439 году, какъ сказано въ Софійской лѣтописи подъ годомъ 6947. Гробъ ея стоитъ внутри Новогородской Софійской церкви на южной сторонѣ.

(34) Донынѣ Подлѣсье, или Полѣсье, гдѣ жили Ятвяги, богато рѣдкими ловлями и пчеловодствомъ. Польскіе Историки описываютъ характеръ сего народа дикимъ и неукротимымъ. Въ *Никонов.* и *Воскресен. Лет.* прибавлено, что Ярославъ *не могъ взять Ятвяговъ*.

Мазовшане отложились отъ Королевства Польскаго во время шаткаго междуцарствія. Здѣсь подъ именемъ Литвы должно разумѣть жителей сѣверовосточной Пруссіи и нынѣшней Литовской Губерніи, особенно ея сѣверной части: ибо южная принадлежала къ землѣ Ятвяжской. Древній народъ Литовскій жилъ въ густыхъ лѣсахъ. Стриковскій сочинилъ его Исторію, выбравъ оную изъ лѣтописей Польскихъ, отчасти изъ нашихъ, Ливонскихъ, Прусскихъ,

изъ пѣсенъ и сказокъ. Мнимыя древнія извѣстія о происхожденіи Великаго Герцогства Литовскаго баснословны и явно основаны на догадкахъ. Говорятъ, что какой-то знаменитый Римлянинъ Палемонъ, во время *или* Августа Кесаря, *или* Нерона *или* Аттилы, приплылъ въ Литву, образовалъ ея дикихъ жителей и началъ ими властвовать какъ Государь. Его сыновья: Боркъ Спера, Конъ, были основателями замковъ или городовъ Юрборга, Ковна, Сперы. Двое умерли бездѣтными. Третій оставилъ сыновей Керна и Гимбута, которые въ 1058 году воевали съ Россіянами (см. Матѳ. Стриковск. Хронику Литовск. гл. VII. *Сколько же вѣковъ* жилъ Палемонъ съ *дѣтьми* своими, если Августъ, Неронъ или Аттила заставили его бѣжать изъ Италіи, и если *внуки* Палемоновы господствовали въ Литвѣ около половины XI столѣтія? Смѣшливый Кояловичъ, сокращитель Матѳея Стриковскаго, видя такую хронологическую нелѣпость, прибавилъ отъ шести до десяти вѣковъ, и пишетъ (Hist. Litv. стр. 29), что Италіянскіе выходцы долженствовали поселиться въ Литвѣ около 900 года. Исторія Палемонова есть сказка, основанная единственно на сходствѣ нѣкоторыхъ словъ языка Литовскаго съ Латинскими. Слѣдственно и въ древней Россіи надобно искать Римскихъ поселенцевъ, ибо языкъ нашъ также сходствуетъ съ Латинскимъ? — Въ лѣтописи Кведлинбургской упоминается о Литвѣ подъ 1009 годомъ: (въ Лейбниц. изданіи стр. 287). Изъ другихъ Лѣтописцевъ никто не говоритъ объ ней ранѣе Нестора.

Несторъ причисляетъ Ямь къ данникамъ Россіи (въ печат. стр. 10): то есть, Новогородцы издревле ходили въ Финляндію собирать дань съ ея жителей или разорять сію землю.

(35) Memor. popul. II, 1010 — 1016.

(36) Memor. pop. II, 1014. Фунтъ Византійскій состоялъ изъ 72 золотниковъ. Греческіе Историки справедливо называютъ сіе требованіе нелѣпымъ.

(37) Въ харатейныхъ и въ *Никон. Лѣт.*

Византійцы пишутъ о 24 галерахъ, Несторъ о 14 ладіяхъ, разбитыхъ Владиміромъ.

(38) См. въ Бандури (T. I, стр. 18) безъименнаго описателя Константинопольскихъ древностей, жившаго около 1100 году; также Memor. popul. II, 1038, и Гиббона Hist. of the Decl. гл. LV, примѣч. 66. Сія мѣдная статуя, привезенная изъ Антіохіи, изображала Іисуса Навина или Беллерофона (an odd dilemma! говоритъ Гиббонъ, побѣдителя баснословной Химеры. Французы, овладѣвъ Константинополемъ въ началѣ XIII вѣка, сплавили оную.

(39) Сіе извѣстіе находится въ Маріанѣ Галлусѣ, Богуфалѣ и новѣйшихъ Польскихъ Историкахъ: Нарушевичь сомнѣвается въ его истинѣ (Hist. Narodu Polsk. II, 264 — 288). Разсказываютъ, будто Папа выпустилъ Казимира изъ монастыря на слѣдующихъ условіяхъ: 1) чтобы Поляки ежегодно присылали въ Римъ нѣкоторую сумму денегъ на масло особенной лампады въ церкви Св. Петра; 2) чтобы они подбривали себѣ голову, какъ Монахи тогданняго времени; и 3) чтобы Дворяне, въ большіе праздники, носили на шеѣ епанчахиль, какъ Священники и Діаконы см. Длугош. Hist. Pol. I, 211, и Кром. стр. 50).

Несторъ говоритъ о супружествѣ Казимира въ описаніи 1043 году. Маріанъ Галлусъ, почти современникъ Несторовъ, называетъ жену Казимирову только *благородною* Россіянкою (nobilem de Russia), а Богуфалъ дочерью *Романа Одоновича, Князя Россійскаго.* Лѣтописецъ Саксонскій (Annalista Saxo не именуетъ отца ея, говоря просто: duxitque (Казимиръ) uxorem Regis Russiae filiam.

О богатствѣ невѣсты пишетъ не только Длугошъ (Hist. Pol. I, 218), но и Маршшъ Галлусъ: cum magnis divitiis (стр. 70.

(40) О великанѣ Мстиславѣ см. Длугош. Hist. Pol. I, 220, и нашего Лѣтописца.

(41) См. Исторію Гаральда въ Снурлез. Hist. Reg. Sept. II, 54. Греческая Императрица Зоя, воспламенившая къ нему страстію, не хотѣла отпустить его; но онъ, съ помощію своей дружины Варяжской, тайно ушелъ къ Ярославу.— Будучи не только герой, но и стихотворецъ, Гаральдъ въ своихъ походахъ сочинилъ 16 пѣсенъ, изъ коихъ всякая заключалась воспоминаніемъ о любезной дочери Ярославовой; на примѣръ: »Мы видѣли берега Сициліи, и плавая на »быстрыхъ корабляхъ, искали славы, для того, »что смѣлые подвиги воинскіе лучше бездѣй»ствія, и чтобы заслужить любовь Русской »красавицы.« Маллетъ перевелъ на Французской языкъ слѣдующую Гаральдову пѣсню:

»Легкія суда наши окружили Сицилію. О вре»мя славы блестящей! Темный корабль мой, »людьми обремененный, быстро разсѣкалъ волны. »Думая только о войнѣ и битвахъ, я не искалъ »инаго счастія; но Русская красавица меня пре»зираетъ!

»Въ юности своей я сражался съ народами »Дронтгеймскими. Число непріятелей было ве»лико: кровь лилась рѣкою. Младый Царь ихъ »палъ отъ руки моей. Но Русская красавица ме»ня презираетъ!

»Однажды было насъ шестнадцать товари»щей въ кораблѣ: зашумѣла буря; взволновалось »море, и грузный корабль наполнился водою — »мы вычерпали оную, и спаслися. Я надѣялся »быть счастливымъ; но Русская красавица ме»ня презираетъ!

»Въ чемъ я не искусенъ? сражаюсь храбро,

»сижу на конѣ твердо, плаваю легко, катаюсь »по льду, мѣтко бросаю копье, умѣю владѣть »весломъ; но Русская красавица меня презира»етъ!

»Развѣ не слыхала она, какую храбрость ока»залъ я въ землѣ южной, въ какой жестокой »битвѣ одержалъ побѣду, и какіе памятники »славы моей тамъ остались? Но красавица Рус»ская меня презираетъ!

»Рожденный въ Верхней Норвегіи, гдѣ жите»ли столь искусно стрѣляютъ изъ луковъ, я »захотѣлъ лучше плавать на корабляхъ, страш»ныхъ для поселянъ, между скалами морскими, »и былъ въ неизмѣримости Океана, за предѣла»ми земель обитаемыхъ. Но Русская красавица »меня презираетъ!«

Елисавета *не презирала его* онъ слѣдовалъ единственно обыкновенію тогдашнихъ нѣжныхъ Рыцарей, которые всегда жаловались на мнимую жестокость своихъ любовницъ. — По лѣтосчисленію Далина, Гаральдъ женился на Елисаветѣ въ 1045 году (см. Gesch. des R. Schw. II, 7). Она скоро умерла, оставивъ двухъ дочерей, Ингигерду и Марію (Strurlez. Hist. Reg. Sept. II, 94): первая вышла за Филиппа, Короля Шведскаго. Мужественный зять Ярославовъ положилъ свою голову въ Англіи, сражаясь съ Королемъ Гаральдомъ Годвинсономъ въ 1066 году.

(42) Г. Левекъ въ своемъ Mémoire sur les anciennes relations de la France avec la Russie. (*Mémoires* de l' *Institut National*, T. II).

Acta Sanctorum, въ жизни Констант. Философа или Кирилла въ Шлецер. Нест. Ч. III, стр. 232): «въ 1048 году Р. Х., когда Генрикъ »послалъ въ Россію Шалонскаго Епископа Рогс»ра за невѣстою своею Анною, дочерью тамо»шняго *Короля*, Одальрикъ, Настоятель Реймской церкви Св. Маріи, просилъ сего Епископа развѣдать, въ тѣхъ ли странахъ находит»ся Херсонъ, гдѣ, по сказанію, лежатъ мощи С. »Климента? Что Рогеръ и сдѣлалъ, свѣдавъ отъ »Короля оной земли, Ярослава«, и проч.

См. также Rerum Gallicarum et Francicarum Scriptores, T. XI, стр. 157, 161, 197, 219, 247, 319, 355, 409, 411, 443, 499, 563, 564, 565, 653. Французскіе Лѣтописцы несогласны въ означеніи года свадьбы Генриковой: нѣкоторые полагаютъ ее въ 1044 году, иные въ 1051, и сказываютъ, что за невѣстою ѣздилъ Вальтерій или Готье (Gautier), Епископъ Московій, съ другими сановниками. Выписываемъ здѣсь любопытнѣйшее: Misit Rex Walterium, Episcopum Meldensem, et Waścelinum de Chalinaco cum aliis ad quemdam Regem in finibus Greciae, qui vocabatur Geriselo, de terra Rusciae, ut filiam ejus sibi nuptum daret; quod ille gratanter accepit, eamque cum multis donis in Franciam misit, ut ex Clario Monacho discimus .... Rex duxit uxorem Scythicam et Russam .... Bertradam (вмѣсто Анны), Julii Claudii Regis Russiae filiam .... A. 1052 Philippus natus est, Regis filius ex Anna, filia Georgii, Regis Slavorum .... Li Roi Henriz prist à fame Annte, la fille au Roi Ruffin. cele dame pensoit plus aux choses à venir que aux choses presentes, ce est à dire, qu'elle pensoit plus à Dieu qu'aux choses du siecle; dont il avint qu' ele fist estorer à Senlix une yglise en l'enor S. Vincent .... Гервазій, Архіепископъ Реймскій, въ 1062 году писалъ къ Папѣ Александру: Regnum nostrum non mediocriter conturbatum est: Regina enim nostra Comiti Radulpho (де-Крепи) nupsit, quod factum Rex noster quam maxime dolet. Для сего брака Рудольфъ де-Крепи оставилъ первую жену свою. Гервазій говоритъ о томъ: de uxore vero Comitis Radulphi, quae vestrae conquesta est paternitati, se a viro

injuriâ esse dimissam, id vobis notum esse volumus, и проч. — Папа Николай II (въ 1059 г) въ ласковомъ письмѣ къ Аннѣ, gloriosae Reginae, хвалитъ ея набожность и благодѣтельность: совѣтуетъ ей питать въ Королѣ усердіе ко благу Государства и Церкви, воспитывать сыновей въ чистыхъ правахъ, и проч.

(43) См. Mémoire Левек. и Recueil des Historiens de France, T. XI, 433 и 564.

(44) Туроц. Chron. Hung. гл. XLII, стр. 108, и Праев. Annal. Reg. Hungariae, кн. I, стр. 54.

Россіяне, живущіе въ разныхъ округахъ или Графствахъ Венгріи, на лѣвой сторонѣ Дуная, поселились тамъ безъ сомнѣнія въ древнія времена, но только уже Христіанами (не ранѣе XI или XII вѣка): ибо они всѣ были Греческаго Исповѣданія, слѣдственно не въ Католической Венгріи приняли Христіанскую Вѣру. Хотя Византійскіе Лѣтописцы, Іоаннъ Скилицесъ, Кедринъ, Зонара, говорятъ о двухъ Венгерскихъ Князьяхъ, Булосудѣ (Бульцѣ) и Гилѣ, которые въ X вѣкѣ крестились въ Царѣградѣ и взяли съ собою монаха Іерооея, названнаго первымъ Епископомъ народа ихъ (Memor. popul. T. III, стр. 620); но сей случай не имѣлъ важныхъ слѣдствій, и Христіанство утверждено въ Венгріи только при Гейзѣ, Римскими, а не Греческими Миссіонаріями (Гебгарди Gesch. des Reichs Hungarn, T. I, стр. 361). — Жестокія утѣсненія заставили наконецъ бѣдныхъ Венгерскихъ Россіянъ приступить къ Уніи. Одинъ изъ нихъ, Г. Орлай, Штабъ-Лекарь Двора нашего, говоритъ въ сочиненіи своемъ о *Карпато-Россахъ:* »мы лишились отечества, Закона прародительскаго и свободы.« Число ихъ, по извѣстію Г. Орлая, простирается до 800,000. Они говорятъ и пишутъ совершенно Русскимъ нарѣчіемъ.

Въ грамотѣ Гейзы II, писанной въ 1058 году, упоминается о Герцогѣ Дамаславѣ, живущемъ при Андреѣ I: Прай считаетъ сего Дамаслава Россіянином, пріѣхавшимъ въ Венгрію съ Агмундою или Анастасіею (Dissert. VII in annal. vet. 150).

(45) Саксон. Грам. *Hist. Dan.* кн. XI, стр. 207. Въ Торфеев. Hist. Norv. ч. III, стр. 377.—

Увидимъ ниже, что супругъ Гиды былъ дѣйствительно Владиміръ и Великій Князь (Rex) Россійскій, но только не *сынъ*, а *внукъ* Ярославовъ.

Несторъ пишетъ, что Владиміръ въ 1045 году заложилъ Св. Софію въ Новѣгородѣ, а въ 1052 умеръ и погребенъ въ сей церкви, имъ созданной.

Владиміръ Ярославичь родился въ 1020 году: слѣдственно жилъ только 32 года. Онъ умеръ Октября 4, по сказанію древней Новогородской лѣтописи, и рака его стоитъ въ храмѣ Софійскомъ близъ олтаря. Въ эпитафіи, на стѣнѣ, означены лѣта жизни и дѣла сего Князя: походъ на Ямь и на Грековъ. Архіепископъ Евѳимій въ 1439 году установилъ праздновать его память въ Новогородскомъ Соборѣ (см. выше, примѣч. 33). Нынѣшніе гробы Владиміра и супруги Ярославовой деревянные и не старинной работы: древніе, можетъ быть обложенные серебромъ, похищены, какъ вѣроятно, въ началѣ XVII вѣка Шведскимъ Генераломъ Яковомъ дела-Гарди, который бралъ изъ церквей Новогородскихъ все драгоцѣнное.

(46) Въ *Воскресенск. Лет.* (I,187) и многих. другихъ. Изяславъ родился въ 1025 году, Святославъ въ 1027, Всеволодъ въ 1030, Вячеславъ по *Троицк.* и *Никонов.* списку въ 1033, а по *Кенигсберг.*, *Пушкин.* и другимъ въ 1036, т. е. въ годъ Мстиславовой смерти.

(47) См. Дюкан. Famil. August. Byzant. стр. 144, 145, и Русск. переводъ Кедрина, листъ 172 и слѣд.

(48) *Historia Archiepiscoporum Bremensium*, въ Линденбр. изданіи стр. 89: »Ида, племянница Императора Генрика III и Папы Леона, вышла за Леопольда, Графа Штадскаго, и родила Оду, которая, живъ нѣсколько времени Монахинею въ обителп Риптельиской, возвратилась въ свѣтъ, сочеталась бракомъ съ Россійскимъ Княземъ и родила ему сына *Вартеслава;* а по смерти мужа, зарывъ великія сокровища въ нѣкоторомъ удобномъ мѣстѣ, выѣхала съ сыномъ и съ деньгами въ Саксонію (гдѣ вышла за втораго мужа). Вартеславъ чрезъ нѣсколько времени былъ призванъ въ Россію, княжилъ на престолѣ отца, и воспользовался сокровищами, оставленными тамъ его матерію.« То же разсказываетъ и Альбертъ Штадскій въ своей хроникѣ, и также не именуетъ супруга Одина. По собственнымъ нашимъ лѣтописямъ не знаемъ никакого Князя *Вартеслава*. Г. Траеръ въ своемъ разсужденіи: Abstammung Russ. Kays. Hauses und Braunschweig-Lüneburg. Herzoge von einer Deutsch. Stamm-Mutter, доказывалъ, что Ода была за Всеволодомъ, и что Вартеславъ есть Владиміръ Мономахъ; но мать Владимірова — Гречанка, по извѣстію Нестора — умерла прежде супруга Гораздо вѣроятнѣе, что Нѣмецкіе Лѣтописцы обратили *Вячеславича* (Бориса) въ Вартеслава.— О Кунигундѣ говоритъ такъ называемый Саксонскій Лѣтописецъ (Annalista Saxo, въ Эккард. Corp. hist. med. aevi, T. I, стр. 493): »Кунигунда, дочь Оттона, Графа Орламиндскаго (и Маркграфа Мейссенскаго) вышла за Князя Россійскаго и прижила съ нимъ дочь, на которой женился послѣ Гинтеръ (Графъ Шварцбургскій); отъ сего брака родился Графъ (Шварцбургскій) Сицо. По смерти Князя Россійскаго Кунигунда возвратилась въ отечество и сочеталась вторымъ бракомъ съ Конономъ (Графомъ Бейхлингенскимъ).« Г. Реникъ полагаетъ Кунигундинымъ супругомъ Святослава (см. Versuch einer zuverlässigen Nachricht von dem ersten Gemahle der Gr. Kunigunde); но Святославъ умеръ пятидесяти лѣтъ: супруга его не могла быть молодою вдовою; или надобно предположить, что она была втораго брака. Вячеславъ умеръ двадцати-четырехъ лѣтъ (см. выше, примѣч. 46), Игорь также въ юношествѣ; первый оставилъ только *одного* сына, а второй *двухъ* (см. ниже).

(49) Въ годъ Мстиславовой смерти Несторъ говоритъ только: »Епископа поставили Жидяту.« Въ *Новогородск. Лѣт.* Попа Іоанна и въ другихъ онъ названъ Лукою. — Вѣроятно, что Митрополитъ Ѳеопемптъ скончался прежде Иларіонова избранія. Въ нашихъ рукописныхъ *Каталогахъ* означены всѣ Митрополиты и Епископы Россійскіе, время ихъ жизни и паствы; но сіи Каталоги сочинены въ новѣйшія времена, обезображены грубыми историческими ошибками и не согласны одинъ съ другимъ. Они выбраны изъ лѣтописей, и безъ всякаго разсмотрѣнія.

(50) Ни въ *Пушк.*, ни въ *Кенигсберг.* спискѣ не упоминается здѣсь объ *Игорѣ*, пятомъ сынѣ Ярослава; въ *Троицк.* уже *другою рукою* написано внизу: »а Игорю Володимерь.« — Въ одной лѣтописи XV вѣка (Синодал. Библіот. No 349, л. 227) и въ *Новогород.* Попа Іоанна (стр. 311) сказано, что Изяславъ взялъ себѣ Новгородъ и Кіевъ съ городами его; Святославъ Черниговъ и *всю сторону восточную* до Мурома; а Всеволодъ Переяславль, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро и Поволожье (то есть, мѣста по Волгѣ). Такъ въ самомъ дѣлѣ были раздѣлены между ими области. — Въ лѣтописи означено, что Ярославъ умеръ *селидесяти-шести лѣтъ* въ 6562 году, въ первую *Субботу* поста Св. Ѳеодора: то есть, въ Ѳеодорову Субботу (такъ въ харат. *Пуш-*

кинск. спискѣ): слѣдственно 19 Февраля (а не 20, какъ прибавлено въ другихъ спискахъ: ибо Пасха была тогда 3 Апрѣля), и въ 1054 году по нынѣшнему счисленію съ Генваря, а по древнему въ 6561: ибо Несторъ *начинаетъ годъ съ Марта, а не съ Сентября.*

Лѣтописецъ говоритъ, что во время кончины отца Изяславъ былъ въ Новѣгородѣ, а Святославъ въ Владимірѣ.

(51) Сей памятникъ, вышиною 2 аршина, длиною $3\frac{1}{2}$, шириною 19 вершковъ, сдѣланъ изъ мрамора бѣло-синеватаго, и находится въ придѣлѣ съ лѣвой стороны большаго олтаря. Половина монумента скрыта въ стѣнѣ. На камнѣ вырѣзаны кресты, съ буквами *IC. XC*, также буквы NIKA (Греч. слово, означающее *побѣду*), птичьи головы, деревья, цвѣты и проч.

(52) См. харат. *Новогород. Лѣт.* стр. 112, также сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 4.

(53) См. харат. *Новогород. Лѣт.* стр. 80. Сей Дворъ былъ на *Торговой Сторонѣ* въ Новѣгородѣ, за мостомъ отъ Софійскаго Собора. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прибавлено: »близъ рѣки »Волхова, идѣже нынѣ Николая Чудотворца цер»ковь; и донынѣ зовется *Ярославле дворище.*«

(54) Въ *Никон. Лѣт.* и въ рукописныхъ Новогородскихъ.

(55) Кромеръ, стр. 45.

(56) Св. Георгій представленъ съ вѣнцемъ на главѣ; на плечахъ хламида, изъ-подъ коей видна часть брони; на лѣвой рукѣ щитъ, въ правой копье. Надпись: ὁ Γεώργιος и буквы точно имѣютъ образъ Греческихъ первагонадесять вѣка. На другой сторонѣ, вокругъ: × *Ярославле сребро.* Въ срединѣ надписи знакъ подобный трезубцу; на бокахъ стоятъ 3 буквы: М. А. И. Думаю, что сіи буквы Греческія, а не Русскія; что третья есть N, и что онѣ знаменуютъ

Μεγαλε Αρχοντος νόμισμα, то есть: *Великаго Князя монета.* Византійцы дѣйствительно именовали нашихъ Князей *Архонтами* (Memor. popul. II, 976). Можетъ быть, Ярославъ первый хотѣлъ имѣть собственныя серебряныя деньги въ Россіи, и велѣлъ художнику Византійскому сдѣлать въ Кіевѣ нѣсколько монетъ для опыта. Сія драгоцѣнность находится въ Кабинетѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина.

(57) См. *Никонов. Лѣт.* I, 142, и *Степен. Кн.* I, 224. Названіе *domestvennoe* есть *Греческое* испорченное и происходитъ отъ слова Δομέστικος, *уставщикъ.* (Дюканжъ).

(58) См. Стурлез. Hist. Reg. Sept. T. I, стр. 745 и слѣд. Сей Лѣтописецъ разсказываетъ, что Ярославъ хотѣлъ отдать Олофу землю *Вулгарію,* гдѣ жили язычники (можетъ быть, область сосѣдственную съ Казанскою Болгарією: ибо народъ Болгарскій не зависѣлъ отъ Россіи). Занимаясь единственно святостію, Олофъ думалъ только о спасеніи души своей, лечилъ больныхъ и дѣлалъ чудеса (стр. 748 и 749); но увидѣвъ, къ несчастію, во снѣ тѣнь Олофа Триггвасона, которая подала ему надежду быть снова Королемъ Норвежскимъ, рѣшился, въ противность совѣту Ярославову и жены его Ингигерды, возвратиться въ отечество, гдѣ онъ положилъ свою голову на мѣстѣ сраженія въ 1030 году. Сынъ его Магнусъ жилъ въ Россіи до 1033 году.

(59) Адамъ Бременскій, почти современный Историкъ, именно такъ пишетъ: filii ejus (Эдмундовы) in *Ruzziam* exilio sunt damnati (въ Лейденброг. изданіи стр. 26). Быть можетъ, что Англійскіе Принцы выѣхали послѣ изъ Россіи въ Венгрію (см. Праев. Annal. Reg. Hung. кн. I, стр. 28).

Венгерскіе Принцы, Андрей и Левента, дѣти Ладислава *Плѣшиваго* и какой-то безъименной Россіянки (Туроц. Chron. Hung. стр. 108 въ

Шванднер. изданіи) долгое время жили въ нашемъ отечествѣ: тамъ Андрей узналъ, что Венгерцы избираютъ его въ Короли (см. Прав. Annal. Reg. Hung. кн. I, стр. 50).

(60) См. въ Кіевск. Патерикѣ *сказаніе о церкви Печерской.*

(61) См. о Пермякахъ и Самоѣдахъ въ печат. *Нест.* стр. 10, 145, 146. Слѣдственно Шлецеръ (Nord. Gesch. 292) и другіе несправедливо говорятъ, что Русскіе узнали Самоѣдовъ только въ XV вѣкѣ. Имя сего народа производятъ отъ *Салеядна*: такъ Лапландцы называютъ свою землю; а Русскіе, говоритъ Фишеръ (въ *Сибирск. Исторіи*, стр. 72, 73) считали нѣкогда Лапландцевъ (Лопарей) и Самоѣдовъ за одинъ народъ. Иные толкуютъ, что Самоядь есть Финское слово Suomihätti, то есть *Финнами оставленные* жители: сіе изъясненіе предполагаетъ, что тѣ и другіе обитали вмѣстѣ, и что Финны оставили наконецъ Самоѣдовъ (см. Прая Dissert. in ann. vet. Hung. стр. 40. Языкъ послѣднихъ отличенъ отъ Финскаго и сходствуетъ съ языкомъ Остяковъ Томскихъ, Нарымскихъ, Енисейскихъ, Каймашей, Карагасовъ и проч. (см. Фин. *Сибирск. Исторію*): думаютъ, что Самоѣды были изгнаны изъ Сибири Татарами. — Часть Лапландіи принадлежала Новугороду еще прежде Ярослава, если Руническая харатейная грамота, въ 1677 году напечатанная въ Норвежскомъ городкѣ Шенѣ, не есть изобрѣтеніе какого нибудь любителя древностей. Ученый Спарфенфельдъ получилъ оную отъ Пастора Николая Голфварда. Она содержитъ въ себѣ распредѣленіе границъ между Россіею и Норвегіею во время Свенона I, Датскаго Короля, жившаго въ концѣ X вѣка. Въ ней сказано, что Государь Россійскій можетъ брать дань съ жителей приморскихъ,

горныхъ и лѣсныхъ до самыхъ сѣверо-восточныхъ предѣловъ Норвегіи. Я нашелъ сіе извѣстіе въ рукописномъ извлеченіи, сдѣланномъ въ Стокгольмѣ изъ Лѣтописцевъ Скандинавскихъ для Екатерины Великой.

(62) Главные изъ нихъ были Тореръ и Карлъ, отправленные для торговли въ Біармію самимъ Королемъ Олофомъ. Приплывъ туда во время *славной* ярмонки и накупивъ *лиховъ*, они вздумали еще ограбить кладбище: ибо жители имѣли обыкновеніе зарывать въ могилу часть богатства, оставляемаго умершими. Сіе мѣсто было окружено лѣсомъ и заборомъ; въ срединѣ, на площади, стоялъ истуканъ бога Іомалы, съ драгоцѣннымъ ожерельемъ на шеѣ; а передъ нимъ, въ серебряной чашѣ, лежали деньги. Норвежцы зашли туда въ глубокую ночь, и похитили все, что могли; но желая еще снять ожерелье съ идола, крѣпко привязанное, отсѣкли ему голову .... Вдругъ раздался ужасный звукъ и трескъ. Стражи кладбища пробудились и начали трубить въ рога. Воры спасались бѣгствомъ. Жители съ крикомъ и воплемъ гнались за ними, и со всѣхъ сторонъ окружили ихъ; но будучи неискусны въ дѣлѣ воинскомъ, не могли ничего сдѣлать отважнымъ грабителямъ, которые благополучно дошли до кораблей своихъ (см. Спурлез. Hist. Reg. Sept. T. I. гл. CXLII, de itinere in Biarmiam, стр. 618 и слѣд.).

Спурлезонъ не именуетъ города Біармскаго. Въ Dissertation sur les anciens Russes стр. 36, приведено одно мѣсто изъ Торфеевой Норвежской Исторіи, гдѣ столица Біарміи названа Гольмгардомъ: я не умѣлъ найти сего мѣста въ Торфеѣ. Онъ пишетъ (Hist. Norv. T. I, стр. 165), что Гольмгардъ былъ древнею столицею и Княжествомъ Россіи, которое досталось на часть Ярославу, сыну Владиміра Великаго. Мы знаемъ, что Ярославъ княжилъ въ Новѣгородѣ:

слѣдственно имя Гольмгардъ, по Торфееву сказанію, означало сію первобытную столицу Россіи, а не Біарміи. Струбе, Авторъ Диссертаціи, и Миллеръ непремѣнно хотѣли доказать, что наши Колмогоры и древній Гольмгардъ есть одно мѣсто. Имя сходно; но Колмогоры по нашимъ историческимъ памятникамъ извѣстны только съ XIV вѣка: въ первый разъ упоминается объ нихъ въ грамотѣ Вел. Кн. Іоанна Іоанновича, сына Калиѳина (см. Пушкинск. собраніе грамотъ Двинскихъ.); тамъ жили Новогородскіе Двинскіе Посадники. Г. Крестининъ, Архангельскій уроженецъ, пишетъ, что Колмогоры составились изъ трехъ деревень: Курцева, Качкова, Надрокурья (см. его *Начертаніе исторіи* сего города). Имя ихъ есть, кажется, вмѣстѣ и Финское и Русское: *колмъ* на Финскомъ языкѣ значитъ *три*. И въ Большомъ Чертежѣ и въ Двинской лѣтописи сей городъ всегда называется Колмогорами, а не Холмогорами. — Мнимый Іоакимъ, Татищевъ и Елагинъ искали Гольмгарда въ окрестностяхъ Новагорода, не знавъ, что Скандинавскіе писатели называли такъ иногда самый Новгородъ, иногда всю Россію сѣверную.

Вотъ баснословное описаніе Йомалина храма: »Построенный весьма искусно изъ самаго луч»шаго дерева, онъ былъ украшенъ золотомъ и »камнями драгоцѣнными, ярко озарявшими всѣ »окружныя мѣста (Sturlaugs Saga, стр. 47, 49). »На головѣ Йомалыблистала золотая корона съ »двѣнадцатью рѣдкими камнями; ожерелье его »цѣнилось въ 300 марокъ (150 фунтовъ) золота; »на колѣняхъ сего идола стояла золотая чаша, »наполненная золотыми монетами, и такой ве»личины, что четыре человѣка могли напиться »изъ нее досыта. Его одежда цѣною своею пре»восходила грузъ трехъ самыхъ богатѣйшихъ »кораблей.« См. Herrauds и Bosa Saga, стр. 33, въ

Шлецер. Nord. Gesch. стр. 439.

Норвежцы до самаго XIII вѣка ходили на кораблях въ Біармію (см. Далин. Gesch. des R. Schw. II, 144, въ примѣч.). Бѣлое море и часть Ледовитаго къ берегамъ Архангельской Губерніи долго назывались въ Россіи *Мурманскимъ*, что есть Норманскимъ или Норвежскимъ моремъ (см. Двинск. лѣтопись въ *Труд. Вольн. Рос. Соб.* Т. I, стр. 126). Но Болтинъ говоритъ, что Мурманское значитъ *поморское* (Примѣч. на Леклера Т. I, стр. 45): ибо Татищевъ увѣрялъ, что *Маурена* значитъ на *Сарматскомъ* языкѣ *поморье*.

(63) См. Отерово путешествіе въ Форстер. Gesch. der. Entdeckungen im Norden.

(64) Двинской Лѣтописецъ (*Труд. Вольн. Рос. Собр.* Т. I, стр. 114, 115) говоритъ, что они зависѣли отъ Новагорода еще при Владимірѣ, который просвѣтилъ ихъ крещеніемъ вмѣстѣ съ Россіянами. Первое вѣроятно, ибо народъ въ Архангельской Губерніи долѣе сохранилъ (см. *Записки Лепех.* Т. IV) нѣкоторые обычаи *языческихъ Славянъ*: изъ чего можно заключить, что Россіяне еще въ идолопоклонствѣ овладѣли Двинскою областію; но второе сомнительно: ибо Норвежцы, посланные Королемъ Олофомъ, Ярославовымъ современникомъ, въ Біармію, нашли ся жителей идолопоклонниками.

Объ имени Заволочья см. Двинск. Лѣтоп. стр. 115. *Волокъ* означаетъ 1) пространство между рѣками судоходными, чрезъ кое перевозили или перетаскивали суда; 2) также мѣсто лѣсное, закрытое, *заволоченное* (см. *Словарь Географ. Рос. Государ.* I, 977 и 1021). Если Двинская земля названа *Заволочьемъ* въ первомъ смыслѣ, то подъ *волокомъ* разумѣлось пространство между Онегою и Двиною.

Несторъ пишетъ (въ печати. стр. 145, 146):

»се же хочю сказати, яже слышахъ прежде »сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Юря Тароговичь »Новъгородецъ, глаголя сице: яко послахъ от»рокъ свой въ Печеру — людіи, яже суть дань »дающе Новугороду — и пришедшю отроку мо»ему къ нимъ, и оттуда иде въ Югру: Югра »же языкъ есть *инъчь*« (т. е. иноплеменный) »и »съсѣдятся съ Самоѣды на полунощныхъ стра»нахъ. Югра же рекоша отроку моему: давно »находимъ мы чюдо, его же нѣсьмы слышали »преже сихъ лѣтъ; се же третье лѣто почаша »быти. Суть горы заидуче лукоморя« (т. е. за лукоморьемъ или морскою лукою), »имъ же вы»сота до небеси, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ »и говоръ, и сѣкуть гору, хотяче высѣчися, и »въ горѣ той просѣчено окопце мало, и ту де »молвятъ, и есть не разумѣти языку ихъ, да ка»жуть на желѣзо, и помовають рукою, просяче »желѣза. Кто дасть имъ ножъ, ли сѣкиру, да»ють скорою (шкурами) противу. Есть же путь »до горъ тѣхъ, и непроходимо пропастьми, »снѣгомъ и лѣсомъ: тѣмъ же не доходимъ ихъ »всегда; есть же и подаль на полунощьи. — Мнѣ »же рекшю къ Юрятѣ: *си суть людь заключе»ни Олександромъ Македоньскимъ Царемъ*, яко »же сказаетъ Меѳодій Патарійскій«: или Па»тарскій Епископъ, славный врагъ Оригеновой ереси (см. его житіе въ Минеяхъ и въ Прологѣ Іюня 20). Я нашелъ въ Синодальной библіотекѣ и сочиненіе Меѳодіево, о коемъ здѣсь говоритъ Несторъ, подъ заглавіемъ: *Меѳодіа, Епископа Патарскаго, слово о царствѣ языкъ послѣднихъ временъ* (см. книгу въ листъ подъ No. 20). Оставимъ повѣсть Византійскаго Меѳодія и догадку Несторову; но сказаніе Юрья Тароговича весьма любопытно и важно для нашей Исторіи, свидѣтельствуя, что *Россіяне въ XI вѣки уже бывали за хребтомъ горъ Уральскихъ*, и

что Сибирскіе народы вымѣнивали въ Югрѣ желѣзныя орудія на шкуры.

(65 Въ лѣтописи, напечатанной въ *Продолж. Древ. Рос. Вивліоѳики*, сей уставъ весьма не полонъ, и вторая часть его несправедливо названа *Правдою дѣтей Ярославовыхъ*, которыя не сочиняли *новыхъ* законовъ, но только отмѣнили одинъ (см. ниже), утвердивъ всѣ другіе: »а ина »все яко же Ярославъ судилъ, тако же и сыно»ве его уставиша« (см. новое изд. *Русск. Правды*, стр. 10).

Новые Издатели *Русской Правды* сдѣлали другую ошибку, не менѣе важную, назвавъ первую часть Ярославовымъ уставомъ, а вторую *Мономаховымъ*.

Самый древнѣйшій списокъ *Правды* нашелъ я въ библіотекѣ Синодальной, въ харатейной Кормчей Книгѣ (No 82). Въ началѣ стоитъ слѣдующая надпись: »Въ лѣто *шесть тысячь, семь сотъ*.« —(третья числительная буква изгладилась) — »написаны быша книгы сія повелѣніемъ благо»вѣрнаго Князя Новогородьского Дмитрія« (сына Александра Невскаго) »а стяжаніемъ боголюби»ваго Архіепископа Новогородьского Климента« (слѣдственно около 1280 году) »и положены »быша въ церкви Св. Софіи, на почитаніе (чте»ніе) Священникомъ и на послушаніе Кресть»яномъ (Христіанамъ), а собѣ на спасеніе души.« Сія книга, любопытная и по другимъ, внесеннымъ въ нее сочиненіямъ, въ началѣ XVI вѣка была уже въ Москвѣ, и Великій Князь Василій Іоанновичь (что написано на ея переплетѣ), отпуская въ Новгородъ Архіепископа Макарія въ 1524 году, далъ ему оную какъ драгоцѣнность и велѣлъ снова положить въ Софійскую церковь. — Въ библіотекѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина есть другой, также харатейный, но, думаю, новѣйшій списокъ *Правды*, которымъ я также

пользовался. Въ печатномъ же находятся неисправности, большею частію умышленныя, то есть, мнимыя поправки.

(66) На примѣръ, въ нихъ говорится объ *Изгояхъ* (см. ниже), жителяхъ Новогородскихъ, и проч. Но Ярославъ, будучи Великимъ Княземъ, безъ сомнѣнія далъ сей уставъ цѣлому государству. Дѣти Ярославовы и Мономахъ съ *Боярами Кіевскими, Переяславскими, Черниговскими* (см. ниже) отмѣнили и прибавили нѣкоторыя статьи: ясно, что въ Кіевѣ и другихъ южныхъ городахъ дѣла судились также по законамъ Ярославовымъ, весьма сходнымъ съ гражданскимъ уставомъ Децемвировъ (см. Commentaire sur la loi des douze tables par Bouchaud).

(67) Имя Огнищанъ, которое встрѣчается только въ лѣтописяхъ Новогородскихъ, произошло въ глубокой древности отъ слова *огнище* или *очагъ*, знаменовало гражданъ домовитыхъ, и наконецъ обратилось въ названіе *Житыхъ* людей (см. сей *Исторіи* Т. IV и V.)

Людинъ есть число единственное *людей:* такъ назывались, кромѣ Бояръ, собственно всѣ граждане вольные. Народы Германскіе то же разумѣли подъ именемъ Leute (Leudes) въ законахъ Визиготѳскихъ, Лонгобардскихъ и проч. См. Дюканж. или Дюфрен. Glossarium ad Script. mediae et infimae Latinitatis.) — Здѣсь мы соединили главу I, III, VII, VIII и IX по раздѣленію новыхъ Издателей Правды. Писцы безъ сомнѣнія перемѣшали статьи.

Въ подлинникѣ (статья 1): »*Изгой* любо Слово»вениНъ.« *Изгоями* назывались жители области пограничной съ Литвою (см. новое изд. Правды, стр.8, и населявшіе особенную улицу въ Новѣгородѣ: объ нихъ упоминается въ древнемъ Новогородскомъ *Уставѣ о мостовыхъ* (см. ниже) и

въ лѣтописи Псковской; вѣроятно, что они были Лапышскаго или Чудскаго племени.

Въ *Правдѣ* лѣтописи Новогородской (стр. 338) названъ сельскій Тіунъ *Старостою.* — Тіуномъ сельскимъ и ремесленникомъ могъ быть конечно и свободный человѣкъ; но здѣсь говорится о людяхъ рабскаго состоянія: иначе за ихъ убіеніе надлежало бы взыскивать виру или 40 грив., а не 12. — Имя *смердъ* означало обыкновенно крестьянина и черь, то есть, простыхъ людей, не военныхъ, не чиновныхъ, не купцевъ. — Вѣроятно, что имя *смердъ* произошло отъ глагола *смердѣть.* Американцы, жители береговъ Миссиссипи, также называютъ черь людьми *смрадными* (см. Робертсонову *Исторію Америки,* Т. II, въ статьѣ *о правленіи*).

Издатели Правды вмѣсто: »а за смердій холопъ,« напечатали: »а смерди и холопъ 5 гривенъ.« Ошибка грубая: ибо смерды были свободные люди, и ни въ какомъ случаѣ не могли равняться съ холопями; здѣсь говорится не о смердахъ, но объ ихъ рабахъ. Смерды платили Князю *продажу*, дань или пеню; а съ холопа не было никакого денежнаго взысканія, ибо онъ не имѣлъ собственности.

За рабу, какъ видимъ, платили болѣе, нежели за раба: по тому ли, что убіеніе слабой жены считалось важнѣйшимъ преступленіемъ? Но выше сказано, что убійца свободной жены вносилъ въ казну только полвиры. Не уже ли раба, какъ вещь или товаръ, стоила въ то время дороже холопа?

(68) См. законы Саксонцевъ, Франковъ и проч., изданные Голдастомъ, Линденброкомъ, Георгишемъ. (Спиригок. de Iure Sueonum ac Gothorum antiquo. кн. II, гл. IV, стр. 349; см. также *Рѣчь* Струбе о *началѣ Рос. законовъ,* стр. 10).

Не одни народы Нѣмецкіе, но и Греки во время Троянской войны брали деньги съ убійцъ,

и сіи пени назывались АПОІVАІ (смотр. въ IX книгѣ Иліады рѣчь Нестора къ Ахиллесу.) Древніе Ирландцы имѣли такое же обыкновеніе: см. Юмову *Англ. Исторію* Т. II, *о законахъ Англо-Саксонскихъ.*

(69) См. Ире Glossarium и Юмову *Англ. Исторію*, Т. II, о *правленіи и нравахъ Англо-Саксонцевъ.* — Издатели Русской Правды и Татищевъ думали, что Тіунами назывались судьи *уѣздные;* но сіе имя вообще знаменовало Вельможу или Намѣстника Государева, имѣвшаго судебную власть. Такъ въ древней лѣтописи Новогородской, напечатанной въ Синодальной типографіи, сказано (стр. 110), что Ярославъ оставилъ въ Новѣгородѣ двухъ сыновей съ *Тіуномъ* Якимомъ; такъ въ Новогородскихъ грамотахъ XIV вѣка предлагается условіе Князю, чтобы онъ не держалъ въ Вологдѣ своего Тіуна или Намѣстника. Судебникъ Царя Іоанна Васильевича представитъ намъ должность Тіуновъ въ XVI вѣкѣ.

(70) То есть, конюшіе, повара, хотя можетъ быть, и холопи. Увидимъ ниже, что Тіунъ или чиновный слуга Боярскій, поставленный здѣсь наровнѣ съ людьми свободными, былъ рабскаго состоянія.

(71) См. въ печатн. *Правдѣ* стр. 58, 61, 95, 97.

(72) См. тамъ же стр. 11, 16, 26.

Кажется, что слово *вервь*, употребленное въ смыслѣ округи, есть Норманское или Шведское Hwarf.

По Шведскимъ законамъ округа или волость также платила 40 марокъ пени, въ случаѣ, если убійца скрывался (см. *Рѣчь Струбе* стр. 12.)

Издатели *Правды Русской* думали, что *потокъ* есть започеніе.

Далѣе въ подлинникѣ: »на разграбленіе« — то есть, преступникъ лишался не только свободы, но и собственности. Не думаю, чтобы народъ могъ дѣйствительно разграбить его имѣніе: гораздо вѣроятнѣе, что оно также шло въ казну.

(73) Въ подлинникѣ: »рогомъ.« Въ лѣтописи Псковской сказано (год. 6981), что Посадники, наливъ кубки и *роги злащенны* медомъ и виномъ, били челомъ Софіи, невѣстѣ Вел. Князя Іоанна. Въ старину пивали изъ роговъ или сосудовъ, по подобію рога сдѣланныхъ. — См. въ *Рус. Правдѣ* стр. 31 и 34.

(74) Нѣмецкіе законы опредѣляли цѣну особенную всякому поврежденному члену: головѣ, глазу, носу, ушамъ, зубамъ, бородѣ, усамъ, рукѣ, ногѣ; даже всякому пальцу и составу его: см. *Рѣчь* Академика Струбе стр. 12; далѣе см. въ *Рус. Правдѣ* стр. 69, 76, 77.

(75) У Шведовъ былъ такой же законъ: см. *Рѣчь* Струбе, стр. 12 и 13, въ *Рус. Правдѣ* стр. 67, и Юмов. *Англ. Исторію* Т. II, о законахъ Англо-Сакс. 70, 71.

(76) См. *Рѣчь* Академика Струбе стр. 10.

(77) См. Статью XII, въ печатн. стр. 38, также стат. XXIII, стр. 46. Клѣтью называлась прежде всякая горница, а не одна кладовая. — Воръ по Русскимъ законамъ платилъ *три гривны*, а по Датскимъ *три марки.* Обыкновенная *вира* или пеня за убіеніе людина состояла у насъ, какъ выше показано, въ 40 *гривнахъ*, а въ *Швеціи* въ 40 *маркахъ* (см. Рѣчь Струбе, стр. 10). — Славяне Дунайскіе держали хлѣбъ въ *ямахъ:* и Россійскіе также. Сіи цѣны (въ печ. стр. 47) уставлены для виновныхъ смердовъ: т. е. свободныхъ простыхъ людей, съ *которыхъ* обыкновенно взыскивается и въ казну пеня; но если воры будутъ холопи, съ коихъ (ибо они не суть вольные люди) Государь не беретъ пени, то хозяинъ взыскиваетъ съ нихъ (съ господина) за вещь двойную цѣну. Пеня казенная за воровство означена выше: см. въ печатн. *Правдѣ* стр. 45 и 46.

Прежде сказано, что конный пашь лишается достоянія и вольности. Можно согласиться что и другое: имуществомъ вора удовлетворялся хозяинъ коня; прочее отдавали на разграбленіе, а вора Князю.

(78) Въ одномъ спискѣ *Правды*, полученномъ мною отъ Г. Горюшкина, и въ лѣтописи *Засѣцкаго*, писанной въ XV вѣкѣ и хранящейся въ библіотекѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина, No 602, находится подъ статьею о *рѣзоимствѣ* вычисленіе, сколько прибыли въ извѣстное число лѣтъ можно имѣть отъ всякаго скота; и сей расчетъ несомнительно опредѣляетъ цѣну *ногатъ* и *рѣзаней*, то есть, отношеніе ихъ къ *гривнѣ*. На примѣръ: »отъ 22 козъ приплода на »12 лѣтъ 90,112 козъ, а по купамъ 27,033 *гри»вны* и 30 *рѣзанъ*; а коза мѣтана по 6 *ногатъ*.« Слѣдственно въ *гривнѣ* 20 *ногатъ*, а въ *ногатѣ* $2\frac{1}{2}$ *рѣзани*. Вторый примѣръ: »а на пѣхъ овчахъ и на »баранѣхъ рунъ 360,446, а на пѣхъ рунѣхъ ку»нами 7,208 *гривенъ* и 46 *рѣзанъ*; а руно чтено »по *рѣзани*.« слѣдственно въ *гривнѣ* 50 *рѣзаней*.

Въ харатейной Кормчей Книгѣ (Синодальн. библ. No 82), гдѣ вписаны Ярославовы законы, находятся также отвѣты Новогородскаго Епископа Нифонта (жившаго около половины XII вѣка), на вопросы какого-то Кирика: въ нихъ сказано, что за *гривну* служатъ въ церквахъ *пять* сорокоустій, а за *шесть* кунъ одно. Мѣста, выше приведенныя нами изъ устава Ярославова, свидѣтельствуютъ, что въ гривнѣ не могло быть *тридцати* кунъ; но въ заказанныхъ вдругъ пяти сорокоустьяхъ Священники могли уступать на каждое по купѣ. — Въ прибавленіи Горюшкинскаго списка и лѣтописи Засѣцкаго нѣкоторый скотъ оцѣненъ дороже, нежели въ *Правдѣ*: кобыла въ 3 гривны, корова въ 2 гривны, овца въ 6 ногатъ, баранъ въ 10 рѣ-

заней, свинья въ 10 ногатъ или $\frac{1}{2}$ гривны. Тутъ же показано, что *рой пчелъ* стоитъ 10 ногатъ. Ежели въ XI вѣкѣ гривна Новогородская въ отношеніи къ серебру равнялась цѣною съ гривною Смоленскою 1228 году (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 290 и 475) то, полагая гривну или полфунта серебра въ 10 рублей серебряныхъ, можемъ опредѣлить цѣну сихъ вещей въ отношеніи къ нынѣшней монетѣ такимъ образомъ:

По законамъ Ярославовымъ:	Руб.	коп.	*По упомянутому прибавленію Горюшк. списка:*	Руб.	коп.
Конь Княжеск.	7	50	. . . . .		
Простой . .	5		. . . . .		
Кобыла . . .	6		. . . . .	7	50
Жеребецъ нѣзжалый . . .	2	50	. . . . .		
Жеребенокъ . .		75	. . . . .		
Волъ	2	50	. . . . .		
Корова . . .	4		. . . . .	5	
Трехлѣтній быкъ	3		. . . . .		
Годовикъ . .	1	25	. . . . .		
Теленокъ . . .		50	. . . . .		
Свинья		50	. . . . .	1	25
Поросенокъ . .		$12\frac{1}{2}$	. . . . .		
Овца		50	. . . . .		75
Баранъ		$50\frac{1}{2}$	. . . . .		50
Рой пчелъ			. . . . .	1	25

Сія оцѣнка покажется чрезмѣрно высокою, особенно тѣмъ, которые, судя о достоинствѣ старинныхъ монетъ — на примѣръ, рублей XV и XVI вѣка — по ихъ нынѣшнимъ названіямъ, привыкли удивляться тогдашней дешевизнѣ вещей и не знаютъ, что рубль Великаго Князя Василія Іоанновича содержалъ въ себѣ около пяти нынѣшнихъ серебряныхъ: о чемъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь представимъ только слѣ-

дующія нужныя замѣчанія: 1) въ половинѣ X вѣка молодая лошадь стоила въ Константинополѣ 12 червонцевъ, а мулъ пятнадцать Constant. Porph. de Cerim. стр. 265, въ соч. Г. Круга Münzkunde Russlands, стр. 102); въ древнихъ Саксонскихъ законахъ оцѣненъ конь и быкъ въ два червонца (см. *Рѣчь Струбе* стр. 13). 2) Нѣтъ сомнѣнія, что Россійскій законодатель цѣнилъ самыхъ *лучшихъ* коней, *лучшихъ* быковъ, и проч.: пять дурныхъ лошадей не стоятъ двухъ хорошихъ.

(79) Такъ въ Пушкин. спискѣ и во всѣхъ другихъ (см. въ печатн. стр. 71).

(80) Въ печатн. стр. 80,

(81) Въ печатн. стр. 77. Донынѣ говорятъ: »лодки съ *набоями*.« Г. Кругъ (въ сочин. Münzkunde Russlands, стр. 82) думалъ, что здѣсь говорится о лодкахъ *обитыхъ* кожею.

(82) Въ печатн. стр. 47, 68 и 101. Въ подлинникѣ: »оже будутъ холопи платье, любо Княжи, или Боярскіи или *черныи*.« Мы видѣли выше (см. примѣч. 67. и въ печат. *Правдъ* стр. 23, 24), что холопи были обыкновенно или Княжескіе, или Боярскіе, или *смердьи*, то есть, простыхъ людей; ихъ же безъ сомнѣнія называли и *черными*, или холопями *черни*.

(83) Въ печатн. стр. 36, 38, 40, 41.

(84) Тамъ же стр. 41.

(85) Тамъ же стр. 35, 97, 98, 99.

(86) Тамъ же стр. 100.

(87) См. *Рѣчь* Струбе, стр. 16.

(88) Въ печатн. стр. 64, 65.

(89) Тамъ же стр. 48, 52.

(90) Тамъ же стр. 57, 58, 59, 60 и 100.

(91) Въ печатн. *Правдѣ*, стр. 50, сказано: »занеже ему было годѣ, ялъ и хранилъ.« Здѣсь слова раздѣлены не такъ, и не имѣютъ смысла. Въ харатейныхъ: »занеже ему бологодѣялъ (благодѣялъ) и хоронилъ товаръ его.«

(92) Въ печатн. стр. 50 51.

(93) Тамъ же стр. 26, 34. Въ подлинникѣ: »оже ли будетъ Варягъ и *Колбягъ*.« Татищевъ думалъ, что Колбягами назывались жители Колберга, пріѣзжавшіе торговать къ Новогородцамъ.

(94) Въ печатн. стр. 70, 81, 82. Выше сказано, что присяга достаточна и въ *трехъ* гривнахъ (въ печатн. стр. 52).

(95) Сіе обыкновеніе перешло къ намъ изъ Скандинавіи. (Спиринг. de jure Sueonum). Въ Софокловой Антигонѣ вѣстникъ говоритъ Царю Клеону, что стража его, »въ *доказательство своей невинности, готова выпуть рукали изъ огня желѣзо раскаленное*. Извѣстно, что Кафры Мозембикскаго берега, Гвинейскіе Негры, жители Сіама и даже Калмыки прибѣгаютъ къ огню въ недоказанныхъ обвиненіяхъ (см. Petersburg. Journal, г. 1778, стр. 270).

(96) См. Origine des Lois, par Goguet, T. I.

(97) Въ печатн. стр. 84 — 95.

(98) Надобно думать, что въ городахъ или мѣстечкахъ, гдѣ не было собственныхъ Княжескихъ домовъ, судъ производился у Тіуновъ.

(99) См. въ *Русск. Правдѣ* стр. 17, 18, 22, 26, 73, 74, 81, 93, 94. *Дѣтскій* тоже, что *Отрокъ*.— Издатели *Правды* толкуютъ, что въ старину, когда еще не было письма въ обыкновеніи, помощникъ судейскій *лѣтилъ* на биркахъ, сколько взято денегъ съ виновныхъ, и для того названъ *лѣтельникомъ*: можетъ быть и для того, что онъ *лѣтилъ на хартіи*, или записывалъ доносы, свидѣтельства, взысканія. Впрочемъ Отрокъ и писецъ, или Мѣтельникъ, не одинъ человѣкъ: первому давали въ нѣкоторыхъ случаяхъ 2 грив: ы и 20 кунъ; а второму 10 кунъ (см. въ печатн. стр. 73). И въ другомъ мѣстѣ говорится о каждомъ особенно (стр. 18). Вирнику съ Отрокомъ шло на недѣлю 7 ведеръ солоду, пшена 7 *уборовъ*

(бураковъ, небольшихъ мѣръ), гороху тоже, хлѣбовъ-7, соли 7 *голважень* или спупокъ, баранъ или полоть ветчины, или деньгами двѣ ногаты, въ скоромный день 2 курицы, а въ постный деньгами куна. Онъ имѣлъ четырехъ лошадей и бралъ на нихъ овса, сколько онѣ могли съѣсть *(а конелъ на воротъ всути овесъ)*. Изъ двойной *виры*, то есть осьмидесяти гривенъ, давали ему 16 гривенъ, 10 кунъ и 12 *векшей*, также гривну *ссадную* — или *прикладную, перекладную* — да за *голову* 3 гривны. »*Перекладною*« — такъ говорятъ Издатели — называлась гривна, которую получалъ Вирникъ за то, что, объѣзжая волость, онъ *перекладывался* съ воза на возъ.« — Въ спанѣе о *накладахъ* или прибавкахъ къ 12 гривнамъ *продажи*, взыскиваемымъ въ казну за срубленіе межеваго столба и за другія вины, сказано въ печати. стр. 73): »Отроку (судьѣ) 2 »гривны и 20 кунъ, а самому ѣхати съ Отро»комъ« (т. е. съ помощникомъ или писаремъ: см. въ печати. стр. 88, гдѣ товарищъ *мостника* также названъ Отрокомъ) »на дву коню, суши »же на ротъ овьсъ (овесъ), а мясо даши овьнъ »(барана) или полть, а инѣмь кормомь, что има »чрево възметь« (сколько они двое съѣдятъ). »Писчю (писцу) 10 кунъ, *перекладнаго* пять кунъ, »а за мѣхъ (въ которомъ, думаю, писецъ возилъ свои харшіи) »двѣ ногашѣ.« Судья, въ случаѣ неосновательнаго уголовнаго доноса, взыскивалъ съ доносителя гривну, съ отвѣтчика, освобожденнаго отъ виры, гривну и еще 9 кунъ такъ называемаго *помощнаго* (а Мѣтельникъ 9 *векшей*) — Издатели говорятъ: »отъ верви;« но въ харатейныхъ спискахъ поставлено: »отъ виры.« Отъ спорной бортной земли давали Отроку 30 кунъ, и наконецъ отъ всякаго дѣла *(инѣхъ всѣхъ тяжь, кому помогуть)* 4 куны а Мѣтельнику 6 *векшей)*: что называлось *судебными уроками*.

Другая судейская пошлина называлась *ротною* или присяжною: Отрокъ получалъ за *голову* или убійство 30 кунъ, и 27 кунъ за тяжбу о землѣ пашенной и бортной (вѣроятно, съ виновнаго), и отъ *свободы* 9 кунъ (Издатели по новѣйшимъ спискамъ напечатали: *свободившие челядинъ*.)

Здѣсь въ первой разъ мы упоминаемъ о *векшахъ* или мелкихъ кожаныхъ монетахъ: сколько ихъ было въ кунѣ, не знаю, но не болѣе *десяти*, какъ думаю. Издатели *Правды Русской* полагаютъ въ гривнѣ 400 векшей, а Татищевъ 380, увѣряя, что онъ видѣлъ сіи древніе лоскутки въ Новѣгородѣ.

(100) См. Новогород. Лѣт. Попа Іоанна стр. 337, и *рѣзъ* Струбе стр. 17.

(101) Чему доказательствомъ служитъ законъ, по которому за убійство въ ссорѣ виновный лишался жизни (если родственники убитаго хотѣли того); а смертоубійца разбойникъ лишался единственно свободы (см. выше).

Въ Уставѣ Ярослава опредѣлено и жалованье, которое давалось *городнику* и *мостнику*, или строителямъ городскихъ стѣнъ и мостовъ; первый бралъ куну за начало работы, ногату при совершеніи дѣла, и на всякую недѣлю 7 хлѣбовъ, 7 *уборковъ* пшена, 7 *луконъ* овса на 4 лошади (вѣроятно, около двухъ четвертей), солоду 10 луконъ на все время, а деньгами (на мясо, рыбу и *вологу* или питье) 7 кунъ еженедѣльно. *Мостнику* давали ногату за 10 лактей, а въ починкѣ стараго моста куну за всякую *городню* (такъ назывались рѣжи или срубы мостовые въ водѣ), сверхъ нужной пищи и овса на двухъ лошадей, ибо онъ ѣздилъ обыкновенно самъ-другъ, съ Отрокомъ или помощникомъ (см. въ печати. стран. 87, 88).

(102) См. Esprit des Lois, кн. XXVIII, гл. III.

(103) Ярославовъ Уставъ о мостовыхъ выши-

сываю изъ Пушкинской харатейной *Правды*.

»А се уставъ Ярославль о мостѣхъ: Осме»ниномъ поплатна въ Людинъ Конецъ чрезъ гре»блю (ровъ) до Добрыни улици, въ городняя во»рота до Пискупли улици, съ *Прусы*« — жителями Прусской улицы — »до Бориса и Глѣба; а »Тигожанамъ до Коломлянъ, а Нередицинамъ до »Бережанъ, а Бережанамъ до Пидьблянъ; а Пидь»блянамъ до Чюдинцевъ улицъ, съ Загородци до »городнихъ воротъ; а Владыцѣ (Епископу) сквозѣ »городняя ворота съ Изгои, и съ другимъ (другими?) »Изгои до Острой городни.« Здѣсь описываются Сотни, на которыя были раздѣлены граждане: »1) Давыжа сто, 2) Слѣпчева сто, 3) Бобыкова »сто, 4) Олексина сто, 5) Ратиборова сто, 6) »Кондратова сто, 7) Романова сто, 8) Сидорова »сто, 9) Гаврилова сто, 10) Княжа сто, 11) »Княжа сто.« — За симъ именуются области Новогородскія (конхъ именами также назывались, можетъ быть, Сотни или части города): 12) »Ржевская, 13) Бѣжичкая, 14) Вочкая« (отъ имени народа Водь) »15) Обониская« (или Обонежская, т. е. за Онегою) »16) Луская« (отъ рѣки Луги) »17) Лопьская« (одинъ изъ уѣздовъ Новогородскихъ назывался *Лопцею*: см. въ Т. VI сей *Исторіи* договоръ Новогородцевъ съ Королемъ Польскимъ въ 1471 году) »18) Волоховская, 19) »Яжелбичкая.« Слѣдуетъ продолженіе городскаго устава о мостовыхъ: »до шторгу (мостика) »Софьяномъ« (жителямъ Софійской части) »до »Тысячкого, Тысячкому до Вощникъ« (гдѣ, можетъ быть, продавался воскъ) »отъ Вощникъ »Посаднику до Великаго ряда, Князю до Нѣ»мецкого *вымола*« (не мельницы ли?) »Нѣмчемь »до Евпя вымола, отъ Евпя вымола Гпомъ »(Гопамъ) до Геральда вымола до задняго, отъ »Геральдова вымола до Бупятина вымола« — въ другихъ спискахъ прибавлено: *Огнищанамъ* —

»Ильинцамъ до Матвѣева вымола, Михайловѣ »улицѣ« (или *Михайловцамъ*, какъ въ другихъ »спискахъ) »до Бардовѣ улици, а Вишковлянамъ »до клемяныхъ (клейменыхъ?) сѣней.«

Ярославъ, какъ вѣроятно, только учредилъ обязанности городскихъ жителей, а Посадники записали и всегда наблюдали сіе учрежденіе. Онъ не могъ написать: »до Бориса и Глѣба,« ибо сей церкви Новогородской тогда еще не было: чтобы лучше означить мѣсто, въ новѣйшія времена назвали оную въ Уставѣ; или сей Уставъ принадлежитъ не Ярославу *Великому*, а другому: можетъ быть, отцу Александра Невскаго. — Имя Конца Неревскаго или Неровскаго происходитъ отъ рѣки Наровы, Горничьскаго отъ горшаровъ, а Плотницкаго отъ плотины или плотниковъ. Сверхъ пяти Концевъ тамъ были еще три: *Загородской, Неровской за городомъ* и *Петровской*; но объ нихъ не упоминается въ лѣтописяхъ до XV вѣка.

Въ *Указателѣ Россійскихъ законовъ* напечатанъ — и весьма неисправно — мнимый Ярославовъ *Уставъ* о *церковныхъ судахъ*:

»Се азъ Князь Великій Ярославъ, сынъ Воло»димерь, по данью отца своего сгадалъ есми съ »Митрополитомъ съ Ларіономъ, сложилъ есми »со Греческимъ Номоканономъ, аже не подобаетъ »сихъ тяжь судити Князю и Бояромъ. Далъ есмь »Митрополитомъ и Епископомъ тѣ суды, что »писаны въ правилѣхъ, въ Номоканонѣ, по всѣмъ »городамъ и по всей области, гдѣ Крестьянство »есть«, и проч.

Въ *Указателѣ* напечатаны тутъ же сельскіе законы Греческіе (см. *Судебникъ*, издан. при Академіи, стран. 217), которыхъ нѣтъ въ спискахъ Ярославова Церковнаго Устава, и которые не имѣютъ съ нимъ ни малѣйшей связи. Сей подложный Уставъ не былъ еще извѣстенъ

*

у насъ въ XIII вѣкѣ, ибо не вписанъ въ Софійскую Новогородскую книгу законовъ (см. выше, примѣч. 65) или Кормчую.

(104) См. выше, стран. 40. Берега Угры и Протвы составляли часть Смоленскаго Удѣла (см. *Воскресенск. Лѣт.* I, 289, 291); также и городъ Торопецъ.

(105) Имя Прусской *Галиндіи* есть весьма древнее (см. Гартknoха Alt und Neues Preussen); и въ Птолемеевой Географіи, между Европейскими Сармашами, находимъ Galindae. Уже Ярославъ Великій воевалъ въ Мазовіи, которая граничитъ съ Галиндіею. —

(106) Несторъ говоритъ по харатейнымъ спискамъ (въ *Никонов.* II, 14): »Кумани, реките »Половцы.« Половцы есть Русское имя: нѣкоторые производятъ его отъ *поля*, другіе отъ *лова*; второе справедливѣе. Польское слово połow значитъ добычу. Половцы сами себя называли Capchat, какъ говоритъ путешественникъ XIII вѣка, Рубруквисъ (см. его Voyages въ Бержерон. изд. стр. 26). Абульгази даетъ общее имя *Кипчакъ* всѣмъ народамъ обитавшимъ между рѣками Допомъ, Волгою и Яикомъ или Ураломъ, и причисляетъ ихъ къ Татарамъ (см. его Hist. des. Tat. 45, 47).

О сродствѣ Печенѣговъ съ Половцами см. печатн. Нестор. или *Рос. Библіот.* стр. 145. Анна Комнина пишетъ, что Печенѣги и Команы говорили однимъ языкомъ (Memor. popul. III, 908).

Объ Узахъ-Торкахъ см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 87. Узы около 1050 года имѣли войну съ Печенѣгами, а въ 1065 году перешли за Дунай, опустошили землю Болгарскую, Македонію и часть Ѳракіи. Константинъ Дука хотѣлъ отразить ихъ; но свѣдалъ, что они, истребленные отчасти *голодомъ*, язвою, Печенѣгами и Болгарами, отступили за Дунай. Наконецъ Узы добровольно поддались Императору, и въ царствованіе Романа Діогена и Алексія Комнина воевали подъ знаменами Греческими (Memor. popul. III, 938 – 947). — Обитая между Волгою и Дономъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Печенѣгами, Узы въ нашествіи своемъ на Дунайскую Болгарію долженствовали захватить часть Россіи; а Несторъ около сего времени говоритъ о Торкахъ, сказывая, что они въ 1060 году ушли изъ Россіи и *погибли отъ голода:* то же говорятъ Византійскіе Лѣтописцы объ Узахъ.

Думаю, что восточные Печенѣги изгнаны Половцами въ 1036 году: тогда они ворвались въ южную Россію, и будучи побѣждены Ярославомъ (см. выше), ушли въ Молдавію. Нѣкоторые изъ нихъ оставались еще между Половцами (см. ниже, стран. 173).

Въ печатн. *Нестор.* стр. 14. См. также Шлецер. Gesch. der Deutsch. in Siebenbürg. 225. Въ Chron. Zwetl. сказано: Chomani (Половцы), gens immundissima, quae carnibus utebatur fere crudis pro cibo, et lacte equorum et sanguine pro potu.

(107) Онъ умеръ въ 1063 году. — Здѣсь замѣтимъ хронологическое несогласіе въ харатейныхъ спискахъ. По *Суздальскому* или *Пушкинскому*, Вячеславъ умеръ въ 1058 году; Ярославичи освободили Судислава въ 1059; Игорь скончался и Торки погибли въ 1060; Половцы разбили Всеволода въ 1061. По *Троицкому* все годомъ ранѣе; но далѣе лѣтосчисленіе согласно: ибо въ *Пушкин.* означенъ мирнымъ только одинъ 1062 годъ, а въ *Троиц.* два: 1061 и 1062.

Замѣтимъ также разныя прибавки Никоновской и другихъ новѣйшихъ лѣтописей: »Изяславъ оставилъ въ Новѣгородѣ Посадникомъ Остромира — Татищевъ назвалъ его Спромиломъ — который въ 1054 году ходилъ на Чудь и былъ

въ сраженіи убитъ непріятелями.« Остромиръ тогда дѣйствительно управлялъ Новымгородомъ. Лѣтопись Попа Іоанна упоминаетъ объ немъ и — что всего достовѣрнѣе — писецъ древняго Софійскаго Евангелія заключаетъ трудъ свой словами: »Почахъ є« (т. е. Евангеліе »писати въ »лѣто 6564 (1056), а окончахъ є въ лѣто 6565. »Написахъ же Евангеліе се рабу Божію паречену »сущу въ крщеніи *Іосифъ*, а мірьскы *Остро-*»*миръ*, близоку« (ближнему, свойственнику) »сущу »Изяславову Князю. Изяславу же Князю тогда »предръжащу обѣ власти, и отца своего Яро»слава, и браша своего Володимѣра. Самъ же Изя»славъ Князь правляше столъ отца своего Яро»слава Кыевѣ, а браша своего столъ оручи пра»вити близоку своему Остромиру Новѣгородѣ.« Сей писецъ, Діаконъ Григорій, желаетъ въ концѣ здравія Остромиру и подружію (т. е. супругѣ) его, Ѳеофанѣ, и чадамъ ея, подружіямъ чадъ ея, и проч. Вотъ явное доказательство, что Остромиръ былъ живъ въ 1057 году, и что *Никонов. Лът.* несправедливо говоритъ о его смерти въ 1054. Далѣе: 2) »Изяславъ въ томъ же году самъ (по *Воскресенск. Лът.* Остромиръ) пошелъ на Чудь и взялъ *Осекъ Кедививъ*« — въ другихъ спискахъ: *Кепедивъ*, *Декипивъ* — » или *Солнечную руку*.«

(108) См. Дю-Канжа Glos. ad Script. med. Graec. и med. Latin. подъ словомъ Κατεπάνω и Catapanus. — Когда злодѣй, будучи уже въ Херсонѣ, объявилъ день Ростиславовой смерти, то ясно, что сей городъ находился не далеко отъ Княженія Тмутороканскаго; въ пять или шесть дней онъ не могъ бы доѣхать до Севастополя изъ Рязани, ни съ береговъ Ворсклы, гдѣ Татищевъ и Болтинъ искали Тмутороканя. — Былъ еще городокъ сего имени въ области Кіевской: (см. *Воскресенск. Лът.* I, 20).

(109 Несторъ говоритъ въ 1064 году: Въ Псковской Синодальной лѣтописи (No 349, л. 166.) сказано, что Всеславъ въ 1065 году осаждалъ Псковъ. — О ненависти Полоцкихъ Князей къ роду Ярославичей см. въ печати. *Несторъ* стр. 186.

Всеславъ взялъ Новгородъ, по харатейнымъ спискамъ Нестора, въ 1067 году, а по древней Новогородской лѣтописи въ 1066. Кажется, что въ Новѣгородѣ начальствовалъ тогда сынъ Великаго Князя Мстиславъ, который, будучи побѣжденъ Всеславомъ, ушелъ въ Кіевъ. (Синодальн. библіот. No 349, и лѣтоп. Попа Іоанна, стр. 312). — Лѣтописецъ называетъ рѣку Нѣменъ Немизою.

(110) Несторъ говоритъ здѣсь, что Богъ наводитъ *иноплеменниковъ* на землю грѣшныхъ, а войны *междоусобныя* бываютъ отъ Діавола: нельзя сильнѣе и короче выразить ужаса послѣднихъ. — Здѣсь въ *Кенигсберг.* годы означены несправедливо; слѣдую харатейнымъ.

(111) См. въ печати. Кіевск. Патерикѣ житіе Св. Никона, сотрудника Антонієва. Въ царствованіе Екатерины Великой найденъ между развалинами древняго Тмутороканя, или Фанагоріи, мраморный камень съ надписью: »въ лѣ»то 6576 (1068), Индикта 6, Глѣбъ Князь мѣ»рилъ море по леду отъ Тмутороканя до Кърче»ва (Корчи) 10.000 и 4000 (то есть, 14.000) »саженъ« (см. *Изслѣдованіе* о *Тмутороканѣ* стр. 58 и *Письмо* о *Тмутороканскомъ камнѣ* А. Н. Оленина). Сей камень хранится тамъ и нынѣ.

(112) Длугошъ называетъ ее Вышеславою, Губнеръ дочерью *Выслава*. Кромеръ (стр. 56) говоритъ, что имя родителя ея неизвѣстно. Ломоносовъ написалъ имя *Вячеслава* вмѣсто *Выслава*.

(113) Длугошъ, Hist. Pol. кн. III, стр. 265, Кромер. стр. 57, Наруш. II, 401. Они несправ-

ведливо говорятъ, что Болеславъ *взялъ* Перемышль: ибо въ семъ городѣ и послѣ того, какъ увидимъ, властвовали Князья Россійскіе.

(114) Въ харат. *Новогород.*: »И пособи Богъ »Глѣбу Князю съ Новгородци. О! велика бяше »сѣця (сѣча) Вожаномъ! и паде ихъ безчисльное »число; а самого Князя отпустиша Бога дѣля.« Въ 1068 году Глѣбъ княжилъ еще въ Тмуторокани (см. выше, стр. 84). Вѣроятно, что Святославъ (см. *Новог. Лѣт.* Попа Іоанна стр. 312) по изгнаніи Великаго Князя отправилъ Глѣба въ Новгородъ, чтобы не дать сей области хищнику Всеславу. – *Вожаналіи* или *Водью* назывались Чудскіе жители нынѣшней Ораніенбаумской Округи, принадлежавшей Новугороду: они, какъ видно, потеряли много людей въ сраженіи.

Въ 1069 году заложена была церковь Св. *Михаила* въ Кіевскомъ Выдубецкомъ монастырѣ (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 414) названномъ послѣ *Всеволодовымъ*. –

(115) Несторъ пишетъ, что »Митрополитъ Георгій худо вѣрилъ святости новыхъ Мучениковъ; но когда открыли Борисову деревянную раку, вся церковь исполнилась благоуханія, и Георгій, объятый *ужасомъ*, палъ ницъ, моля Святыхъ Угодниковъ проститъ ему невѣріе. Ярославичи цѣловали Борисовы мощи и переложили въ каменный гробъ. Глѣбова каменная рака оспановилась въ дверяхъ; народъ воскликнулъ: *Господи помилуй!* и въ ту минуту она прошла свободно.«

Житіе Бориса и Глѣба описано, вмѣстѣ съ житіемъ Владиміра и Ѳеодосія Печерскаго, въ самыхъ древнихъ харатейныхъ Прологахъ, гдѣ нѣтъ ни слова даже о Св. Ольгѣ, ни слова о Св. Антоніи Печерскомъ. Бандури пишетъ, что самые Уніаты чтутъ сихъ братьевъ-мучениковъ Святыми (см. его Animadvers. in lib. Constant. Porph. de Adm. стр. 116) — »вмѣстѣ съ Ольгою и Владиміромъ,«

прибавляетъ Ассеманн (Kalend. E. U. IV, 52). Въ обыкновенныхъ Уніатскихъ мѣсяцесловахъ я не нашелъ Россійскихъ Святыхъ; къ Греческимъ прибавленъ нами одинъ Іоасафатъ, Архіепископъ Полоцкій, *убіенный*, какъ сказано, *отъ распрелюбныхъ враговъ:* симъ именемъ они величаютъ насъ Православныхъ. Но въ концѣ Требника ихъ, въ *Соборникѣ двунадесяти мѣсяцей*, дѣйствительно поставлены Св. Борисъ, Глѣбъ, Владиміръ, Антоній и Ѳеодосій (Ольги нѣтъ).

(116) Ламбертъ Ашаффенбургскій говоритъ о томъ въ описаніи 1075 году, а Зигбертъ Гемблурскій (Gemblacensis) въ 1073. По извѣстію перваго, Изяславъ (Ruzenorum Rex, Demetrius nomine) видѣлся съ Генрикомъ въ исходѣ Декабря или въ Генварѣ, и былъ порученъ отъ Императора Саксонскому Маркграфу Деди. — Зигбертъ именно говоритъ, что Великій Князь обѣщалъ Генрику признать себя его данникомъ, ежели онъ возвратитъ ему престолъ. — Мы признаемъ супругомъ Одинымъ Вячеслава (см. выше, примѣч. 48).

(117) См. Ламберта.

(118) Quorum unus vester notus est et fidus amicus: вѣроятно, знаменитый духовный чиновникъ, коего Изяславъ могъ узнать въ Польшѣ. Сіе письмо напечатано въ Бароп. Annal. Eccl. T. XI, стр. 472.

Григоріево къ Болеславу письмо, отъ 12 Маія, есть 73 въ Epist. Greg. VII, кн. 2. Папа именно говоритъ о деньгахъ или сокровищахъ: pecuniaquam Regi Russorum abstulistis. Нѣтъ ни слова о земляхъ и городахъ, какъ нѣкоторые пишутъ. — Владиміръ Мономахъ въ *Духовной* своей (стр. 32: »Та посла мя Святославъ въ Ляхы; хо»дивъ *за Глоговы*« (Глогау въ Силезіи) »до Чешскаго »лѣса; ходивъ въ земли ихъ 4 мѣсяца; и въ то же »лѣто и дѣшя ся роди старѣйшее, Новогородское« — т. е. сынъ Мстиславъ, Князь Новогородскій. Мстиславъ и по *Кіевск. Лѣт.* родился въ 1076 году.

(119) Въ библіотекѣ Воскресенскаго, Новоіерусалимскаго монастыря нашелся *Сборникъ*, писанный въ 1073 году повелѣніемъ сего Князя въ листъ на пергаминѣ, въ два столбца. На оборотѣ перваго листа изображено красками и золотомъ семейство Святослава: сыновья, супруга его и самъ онъ: надъ ними имена: *Гльбъ, Ольгъ, Давыдъ, Романъ, Ярославъ, Княгыни, Святославъ.* Меньшій сынъ (Ярославъ) представленъ младенцемъ: другіе взрослыми; отецъ съ усами. На всѣхъ длинные кафтаны съ поясомъ; на головахъ высокія синія шапки; на Княгинѣ покрывало; на Святославѣ шапка отличная, не столь высокая, Княжеская мантія сверхъ кафтана и сапоги зеленые. Вверху надпись золотомъ: »желанія сердца моего, Господи, не презьри, въ прінми ны вся и помилуй ны;« а на оборотѣ втораго листа, въ фигурномъ четвероугольникѣ: »Великый въ Князихъ Князь Святославъ въждела»ніемъ зѣло въждеславъ дръжавный Владыка ба»вити покрывенныя разумы въ глубинѣ многостръ»пытныхъ (многотрудныхъ?) сихъ книгъ прѣ»мудраго Василіа въ разумѣхъ, повелѣ мнѣ нему»друвѣдію премѣну сътворити рѣчи инако, набъ»дяща« (набдяще, наблюдая) »тожьство разумъ »его, яже акы бъчела« (пчела) »любодѣльна съ »всякого цвѣта писанію« (писанія)» събравъ акы въ »единъ сътъ« (сотъ) »въ вельмыслыное сердце »свое, проливаетъ акы сътъ сладъкъ изъ устъ своихъ »предъ Боляры на въразумѣніе тѣхъ мыслью; яв»ляяся имъ новый Птоломей, не вѣрою, нъ же»ланіемъ паче, и събора дѣля многочьстьныихъ »божествьныхъ кънигъ всѣхъ, ими же и своя »клѣти испълнь, вѣчьную си память сътвори, »еже памяти вину въсприятии.« На 4 листѣ съ конца такое послѣсловіе: »А копьць въсѣмъ »книгамъ. Оже ти собѣ не любо, то того и »другу не творн. Въ лѣто 6581 (1073) написа

»Іоаннъ Диакъ изборникъ съ великууму Князю »Святославу.« Въ сей рукописи вмѣсто Щ употребляются Ш и Т; на примѣръ: *аште избавляюште, хотяште.* Листовъ въ книгѣ 264, а спашей во второй половинѣ 189; послѣдняя есть: *лѣтописьць въкратьць отъ Авъгуста даже и до Константина и Зоя, Царь Грьскыихъ.* Любопытна только древность слога.—Здѣсь Длугошъ обрадовался случаю выдумать цѣлую исторію къ мнимой чести Короля своего, и разсказываетъ, какъ Болеславъ завоевалъ всю Вольнію, и взялъ аманатовъ отъ *Владимірскаго Князя Игоря* умершаго за 17 лѣтъ передъ нимъ); какъ, собравъ *Префектовъ, Трибуновъ, Центуріоновъ* и рядовыхъ своихъ воиновъ, сильною рѣчью оживилъ ихъ мужество, разбилъ Всеволода, осадилъ Кіевъ; какъ въ столицѣ нашей сдѣлался моръ; какъ послы Русскіе низко кланялись Болеславу; какъ онъ въ *другой разъ* завладѣлъ Кіевомъ, и впалъ тамъ въ гнусный порокъ самаго неумѣреннаго сластолюбія, in spurcissimum Sodomiae scelus, Ruthenorum detestabiles mores imitatus, и проч. и проч. Кромеръ и Нарушевичь повторяютъ Длугошеву басню. Не имѣю нужды говорить здѣсь о другой, весьма старой, взятой изъ Геродота, Трога Помпея или Юстина, о рабахъ Польскихъ вмѣсто Скиѳскихъ), которые въ отсутствіе господъ своихъ женились на ихъ супругахъ и дочеряхъ: то же самое разсказывали у насъ о холопяхъ Новогородскихъ (см. Т. I, примѣч. 413). Добродушному читателю остается жалѣть о бѣдныхъ Историкахъ, которые съ важностію и велерѣчіемъ описываютъ такія происшествія.

(120) Въ *Духовной Мономаха*, стр. 33.

(121 Тамъ же, стр. 34.—Въ лѣтописи о мѣстѣ сраженія: »у села, на *Нежатинѣ нивѣ.*« —

Изяславъ убитъ 3 Октября 1078. Супруга его

вдовствовала 30 лѣтъ и скончалась въ 1107 году.

(122) См. выше, стр. 84.

(123) Лѣтописецъ сказываетъ, что пещеры находились подъ *ветхимъ монастыремъ:* ибо въ его время былъ уже новый монастырь, на другомъ мѣстѣ.— Антоній скончался не въ 1073 году, какъ означено въ *Патерикѣ* и *Никон. Лѣтоп.*, а гораздо послѣ. Странно, что издатель *Патерика* худо зналъ Нестора.

Несторъ: »Изяславъ же поставн монастырь »Св. Димитрія, и выведе Варлаама на Игумен»ство къ Св. Дмитрію, хотя створити выше »сего монастыря, надѣяся богатьство. Многи бо »монастыри отъ Царь и отъ Бояръ и отъ бо»гатьства поставлени, но не суть таци (такіе), »каци суть поставлени слезами, пощеньемъ, мо»литвою, бдѣньемъ. Антоній бо не имѣ злата ни »серебра, но стяжа слезами,« и проч. Несторъ былъ краснорѣчивый Писатель своего времени.

Въ Кіевскомъ Патерикѣ Синодальной Библіотеки, писанномъ, думаю, въ XV вѣкѣ, въ посланіи Симона Епископа (жившаго въ XII вѣкѣ) къ блаженному Поликарпу находится слѣдующее: »Отъ того, браше, Печерскаго монастыря мно»зи Епископы поставлени быша во всю Русь»кую землю, яко отъ самого Христа, Бога на»шего, Апостоли во всю вселенную послани бы»ша. Первый *Ростовскій Леонтій Священномуче»никъ*, его же Богъ прослави нетлѣніемъ, и се »бысть первопрестольникъ, его же невѣрніи, мно»го мучивше, *убиша;* и се третій гражданинъ »небесный бысть *Русьскаго* міра съ онѣма Ва»рягома« — убитыми въ Кіевѣ при Владимірѣ — »вѣнчався отъ Христа.« Для чего въ печатномъ (л. 193) выпущено сіе любопытное мѣсто, которое свидѣтельствуетъ, что Леонтій Ростовскій былъ не Грекъ, присланный отъ Патріарха Фотія, тогда уже давно исплѣвшаго, къ

Владиміру Святому (какъ пишутъ въ *Прологѣ*), а Россіянинъ и Монахъ Печерскій, Изяславовъ современникъ (см. *Патерикъ л.* 103)? И такъ добродѣтельный Леонтій былъ дѣйствительно жертвою своей ревности къ успѣхамъ Христіанства въ Ростовѣ? чего мы также не знали. — О Кукшѣ говоритъ Симонъ: »Вятичи крести и »много чудеси сотвори. По многимъ мукамъ усъ»ченъ бысть съ своимъ ученикомъ.« Слѣдственно Вятичи приняли Вѣру Христіанскую или въ исходѣ XI или уже во XII вѣкѣ. Они жили въ Курской, Орловской и въ Калужской Губерніи: Брянскъ, Козельскъ, Мценскъ, называются *ихъ* городами въ лѣтописяхъ.

(124) Memor. popul. II, 975.

(125) См. въ печат. *Несп.* стр. 123, и Memor. popul. II, 1036, 1037.

(126) См. *Ростов. Лѣт.*

(127) См. Т. Ливія, кн. I, отдѣл. 56.

(128) Епископомъ Новогородскимъ, по новѣйшимъ лѣтописямъ и Каталогу, былъ тогда Ѳеодоръ. Мѣсто Ѳеодора заступилъ въ Новѣгородѣ Епископъ Германъ въ 1078 году, по сказанію *Никон. Лѣт.*

(129) Вотъ одно изъ многихъ доказательствъ, что древній Россійскій городъ *Владиміръ* былъ не на Клязмѣ, а въ Волыніи близъ Турова.

(130) См. Игумена Даніила, современника Несторовъ, въ его *Хожденіи* или путешествіи ко Святымъ Мѣстамъ По сказанію Нестора, сей Князь, сосланный въ 1079 году, возвратился уже въ 1083. Команы или Половцы, заключивъ миръ съ Императоромъ Никифоромъ въ 1078 году, были тогда союзниками и друзьями Грековъ (Memor. popul. III, 960).

(131) Романа умертвили 2 Августа.

Читателямъ извѣстно, кто былъ Рославъ:

внукъ Ярославовъ, отравленный ядомъ въ Тмуторокани. Давидъ и Володарь бѣжали туда 18 Маія.

(132) См. *Духовн. Монолаха,* стр. 34, 35, 36.

(133) Объ Олешьѣ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ 1224 году, когда Россіяне шли противъ Татаръ; оно названо во многихъ спискахъ Ольшельемъ, въ другихъ именно Олешьемъ (*Новогор. Лѣт.* стр. 101), и есть нынѣшнее селеніе Алешки, противъ Херсона. Генуэзцы называли его Elice.

Древній городъ Дорогобужъ есть нынѣ мѣстечко того же имени на берегу Горыни, близъ Ровна.

(134) Звенигородъ существуетъ и нынѣ въ Галиціи подъ именемъ *Дзвиногорода* между Станиславовымъ и Каменцемъ-Подольскимъ; онъ принадлежалъ тогда къ Владимірской области. — Другой Звенигородъ находится въ Кіевской Губерніи, недалеко отъ Богуслава.

(135) Несторъ, описывая собраніе Князей въ 1097 году, сказываетъ, что Давидъ Игоревичь и Ростиславичи взяли себѣ въ удѣлъ города *отданные* имъ *Всеволодомъ:* первый Владимірскую область, а послѣдніе Перемышль и Теребовль.

(136) Скоро увидимъ, что Посадники Черниговскаго Князя правили Муромомъ. — Въ семъ году умеръ Никонъ, знаменитый Игуменъ Печерскій (см. его житіе въ *Патерикѣ*); а въ 1089, по лѣтописи Священника Іоанна, дочь Всеволодова (чего нѣтъ въ другихъ). — Въ 1091 году Игуменъ и Монахи Печерскіе открыли мощи Св. Ѳеодосія и перенесли ихъ въ церковь. Самъ Несторъ выкопалъ ихъ. - Любопытные могутъ читать о томъ въ *Патерикѣ;* а мы замѣтимъ здѣсь одно обстоятельство: Епископъ Стефанъ, желая видѣть мощи, пріѣхалъ въ Лавру *на конѣ.*

(137) Затмѣніе солнца было, по сказанію Нестора, въ 1091 году, Маія 21 во второмъ часу дня: точно такъ показано и въ астрономическихъ таблицахъ, напечатанныхъ въ l'Art de vérifier les dates, T. I, стр. 72.

(138) Въ *Большомъ Чертежѣ* Песочень названъ городомъ *Песчаною:* нынѣ село въ Полтавской Губерніи.

(139) См. Нестора.

(140) Евпраксія постриглась въ 1106 году, а скончалась въ 1109, Іюля 10, Екатерина (по *Кіевск. Лѣт.* Ирина въ 1108, Янка въ 1113 году. Евпраксія положена въ монастырѣ Печерскомъ у южныхъ дверей. О Янкѣ сказано въ *Ростов. Лѣт.* (лист. 74), въ печати. *Воскрес.* (I, 217), и въ *Степен.* (стр. 228).

Вторая супруга Всеволодова, мать Ростислава (см. въ печати. *Несторѣ* стр. 137 и 157) названа Анною во многихъ спискахъ Нестора: кто она была, неизвѣстно. Миллеръ и другіе называютъ ее Княжною Половецкою: съ чего же? Сія Княгиня скончалась въ 1111 году Окт. 7, и положена въ монастырѣ Св. Андрея (см. *Кіевск. Лѣт.*).

(141) Въ Chronic. Th. Engelhusen, въ Лейбниц. Script. Brunsv. II, 1090: Anno 1089 Imperator duxit filiam Regis Russorum (женился на дочери *Короля* Россійскаго). Тутъ Лѣтописецъ повѣствуетъ слѣдующее: »Желая испытать цѣломудріе Агнесы, Генрикъ велѣлъ одному Барону »искать ея любви. Она не хотѣла слушать прелестника: наконецъ докуками его выведенная изъ »терпѣнія, назначила ему мѣсто и время для »тайнаго свиданія. Вмѣсто Барона явился самъ »Императоръ, ночью, въ потемкахъ, и вмѣсто »любовницы встрѣтилъ дюжихъ слугъ, одѣтыхъ »въ женское платье, которые, исполняя приказъ »Императрицы, высѣкли его безъ милосердія, »какъ оскорбителя ея чести. Въ мимомъ Ба-

»ронѣ узнавъ своего мужа, Агнеса сказала: для »чего шелъ ты къ законной супругѣ въ видѣ пре»любодѣя? Раздраженный Генрикъ, считая себя »обманутымъ, казнилъ Барона, а цѣломудренную »Агнесу обругалъ съ гнусною жестокостію: на»гую показалъ молодымъ людямъ, велѣвъ имъ так»же раздѣться.« См. еще Гебгарди Erläuterung der Europ. Kayser-und Königl. Häuser, табл. 9, гдѣ приведены свидѣтельства разныхъ Нѣмецкихъ Лѣтописцевъ. Агнеса или Адельгейда чрезъ 3 года развелась съ Генрикомъ.

Древнѣйшій Польскій Лѣтописецъ, Мартинъ Галлусъ, называетъ Евпраксію только *Русскою дѣвою* (Ruthena puella), а Длугошъ (Hist. Pol. кн. IV, 312) именно родною сестрою Святополка, Изяславова сына (см. также Нарушев. Hist. Nar. Polsk. III, 22).

(142) Сей достопамятный остатокъ древности находится въ харатейной Кормчей Книгѣ или въ *Старыхъ Софійскихъ правилахъ* (Синод. библ. No 82 подъ такимъ оглавленіемъ: »Іоанна »Митрополита Рускаго, нареченнаго *Пророкомъ* »*Христа*, написавшаго *Правило церковное* отъ »Святыхъ книгъ вкратцѣ Іякову Черноризьцю.«

О чудесахъ, бывшихъ при строеніи Лавры Кіевской, см. въ *Патерикѣ* лист. 74 и слѣд. Повѣствуютъ, что огнь и роса чудесно ознаменовали мѣсто, гдѣ надлежало строить церковь Печерскую; что сама Богородица выслала изъ Царяграда зодчихъ въ Кіевъ, давъ имъ намѣстную икону свою, мощи Святыхъ Артемія, Полієвкта, Леонтія, Акакія, Арсеѳы, Іакова, Ѳеодора, и что на сихъ мощахъ основаны церковныя стѣны, размѣренныя златымъ поясомъ Варяга Симона (см. выше): въ широту на 20 поясовъ, въ длину на 30, въ высоту на 50; что купцы Византійскіе, удивленные разными, бывшими тогда чудесами, подарили на украшеніе олтаря мусію, привезенную ими въ Кіевъ для продажи; что лице Богоматери само собою изобразилось въ олтарѣ, гдѣ работали Греческіе художники вмѣстѣ съ Св. Алимпіемъ, Монахомъ Печерскимъ, который учился у нихъ составлять мусію; что каменная доска и столпцы для престола были невидимою рукою внесены въ запертую церковь; что Ангелы призвали Епископовъ на освященіе храма, Іоанна Черниговскаго, Исаія Ростовскаго, Антонія Юрьевскаго, Луку Бѣлогородскаго, и пѣли: *кто есть сей Царь славы*, и проч. Все сказанное описано блаженнымъ Епископомъ Симономъ, который жилъ въ XII и въ началѣ XIII Вѣка.

Несторъ называетъ здѣсь Кіевскую Лавру *Монастыремъ Ѳеодосіевымъ*. — При Всеволодѣ освятили еще церковь Св. Михаила Выдубецкаго или (какъ тогда именовали) *Всеволожа* монастыря, въ 1088 году.

(143) См. Нестора.

(144) Строеніе *банное*. — Такія зданія, до того времени неизвѣстныя въ Россіи, дѣйствительно бывали при древнихъ церквахъ Христіанскихъ (на примѣръ, въ Софійской Цареградской) и назывались *Баптистеріонъ* (aedes juxta ecclesiam, in qua baptizantur fideles, говоритъ Дюканжъ, стр. 174). Слово *баня* и въ нашемъ Новомъ Завѣтѣ употребляется въ смыслѣ крещенія. См. *Никоновск.* II, 8. Невѣжды думали, что Митрополитъ строилъ народныя или торговыя бани. Не говорю о новомъ толкованіи сего мѣста, предложенномъ въ особенной книжкѣ: неизвѣстный ея сочинитель ѣздилъ въ Кіевъ; узналъ, что въ Малороссіи называется *банею глава церковная*, и смѣло утверждаетъ, что Митрополитъ Ефремъ началъ первый строить у насъ церкви съ главами! Два Собора Софійскіе, въ Кіевѣ и Новѣгородѣ построенные еще до

временъ Ефремовыхъ и донынѣ цѣлые, свидѣтельствуютъ противное.

(145) См. Каталогъ Епископовъ (лист. 7, Синод. Библ. No 67).

(146) См. *Никонов. Лѣт.* Ч. I. стр. 192. Хр. Готл. Фризій въ сочиненіи: de Episcopatu Kioviensi Commentatio, пишетъ, что будто бы еще Ярославъ Великій просилъ Епископа у Папы Венедикта VIII, и что Венедиктъ въ 1021 году прислалъ въ Кіевъ Святителя Алексія, Болгарскаго уроженца, искуснаго въ языкахъ Греческомъ и Славянскомъ; что сей Алексій основалъ новую Кіевскую Епископію, и первый служилъ въ Софійской церкви, но долго терпѣвъ отъ зависти Греческаго Духовенства, наконецъ выѣхалъ изъ Россіи и скончался въ Болгаріи. Фризій ссылается на Орловія, также Никанора и Кассіана, писавшихъ de initiis Religionis Christianae in Russia.

(147) Въ *Новогород. Лѣт.* Попа Іоанна, стр. 312, 313. Въ печати. *Нест.* 167.

(148) Несогласіе было между Святополкомъ и Владиміромъ: ибо Ростиславъ во всемъ слушался брата. Соединенное войско стояло у Св. Михаила Выдубецкаго.

(149) Торческъ, есть нынѣ селеніе Торчица, на берегу Торчи, въ Пятигорскомъ Уѣздѣ. Несторъ называетъ жителей сего города Торками (въ печати. стр. 137). Триполь или Треполь, на Днѣпрѣ, ниже Кіева. О Янѣ, Воеводѣ Кіевскомъ, см. въ печати. *Нест.* стр. 129.

(150) Ростиславу было тогда 23 года: онъ родился въ 1070 году (въ печати. *Нест.* стр. 121), и погребенъ въ Софійской церкви близъ Всеволодова гроба. — Въ *Патерикѣ* (л. 132) написано, что Григорій, Чудотворецъ Печерскій, предсказалъ Ростиславу кончину его; что сей юный

Князь съ гнѣвомъ опвѣтствовалъ ему, и велѣлъ утопить святаго мужа.

(151) Сказаніе о женитьбѣ Святополка во многихъ спискахъ пропущено, но есть въ *Кенигсберг., Ростов.* и проч. — Святополкъ, по харат. *Новогород. Лѣт.* (стр. 3) родился въ 1050 году. На комъ онъ былъ женатъ прежде, неизвѣстно, но тогда имѣлъ уже взрослаго сына, Ярослава (или *Ярославца*), и двухъ дочерей (см. ниже).

(152) Издатель печатнаго Нестора безъ всякаго смысла поставилъ здѣсь *Бога*, вмѣсто *Олега*, который дѣйствительно въ третій разъ привелъ тогда варваровъ съ собою: 1) вмѣстѣ съ Борисомъ, 2) съ Романомъ (см. выше, стр. 96, 108).

(153) Мономахъ въ своей *Духовной* (стр. 38).

(154) Сіе прекрасное мѣсто лѣтописи Несторовой выпущено Издателемъ (см. оное въ *Никон. Лѣт.* Ч. II, 7 и 8).

Въ семъ же 1094 году скончался Владимірскій Епископъ, Св. Стефанъ, Апрѣля 27. Онъ былъ Печерскимъ Игуменомъ послѣ Ѳеодосія. Изгнанный (неизвѣстно, за что) иноками Печерскими, Стефанъ основалъ другой монастырь, близъ Лавры, на Кловѣ, во имя Богоматери Влахернской, и въ память сея чудеснаго явленія художникамъ Греческимъ, посланнымъ ею въ Кіевъ для украшенія Лавры (см. выше, примѣч. 142). Наконецъ онъ былъ Владимірскимъ Епископомъ (см. Кіевск. *Патер.* л. 89 и 90).

(155) Татищевъ искалъ Юрьева при устьѣ Остера; но сей городъ стоялъ на берегу Роси (Несторъ). Въ Кодиновой росписи Епархій, подчиненныхъ Кіевской Митрополіи, также сказано, S. Georgius ad Russum fluvium (см. Memor. popul. II. 1037).

Лѣтописецъ говоритъ, что Половцы сожгли *оставленный* жителями Юрьевъ, и что Великій Князь, построивъ Святополчь на *Вытечевѣ*

холмъ, населилъ сей городъ Юрьевцами, также *Засаковцами*, и проч. Городъ *Витичевъ* былъ на Днѣпрѣ, ниже Кіева (см. *Больш. Чертежъ*): тамъ, вѣроятно, находился и Святополчь, о коемъ еще упоминается въ лѣтописяхъ при нашествіи Татаръ въ 1224 году. Юрьевцы скоро возвратились на прежнее свое мѣсто (см. ниже). Саковъ былъ гораздо ниже Кіева, на восточномъ берегу Днѣпра.

(156) Въ харат. *Новогород.* стр. 8. Въ *Новогород.* Попа Іоанна, стр. 313.

(157) Князья звали Олега на съѣздъ въ Кіевъ уже въ 1096 году: онъ ушелъ Маія 3 изъ Чернигова въ Стародубъ, который былъ въ осадѣ 33 дни.

(158) Вѣроятно, что Боняк спѣшилъ удалиться, свѣдавъ о несчастіи Тугоркана.

Сей Ханъ взялъ тогда въ плѣнъ двухъ святыхъ Печерскихъ иноковъ, Евстратія Постника и Никона Сухаго (см. *Патер.* л. 172 на об.).

(159) Въ харатейной *Пушк.* и въ другихъ.

(160) Сіе письмо взято изъ древнѣйшаго харатейнаго списка Несторова, т. е. Пушкинскаго, и напечатано вмѣстѣ съ *Духовною* Мономаха, стр. 48 и слѣд. Оно было послано или съ Вячеславомъ или въ тоже время, ибо Владиміръ говоритъ въ своей грамотѣ, что сей меньшій сынъ его находится съ братомъ Мстиславомъ въ дѣдовской области (стр. 57), но писано еще прежде Олегова изгнанія изъ Мурома. Въ харатейной лѣтописи за Мономаховою грамотою слѣдуетъ молитва къ Богоматери, выписанная также (какъ вѣроятно) изъ бумагъ Владиміровыхъ.

(161) О семъ древнемъ обыкновеніи см. въ печатн. *Нест.* стр. 165.

Въ раздѣлѣ городовъ не упоминается о Смоленскѣ; но обстоятельства доказываютъ, что

сей городъ остался за Владиміромъ. Въ лѣтописяхъ сказано, что Мономахъ въ 1100 или 1101 году (см. въ *Никонов.* Ч. II, стр. 33) основалъ въ *Смоленскѣ* каменную церковь Богородицы. Къ тому же Владиміръ въ своей *Духовной* (стр. 40 и 42) пишетъ, что онъ, заключивъ миръ съ Давидомъ Святославичемъ, и женивъ сына на Аэпиной дочери (см. ниже), часто ѣздилъ въ Смоленскъ и Ростовъ.

Вообще сіе извѣстіе о тогдашнемъ раздѣлѣ государства искажено отчасти писцами, отчасти нашими Историками.

Въ Новѣгородѣ княжилъ Владиміровъ сынъ Мстиславъ до 1102 году (см. ниже). — Теребовль есть нынѣ мѣстечко въ Галиціи на рѣкѣ Серетѣ и называется Трембовла.

(162) См. выше, стр. 111.

(163) И такъ сіи города принадлежали къ области Кіевской.

(164) Городъ Здвижескъ (а не Воздвиженскъ) былъ на р. Здвижѣ. Въ лѣтописи: »сволокопа съ »него сорочку кроваву сущю и вдаша *попадьи* »прати.« Домы Священниковъ, какъ лучшіе, въ селахъ и древнихъ городахъ служили пристанищемъ для путешественниковъ.

(165) Они стояли противъ Кіева *за Днѣпромъ въ бору*, сказываетъ Лѣтописецъ; а ниже, говоря о томъ же (Несторъ или другой) пишетъ: »спаша у *Городца*.« слѣдственно Городецъ былъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра (см. выше, прим. 27).

Въ *Пушк.*, въ *Ростов.*, *Кенигсберг.* и другихъ лучшихъ спискахъ Нестора названъ здѣсь Митрополитъ Николаемъ, а въ *Никонов.* ошибкою Никифоромъ, котораго тогда еще не было въ Россіи.

(166) См. *Пушкин.*, *Хлѣбн.*, *Ипат.* и другихъ. Въ такія посольства обыкновенно употреблялись Священники или Монахи. Сей Василій —

будучи жителемъ Червенской или Волынской области, какъ вѣроятно — дополнилъ Нестора, знавъ лучше происшествія страны своей, но оставилъ и краткія хронологическія его извѣстія: отъ чего вышли повторенія. Одинъ человѣкъ не могъ писать сперва подробно, а тамъ коротко о томъ же случаѣ.

Города именую здѣсь такъ, какъ они въ *Пушкин.*, въ *Хлѣбн.* и въ *Ипатьев.* спискѣ именованы. Перемиль и Шеполь были Галицкими городами; они, какъ видно, принадлежали къ области Теребовля.

(167) Вопреки Болтину, который говоритъ, что Василько не имѣлъ причины воевать съ Поляками. — О Берендичахъ или Берендѣяхъ см. ниже, примѣч. 192. — Печенѣги жили тогда въ окрестностяхъ Дуная и вели кровопролитныя войны съ Императоромъ Алексіемъ (см. Memor. Popul. . Нѣкоторые оставались еще и на Донскихъ степяхъ. – Сей разговоръ Василька, описанный нами отъ слова до слова, безъ малѣйшаго прибавленія (какъ и все другое), есть безъ сомнѣнія зерцало великой души.

(168) Что Владиміръ могъ тогда воевать съ Половцами, заключаю изъ слѣдующаго мѣста его *Духовной* (стр. 41): »Идохомъ противу имъ »Половцамъ) на Сулу:« чему, кажется, надлежало быть около сего времени.

Городъ Бужскъ называется нынѣ Бускъ, между Бродами и Лембергомъ.

(169) Въ *Никонов.* и *Ростов.* Давидъ названъ здѣсь *Ростиславичемъ*; но Володарь и Василько не имѣли третьяго брата, кромѣ умершаго Рюрика. Потому вездѣ упоминается о Ростиславичахъ въ двойственномъ числѣ, какъ въ мѣстоименіяхъ, такъ и въ глаголахъ. Маршинъ Галлусъ пишетъ (стр. 80), что одна изъ дочерей Польскаго Герцога Владислава была тогда

за Княземъ Россійскимъ: не за Давидомъ ли, который два раза искалъ Владиславовой помощи?

(170) См. Praя Annales Regum Hungariae, кн. II, стр. 99 — 100. Годъ показанъ тотъ же самый, т. е. 1099; но Венгерскіе Лѣтописцы не знали причины войны. – Кто была сія Ланка (можетъ быть Янка) quae a defuncto marito regnum istic potiebatur? Не вдовствующая ли супруга Володарева брата, Рюрика, который прежде господствовалъ въ Перемышлѣ? —

(171) Въ *Патерикѣ* (л. 153), въ житіи Ѳеодора и Василія, повѣствуется (другими словами) слѣдующее о Мстиславѣ: Инокъ Ѳеодоръ нашелъ въ пещерѣ своей множество серебра и сосудовъ драгоцѣнныхъ; хотѣлъ сперва уйти съ ними, но раскаялся, и зарылъ ихъ. Мстиславъ, сынъ Святополковъ, свѣдалъ о томъ и требовалъ сокровища отъ Ѳеодора, который ему отвѣтствовалъ: »еще при жизни Св. Антонія слы»шалъ я, что въ сей пещерѣ было древнее Ва»ряжское хранилище, и что она по тому само»му названа *Варяжскою*. Правда, что я видѣлъ »тамъ много золота и сосудовъ *Латинскихъ;* »но Богъ отнялъ у меня память, и теперь не »знаю, гдѣ они скрыты мною.« Жестокій Мстиславъ велѣлъ мучить Святаго, и будучи *пущенъ отъ вина,* пустилъ стрѣлу въ друга Ѳеодорова, блаженнаго Василія, который, вынувъ оную изъ себя и бросивъ къ ногамъ юнаго Князя, сказалъ, что скоро Мстиславъ будетъ самъ уязвленъ сею. Пророчество исполнилось. Мстиславъ, раненный въ Владиміръ на ступѣ, узналъ стрѣлу свою и сказалъ: »умираю за Ѳеодора и »Василія.«

(172) Именемъ Василя. — Съ Давидомъ Игоревичемъ былъ тогда сыновецъ, или братинчъ сынъ, Мстиславъ: слѣдственно Игорь имѣлъ двухъ сыновей.

(173) См. выше, стр. 120.

(174) См. печат. *Нест.* 218. — Съѣздъ Князей Россійскихъ былъ *на Долобскѣ*. Озеро выше Кіева, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, называлось *Долобское* (см. въ печати. *Нест.* стр. 218).

(175) Всеславъ, княживъ 57 лѣтъ, скончался въ 1101 году, Апрѣля 14, *въ 1 часу дня*.

Мы сказали выше, что Олегъ Святославичь былъ женатъ на Княжнѣ Половецкой.

(176) Вѣроятно, что сей Князь, подобно Норманскимъ, выѣзжалъ на море (думаю, Черное) собирать дань съ купеческихъ судовъ. — Вячеславъ Ярополковичь, о коемъ здѣсь упоминается, умеръ въ 1104 году, Декабря 13.

Имена убитыхъ Хановъ: Урусоба, Кчій, Арсланапа, Кашапопа, Куманъ, *Асупъ*, Куртокъ, Чепегрепа, Сурьбарь. Нѣкоторые думали, что *Азовъ*, который назывался въ древности Танаисомъ, получилъ имя свое отъ имени *Асупа*, Князя Половецкаго (см. Alte Azowische Begebenh. въ Samml. Russ. Gesch, II, 78).

Лѣтописецъ именно говоритъ, что Россіяне взяли тогда Печенѣговъ и Торковъ съ вежами. Остатки сихъ народовъ еще кочевали на степяхъ Екатеринославской Губерніи.

(177) Сей *Исторіи* Т. I, страп. 43 и 44. Несторъ разумѣетъ ихъ подъ именемъ Зимеголы.

Мы не упоминаемъ въ Исторіи о слѣдующихъ происшествіяхъ сего времени: Въ 1101 году (по *Ростовск. Лѣт.* въ 1102) родился у Владиміра сынъ Андрей, а въ 1104 у Святополка Брячиславъ. — Въ 1107 году Маія 7, скончалась вторая супруга Мономахова; онъ называетъ ее въ своей *Духовной* (стр. 41) *матерію Георгія*. — Въ 1108 году Генваря 30, преставился Новогородскій Епископъ Никита (см. харат. *Новогород. Лѣт.* стр. 9). Мощи Св.

Никиты, обрѣтенныя уже въ XVI вѣкѣ, храняпся въ Новогородскомъ Соборѣ, и гробница, сооруженная Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, окована серебромъ.

(178) Одинъ изъ сихъ Хановъ назывался Аэпа, Осеневъ сынъ, а другой Аэпа же, сынъ Гиргеневъ. На Осеневой внукѣ женился Георгій или Юрій Владиміровичь, а на Гиргеневой сынъ Олеговъ.

(179) Въ походѣ 1111 года были, кромѣ Великаго Князя и Мономаха, Давидъ Святославичь и сынъ его Ростиславъ, Давидъ Игоревичь, Всеволодъ и Святославъ Ольговичи, Ярославъ Святополковичь, Мстиславъ и Ярополкъ Владиміровичи.

Когда Святополкъ, въ 1107 году побѣдивъ варваровъ, пришелъ въ Лавру 15 Августа, въ самую заутреню, тогда всѣ монахи съ радостію цѣловали или поздравляли его *(братья цѣлованіа съ радостью великою яко врази наши побѣждены быша)*.

(180) Надобно различать Исторію Татищева и лѣтописи, въ которыхъ не упоминается о Воспорской области послѣ 1094 году, когда Олегъ пришелъ изъ Тмутороканя съ Половцами къ Чернигову.

(181) То есть, Князь Владимірскій. У него были еще два брата, Изяславъ и Брячиславъ, которые не имѣли, кажется, удѣловъ и скончались оба въ одномъ году: первый Дек. 13, 1127 г., а вторый Марта 28. Брячиславъ, меньшій сынъ, родился въ 1104 году. — Давидъ Игоревичь преставился Маія 25.

Въ 1111 году скончался Епископъ Черниговскій Іоаннъ Марта 23, достойный примѣчанія тѣмъ, что онъ 25 лѣтъ за болѣзнію не могъ отправлять службы, къ огорченію народа и Князя. На его мѣсто былъ поставленъ Игуменъ

Печерскій Ѳеоктистъ въ 1112 году, Генваря 11 (а по нѣкоторымъ спискамъ уже въ 1113).

(182) Святополкъ умеръ въ годъ солнечнаго зашмѣнія, слѣдственно въ 1113, а не въ 1114 году (какъ означено въ нѣкоторыхъ спискахъ, гдѣ годы перемѣшены).

Святополкъ былъ *неблагодаренъ* и *подозрителенъ:* ибо, всѣмъ обязанный Владиміру, не усомнился признать его врагомъ своимъ — *робокъ въ несчастіи:* ибо смиренно извинялся предъ Боярами младшихъ Князей, и думалъ бѣжать отъ Мономаха и Святославичей — *высокомѣренъ въ счастіи:* ибо, побѣдивъ Давида Игоревича, хотѣлъ выгнать и Ростиславичей изъ ихъ Удѣла.

Кіевская церковь Св. Михаила заложена въ 1108 году, Іюля 11.

О Жидахъ Кіевскихъ см. ниже. Въ *Патерикѣ*, въ житіи Св. Прохора, л. 145, сказано: »тогда »совѣща (Святополкъ) съ совѣтники своими, да »цѣна соли будетъ многа, и да отъемъ у Про»хора, самъ продаетъ оную чрезъ своихъ.« Онъ сослалъ въ Туровъ Іоанна, Игумена Печерскаго, обличавшаго корыстолюбіе и грабительство его; но боясь Мономаха, дозволилъ сему благочестивому Игумену возвратиться въ свою обитель (см. *Патер. л.* 146).

(183) Въ лѣтописи подъ 6610 годомъ сказано, что сдѣлалось въ Октябрѣ, Декабрѣ, Генварѣ и Февралѣ, и потомъ: »на *придущее* лѣто Рус»скые Князи умыслиша дерзнути на Половци; »въ *се же* лѣто» — и такъ въ слѣдующее — »преставися Ярославъ Ярополковичь мѣсяца *Ав»густа* въ 11 день. Въ *се же* лѣто ведена бысть »дщи Святополча Сбыслава мѣсяца *Ноября* въ »16 день.« Ярославъ былъ пойманъ въ исходѣ Октября 1102 году (см. выше), и скончался въ Августѣ: слѣдственно уже въ 1103. Въ томъ же году вышла и Сбыслава замужъ: что согласно и съ Польскими лѣтописями (см. Нарушевича Hist. Nar. Polsk. кн. II, стр. 92 и слѣд., гдѣ описаны всѣ обстоятельства).

Дочь Болеслава Храбраго была за Святополкомъ, усыновленнымъ племянникомъ Св. Владиміра; дочь Владимірова за Казимиромъ; Владиславова за Россійскимъ Княземъ (можетъ быть, Давидомъ Игоревичемъ); Болеславъ Смѣлый женился на Княжнѣ Россійской; сынъ его Мечиславъ, также.

Въ *Пушкин.:* »въ то же лѣто (6614) при»бѣже Избыгнѣвъ къ Святополку« (см. также Длугоша Hist. Polon. кн. IV, стр. 360).

Далѣе: »въ томъ же лѣтѣ (1104) ведена бысть »Предслава, дщи Святополча, въ Угры за *Ко»ролевича*, мѣс. Августа въ 21.« Коломанъ Венгерскій имѣлъ трехъ сыновей: Ладислава, Стефана и Николая, умершаго въ 1112 году. Супруги перваго и третьяго неизвѣстны; а за Стефаномъ была дочь Апулійскаго Герцога.

Далѣе въ лѣтописи: »въ лѣто 6612 ведена »дщи *Володарева* за Царевичь Олексиничь (сына »Алексіева) Царюгороду Іюля въ 20 день.« Татищевъ назвалъ Володаря Владиміромъ.—Алексій Комининъ имѣлъ трехъ сыновей: 1) Іоанна или Калоіоанна, женатаго на Иринѣ, дочери Венгерскаго Короля — 2) Андроника — 3) Исаакія. Супруги двухъ послѣднихъ неизвѣстны (см. Дю-Канжа Hist. Byzant. стр. 176 и 179).

Въ *Кіевск. Лѣт.* г. 6620 (1112): »ведоша »Евфимью Володимерну въ Угры за Короля.« См. Туроц. Chron. Hung. гл. LXI, стр. 69. Лѣтосчисленіе согласно. — Прай (Annal. Hung. кн. II) говоритъ о Борисѣ: Borichium sive ex Colomano, sive ex alio, nam id incertum est, sublatum peperisse; а Туроцъ прямо: quae (Евфимія) ex adulterio peperit filium, nomine Borich. Миллеръ думалъ, что супругомъ Евфиміи былъ

Король Бела, женатый на дочери Графа Сербскаго (см. Туроц. Chron. гл. 63). Сія дочь Мономахова жила до 1138 года.

(184) О Митрополитѣ Никифорѣ сказано въ лѣтописи: »въ томъ же лѣтѣ (1104) приде Митрополитъ Никифоръ въ Русь, мѣсяца Декабря въ 6 день; тогожь мѣсяца въ 18 на столѣ посаженъ.« Въ 1105 году онъ поставилъ трехъ Епископовъ: Амфилохія Владимірскаго Авг. 27, Лазаря Переяславскаго Ноября 22, Мину Полоцкаго Дек. 13, а въ 1112 Ѳеоктиста Черниговскаго. *Новогород. Лѣт.* (стр. 9) называетъ Никифора Сурскимъ, т. е. уроженцемъ города Суры (въ Ликіи).

Святоша или *Святославъ* (такъ именно въ *Пушкин.*) постригся въ 1106 году, Февр. 17 (см. *Патерикъ*, л. 177). Въ день его кончины народъ стекался къ нему толпами, требуя благословенія.

См. *Прологъ*, Августа 3. Тамъ сказано, что Антоній, находясь еще въ Италіи, положилъ въ делву церковные сосуды и разныя драгоцѣнныя вещи, и бросилъ ее въ море, а самъ чудеснымъ образомъ приплылъ на камнѣ въ Новгородъ; что рыбаки, имъ нанятые, закинувъ сѣти, вытащили оную изъ рѣки Волхова, близъ того мѣста, гдѣ существуетъ его обитель (въ двухъ верстахъ отъ Новагорода) и проч. Въ запискахъ Антоніева монастыря прибавлено, что сіи церковные сосуды были сердоликовые, яшмовые и хрусталиные, украшенные золотомъ, алмазами и яхонтами, и что Царь Іоаннъ Васильевичь взялъ ихъ въ Москву; что пять образовъ мусійныхъ и каменный крестъ остались въ монастырѣ, гдѣ показываютъ и зеленую трость Антоніеву; что камень, на коемъ онъ приплылъ, находится въ паперти съ изображеніемъ Св. Угодника; что на золото и серебро, бывшее въ

делвѣ, Антоній *купилъ* у Посадниковъ землю для обители, совершилъ каменную церковь въ 1122 году (см. ниже, примѣч. 200), а трапезу теплую въ 1130, также и колокольню съ теплыми погребами; что сіи зданія цѣлы донынѣ; что Антоній скончался въ 1147 году, имѣя 79 лѣтъ отъ рожденія; что мощи его обрѣтены и положены въ окованную серебромъ раку въ 1597 году, Іюля 1, а съ 1731 года лежатъ въ новой кипарисной, также серебромъ окованной, и проч. Въ семъ монастырѣ хранятся также списки двухъ грамотъ Антоніевыхъ.

(185) Сіе путешествіе или *Хожденіе Данила Русьскыя земли Игумена* сохранилось въ монастырскихъ библіотекахъ и находится, только не полное, при Кенигсбергскомъ спискѣ Нестора. Печать древности еще видна въ слогѣ, отчасти поновленномъ неблагоразумными писцами. — Вѣроятно, что Игуменъ Даніилъ родился или жилъ въ Черниговской области: ибо онъ рѣки Обѣтованной земли обыкновенно примѣняетъ къ *Снову*. Сей путешественникъ могъ быть Юрьевскимъ Епископомъ Даніиломъ, поставленнымъ въ 1113 году.

Даніилъ говоритъ о Балдвинѣ: »Язъ худый и недостойный въ ту Пятницу въ 7 часъ дни ходихомъ къ Князю тому Балдвину и поклонихся ему до земли. Онъ же видѣвъ мя худаго, и призва мя къ собѣ съ любовію и рече ми: что хощеши, Игумене Русьскы? Позналъ мя бяше добрѣ и любя мя вельми, яко же есть мужъ благодѣленъ и смиренъ вельми, и не *гордитъ*. Язъ рекохъ ему: Княже мой Господине! молю ти ся Бога дѣля и Князей дѣля Русьскыхъ, повели ми, да быхъ и язъ поставилъ свое кандило на гробѣ святомъ отъ всея Русьскыя земли. Онъ же съ тщаньемъ и съ любовью повелѣ ми поставити

»кандило; посла съ мною мужа своего, слугу луч-»шаго« и проч.

(186) См. въ харат. *Корнч. Книгѣ* Синодал. библіотеки No 82, въ LXII отдѣленіи: *Въпроси Кюрьяка, еже въпроси Епископа Новогородьского Нифонта* (умершаго около половины XII вѣка).

(187) Сей, Воевода Кіевскій, Янь Вышатичь (см. *Патерикъ л.* 64 на обор.), погребенный вмѣстѣ съ супругою Маріею, семидесяти семи лѣтъ, т. е, въ 1093 году, еще сражался съ Половцами на берегахъ Спугны.

Татищевъ думалъ, что Несторъ писалъ только до 1094 году, или до мѣста, гдѣ поставленъ Аминь; но сего Амина нѣтъ въ древнихъ спискахъ. Гдѣ же точно онъ заключилъ свой трудъ, опредѣлить не можемъ: вѣроятно, что около 1110 году, подъ коимъ во многихъ древнихъ спискахъ находятся слѣдующія строки: »Игуменъ »Сильвестръ Св. Михаила *написахъ* книгы си »*лѣтописець*, надѣяся отъ Бога милость прія-»ти, при Князи Володимерѣ, княжащю ему Ки-»евѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у Св. Ми-»хаила въ 6624, Индикта 9 лѣта; а иже чтець »книгы сія, то буди ми въ молитвахъ.« И такъ здѣсь былъ перерывъ. Многіе изъ слова: *написахъ*, заключали, что Сильвестръ продолжалъ Нестора, и считали сего Игумена вторымъ нашимъ древнимъ Лѣтописцемъ; но тутъ *написахъ* значитъ *списалъ*: въ концѣ многихъ рукописныхъ Евангелій, Псалтирей и другихъ церковныхъ книгъ видимъ такія подписи. Если бы Сильвестръ (Несторовъ современникъ и послѣ Епископъ Переяславскій), былъ сочинитель, то онъ въ 6624 году не оставилъ бы *шести* лѣтъ (отъ 6618) безъ описанія, которое уже слѣдуетъ за его подписью, и безъ сомнѣнія есть трудъ иного, для насъ безъименнаго человѣка. Судя по крат-

кости слѣдующихъ извѣстій, думаю, что сей безъименный началъ писать не прежде 1125 или 1127 года: ибо съ сего времени извѣстія дѣлаются вдругъ гораздо подробнѣе.

(188) *Ростов.* и *Воскресен. Лѣт.* — Въ годъ Мономахова восшествія на престолъ, въ 1113, Вячеславъ Владиміровичь отправился княжить въ Смоленскъ, Романъ Владиміровичь женился на дочери Володаря, горѣлъ Новгородъ и поставленъ Даніилъ Епископомъ Юрьеву, а Никита Бѣлугороду.—Въ семъ же году Мстиславъ основалъ въ Новѣгородѣ церковь Св. Николая близъ торговой площади на Княжескомъ Дворѣ. — Въ 1114 году, Марта 6, поставленъ Епископъ Кириллъ (но куда, неизвѣстно); умеръ Святославъ, Мономаховъ сынъ, въ Переяславлѣ, куда перевелъ его отецъ изъ Смоленска; также Романъ Всеславичь Полоцкій и Мстиславъ, внукъ Игоревъ.

(189) Украшеніе раки Св. Бориса и Глѣба описано въ *Степен. Книгѣ* Ч. I, стр. 211, 212. Освященіе церкви было 1 Маія, а перенесеніе мощей 2; поставили же ихъ на своемъ мѣстѣ въ четвертый день.

Въ харатейныхъ спискахъ Нестора включено весьма подробное изображеніе всѣхъ Небесныхъ благодѣяній, коими Россія обязана предстательству Бориса и Глѣба. (*Никонов.* I, 121).

(190) См. о ростахъ выше, и *Русскую Правду* стр. 55.

(191) См. Грубер. Liefländ. Chronik, T. I, стр. 69. Оденпе не далеко отъ Дерпта.

(192) Гдѣ въ однѣхъ лѣтописяхъ говорится о Торкахъ, Берендѣяхъ и Печенѣгахъ, тамъ въ другихъ названы только Черные Клобуки (см. *Рос. Библіот.* стр. 225 и *Воскресен. Лѣт.* II, 28). Сіе имя было для нихъ общимъ и дано имъ, безъ сомнѣнія, отъ черныхъ шапокъ. Тоже зна-

чить имя нынѣшнихъ Каракалпаковъ, нѣкогда обитавшихъ, по собственному ихъ преданію, въ Россіи Восточной (см. Рычкова *Оренбург. Топографію*, I, 173 — 174). Сихъ же Черныхъ Клобуковъ называли Черкасами (см. *Воскресен. Лѣтоп.* II, 21).

Годы всѣхъ описанныхъ происшествій: Мстиславъ, побѣдивъ Чудь въ 1113 году, взялъ *Медвѣжью Голову* въ 1116 на память Сорока Мучениковъ; въ томъ же году Ярополкъ воевалъ Половецкую землю; въ 1117 Мстиславъ выѣхалъ въ Бѣлгородъ и Бѣловежцы пришли въ Россію (см. *Кіевск. Лѣт.*); въ 1120 Ярополкъ ходилъ за Донецъ и Донъ (нигдѣ не встрѣтивъ Половцевъ), а Георгій на Болгаровъ; въ томъ же или въ 1121 году Берендѣи, Печенѣги и Торки ушли изъ Россіи; походъ Всеволода Мстиславича на Ямь былъ въ 1123 году.

(193) Развалины Малороссійской Бѣлой Вежи находятся отъ вершины Остера въ 10 верстахъ, отъ Борзны въ 30, отъ мѣстечка Батурина въ 40, на открытой и ровной степи. Тамъ видны еще три вала и ровъ, который простирается въ длину на четыре версты; также нѣсколько кургановъ или высокихъ могилъ. Въ окрестности сего мѣста съ 1767 года живутъ иностранцы. Они поселены въ шести деревняхъ: главная именуется Екатериноноль, и выстроена на самыхъ развалинахъ древней крѣпости. Г. Дѣйств. Статскій Совѣтникъ Шафонскій, описывая *Бѣловежскую Колонію* въ 1786 году, упоминаетъ еще о нѣкоторыхъ каменныхъ осыпяхъ городской стѣны, воротъ, башенъ и погребовъ; но онъ несправедливо считалъ сію Бѣлую Вежу древнею Козарскою, взятою Святославомъ въ 965 году (см. нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 87 и 361, и Т. V, гл. 1, Путеш. Пимена). Россіяне еще при Олегѣ завоевали

нынѣшнюю Черниговскую Губернію, гдѣ жили Сѣверяне.

(194) Въ *Степен. Книгѣ* (I, 247) сказано только, что Владиміръ, за свое мужество, принялъ діадиму Константина Мономаха и другую Царскую утварь; что Неофитъ, вмѣстѣ съ Епископомъ *Митулинскимъ (Митилинскимъ)* и Милитинскимъ (Мелитинскимъ) вѣнчалъ сего Великаго Князя въ Соборной церкви, какъ перваго Царя Россійскаго. Авторъ *Синопсиса*, несправедливо ссылаясь на древнія лѣтописи, сказываетъ, что Алексій написалъ тогда ко Владиміру письмо.—Въ повѣстяхъ рукописныхъ (изъ коихъ самая древнѣйшая, мнѣ извѣстная, писана въ началѣ XVI вѣка: см. Синод. библ. No. 365) находится весьма обстоятельная о томъ сказка (сокращенная въ печати. *Воскресенск. Лѣт.* стр. 257 и въ *Царственномъ*): вотъ ея *содержаніе:* »Великій Князь Владиміръ призываетъ другихъ »Князей Русскихъ, сродниковъ, Бояръ, Синклитъ, »Митрополита, Епископовъ, и говоритъ имъ: »*Олегъ, Игорь, Святославъ, Владиміръ, Всево-*»*лодъ брали дань съ Константинополя; но Гре-*»*ки не хотятъ нынѣ давать ее: что дѣлать?* »Принудимъ ихъ, Государь! отвѣтствовалъ »Совѣтъ единодушно — и Владиміръ отпра-»вилъ пословъ къ Императору Константи-»ну Мономаху« (умершему лѣтъ за пятьдесятъ до того времени). »Сей Императоръ съ »гордостію отвергнулъ требованіе Россіянъ, и »Великій Князь велѣлъ Мстиславу наказать Гре-»ковъ. Мужественный сынъ его завоевалъ Ѳра-»кію и другія Греческія области. Тогда Импе-»раторъ, видя бѣду, совѣтовался съ Патріар-»хомъ Иларіемъ« (котораго не бывало) »и вду-»малъ послать въ Кіевъ Ефесскаго Митропо-»лита, Неофита, съ другими Святителями и »чиновниками: снялъ съ шеи своей живописцій

» крестъ, а съ головы вѣнецъ, и положилъ на » золотое блюдо; спросилъ также *крабійцу* сер- » доликовую (изъ коей пивалъ Августъ Кесарь), » цѣпь золотую и многія иныя драгоцѣнности; » вручилъ оныя посламъ и велѣлъ сказать Вла- » диміру: *оставь въ покоѣ Христіанъ единовѣр- » ныхъ; возьми украшенія древнихъ Царей Гре- » ческихъ; будь также Царемъ и моимъ братомъ!* » Владиміръ согласился, и Неофитъ въ Соборной » церкви возложилъ на него вѣнецъ, крестъ жи- » вотворящій, порфиру, виссонъ и гривну златую, » назвавъ Великаго Князя Мономахомъ, подобно » Императору Константину. Наконецъ умирая, » сей Государь Россійскій собралъ знаменитое » Духовенство, Бояръ, купцевъ, и сказалъ имъ: » *да не впускаютъ никого на Царство по моей » смерти! Отечество наше раздѣлено на многія » области: если будетъ Царь, то удѣльные Князья » отъ зависти начнутъ воевать съ нимъ, и госу- » дарство погибнетъ.* Онъ вручилъ Царскую » утварь шестому сыну своему, Георгію; велѣлъ » хранить оную какъ душу или зѣницу ока и » передавать изъ рода въ родъ, пока Богъ воз- » двигнетъ Царя, истиннаго Самодержца, въ » государствѣ Велико-Россійскомъ. « — Въ Успен- скомъ Московскомъ Соборѣ, надъ Император- скимъ мѣстомъ, есть надпись такого же содер- жанія, какъ и сія повѣсть, съ прибавленіемъ, что Константинъ Мономахъ воевалъ тогда *съ Латиною* (развѣ Алексій Комнинъ?), и что послѣ Олега ходилъ къ Царюграду *Всеславъ* (Свя- тославъ) *Игоревичъ*. Poëticis decora fabulis! — По крайней мѣрѣ Константинопольскій Патріархъ Іоасафъ въ 1561 году письменно утвер- дилъ истину Владимірова Царскаго вѣнчанія въ грамотѣ своей къ Царю Іоанну Васильевичу (см. въ Архивѣ Иностр. Дѣлъ Греческія дѣла No I, л. 175, и сей *Исторіи* Т. VIII, гл. 3, г. 1547.

(195) См. Consp. Багрянородн. въ Бандури, T. I, стр. 63; см. также духовныя грамоты Великихъ Князей Іоанна Іоанновича, Донскаго и наслѣдниковъ его, хранимыя въ Архивѣ Ино- странной Коллегіи, или *Древн. Рос. Вивліоѳ.* I, 67, 107, 151. Каждый изъ нихъ отказывалъ боль- шому сыну *цѣпь золотую съ крестомъ, шапку золотую, бармы и коробку сердоликовую.* — Гер- берштейнъ, бывшій въ Москвѣ при отцѣ Царя Іоанна Васильевича, сказываетъ (R. M. Com. стр. 5), что Россійскіе Государи въ день коронованія употребляютъ Мономахову утварь. Стриковскій (который жилъ въ XVI вѣкѣ) пи- шетъ, что Владиміръ отнялъ у Генуэзцевъ го- родъ Кафу, въ единоборствѣ побѣдилъ Воеводу ихъ, и снялъ съ него золотую цѣпь, хранимую въ сокровищѣ Московскихъ Князей, носимую ими въ часъ торжественнаго помазанія, и называ- мую *Барма!* Шведъ Петрей (издавшій свою Московскую Хронику въ 1620 году) слышалъ отъ Русскихъ, какъ онъ говоритъ (стр. 533), что Царская одежда Мономахова привезена сими Великимъ Княземъ также изъ Кафы, гдѣ онъ воевалъ съ *Татарами*. Испанскій Историкъ, Антоній Герера, современникъ Филиппа II, увѣ- ряетъ, что *митра*, ожерелье (monile) и скип- петръ Мономаховы суть трофеи побѣды, одер- жанной Владиміромъ надъ Кафимскимъ *Консуломъ*: чему радовался Генуэзскій Патрицій, Іерошимъ де Маринисъ, восклицая: »такъ уважаютъ Рос- »сіяне нашу знаменитую Республику!« См. Sammlung Russ. Gesch. II, 80. Стриковскій, Пе- трей и Герера не справились съ хронологіею: въ княженіе Мономаха не было еще въ Кафѣ ни Татаръ, ни Генуэзцевъ, которые завладѣли ею въ XIII вѣкѣ.

(196) См. въ *Пушкин.*, *Троицк.*, *Кіевск.* и другихъ спискахъ.

(197) См. *Жизнь Алексія Колынина*, описанную его дочерью Анною, кн. IX, гл. 5, и кн. X, гл. 2 и 3; также Русск. переводъ Кедрина, Ч. III, л. 11. — Сынъ Маріи Владиміровны, убитый въ 1136 году, названъ въ *Кіевск. Лѣт.* »Царевичемъ Василькомъ *Леоновичемъ*,« а въ другихъ только внукомъ Мономаховымъ и *Маріичемъ* или сыномъ Маріи, умершей въ 1147 году, Генв. 20.

(198) Вмѣстѣ съ Ярополкомъ ходилъ къ Друцку Давидъ Черниговскій. — »Ярополкъ сруби »городъ *Желній*, и дасть его Дручаномъ« (жителямъ Друцка) »ихъ же полони.« Въ Курской Губерніи есть или была рѣчка *Желень* (см. *Больш. Черт.* стр. 142): не тамъ ли находился и городъ *Желній*? Курскъ принадлежалъ Мономаху. — О сей войнѣ съ Глѣбомъ сказано и въ Духовной Владиміра (стр. 42, 43)

Владиміръ сперва *только* осаждалъ Минскъ, а взялъ его уже черезъ три года. Глѣбъ умеръ въ Кіевѣ въ 1119 году, Сент. 13. Онъ былъ женатъ на дочери Ярополка Изяславича, убіеннаго Нерядцемъ въ 1086 году. Супруга его вдовствовала 40 лѣтъ, а жила 84 года. Объ ней *Воскресенск.* II, 44.

(199) См. печати. *Новогород. Лѣт.* стр. 11.

(200) Въ лѣтописяхъ сказано, что Ярославъ бѣжалъ сначала въ Венгрію; но онъ, кажется, ушелъ туда уже въ то время, когда отчаялся въ храбрости и силѣ Полковъ.

Романъ, сынъ Мономаховъ, умеръ въ 1119 году, Генв. 6. Андрей женился на Тугоркановой внукѣ въ 1117 году. Болеславъ Кривоустый былъ женатъ на родной сестрѣ Ярослава (см. выше, примѣч. 183).

Годы описанныхъ происшествій: Ярополкъ Владиміровичь взялъ Друцкъ въ 1115 году и поспорилъ Желній въ 1116; Мономахъ осадилъ

Минскъ въ 1115, Генваря 28, а завладѣлъ имъ въ 1119; призывалъ Бояръ изъ Новагорода въ 1112, и послалъ туда Намѣстника Бориса въ 1120; ходилъ на Ярослава въ 1117; сей послѣдній, удаливъ отъ себя жену и свѣдавъ о виторичномъ походѣ Мономаха ко Владиміру, бѣжалъ въ 1118 году, приступалъ къ Червену въ 1121, а ко Владиміру въ 1123.

Замѣтимъ также происшествія сего времени, о коихъ не упоминаемъ въ Исторіи. Въ 1116, Іюня 20, умеръ Мина, Епископъ Полоцкій. Въ 1117, Мономахъ заложилъ каменную церковь Бориса и Глѣба на Альтѣ, а Игуменъ Антоній (Римлянинъ: см. выше, примѣч. 184) каменный храмъ Богоматери и монастырь въ Новѣгородѣ. Болгары отравили ядомъ Хана Аэпу и многихъ Половцевъ. Умеръ Лазарь, Епископъ Переяславскій, Сент. 16, а мѣсто его, Генв. 1, заступилъ Сильвестръ, который списывалъ Несторову Лѣтопись. Въ 1119 Новогородскій Игуменъ Кириакъ и Князь Всеволодъ Мстиславичь основали каменную церковь и монастырь Св. Георгія.—Въ 1120 умеръ сынъ Давида Черниговскаго, Ростиславъ (см. *Кіевск. Лѣт.*). Въ 1122 умеръ, Сент. 9, Даніилъ, Епископъ Юрьевскій, и Амфилохій Владимірскій, а въ 1123 Епископъ Сильвестръ въ Великій Четвертокъ, Апр. 12, и Ѳеокписитъ Черниговскій Авг. 6; Симеонъ поставленъ въ Епископы Владиміру. Въ 1124 скончалась вдовствующая Великая Княгиня, жена Святополкова, Февр. 28; а Всеволодъ, сынъ умершаго Давида, Князя Черниговскаго, женился въ Муромѣ на какой-то Ляховкѣ (Полькѣ).

(201) См. Туроц. Chron. гл. LXIII, и Praя Reg. Hung. 120. Туроцъ называетъ Ярослава *Безсолъ*.

(202) Такъ пишутъ древній безъименный Сочинитель *Жизни Оттоновой*, Боруфалъ и Кад-

лубекъ (см. въ Нарушев. Hist. Narodu Polsk. III, 232 — 236).

(203) Олегъ, женатый на Княжнѣ Половецкой, умеръ въ 1115 году, Авг. 1, а погребенъ 2, въ Черниговской церкви Св. Спаса, у гроба отца своего (см. *Кіевск. Лѣт.*); а Давидъ скончался въ 1123. Читателю извѣстенъ характеръ перваго. Авторъ *Степен. Книги*, славя Давидову святость, съ жаромъ говоритъ о заблужденіи тѣхъ людей, которые думаютъ, что спастися могутъ одни безбрачные, пустынники и Монахи: ибо Давидъ жилъ въ мірѣ, правилъ Княжествомъ, уступавшимъ въ силѣ одному Кіевскому, имѣлъ жену, дѣтей, и былъ святъ. *Степ. Кн.* I, 234. — Въ *Кіевск. Лѣт.*, г. 1116, сказано: »Пред»слава Черница Святославна преставися:« сестра Олега и Давида. — Володарь умеръ 19 Марта (1124) и погребенъ въ церкви Св. Іоанна, имъ созданной въ Перемышлѣ. (См. Длугоша Hist. Pol. кн. IV. 423 — 425). — О сыновьяхъ Володаревыхъ и Васильковыхъ см. ниже.

(204) См. лѣтописи. О другихъ его добродѣтеляхъ см. въ *Никонов.* Ч. II, стр. 24, 57, 58.

(205) Сія Духовная или *Поученіе* Владимірово находится въ Пушкинскомъ харатейномъ спискѣ Нестора и напечатано особенно въ 1793 году. Оно писано Мономахомъ не ранѣе 1117 года: слѣдственно ему было тогда не менѣе шестидесяти-пяти лѣтъ отъ рожденія. — Стр. 1: »Азъ худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ »благовольнымъ славнымъ нареченемъ« (должно читать: *нареченый*) »въ крещеніи *Василій*, »Русьскымъ именемъ Володимеръ, отцемъ взло»бленнымъ и матерью своею Мономахы.« Имя Василія ясно написано въ подлинникѣ. Такъ называетъ Мономаха современный Игуменъ Данінлъ (см. выше, примѣч. 185). — Далѣе, стр. 2, 12, 13: »Велій еси, Господи, и чудна дѣла

»Твоя! Никакъ же разумъ человѣческъ не мо»жетъ исповѣдати чудесъ Твоихъ.... Како »небо устроено, како ли солнце, луна, и тма »и свѣтъ? И земля на водахъ положена, Госпо»ди, Твоимъ промысломъ. Звѣрье разноличніи, »и птицы, и рыбы украшены Твоимъ промы»сломъ, Господи! И сему чуду дивуемся, какъ »отъ персти создавъ человѣка, како образи раз»ноличніи въ человѣческихъ лицахъ: аще и весь »міръ совокупитъ, не вси въ одинъ образъ, но »кый же своимъ лицъ образомъ по Божіи му»дрости. И сему ся подивуемъ, како птицы »небесныя изъ *Ирья* идутъ« — (*Ирь* и въ нашемъ древнемъ языкѣ могъ значить тоже, что Греческое *Иръ*, то есть *весну*, *утро*) — »и »первѣе въ наши руцѣ, и не ставятъ ся (не »остаются) на одной земли, но и сильныя и ху»дыя идутъ по всѣмъ землямъ, да наполнятся »лѣси и поля. Все же то далъ Богъ на угодье »человѣкомъ, на снѣдь, на веселье.« — Владиміръ напоминаетъ также дѣтямъ многія прекрасныя мѣста изъ Василія Великаго (стр. 7). »При старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, »старѣйшимъ покарятися, съ точными (равны»ми) и меньшими любовь имѣти, безъ луки (кри»визны) бесѣдующе, не обильно смѣятися, срам»ляпися старѣйшихъ, къ женамъ нелѣпымъ »(безстуднымъ) не бесѣдовати, долу очи имѣти, »а душу горѣ.«

(206) Вѣроятно Греческимъ, Скандинавскимъ, Половецкимъ и Венгерскимъ, кромѣ Русскаго.

(207) Non vitia hominis, sed vitia saeculi: пороки не человѣка, а вѣка. — См. выше стр. 126.

(208) См. древнюю Новогородскую печати. лѣтопись, стр. 11, 6. Въ Синодальной лѣтописи временъ Василія Темнаго (въ Библ. No 349, л. 224) и во многихъ другихъ новѣйшихъ сказано: »Мономахъ, »правнукъ Великаго Князя Володиміра, поставилъ

»градъ Володимерь Залѣшьскый въ Суждальской »земли, и осыпа его спомъ« (окружилъ валомъ) »и създа первую церковь Св. Спаса, за 50 лѣтъ »до Богородичина ставленія.« Ниже означено, что славная Владимірская, *Златоверхая* церковь Богоматери совершена въ 1166 году: слѣдственно Мономахъ основалъ городъ Владиміръ въ 1116. Но въ харатейныхъ и другихъ лѣтописяхъ относится поспроеніе сей церкви къ 1160 году; въ 1161 она расписана, а въ 1164 Андрей Боголюбскій внесъ въ нее чудотворную икону Богоматери.—Старый городъ Владиміръ былъ въ длину 620 саженъ (см. лѣтоп. Синодальн. библ. No 111, *л.* 58 на обор.).

(209) См. *Ростов. Лът.* *л.* 97, на обор., печатн. *Воскресен.* I, 263 и *Новогород. Лът.* стр. 13.

(210) См. выше, стр. 37, и примѣч. 45. Гида сочеталась бракомъ послѣ Гастингскаго сраженія, бывшаго въ 1066 году; а какъ первый сынъ Владиміровъ, Мстиславъ, родился въ 1075 или 1076 году (см. выше, примѣч. 119), то вѣроятно, что Мономахъ и женился около сего времени.

О кончинѣ второй Владимировой жены см. выше, примѣч. 177. Третія умерла въ 1126 году, Іюня 11.

(211) См. Торфеев. Hist. Norv. III, 377, и харат. *Новогород. Лът.* стр. 12: »преставися »Мстиславля (жена) Хрьстина« (г. 1122).

(212) Въ лѣтописяхъ: »въ лѣто 6630 дщи »Мстиславля ведена въ Греки за Царевича.« См. Дю-Канжа Hist. Byzant. стр. 179. Алексій родился въ 1106 году, и могъ быть обрученъ шестнадцати лѣтъ. Ѳеодоръ Бальзамонъ, Патріархъ Антіохійскій, говоритъ, что супруга Алексіева употребляла какое-то волшебство въ леченіи болѣзней, и сама наконецъ въ страш-

ныхъ мукахъ умерла отъ того. Бальзамонъ писалъ въ концѣ XII вѣка.

(213) Сіи два посланія нашелъ я въ Синодальн. библіотекѣ, въ книгѣ Меѳодія Патарійскаго, подъ No 375, съ заглавіемъ: *Посланіе отъ Никыфора Митрополита Кыевского къ Володимеру Князю всея Руси, сыну Всеволожу, сына Ярославля.* Первое начинается словами: »Въпра- »шалъ еси былъ, благородный Княже, како отъ- »връжени быша Латина отъ Св. правовѣрныя »церкве, и се якожь отвѣщався благородству »твоему, повѣдаю ти вины ихъ.« Слѣдуетъ описаніе, въ чемъ Паписты уклонились отъ древняго ученія Церкви. Въ концѣ: »прочитай же, »Княже мой, не единою, ни дважды, но множи- »цею, и ты, Княже, и сынове твои.«

Во второмъ посланіи Никифоръ доказываетъ, что виною поста есть грѣхъ Адамовъ; что *житіе* человѣка есть двоякое, словесное и безсловесное, безплотное и тѣлесное; что самая душа имѣетъ три части, силы или свойства: *словесное, яростное и желанное;* что постъ *противъ* страсти, и проч. Далѣе: »*Та убо душа »сѣдитъ въ главѣ, умъ имущи якожь свѣтлое »око въ себѣ*, и исполняющи все тѣло силою »своею. Яко же бо ты, Княже, сѣдя здѣ, въ сей »своей земли, Воеводами, слугами своими, дѣй- »ствуеши по всей земли, и самъ ты еси Госпо- »динъ и Князь: такъ и душа по всему тѣлу »дѣйствуетъ пятью слугъ своихъ, рекше пятью »чювствій: очима, слухомъ, обоняніемъ, еже есть »поздрима, вкушеніемъ и осязаніемъ, еже есть »руцѣ.... Многа яна имѣлъ быхъ изрещи на »похваленіе поста, аще къ иному бы было пи- »саніе се; а понеже къ тобѣ, добляя глава наша, »его же Богъ издалече проразумѣ, его же изъ »утробы освяти и помазавъ, отъ Царьское и »Княжьское крови смѣсивъ.... Умъ твой бы-

» спро летасть и не убѣжить ему пишемое....
» Что подобаетъ глаголати къ такому Князю,
» иже болѣ па землѣ спитъ и дому бѣгаетъ, и
» свѣтлое пошеніе поритъ отгонитъ, и по лѣсомъ
» ходя сиротину носитъ одежду, и по нужи въ
» градъ входя, власти дѣля въ Властительскую
» ризу облачитъ сь? И о вкушеніи такожь, иже
» въ брашнѣ и питіи бываетъ, и вѣмы, яко же
» инѣмъ и на обѣдѣ свѣтлѣ готовиши... и самъ
» убо служиши и стражеши рукама своима (тво-
» риши же по Княженіа ради и власти), и объ-
» ядающимся инѣмъ и упивающимся, самъ пре-
» бываеши сѣдя и позоруя... Рука твоя къ
» всѣмъ проспираются и николижь ти съкро-
» вище положено бысть, ли злато, ли сребро
» ищьтено бысть, но вся раздавая обѣма рукама;
» но скопница (казна) твоя по Божьей благодати
» нескудна есть и неистощима....«

Списокъ сихъ посланій не старѣе четвертагонадесять вѣка. — Самый переводъ Меѳодія достоинъ вниманія, будучи весьма древенъ.

(214) Въ харат. и *Кенигсберг.*: » Ярополчи бо
» бяхуть Посадници по всей Семи, и Мстисла-
» вича Изяслава посадилъ (Ярополкъ) въ Курскѣ,
» и измаша послы ихъ па Локнѣ:« думаю одной изъ рѣкъ, впадающихъ въ Семь или Сеймъ. Обстоятельство, что Ярополкъ сдѣлалъ Изяслава начальникомъ въ Курскѣ, доказываетъ, что сей городъ принадлежалъ тогда къ области Переяславской.

(215) 1126 года, Марта 9.

(216) Ярославъ умеръ въ 1129 году.

(217) *Воскр. Лѣт.* I, 269.

(218) См. *Кіев. Лѣт.* г. 6635, и Длугош. Hist. Polon. кн. IV, стр. 425 и 427. Сей Историкъ говоритъ, что дружина Владиміркова и Ростиславова въ 1126 году воевала Польшу. Татищевъ называетъ Короля Венгерскаго шестемъ Владиміра.

(219) Изяславъ, Всеволодъ. — См. харат. и *Кенигсберг.*— Мѣстечко Городно существуетъ и нынѣ въ Минской Губерніи, между рѣками Спыремъ и Горынью, а Клечьскъ или Клецкъ близъ Несвижа. Вячеславъ долженъ быть сыномъ Ярослава Святополковича, убитаго въ 1123 году, и племянникомъ Мстислава по машери. Всеволодко *Давидовичь* (см. *Росс. Библіот.* стр. 195 и Татищ. подъ годомъ 1141), сынъ Давида Игоревича, столь извѣстнаго ослѣпленіемъ Василька Теребовльскаго, былъ супругомъ Агаѳіи, дочери Мономаховой. (*Кіевск. Лѣт.* г. 6624. Въ сей же лѣтописи, г. 6652, названы дочери Всеволодковы внуками Мономаха).

Далѣе въ лѣтописи: »а Всеволоду Ольговичу
» повелѣ итти съ своею братьею на Стрѣжевъ
» къ Борисову.« Стрѣжеву надлежало быть въ нынѣшней Минской Губерніи....

(220) См. харат. и *Кенигсберг.* — Татищевъ справедливо замѣтилъ, что генеалогія Князей Полоцкихъ не ясна: ибо нѣкоторые изъ нихъ назывались однимъ именемъ, и древній Лѣтописецъ не сказываетъ намъ ихъ отечества. Въ *Родослов. Книгѣ* показаны у Всеслава только два сына, Борисъ и Ростиславъ; у Бориса сынъ Рогволодъ, который женился въ 1144 году; а Рогволода дѣти Василій, Иванъ, Ростиславъ. Но Давидъ, Глѣбъ, Романъ, (о коихъ мы упоминали) были также Всеславичи, и Рогволодъ, который сдѣлался Княземъ Полоцкимъ въ 1127 году, и коего дѣти въ 1129 сосланы въ Царьградъ (см. ниже), долженъ быть не сынъ Борисовъ, а братъ. Авторъ *Степен. Книги* (I, 270) пишетъ, что Всеславъ имѣлъ *многихъ* сыновей, и что меньшій, отецъ Св. Евфросиніи или Передславы, назывался Георгіемъ. О сей Полоцкой

Княжнѣ разсказываютъ, что она, будучи прелестна и благонравна, отказала всѣмъ женихамъ и постриглась въ монастырѣ, гдѣ находилась тетка ея, супруга Романова, также Черница. Евфросинія жила нѣсколько времени при Софійской церкви въ голубцѣ, списывая книги священныя; завела Спасскій и Маріинъ монастырь въ Сельцѣ, гдѣ хоронили Епископовъ; постригла тамъ родную сестру, Гориславу, и двоюродную, Звениславу, дочь Борисову, также двухъ племянницъ, дочерей ея брата, *Вячеслава;* выпросила у Греческаго Императора Мануила и Патріарха Луки Ефесскую икону Св. Богоматери, написанную Евангелистомъ Лукою; отправилась съ братомъ *Давидомъ* въ Палестину; встрѣтилась на пути съ Мануиломъ, который шелъ противъ Венгровъ; была имъ обласкана, равно какъ и Патріархомъ Цареградскимъ; наконецъ скончалась въ Іерусалимскомъ *Русскомъ* монастырѣ Св. Богоматери и погребена въ Ѳеодосіевой обители, гдѣ лежатъ матери Святыхъ Саввы, Ѳеодосія, Козмы и Даміана. Сему надлежало быть за половину XII вѣка: ибо Лука Хрисовергій правилъ Константинопольскою Церковію отъ 1156 до 1169 году.

(221) *Воскресен. Лѣт.* I, 269, и *Кіев.* г. 1140. Въ Византійскихъ лѣтописяхъ не упоминается о сихъ изгнанникахъ. Нѣкоторые изъ нихъ по кончинѣ Великаго Князя возвратились въ Россію. (*Кіев. Лѣт.* подъ годомъ 1140).

(222) См. *Новогород. Лѣт.* (стр. 14).

(223) Мстиславъ родился въ годъ Мономахова похода въ Богемію (см. его *Духовн.* стр. 32) въ 1076 году, а скончался Апр. 15, въ 1132 (не 14 Апр. и не въ 1133 г.), въ Пятницу на Св. недѣлѣ, и погребенъ въ церкви Св. Ѳеодора. Сей Князь названъ *Великимъ* въ древней *Новогород. Лѣт.* стр. 46. — Тамъ же, стр. 12: »оженился

»Мстиславъ Кыевѣ« (1120 году) »поя Дмитровь»ну Новѣгородѣ Завидица.« Татищевъ называетъ ее Любавою. Она жила еще въ 1167 году. Неизвѣстно, когда дочь Мстислава вышла за Всеволода Ольговича. Въ 1140 году меньшій сынъ перваго названъ въ лѣтописяхъ шуриномъ Всеволода Черниговскаго.

(224) Сей голодъ подробно описанъ только въ *Новогород. Лѣт.;* но онъ безъ сомнѣнія былъ общій въ сѣверной Россіи: цѣна хлѣба не могла бы такъ возвыситься въ Новѣгородѣ, если бы онъ въ то же самое время продавался дешево во Псковѣ, области Полоцкой, Суздальской, Смоленской. — Мы оцѣнили здѣсь осмину хлѣба не по догадкѣ: семь Новогородскихъ гривенъ въ 1230 году составляли гривну или полфунта серебра см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 290 и 474), а фунтъ сего металла стоитъ нынѣ около двадцати серебряныхъ рублей; но вѣроятно, что въ 1128 году гривна кожаной монеты была еще дороже въ отношеніи къ серебру.

(225) См. *Новогород. Лѣт.* стр. 15.

Случаи Мстиславова княженія, о коихъ мы не упоминали въ Исторіи, суть слѣдующіе:

Въ 1125 году Всеволодъ утвержденъ на престолѣ Новогородскомъ, и Митроп. Никита, исполняя волю Князя Ярополка, Окт. 4, поставилъ Епископомъ Переяславскимъ Марка, (или Іоанна). Въ 1126 скончались Митроп. Никита, Марта 9, и вдовствующая супруга Мономахова, 11 Іюня. — Въ 1128 году скончались Князь Полоцкій Борисъ Всеславичь, Іоаннъ сынъ Всеволода Мстиславича, 16 Апрѣля. Въ 1129 году преставился Михалко Вячеславичь, внукъ Мономаховъ (въ Туровѣ, а не въ Рязани). Въ 1130 Іоаннъ добровольно оставилъ Новогородскую Епископію, бывъ 20 лѣтъ Епископомъ, а на мѣсто его посвятили Нифонта, мужа добро-

дѣтельнаго, прибывшаго туда Генв. 1. — Въ 1131 Мстиславъ заложилъ Кіевскую церковь Богоматери *Пирогощую* (или, по другимъ спискамъ, въ *Пирогощитѣ*). Въ 1132 году родился у Мстислава сынъ Владиміръ.

Харатейная грамота Мстислава находится въ монастырѣ Юрьевскомъ, и писана въ то время, когда Мстиславъ былъ уже Великимъ Княземъ.

(226) Мономахъ, будучи наслѣдникомъ, княжилъ въ Переяславлѣ, и за нѣсколько времени до кончины своей отдалъ его Мстиславу и Ярополку вмѣстѣ (см. *Россійск. Библіот.* стр. 187). Георгій княжилъ въ Переяславлѣ только 8 дней.

См. *Новогород. Лѣт.*, стр. 75.

(227) См. *Новогород. Лѣт.* стр. 15, 16. Мы видѣли, что Мономахъ и Мстиславъ отправляли туда Посадниковъ изъ Кіева; но въ 1132 году самъ народъ избралъ Посадника Новогородскаго и Псковскаго: *Мирославу даша посадницати* въ *Пльсковѣ*, а *Рагуйлови* (Рагуйлу) *въ городѣ* (Новѣгородѣ).

(228) Въ *Ростов.*, *Воскр.* и *Никон. Лѣт.* названъ Василько, Полоцкій Князь, сыномъ умершаго Святослава Владиміровича: слѣдственно внукомъ Мономаха; но сей Князь былъ сынъ *Рогволода Всеславича*.

(229) Изяславъ, бывъ Княземъ Полоцкимъ, владѣлъ и городомъ Минскимъ.

Въ лѣтописи: »и даша *дани* Печерскые и отъ »Смолиньска *даръ*, и тако *хрестъ цѣловаша*.« Слова о *цѣлованіи креста* свидѣтельствуютъ, кажется, что Изяславъ заставилъ тогда Князей, Всеволода Новогородскаго и Ростислава Смоленскаго, присягнуть дядѣ въ вѣрности.

Въ 1133 году Вячеславъ оставилъ Переяславль, но изъ Городца возвратился; а въ 1134, зимою,

въ противность волѣ Ярополковой, уѣхалъ въ Туровъ. Георгій выпросилъ у брата Переяславль въ 1135: тогда огорченный Изяславъ отправился въ Минскъ и Новгородъ, гдѣ Мстиславичи вошли въ союзъ съ Ольговичами (см. ниже).

(230) Юрьевъ былъ взятъ Всеволодомъ въ 1133 году, Февр. 9.

См. *Новогород. Лѣт.* стр. 16.

Митрополитъ Михаилъ былъ преемникомъ Никиты, и названъ въ Каталогахъ Грекомъ. Онъ прибылъ въ Россію по *Кіев. Лѣт.* въ 1130 или 1131 году.—Война Суздальская, по *Новогород. Лѣт.*, была въ 6642 году, а по другимъ въ 6643.

(231) См. *Пушкин. Лѣт.*

Изяславъ участвовалъ въ первомъ походѣ Всеволодовомъ на Суздаль; когда жь Новогородцы съ Дубны или Волги (какъ въ другихъ лѣтописяхъ сказано) возвратились, сей Князь остался *на Волокѣ* (въ Волоколамскѣ) и свѣдавъ, что сыновья Мономаховы идутъ къ Чернигову, пошелъ туда же, съ намѣреніемъ, какъ думаю, присоединиться къ Ольговичамъ.

Въ послѣдствіи увидимъ, что нынѣшній Остеръ или древній Городецъ остался за Георгіемъ (см. ниже, стран. 260).

О Нифонтѣ см. *Новогород. Лѣт.* стр. 17 и 18.

(232) См. *Пушкин.* и *Кіев.* — О Василькѣ см. выше, стр. 177.

Халепъ есть нынѣ село ниже Триполья. — Увидимъ ниже, что Курскъ отошелъ къ Черниговскимъ Князьямъ.

(233) См. *Новогород. Лѣт.* стр. 18, 19, и *Степен. Кн.* I, 258.

(234) См. *Новогород. Лѣт.* стр. 19. — О великодушіи Князя Полоцкаго см. въ жизни Всеволода, *Степ. Кн.* I, 259; также въ рукописной Псковской лѣтописи, Архивской и Синодальной.

(235) См. *Новогород. Лът.* стр. 20.

Курскъ зависѣлъ прежде отъ Князя Переяславскаго. — Дубровна есть село за три почты отъ города Пскова.

См. Ильинскаго *Описаніе Пскова*, стр. 8.

(236) Мы означили цѣну хлѣба въ Новѣгородѣ по харатейному списку лѣтописи: въ новѣйшихъ стоитъ 7 гривенъ. Въ 1128 году осмина стоила тамъ гривну: слѣдственно въ семь разъ дороже (ибо въ гривнѣ было 50 резаней).

См. *Новогород. Лът.* стр. 19 и 21.

Уставъ Святославовъ написалъ я въ харатейной Кормчей Книгѣ или въ *Древнихъ Софійскихъ правилахъ* (Синодальн. Библіот. No 82). Новогородскій Епископъ имѣлъ ежегодно доходу 250 гривенъ: слѣдственно Князю надлежало имѣть 2500 гривенъ, или 6250 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей, если гривна куны была и тогда четвертою частію гривны серебра, подобно какъ въ началѣ XIII вѣка (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 475).

(237) См. *Пушкин.* — Городъ Прилукъ есть нынѣ Прилуки въ Полтавской Губерніи. — Берендѣи или Берендичи одинъ народъ съ Торками, или нѣкоторое особенное племя его (см. выше примѣч. 192).

(238) Онъ былъ схороненъ въ голубцѣ у церкви Св. Андрея; но вдовствующая супруга его, именемъ Елена, въ 1145 году перенесла Ярополково тѣло въ самую церковь и положила рядомъ съ тѣломъ Янки, сестры Мономаховой. — Замѣтимъ случаи Ярополкова времени, о коихъ мы не упоминали. Въ 1134 преставился Изяславъ Глѣбовичь, внукъ Олеговъ. Въ 1135 году, Генваря 6, скончался Переяславскій Епископъ Маркеллъ (или Маркъ). Въ 1136 преставился Симеонъ, Епископъ Владимірскій. Въ 1137 посвящены два Епископа, Смолснскій Мануилъ

скопецъ и Ѳеодоръ Владимірскій, также скопецъ; дочь Всеволода Мстиславича, Верхуслава, выдана за Польскаго Князя. — Въ 1138 (по *Кенигсберг.*) умеръ Глѣбъ Ольговичь.

(239) См. Кадлуб. Hist. Polon. кн. III, стр. 724 — 730. Объ имени *Галича* см. сей *Исторіи* Т. III, стран. 146.

(240) См. выше, стр. 166, и Praя Annales Reg. Hung. кн. II, стр. 125. Сія война была въ первый годъ Ярополкова княженія, т. е. въ 1132. Владимірко, оставивъ Бориса, скоро объявилъ себя союзникомъ Белы и ходилъ разорять Польшу съ Герцогомъ Богемскимъ (см. Praя Ann. кн. II, стр. 127: Sobjeslaus cum Russis, и проч.)

(241) См. Praя Ann. R. Hung. кн. II, стр. 135, 136, 142; Туроц. Chron. гл. 64 и 66, и Memor. popul. III, 645 и 659.

(242) См. *Ростов.* и другія лѣтописи.

(243) См. харатейныя и *Кіев.* — Объ Андреѣ см. выше, стр. 179. Святославъ княжилъ въ Курскѣ. Малотинъ въ Пирятинскомъ Повѣтѣ на Оржицѣ.

(244) См. *Новогород.* и *Кіев. Лът.*

(245) См. *Кіев. Лът.*

Новогородцы заключили Ростислава въ Епископскомъ домѣ также, какъ Св. Всеволода въ 1136 году.

(246) Андрей родился въ 1102 году, а скончался въ 1141, Генв. 22.

Въ харатейныхъ говорится ниже только объ Игорѣ, а въ *Кіев.* объ Игорѣ и Святославѣ; въ первыхъ сказано, что Игорь въ 1141 году занялъ города Суздальскіе, а въ *Кіев.* приписано сіе дѣйствіе Великому Князю (что, кажется, несправедливо). Станъ Игоревъ находился близъ Переяславля на рѣкѣ *Стреквѣ*: имя теперь неизвѣстное.

(247) См. *Кіев. Лът.*

(248) См. *Кіев. Лѣт.*

(249) См. ниже, примѣч. 284. По смерти Моравскаго Герцога Оттона, въ 1126 году, сынъ его, именемъ также Оттонъ, ушелъ въ Россію, и жилъ тамъ до 1141 году (см. Гебгарди Gesch. des St. Mähren, кн. VII, 54, 55. — Невѣста Святополка Мстиславича (а не Всеволодовича, какъ сказано въ Софійской лѣтописи) пріѣхала въ 6657 между Рождествомъ и Крещеніемъ: слѣдственно онъ женился въ началѣ 1144 году.

Въ *Новогород. Лѣт.*, стр. 24: »приходи Свей»скій Князь съ Епископомъ.« — Здѣсь въ первый разъ упоминаются о *Свеяхъ*. Прежде называли ихъ у насъ общимъ именемъ Варяговъ.

(250) Святославъ женился на дочери Василька еще въ 1143 году, а Рогволодъ въ 1144. Свадьба была въ Переяславлѣ.

Когда умерли Ростиславъ Володаревичь и Григорій Васильковичь, не знаемъ; а Иванъ Васильковичь въ 1141 году по *Кіев. Лѣт.*

Всеволодко Городненскій умеръ въ 1142 году, Февр. 1. Въ *Кіев. Лѣт.*, кромѣ другихъ Князей и Владислава Польскаго, заяпя Всеволодова, которые ополчились на Владимірка, именованы еще сынъ Великаго Князя Святославъ и Ростиславъ Глѣбовичь, внукъ Олеговъ (см. выше, примѣч. 238).

(251) Банъ тоже, что Панъ: тогда знаменитое достоинство. Сей Банъ названъ *усмъ* Короля, т. е. дядею по матери; слѣдственно онъ былъ роднымъ братомъ Елены, дочери Сербскаго Графа. — О Теребовлѣ см. выше, примѣч. 161. — Ущица въ Подольской Губерніи. — Изяславъ Давидовичь былъ отправленъ за Половцами еще изъ Переяславля.

Въ *Воскресенск.* и въ *Ростовск. Лѣт.* описаны здѣсь кровопролитныя битвы подъ стѣнами

Звенигорода; но сіе было уже во время другаго Всеволодова похода въ Галицію (см. ниже).

Ниже въ *первый разъ* говорится въ лѣтописяхъ о *гривнахъ серебра*.

(252) Онъ Берлада, нынѣ Бырлата или Барлада, между Прутомъ и Серетомъ. Сей нѣкогда многолюдный и крѣпкій городъ (см. Кантемирово *Описаніе Молдавіи*) основанный близъ развалинъ древней Дакійской Зузидавы (см. Бишинг. Erdbeschr. II, 789) былъ населенъ бродягами, которые славились разбоями на морѣ и сухомъ пути (о чемъ скажемъ нѣсколько словъ въ другомъ мѣстѣ. Вѣроятно, что Іоанна Галицкаго назвали *Берладникомъ* въ смыслѣ *бродяги* по его образу жизни.

(253) О собраніи Князей въ Кіевѣ см. *Кіев. Лѣт.*

(254) См. тамъ же.

(255) Тамъ же. — Въ лѣтописи названъ Всеволодъ *смысленымъ*.

Вотъ маловажные случаи его княженія: Въ 1140 году родился у Вел. Князя сынъ Ярославъ. Въ 1141 поставленъ Епископъ Переяславскій Евѳимій. Въ 1142 преставился Черниг. Епископъ Панпелеймонъ. Въ 1144 зимою Всеволодъ на одной недѣлѣ выдалъ двухъ дочерей Всеволодковыхъ, внукъ Мономаховыхъ, одну за Владиміра Давидовича Черниговскаго, а другую за Юрія Ярославича, внука Святополкова (см. *Кіев. Лѣт.*). »Поставиша Епископа къ Турову, »именемъ Якымъ.« — Въ 1145 въ Муромѣ скончался Святославъ Ярославичь, оставивъ престолъ брату Ростиславу; а въ Рязань поѣхалъ княжить меньшій сынъ Ростиславовъ, Глѣбъ.

(256) *Дворъ Ярославовъ* находился въ Кіевѣ на горѣ (*Кіев. Лѣт.*).

См. *Ростовск.*, *Кіев.* и *Воскресен. Лѣт.* Ч. I, стр. 282.

(257) См. *Кіев. Лът.*

(258) Въ 1116 году.

(259) См. *Кіев. Лът.*

(260) Именемъ Владиміру. — Рѣчь Вячеславова (см. *Воскресенск. Лът.* II, 13) свидѣтельствуетъ, что племянникъ обѣщалъ прежде завоевать для него Кіевскую область. Съ Роспиславомъ ходилъ въ Волынію и сынъ Всеволодовъ.

Переспница, нынѣ селеніе того же имени, находится между Луцка и Дорогобужа, Ровна и Клевани на рѣкѣ Стублѣ или Струбелкѣ, впадающей въ Горынь.

(261) См. *Кіев. Лът.*

(262) См. тамъ же. Олегъ былъ женатъ на Княжнѣ Половецкой. — Князь Рязанскій названъ *Святославичемъ* (см. ниже, примѣч. 266). — О *Берладникѣ* см. выше, примѣч. 252.

(263) См. *Кіев. Лът.*

(264) См. *Никонов. Лът.*

(265) См. харатейныя. — Далѣе см. *Кіев.* и *Воскресен. Лът.* I, 287.

(266) Городъ Дѣдославль назывался послѣ Дѣдиловымъ (нынѣ село верстахъ въ 30 отъ Тулы): см. *Больш. Чертежъ* стр. 10. — Брянскъ назывался *Дебрянскимъ*. — Владиміръ Рязанскій былъ сынъ Святослава Ярославича. См. *Воскресен. Лът.*: I, 24, 25, и выше, примѣч. 255, г. 1145.

(267) См. *Кіев. Лът.*

(268) См. *Лѣтопись о началѣ царствующаго Великаго Града Москвы,* въ Синодал. Библ. No 92. Сія повѣсть сочинена въ новѣйшія времена и содержитъ въ себѣ явныя ошибки. Тамъ сказано:

»Въ лѣто 6633 (1125), по преставленіи бла»говѣрнаго Царя и В. Кн. Владиміра Всеволо»дича Мономаха, сѣде на Великомъ Княженіи »въ Кіевѣ сынъ его, Князь Юрій; а сыпове его, »Князь Всеволодъ съ братіею, съ нимъ быша; а

»старѣйшаго сына, Князя Андрея, посади въ »Суждалѣ. Въ лѣто 6666 (1158) сему Великому »Князу Юрью грядущу изъ Кіева во Владиміръ »къ сыну своему Андрею, пріиде на мѣсто, идѣ »же нынѣ царствующій градъ Москва, обополы »*Москвы рѣки.* Сими же селы владающу тогда »Боляршу нѣкоему, богату сущу, именемъ Кучку »Иванову; той Кучко возгордѣся зѣло и не по»чте Вел. Князя, и попосивъ ему. Князь же Ве»ликій, не стерпя хулы, повелѣ Болярина того »смерти предати; сыны же его видѣвъ млады »сущи и лѣпы зѣло (именемъ Петръ и Іоакимъ) »и дщерь едину благообразну (именемъ Улиту), »отсла во Владиміръ къ Андрею. Самъ же взы»де на гору и обозрѣ очима своима сѣмо и овамо »по обѣ страны Москвы рѣки и за Неглинною, »возлюби села оныя, и повелѣвастъ вскорѣ со»дѣлати малъ древянъ градъ и прозва его Москва »градъ« — (то есть, именемъ рѣки) — »и по»томъ Князь Великій отходитъ къ сыну Андрею »во Владиміръ и сочетаваетъ его бракомъ со »дщерію Кучковою. И бывъ у него Вел. Князь »Юрій довольно, заповѣда ему градъ Москву люд»ми населити и распространити; и паки воз»вращается въ Кіевъ.« — Сочинитель не зналъ, что въ 1125 году Мстиславъ наслѣдовалъ престолъ Кіевскій; что Всеволодъ еще тогда не родился, и что въ 1158 году Юрія уже не было на свѣтѣ. Но вѣроятно, что сія сказка основана на древнемъ, испинномъ преданіи, по которому Юрій или Георгій заспроилъ Москву, умертвивъ господина тамошнихъ селъ, Спефана Кучка.

У насъ есть другая, гораздо обстоятельнѣйшая повѣсть о началѣ Москвы, изобрѣтенная совершеннымъ невѣждою. См. *Книгу о Древностяхъ Рос. Государства*, Ч. I, Т. II, л. 141 и слѣд., въ Синод. Библіотекѣ подъ No 529.

Вотъ еще сказка, найденная мною въ одной рукописи XVII вѣка: »Въ лѣто 6714 (1206) »Князь Великій Данило *Ивановичъ* (?) послѣ Рю»рика, Короля Римскаго, въ 14 лѣто пришедъ »изъ Вел. Новаграда въ Суздаль, и въ Суздалѣ »родися ему сынъ Георгій, и созда во имя его »градъ Юрьевъ Польской, и въ немъ церковь »во имя Св. Георгія каменную на рѣзи отъ по»дошвы и до верху; и повѣха К. В. Данило изы»скивати мѣста, гдѣ ему создати градъ пре»спольный къ Вел. Княженью своему, и взя съ »собою нѣкоего Гречина, именемъ Василія, мудра »зѣло, и вѣдающа, чему и впредь быти; и въѣхавъ »съ нимъ во островъ тременъ, непроходимъ зѣло, »въ немъ же бѣ болото велико и шопко, и по»средѣ того острова и болота узрѣ Князь Вел. »Данило звѣря превелика проеглава и красна »зѣло... и сказа ему Василій Гречинъ: *Вел. »Княже! на семъ мѣстѣ созиждется градъ ве»ликъ, и распространится Царствіе треугольное, »и въ немъ умножатся различныхъ Ордъ лю»ди...* Князь же Данило въ томъ острову на»ѣхалъ посредѣ болота островецъ малъ, а »на немъ хижина, а въ ней живетъ пустын»никъ, а имя ему Букалъ, и хижина по тому на»зывается Букалова: и нынѣ на томъ мѣстѣ »Царской Дворъ. И послѣ того К. В. Данило »Пв. съ нѣмъ же Гречиномъ, спустя 4 дни, »наѣхалъ горы, а въ горахъ хижину, и въ той »хижинѣ человѣкъ Римлянинъ, имя ему Подонъ, »исполненъ Св. Духа, и рече: *возлюби, Князь »Великій, мѣсто сіе;* и на томъ мѣстѣ восхотѣ »К. Данило домъ себѣ устроити. Той же По»донъ рече: *Княже! здѣ созиждутъ храмъ Бо»жій и пребудутъ Архіереи.* Князь же Данило »въ шестое лѣто на хижинѣ Букаловѣ заложи »градъ, и нарекоша имя ему Москва, а въ седь»мое лѣто на горахъ Подонскихъ, на хижинѣ

»Подоновѣ, заложи церковь Спаса. И въ девятое »лѣто родися у него два сына, К. Алексѣй и К. »Петръ. Князь же Данило любяше вельми К. »Алексѣя, и во имя его созда градъ Алексинъ, »къ Сѣверу, и тамо обрѣте во островѣ мужа, »именемъ Сара, земли Иверскія, и на его хижи»нѣ заложи градъ Алексинъ. И по девятомъ лѣ»тѣ приде изъ Грекъ Епископъ Варламъ къ »К. Данилу, и многія мощи съ собою принесе; »и К. Данило повелѣ ему освятити храмъ на »горахъ Подонскихъ, и да ему область Крупиц»кую, и нарекоша его Владыкою Сарскимъ и »Подонскимъ: тако нарекоша Крупицы.«

Ссылаясь на изустныя преданія, новѣйшіе Историки Москвы разсказываютъ (см. *Истор. и топограф. описаніе Москвы*), что на ея мѣстѣ села Кучковы назывались 1) Воробьево (гдѣ нынѣ горы сего имени), 2) Симоново (гдѣ Симоновъ монастырь), 3) Высоцкое (гдѣ Петровскій монастырь), 4) Кудрино, 5) Кулишки, 6) Сухощаво (Сущево), и 7) Кузнецкая слобода (гдѣ мостъ Кузнецкій); что сверхъ упомянутыхъ деревень были еще иныя на Швивой Горкѣ близъ Андроніева монастыря, на Красныхъ и Чистыхъ прудахъ, гдѣ находился домъ самого Кучка; что церковь *Спасъ на бору* стоитъ тамъ, гдѣ была хижина Букалова; что рѣка Москва именовалась прежде *Смородиною,* названа же Москвою *отъ мостковъ;* что Георгій велѣлъ построить на ея берегу деревянный городъ, назвавъ его по новому имени рѣки Москвою, а другому городу, основанному тамъ, гдѣ нынѣ монастырь Знаменскій, далъ имя *Китая*, ибо такъ прозывался сынъ его Андрей, и проч. и проч. Какія же историческія свидѣтельства подтверждаютъ истину сихъ извѣстій?

Каменевичъ-Рвовскій разсказываетъ съ важностію (см. *Книгу о Древностяхъ Рос. Государства*,

въ Синодал. библ. No 529, Ч. I, Т. 2. л. 499 и 500), что сынъ Іафеѳовъ, Мосохъ, первый обитая съ родомъ своимъ въ Московской Губерніи, имѣлъ прекрасную жену, именемъ *Кву*, сына *Я*, дочь *Взу;* что ихъ четырмя именами названы рѣки *Москва* и *Яуза;* что Мосохъ, первый Князь и Патріархъ Россіи, основалъ *городъ Московскій* на устьѣ Яузы (гдѣ въ исходѣ XVII вѣка была церковь Никиты Мученика). Впрочемъ мысль производить имя Москвы отъ Мосоха гораздо старѣе временъ забавнаго Каменевича, писавшаго въ 1699 году. Татищевъ изъяснялъ сіе имя языкомъ *Сарматскимъ*, на которомъ оно, по его словамъ, знаменуетъ *искривленное, излучистое;* а славный Баеръ, худо зная по-Русски, думалъ, что городъ Москва такъ названъ отъ *мужескаго* монастыря (см. его Origin. Russ. въ Комментт. Академіи, Т. VIII, стр. 400): Moscua non a fluvio (fuit enim fluvio vetus nomen Smorodina), sed a veteri monasterio Moskoi nomen habuit. Moskoi a Mus et Music, viro, quasi virorum sedem dicas!! — Въ *Кіевск. Лѣт.* сказано: »идоша до *Кучкова*, рекше до *Москвы*.«

(269) Путешественникъ XIII вѣка, Рубруквисъ, сказываетъ, что между Волгою и Допомъ жили многіе Русскіе, Аланскіе и Венгерскіе или Башкирскіе разбойники, составляя какъ бы народъ особенный (см. его Voyage въ Бержеронъ собраніи стр. 20 и 38): вѣроятно, что они именуются въ нашихъ лѣтописяхъ *Бродниками*, то есть, *бродягами*, сволочью.

(270) См. *Воскресенск.* I, 291.

(271) Въ харатейныхъ: »Въ лѣто 6653 (1145) »*ходи* Митрополитъ Михаилъ Царьгороду.« Слово *ходи*, употребленное Лѣтописцемъ древнимъ, заставляетъ думать, что Митрополитъ *возвратился* изъ Греціи.

О грамотѣ Патріарха къ Нифонту см. *Степен. Книгу* (I, 250, 251), въ *Патерикѣ* житіе Нифонта и Каталоги Епископовъ. Въ лѣтописяхъ: »Изяславъ поставилъ Митрополита Клима »Смолятича (въ *Никон. Смолянина*) *Калугера* »(Каллогера или *добраго старца*) особь съ шестью »Епископы.« Въ *Степен. Кн.* именованы Онуфрій Черниговскій, Ѳеодоръ Бѣлогородскій, Даміанъ Юрьевскій, Ѳеодоръ Владимірскій, Нифонтъ и Мануилъ Смоленскій; а въ *Патерикѣ* еще прибавлены Евѳимій Переяславскій, Іоакимъ Туровскій, Козма Полоцкій, которые вмѣстѣ съ Мануиломъ и Ѳеодоромъ Бѣлогородскимъ держали Нифонтову сторону.

(272) По *Кіев. Лѣт.* Изяславъ сталъ на Альтѣ, послѣ у *Нежатина*, а послѣ у *Росотины*, откуда послалъ Улѣба: тому и другому мѣсту надлежало быть между Альтою и Супоемъ. Татищевъ и Болтинъ думали, что Нежатинъ есть Нѣжинъ; но послѣдній называется въ лѣтописяхъ Унѣжемъ.

(273) Сей Игорь причтенъ ко Святымъ. Онъ убитъ не 9 *Сент.* въ *Субботу*, какъ сказано въ *Степен. Книгѣ*, а 19 *Сент.* въ *Пятницу* (см. *Кіев. Лѣт.*).

(274) См. *Кіев. Лѣт.* Глѣбль называется нынѣ Старымъ Глѣбовымъ, ниже Черниговa, между Десною и Днѣпромъ.

(275) Сынъ Вел. Князя, Мстиславъ, начальствовалъ въ семъ городѣ. Татищевъ пишетъ, что Брагинъ есть Городецъ и Юрьевъ! Сіе мѣстечко Брагинъ донынѣ существуетъ близъ Любеча на правомъ берегу Днѣпра.

(276) См. *Кіев. Лѣт.*

(277) То есть, Бужскъ, Межибожье, Котельницу и еще два.

(278) См. харат. *Новогород. Лѣт.* стр. 26 и 27.

(279) См. *Кіев. Лѣт.* и *Новогород. Лѣт.* стр. 27.

(280) См. *Кіев. Лѣт.*

(281) См. тамъ же.

(282) См. тамъ же.

(283) См. *Новогород. Лѣт.* стр. 27 и 28, *Патерикъ л.* 190).

(284) См. Прая Ann. Regum Hung. Ки. III, стр. 136. Лѣтописцы Венгерскіе сказываютъ, что Король ихъ въ 1148 году помогалъ Русскому Князю *Мстиславу* и женился на *его* дочери. Отецъ Евфросиніи былъ дѣйствительно *Мстиславъ;* но Гейза помогалъ въ семъ году не *тестю,* давно умершему, а *шурину* Изяславу.

Въ *Кіев. Лѣт.* говорится о свашовствѣ Изяслава съ Польскимъ и Богемскимъ Государями: дочь Всеволода Мстиславича была за братомъ Государя Польскаго, Болеслава, а родственница Владислава Богемскаго, какъ вѣроятно, за Святополкомъ, меньшимъ братомъ Изяслава Мстиславича (см. выше, примѣч. 249). Сверхъ того наши и Польскіе Лѣтописцы называютъ внука Изяславова, Романа Мстиславича, племянникомъ Казимира, брата Болеславова, сыномъ дочери Болеслава Кривоустаго.

Чемерынъ, нынѣ Чемерники, не далеко отъ Люблина.

(285) *Никон. Лѣт.*, не разумѣя, какимъ образомъ Воевода Половецкій могъ называться Жирославомъ, вставилъ имя Темиръ-Хозя! Сіи варвары, чувствуя тогда превосходство Россіянъ въ гражданскомъ образованіи, заимствовали отъ нихъ и самыя имена.

(286) То есть (см. въ *Никон. Лѣт.* II, 114) сынъ убитаго подъ Владиміромъ Ярослава Святополковича см. выше, стр. 180), а не Ярослава Ярополковича, умершаго въ заключеніи (см. выше, стр. 153).

(287) См. *Кіев. Лѣт.*

(288) О вѣроломствѣ Георгія по заключеніи мира сказано въ *Кіев. Лѣт.*

(289) См. тамъ же. Изяславъ шелъ отъ Кіева къ Звенигороду, оттуда же къ рѣкѣ Стугнѣ и Ольшанцѣ, и сразился съ Кн. Галицкимъ у *Туламина* (нынѣшней Томашовки въ Васильковскомъ Уѣздѣ). Съ первымъ были братъ Владиміръ и сынъ Мстиславъ. Жены и дѣти Берендѣевъ оставались въ городѣ Поросскомъ, т. е. на берегу Роси.

(290) См. *Кіев. Лѣт.*

(291) Въ Луцкѣ начальствовали братъ Изяславовъ, Святополкъ, и сынъ Мстиславъ. Владимірко оставилъ Георгіева сына въ Пересопницѣ.

(292) См. *Кіев. Лѣт.*

(293) См. тамъ же.

(294) Такъ въ *Пушкин.* называется сіе озеро. — На рѣкѣ Золотчѣ находится мѣстечко Винички. — Витичевъ былъ ниже Триполя (см. *Больш. Чертежъ*, стр. 145). — Гдѣ былъ городокъ Зарубъ (см. *Больш. Чертежъ*), тамъ нынѣ селеніе Зарубанцы. — Половцы бросились въ Днѣпръ на коняхъ, а Россіяне ѣхали за ними въ лодкахъ (см. *Кіев. Лѣт.*)

(295) См. *Кіев. Лѣт.*

(296) См. выше, стр. 129.

(297) См. *Кіев. Лѣт.* По харатейнымъ лѣтописямъ, Изяславъ догналъ Георгія у Перепѣшовыхъ за Стугною; тутъ сильный дождь съ вѣтромъ помѣшалъ битвѣ; начались переговоры, и Георгій ввечеру зашелъ за Рутъ; а въ *Пятницу* было сраженіе (17 Іюля, какъ сказано въ *Новогород. Лѣт.*; но сіе число приходилось тогда во *Вторникъ*) — Георгій, оставивъ мѣсто битвы, въ полдень того же дня переправился за Днѣпръ въ Витичевъ. —

(298) См. *Кіев.* и *Воскресен. Лѣт.* Вѣроятно,

что Христіанское имя Изяслава было Пантелеймонъ, когда онъ носилъ на шлемѣ образъ сего Святаго. Обрадованные воины, подявъ Изяслава, восклицали: *Кириелейсонъ!*

(299) См. *Кіев. Лѣт.* — Жена Владимірова по кончинѣ его *бѣжала* къ Половцамъ и вышла за ихъ Хана Башкорда (см. *Воскресен. Лѣт.* II, 48).

(300) О возвращеніи Князя Галицкаго отъ Бужска см. въ *Кіев. Лѣт.*

Георгій оставилъ сына своего, Глѣба, въ Переяславлѣ: ибо Ростиславъ Георгіевичь, бывшій Княземъ Переяславскимъ, умеръ въ томъ году на Страстной недѣлѣ, рано въ Великую Пятницу, и погребенъ братьями, Андреемъ, Глѣбомъ и Мстиславомъ, въ церкви Св. Михаила, близъ дядей, Андрея и Святослава Владиміровичей.

(301) Разбитый Мстиславъ ушелъ въ Луцкъ. Венгерскіе Лѣтописцы упоминаютъ, хотя и слегка, о семъ пораженіи ихъ войска (см. Туроц. Chron. гл. LXVI). См. *Кіев. Лѣт.* Въ разсужденіи *порядка* описанныхъ здѣсь происшествій слѣдую харатейнымъ, также *Воскресен.* и *Ростов.* лѣтописямъ.

(302) См. *Кіев. Лѣт.*

(303) Изяславъ еще въ 1141 году, зимою, выступилъ-было противъ Владимірка, но возвратился отъ Корчева, или Корочева, бывшаго городка, нынѣ мѣстечка въ Губерніи Волынской, на рѣкѣ Курчикѣ. — Съ Королемъ были и братья его: см. Praя Ann. Reg. Hung. кн. III, стр. 138. Венгерскіе лѣтописцы называютъ Владимірка (Lodomerius) *мятежникомъ*, котораго Изяславъ смирилъ съ помощію своего зятя.

(304) Думаю, что и нынѣ можемъ употреблять сіе древнее названіе людей, посылаемыхъ впередъ для заготовленія съѣстныхъ припасовъ. — Слѣдую подробнымъ лѣтописямъ, какова есть *Кіев.*, *Ростов.* и *Воскресен.* Въ харатейныхъ сказано,

что Владимірко, разбитый Королемъ еще до прибытія Изяславова, желалъ скорѣе заключить миръ; что Изяславъ оставилъ войско назади и спѣшилъ къ зятю съ одними Берендѣями; что Князь Галицкій былъ вторично разбитъ и примирился. — Избыгнѣвъ *Ивачичь*, здѣсь упоминаемый, есть, думаю, сынъ отважнаго Воеводы Галицкаго, который спасъ Перемышль въ 1144 году (см. выше).

(305) См. Memor. Popul. II, 1018.

(306) Князья Рязанскіе были Ростиславъ Ярославичь и братья его.

(307) См. *Никон. Лѣт.* II, 132. См. также *Кіев*, *Ростов.* и *Воскресен.*

(308) Съ Изяславомъ находились братъ Святополкъ и сынъ Мстиславъ. Скоро также пришли къ нему племянникъ Романъ Ростиславичь и Святославъ Всеволодичь. — Идучи отъ рѣки Альты къ Новугороду Сѣверскому, Вел. Князь сполъ у *Всеволожа*. Далѣе въ харатейныхъ сказано, что Мстиславъ ходилъ въ землю Половецкую съ Торками, Берендѣями и Печенѣгами; а въ *Ростов.*, *Воскресен.* и другихъ именованы только Черные Клобуки: ибо (какъ мы уже замѣтили) симъ именемъ означались тѣ же народы.

(309 Всѣ описанныя подробности взяты изъ *Кіев. Лѣт.*

(310) Въ 550 году въ Абазѣ уже были Христіанскія церкви: см. Memor. Popul. IV, 181. *Абазинская* Епархія зависѣла отъ Патріарха Антіохійскаго (см. Кодина Notit. Graec. Episcop. стр. 364). — Мстиславъ въ 1153 году ѣздилъ на встрѣчу къ невѣстѣ отца своего.

(311) См. *Новогород. Лѣт.* стр. 28. — Ярославъ, по мнѣнію Кн. Щербатова, могъ быть изгнанъ за то, что около сего времени Новогородскіе корабли были остановлены Государемъ Датскимъ, Свено-

номъ III, въ Шлезвигѣ, какъ разсказываетъ ла-Рошъ въ своей Исторіи! Въ нашихъ лѣтописяхъ причина объяснена: Ростислава призывали для возстановленія внутренняго порядка; слѣдственно сего порядка не было при Ярославѣ: за то и выгнали его. — Упомянувъ о Свенонѣ Датскомъ, скажемъ, что врагъ его, Канутъ V, имъ побѣжденный, искалъ убѣжища въ Россіи — вѣроятно, въ Новѣгородѣ — но скоро уѣхалъ оттуда въ Саксонію (см. Mallet. Hist. de Dan. III, 259). — Шведскіе Историки пишутъ, что Король ихъ Эрикъ около сего времени женился на Христинѣ, Датской Принцессѣ, вдовѣ Князя Россійскаго, внука Мономахова и сына Гаральдова или Мстиславова (см. выше, примѣч. 211): не Святополкъ ли Мстиславичь, умершій въ 1154 году, былъ первымъ супругомъ ея? Можетъ быть, первая супруга его, Богемская Княжна, скончалась, и Святополкъ женился на Христинѣ. Далинъ называетъ ея мужа Ярославомъ (Gesch. des R. Schw. II, 82). Святополкъ преставился у Корецка на пути къ брату Изяславу.

(312) См. *Воскресен.* II, 20.

(313) См. *Кіев. Лѣт.* Рогволодъ сдѣлался Полоцкимъ Княземъ по смерти Василька.

Маловажныя происшествія Изяславова княженія суть слѣдующія: Въ 1148 умеръ (по *Никонов.*) въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ Князь Иванъ Ольговичь (?). — Въ 1151 скончалась супруга Великаго Князя Изяслава. — Въ 1153 (см. *Никоновск.*) Князь Рязанскій, Ростиславъ Ярославичь, основалъ на Окѣ городъ Ростиславль.—Въ 1154 умерла въ Суздалѣ супруга Князя Глѣба Георгіевича.

(314) Новгородцы выгнали Давида прежде кончины Вячеслава и похода Ростиславова къ Чернигову (см. *Новгород. Лѣт.* 29, 30). Мстиславъ Георгіевичь, по волѣ отца, женился тогда въ Новѣгородѣ на дочери Петра Михалковича (см. *Кіевск. Лѣт.*)

(315) См. *Кіев. Лѣт.*

(316) Сіи мѣста назывались вообще *Поросьемъ*. — О раздѣлѣ между Святославами, Ольговичемъ и Всеволодовичемъ, говоритъ *Кіев. Лѣт.*

(317) »Съ Жирославомъ« (Воеводою) »и съ »*Вячеславли* внуки,« сыновьями Михалка Вячеславича или неизвѣстной намъ сестры его; послѣднее вѣроятнѣе. Князь Владиміръ названъ ниже *Мачешичъ* — т. е. сыномъ мачихи отца Мстиславова.

(318) »*Володимеръ* и Ярославъ придоста.« Сей Владиміръ былъ *Мстиславичъ* (а не *Изяславичъ*) и союзникъ Георгіевъ: ибо онъ вмѣстѣ съ Галицкимъ, какъ мы выше сказали, осаждалъ племянника въ Луцкѣ.

(319) Городъ Корческъ находился въ землѣ Дреговичей, въ окрестностяхъ Припети. Георгій съѣзжался съ Давидовичемъ и съ Святославомъ въ Лушавѣ. — О союзѣ Рязанскихъ Князей съ Смоленскимъ говоритъ *Кіев. Лѣт.*

(320) См. *Новогород.*, стр. 30.

(321) Мать Владимірова ѣздила въ Венгрію въ 1155 году (см. *Кіев. Лѣт.*).

(322) Андрей, сынъ Мономаховъ, управлялъ Владиміромъ (см. выше, стр. 179). Червенъ принадлежалъ тогда къ области Владимірской.

(323) Святослава и Давида. — Новгородцы выгнали Георгіева сына еще прежде кончины его отца (см. *Новогород. Лѣт.* стр. 31).

(324) Въ 1156 году.

(325) Онъ назвалъ рѣку въ Переславлѣ Трубежемъ, въ Владиміръ Лыбедью. Говорятъ, что супруга Георгіева обступилась на берегу рѣки близъ Днипрова, сказала: *я хрома,* и сими словами дала ей имя Яхромы.

(326) См. *Кіев. Лѣт.*

(327) О прокляніи см. *Воскресен. Лѣт.* II, 50.

(328) См. тамъ же, II, 38. — Нифонтъ скончался въ 1156 году, Апрѣля 21 (такъ въ *Новогород.*, а въ другихъ 15 и 18), и погребенъ въ пещерѣ Ѳеодосіевой. О дружбѣ его съ Святославомъ см. *Кіев. Лѣт.*

Въ харатейной Кормчей Книгѣ или *Древнихъ Софійскихъ правилахъ* (Синодал. библіот. No 82) нашелъ я сочиненіе подъ именемъ: *Вопрошаніе Кириково, еже вопроша Епископа Новгородьскаго Нифонта и иныхъ.* Слѣдуютъ отвѣты на вопросы о грѣхахъ важныхъ и маловажныхъ. Вотъ мѣста любопытнѣйшія:

»А еже се, рѣхъ, идуть въ сторону« (въ чужую землю) »въ Іерусалимъ къ Святымъ, а »другымъ азъ борюю (возбраняю), не велю ити: »сдѣ велю доброму ему быти.« Нифонтъ похвалилъ за то Кирика, осуждая жизнь бродягъ.

»Зашедшю солнцю, не достоить мертвеца »хоронити. Не рци тако: *борзо дѣлаемъ, ныли »како успѣемъ до захода*« (спѣшимъ похоронить до заката солнечнаго); »но тако погрести, яко »и еще высоко« (что бы солнце было еще высоко) »како и вѣнець еще не сыметься съ него« (чтобъ было еще лучезарно). »То бо послѣднее видить »солнце до общаго Воскресенія.« Какъ прекрасно сказано!

»Оже кости мертвы валяются гдѣ, то ве»лика человѣку тому мьзда, оже погребеть ихъ.«

»А еже человѣкъ будеть въ опиѣмьи, а пой»деть на великый путь, молитва раздрѣшьная »(молитву разрѣшительную) дати ему, по ать »держить заповѣдь. *Аще ли на рать пойдеть,* »или разболиться, то дати причащеніе.«

(329) См. *Новогород. Лѣт.* стр. 31.

Маловажные случаи Георгіева княженія суть слѣдующіе: въ 1156 поставленъ Епископъ Переяславскій Василецъ (Василій) и Галицкій Козма. Суздальскій Епископъ Несторъ пріѣхалъ въ Кіевъ и лишенъ Епископіи, будто бы оклеветанный домашними, какъ сказываетъ *Никон. Лѣт.*

(330) См. *Воскр. Лѣт.* II, 26.

(331) См. Синодал. библ. No 349, *л.* 224. — Сія чудотворная икона находится нынѣ въ Москвѣ въ Успенскомъ Соборѣ, и называется Владимірскою. Объ ней сказано въ харатейныхъ лѣтописяхъ: »юже принесоша въ *единомъ кораблѣ съ Пирогощею* изъ Царяграда.« *Пирогощею* назывался образъ Богоматери, привезенный въ Россію вмѣстѣ съ иконою Владимірскою. Еще Мстиславъ, въ 1131 году, заложилъ въ Кіевѣ церковь Св. Богородицы *Пирогощею*, какъ сказано въ лѣтописяхъ (см. выше, примѣч. 225).

(332) Сынъ Варяжскаго Князя, Симона, именемъ Георгій, былъ тамъ Посадникомъ (см. *Патерикъ*).

(333) Борисъ Георгіевичъ умеръ въ 1159 году, Маія 12. — Прадѣдъ Юрія Ярославича, Вел. Князь Изяславъ, былъ старшій сынъ Ярослава Владиміровича.

(334) См. *Кіев. Лѣт.* — Глѣбъ Ростиславичъ былъ внукъ Глѣбовъ и правнукъ Всеславовъ. — Не давно (см. *Сѣвер. Почту* г. 1818, No 89), въ 19 верстахъ отъ Орши, нашли большой камень съ изображеніемъ креста и съ надписью: *Въ лѣто* 6679 (1171) *Маія въ* 7 *день доспѣша* (сдѣлана, совершена, въ старинномъ смыслѣ глагола *доспѣть*) *крестъ сій: Господи! помози рабу своєму Василію въ крещеніи, именемъ Рогволоду, сыну Борисову.* Вѣроятно, что говорится о *Князѣ Полоцкомъ* Рогволодѣ, который могъ имѣть Христіанское имя Василія. 7 Мая празднуется *Знаменіе Креста.*

(335) *Кіев. Лѣт.* — Города Мозырь и Че-

черскъ были въ землѣ Дреговичей (нынѣ въ Губерн. Могилевской и Минской).

(336 См. *Кіев. Лѣт.* — Имя *псарей* употреблено здѣсь въ смыслѣ черни, или сволочи. Святославъ въ числѣ семи бѣдныхъ городовъ своихъ именуетъ Моравійскъ (Моровскъ), Любечь, *Оргіще*, Всеволожь.

(337) Въ 1158 скончалась Софія Ярославовна, супруга Ростислава Глѣбовича (Полоцкаго или Кривскаго). Епископъ Аркадій ходилъ спавиться въ Кіевъ и возвратился въ Новгородъ Сенп. 13. Поставленъ Леонъ (у Татищ. *Игуменъ Владычня монастыря*) Епископомъ въ Ростовъ.

(338) Ростиславъ еще въ 1158 году, возвращясь съ Княгинею своею изъ Новагорода въ Смоленскъ, оставилъ дѣтей въ означенныхъ городахъ (см. *Новогород. Лѣт.* стр. 32).

(339) См. выше, примѣч. 252. Вѣроятно, что въ Берладѣ жили тогда Печенѣги и Волохи (о коихъ Византійскіе Лѣтописцы упоминаютъ въ 1160 году: см. Memor. Popul. II, 901; см. также нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 64) вмѣстѣ съ Россійскими выходцами.

(340) См. выше, прим. 133. Половцы злодѣйствовали въ окрестностяхъ Носова и рѣки Альты, плѣнили 23 Іюля болѣе 800 человѣкъ, грабили близъ Котельницы (въ Кіевск. Губ. западнѣе Василькова) и взяли Шеломницу, село Княгини, супруги Мстислава Великаго. Владиміръ Андреевичь (внукъ Мономаховъ, а не Георгіевъ), Ярославъ Изяславичь, братъ Мстислава Волынскаго, и Галичане разбили ихъ между Ярополчемъ и Мунаревымъ (на западной сторонѣ Днѣпра), а Берендѣи въ *Облазнѣ* (мѣстѣ неизвѣстномъ).

(341) Сей древній городъ есть нынѣ село *Вщижъ*, въ Орлов. Губ., на берегу Десны, въ 40 верстахъ отъ Брянска, въ 90 верстахъ отъ Стародуба, и принадлежитъ Михайлу Николаевичу Зиновьеву, который по своей благосклонности писалъ ко мнѣ слѣдующее: »Въ здѣшней сторонѣ есть »преданіе, что село Вщижъ, пожалованное Го»сударями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами »и Царевною Софіею моему предку, было горо»домъ особеннаго Удѣльнаго Княженія. Еще до»нынѣ въ окрестности видны слѣды земляныхъ »укрѣпленій и находятся большіе гранитные »кресты, весьма не худо выдѣланные. Никто »не знаетъ, когда и кѣмъ сіи кресты поста»влены. Должно замѣтить, что въ нашихъ мѣ»стахъ совсѣмъ нѣтъ гранита. На поляхъ много »кургановъ; одинъ изъ нихъ въ самомъ селѣ, и »наполненъ старинными кирпичами: сказываютъ, »что тутъ была церковь. Выкапываютъ так»же не мало мѣдныхъ крестовъ, иконъ, желѣз»ной конской сбруи,« и проч.

(342) См. *Лѣт. Новогород.*

(343) См. *Кіев. Лѣт.* — Великій Князь поссорился съ Мстиславомъ въ 1161 году, а примирился въ 1163, и вмѣсто Триполя (см. ниже) отдалъ ему Каневъ.

(344) Въ *Кіев. Лѣт.* — Ростиславъ заключилъ миръ съ Юріемъ въ 1162 году.

Великій Князь отдалъ Роману Васильевъ и Красный въ 1165 году. Сей Романъ, правнукъ Мономаховъ, былъ, какъ вѣроятно, сынъ Вячеславовой дочери (см. выше, примѣч. 311).

(345) См. *Библіот. Рос.* стр. 255. — Андрей выгналъ братьевъ въ 1162 году.

Вѣроятно, что вторая Георгіева супруга была *Гречанка*, ибо она уѣхала въ Царьградъ; но Историки наши безъ всякаго основанія именуютъ ее Греческою *Царевною Еленою*. Родословная Византійскаго Императорскаго Дому не представляетъ намъ ни одной Царевны Елены, на которой могъ бы жениться Георгій (см. Дю-Канжа Famil. August. Byzant.). Княгиня же

Елена, умершая въ Владимірѣ въ 1183 году, была не супруга, а дочь Георгія Долгорукаго, сестра Андреева, вопреки *Никон. Лѣтописцу*.

Въ лѣтописи: »дасть Царь Василькови Ду»найскіе 4 города, а Мстиславу дасть волость »ошъ Аскалана.« Въ Византійскихъ лѣтописяхъ названъ первый *Василикою, Георгіевымъ сыномъ* (см. Memor. popul. II, 1021, гдѣ упомянутъ еще другой Князь Россійскій Bladisthlabos, имѣвшій въ Греціи послѣ Василька тотъ же Удѣлъ). Мстиславъ, по харатейнымъ лѣтописямъ, въ 1166 году удалился въ Заволочье. Императоръ Греческій не могъ сему Князю дать Аскалонской области, ибо она принадлежала тогда Королямъ Іерусалимскимъ.

(346) *Кіев. Лѣт.* сказываетъ, что Святославъ преставился въ 6672 году, *Февр.* 15 въ Понедѣльникъ (т. е. уже въ 1165 году), а погребенъ 17.

Первая супруга Олегова, дочь Георгія Долгорукаго, умерла въ 1165 году. Олегъ въ томъ же году, Іюня 29, женился на дочери Ростислава, Агаѳіи.

(347) Съ Андреемъ былъ его братъ Ярославъ и сынъ Изяславъ.

Въ *Прологѣ* и въ *Степен. Книгѣ* сказано, что праздникъ Спаса, Авг. 1, уставленъ Патріархомъ Лукою, Россійскимъ Митрополитомъ Константиномъ и Ростовскимъ Епископомъ Нестеромъ, по случаю одержанныхъ побѣдъ въ одинъ день Императоромъ Мануиломъ надъ Сарацынами, а нашимъ Княземъ Андреемъ надъ Болгарами. Андрей разбилъ Болгаровъ въ 1164 году, а Митрополитъ Константинъ скончался въ 1159.

(348) См. *Больш. Черт.* стр. 273. *Воропая*, какъ нами означено, впадаетъ въ Ладожское озеро между рѣками Пашею и Сасемъ: нынѣ

Сальма. — Новогородцы разбили Шведовъ въ 1164 году, Маія 28.

Шведскій Король Эрикъ завоевалъ Финляндію въ 1157 году и старался неволею обратить жителей въ Христіанскую Вѣру (см. Dalin. Gesch. des R. Schwed. II, 84).

(349) Къ Каневу приходили тогда Мстиславъ изъ Владиміра, братъ его Ярославъ изъ Луцка, а другой братъ Ярополкъ изъ Бужска; также Владиміръ Мстиславичь, Владиміръ Андреевичь (тотъ и другой внукъ Мономаховъ), Ярославъ Всеволодовичь (братъ Черниговскаго Князя), Глѣбъ Юрьевичь (Переяславскій, сынъ Долгорукаго), Глѣбъ Городненскій (Всеволодковичь, внукъ Мономаховъ) и Иванъ Юрьевичь (сынъ Юрія Туровскаго, внука Святополкова), Рюрикъ, сынъ Великаго Князя, съ братомъ Давидомъ и Галичане. — Сіе собраніе Князей было по *Воскресен. Лѣт.* въ 1167 году, а по *Кіев.* даже въ 1168; но Ростиславъ, по харатейнымъ и *Новогород. Лѣт.*, умеръ въ началѣ 1167 года.

(350) См. *Новогород. Лѣт.* — Ростиславъ скончался въ Зарубинѣ, селѣ Рогнѣдиномъ. Тѣло Ростислава *Михаила* погребено въ Кіевскомъ монастырѣ Св. Ѳеодора, Марта 21.

(351) См. *Кіев.* и *Воскресен. Лѣт.* II, 70, 71.

(352) Memor. popul. II, 1019 — 1023. Прай сомнѣвается, чтобы Стефанъ былъ женатъ на дочери Галицкаго Князя (Annal. Reg. Hung. кн. III, стр. 157); но Греческій Лѣтописецъ называетъ Стефана Ярославовымъ зятемъ. Андроникъ, по нашимъ лѣтописямъ, пріѣхалъ къ Ярославу Галицкому въ 1165 году, и въ томъ же году возвратился въ Царьградъ: см. *Воскресен.* II, 67. Греческій Историкъ пишетъ, что Андроникъ былъ *зулпровъ*, звѣрей, которыхъ много въ Россіи, и которые величиною болѣе медвѣдя

и леопарда. *Зубрель* назывался у Славянъ дикій быкъ, буйволъ: см. *Второзаконъ.* 14, 5. — Андроникъ замученъ въ 1182 году. Византійскіе Лѣтописцы говорятъ, что онъ надѣялся на Россіянъ болѣе, нежели на Грековъ, и думая на Царской галерѣ уѣхать въ Россію, надѣлъ *варварскую* шапку съ острымъ верхомъ.

(353) См. *Кіев. Лѣт.* и рукописный *Каталогъ Епископовъ.* Епископъ Илія, или Іоаннъ, былъ поставленъ Марта 28, 1165 году, въ Вербное Воскресенье.

Іоаннъ, такимъ образомъ первый Архіепископъ Новогородскій, включенъ нашею Церковію въ ликъ Святыхъ. Онъ былъ прежде Священникомъ въ Новѣгородѣ у Св. Власія, на Волосовой или Велесовой улицѣ, и назывался до монашества Иліею. Чудеса его описаны въ Прологѣ, Сент. 7. Тамъ сказано, что Новогородцы, повѣривъ клеветѣ на цѣломудріе Іоанна, вывели сего мужа добродѣтельнаго изъ дому Архіерейскаго и пустили на плоту внизъ по Волхову; но что плотъ, къ изумленію гражданъ, уже исполненныхъ раскаянія, пошелъ вверхъ, и Святитель возвратился съ честію въ Новгородъ, приставъ къ берегу у монастыря Юрьевскаго. — Сей Новогородскій Святитель, вмѣстѣ съ Бѣлогородскимъ, написалъ уставъ о причащеніи: любопытные могутъ найти его въ рукописныхъ Кормчихъ книгахъ; онъ состоитъ въ двадцати или тридцати строкахъ.

(354) См. *Каталогъ Епископовъ.* Сіе посланіе Іоанново напечатано въ Герберштейновыхъ Rerum. Moscov. Comment. стр. 22. Имѣемъ его также рукописное на Греческомъ и Славянскомъ языкѣ, въ Синодальн. библіотекѣ между Греческими манускриптами по Маттееву раздѣленію No. CCCLIII, а Славянское или Русское No 164, въ книгѣ названной *Посланіемъ Россійскихъ Митрополитовъ.* Обѣ рукописи XV вѣка: въ заглавіи той и другой названъ Папа *Климентомъ;* но онъ былъ Папою уже гораздо послѣ Іоанна Митрополита, который преставился въ 1166 году.

Авторъ книги *Працицы* увѣряетъ насъ, что въ княженіе Ростислава, въ 1157 году, былъ въ Кіевѣ церковный Соборъ, осудившій Еретика Мартина Армянина, который называлъ себя сродникомъ Цареградскаго Патріарха Луки, училъ поститься въ каждую Субботу (кромѣ Великой), изображать крестъ двумя перстами, служить на семи просфорахъ и на одномъ винѣ, говорить дважды *Аллилуіа*, въ церкви обращаться лицемъ на Западъ, креститься съ лѣваго плеча, и проч.

Маловажныя происшествія княженія Ростиславова, о коихъ не упоминаемъ въ Исторіи, суть слѣдующія: Въ 1161 скончался Рязанскій Князь Владиміръ Святославичь, внукъ Ярославовъ. — Въ 1163 Вел. Князь женилъ сына своего, Рюрика, на дочери Хана Половецкаго, Белгука. Скончался Епископъ Новогородскій Аркадій Сент. 19, и погребенъ въ притворѣ Св. Софіи. — Въ 1165 скончался Князь Изяславъ, сынъ Андрея Боголюбскаго, и погребенъ у церкви Св. Богородицы въ Владимірѣ на Клязмѣ Окт. 28. — Въ 1166 Ярополкъ Изяславичь женился на дочери Святослава Ольговича; преставилась супруга сего Святослава, именемъ Марія, и братъ Андрея Боголюбскаго, Ярославъ Юрьевичь. Родился Олегу Святославичу сынъ Борисъ или Святославъ. Сынъ Галицкаго Князя, Владиміръ, женился на дочери Святослава Всеволодовича, Болеславѣ, а Всеволодъ, сынъ Ярослава Изяславича, на Малфридѣ, дочери Юрья Ярославича Туровскаго, внука Святополкова (см. *Кіев. Лѣт.*). — Умерла дочь Андреева, бывшая за Олегомъ, сыномъ Святослава Всеволодовича

(см. *Кіев. Лѣт.*). — Татищевъ прибавляетъ, что Андрей Боголюбскій въ 1159 году построилъ Волокъ Ламскій; но сей городъ существовалъ уже въ 1135 году (см. *Воскресен. Лѣт.* I, 271).

(355) Мстиславъ взялъ у Ярослава 5 Галицкихъ полковъ. Съ нимъ находился также Князь Мстиславъ Всеволодковичь (о Всеволодкѣ см. выше, примѣч. 219). »Посла ко Всеволодковичемъ:« то есть ко двумъ, Мстиславу и Глѣбу; брата ихъ, Бориса, уже не было въ живыхъ. — Союзники встрѣтили Мстислава близъ *Микульска* (въ Галиціи). Тутъ же пришли къ Вел. Князю и Черные Клобуки, дать ему клятву вѣрности.

(356) Романъ и братъ его Мстиславъ Ростиславичь. — Новогородцы »палѣзоша собѣ путь »на Вяцька и на Володаря:« то есть, проѣхали чрезъ область сихъ двухъ Князей Кривскихъ. Вячко есть сокращенное имя. — Здѣсь въ первый разъ упоминается о городѣ Русѣ, отъ коего отступилъ Святославъ. - О смерти сего Князя въ 1169 или 1170 году сказано въ *Кіев. Лѣт.*

(357) Съ Черниговскимъ и Сѣверскимъ были въ Кіевѣ и братья ихъ: съ первымъ Ярославъ Всеволодовичь, а со вторымъ Всеволодъ Святославичь. Давидъ за болѣзнію не могъ итти, но отправилъ свой полкъ съ братомъ Рюрикомъ. — Мстиславъ Всеволодковичь (см. выше, примѣч. 355) пришелъ изъ Городна, Ярославъ Изяславичь изъ Луцка, Святополкъ Юрьевичь, правнукъ Михаила-Святополка, изъ Турова.

(358) Братъ Великаго Князя, Ярополкъ, во время сего похода умеръ, и схороненъ въ Кіевской церкви Св. Ѳеодора.

(359) Глѣбъ Переяславскій угостилъ Мстислава обѣдомъ и дарами.

(360) Имена Князей: Глѣбъ Переяславскій, Романъ Смоленскій, Давидъ Вышегородскій, Рюрикъ Овручскій, Мстиславъ (четвертый сынъ умершаго В. К. Ростислава Мстиславича), Владиміръ Андреевичь Дорогобужскій, Дмитрій или Всеволодъ Юрьевичь (братъ Андреевъ), Мстиславъ (его племянникъ), Олегъ Святославичь Сѣверскій и братъ его Игорь.

(361) Въ *Воскресенск.* и *Кіев.* сказано, что Кіевъ взятъ Марта 8, 1170 году, *въ Среду второй недѣли поста;* но въ семъ году 8 Марта приходилось въ Воскресенье, а Мясопустъ начался Февраля 8. Въ харатейныхъ и древней Новогородской лѣтописи означенъ, по нынѣшнему лѣтосчисленію съ Генваря, 1169 годъ, въ которомъ Середа второй недѣли Вел. поста была вторымъ-надесять Марта.

Никто дотолѣ не бралъ Кіева приступомъ: Изяславъ Давидовичь взялъ одинъ Подолъ. — Берендѣи и Торки зажгли тогда Печерскій монастырь.

(362) Такъ въ харатейныхъ, *Кіев., Воскр.* и другихъ.

Послѣдствіе ясно доказываетъ, что Кіевъ съ того времени зависѣлъ отъ Андрея. Въ краткой лѣтописи XIII вѣка, вписанной въ харатейную Кормчую Книгу (Синодальн. библіот. No 82) сказано: »нача быти Кіевъ̀ское Княженіе въ »воли его« (Андреевой).

Конецъ Примѣчаній II Тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ
II ТОМА.

ГЛАВА I.

В. К. СВЯТОПОЛКЪ.

Стран.

Святополкъ похититель престола. Добродѣтель Бориса. Братоубійства. Жестокость Ярославова. Великодушіе Новогородцевъ. Битва у Любеча. Союзъ Ярослава съ Императоромъ Нѣмецкимъ. Война съ Болеславомъ. Битва на Бугѣ. Взятіе Кіева. Вторичное великодушіе Новогородцевъ. Избіеніе Поляковъ. Болеславъ оставляетъ Россію. Черная рѣка. Битва на Альтѣ. Бѣгство и смерть Святополка . . . . . 1.

Г. 1015 — 1019.

ГЛАВА II.

В. К. ЯРОСЛАВЪ.

Война съ Полоцкимъ Княземъ. Побѣды Мстиславовы. Паденіе Козарской Державы. Голодъ въ Суздалѣ. Битва у Листвена. Миръ. Основаніе Юрьева или Дерпта. Завоеванія въ Польшѣ. Смерть Мстислава. Единовластіе. Судиславъ заключенъ. Новые Удѣлы. Побѣда надъ Печенѣгами. Каменныя стѣны и Соборъ Св. Софіи въ Кіевѣ. Митрополитъ. Строеніе монасты-

© ГПНТБ СССР

Стран.

рей. Любовь Ярослава къ книгамъ. Война съ Ятвягами, Литвою, Мазовшанами, Ямью. Походъ на Грековъ. Древнее предсказаніе. Брачные союзы. Митрополитъ Россіянинъ. Наставленіе и кончина Ярослава. Гробъ его. Свойства сего Князя. Крещеніе костей. Первое народное училище. Кіевъ вторый Царьградъ. Монета Ярославова. Семейственное пѣніе. Россія убѣжище изгнанниковъ. Сѣверныя владѣнія Россіи. Законы . . . . . 17.

Г. 1019 — 1054.

ГЛАВА III.

ПРАВДА РУССКАЯ.

Законы уголовные. Денежныя пени за убійство. Вира. Гражданскія степени. Дикая Вира. Поклонъ. Пеня за удары. Дворъ Княжескій есть мѣсто суда. Охраненіе собственности. Воровство. Оцѣнка вещей. Бортные знаки и межевые столпы. Птицеловство. Зажигательство. Сводъ. Кража людей. Бѣглые. Кабала. Долги. Торговля рабовъ. Сохраненіе пожитковъ. Розыскъ. Улики, оправданія. Испытаніе желѣзомъ и водою. Право наслѣдственное. Судіи. Присяжные. Общій характеръ законовъ. Уставъ о мостовыхъ. Уставъ церковный. 49.

ГЛАВА IV.

В. К. ИЗЯСЛАВЪ.

Удѣлы. Побѣда надъ Голядами и Торками. Половцы. Ужасныя чудеса. Освобожденіе

Стран.

Судислава. Междоусобія. Пораженіе Россіянъ на берегахъ Альты. Мятежъ въ Кіевѣ. Бѣгство В. К. Разбитіе Половцевъ. Кіевляне хотятъ бѣжать въ Грецію. Изяславъ возвращается съ Поляками. Кіевъ новая Капуя. Война съ Полоцкимъ Княземъ. Преложеніе мощей Бориса и Глѣба. Новое бѣгство В. К. Изяславъ у Нѣмецкаго Императора. Посольство Генрика IV въ Кіевъ. Письмо Папы къ Изяславу. Россіяне въ Силезіи. Возвращеніе Изяслава. Междоусобія. Смерть В. К. Свойства его. Уничтоженіе смертной казни. Монастырь Кіевопечерскій. Россіяне служатъ въ Греціи. Зависимость нашей Церкви отъ Греческой. Переписка съ Патріархомъ. Пророки и волшебники. 75.

Г. 1054 — 1077.

ГЛАВА V.

В. К. ВСЕВОЛОДЪ.

Междоусобія. Олегъ въ Родосѣ. Подвиги Мономаха. Убіеніе Ярополка. Нападеніе Болгаровъ на Муромъ. Засухи и моръ. Землетрясеніе. Видѣнія. Набѣги Половцевъ. Слабость В. К. Кончина его. Дочь Всеволодова за Генрикомъ IV. Митрополитъ Іоаннъ. Его сочиненіе. Крестильницы. Праздникъ 9 Маія. Сношенія съ Римомъ. 107.

Г. 1078 — 1093.

Стран.

ГЛАВА VI.

В. К. СВЯТОПОЛКЪ-МИХАИЛЪ.

Великодушіе Мономаха. Война съ Половцами. Бракъ Святополковъ. Безпокойный Олегъ. Жалкое состояніе южной Россіи. Саранча. Побѣды. Вѣроломство Россіянъ. Междоусобія. Гордость Олегова. Сожженіе монастыря Кіевопечерскаго. Храбрость и добродушіе Мстислава. Краснорѣчивое Мономахово письмо. Вѣроломство Олегово. Великодушіе Мстислава. Съѣздъ Князей. Вѣроломство Давида и Святополка. Ослѣпленіе Василька. Слезы Мономаховы. Рѣчь Митрополита. Прекрасная душа Василькова. Месть Ростиславичей. Корыстолюбіе Поляковъ. Новое вѣроломство Святополка. Умѣренность Ростиславичей. Пораженіе Венгровъ. Междоусобія. Новый съѣздъ Князей. Усмиреніе Давида. Строптивость Новогородцевъ. Совѣтъ Князей. Счастливая война съ Половцами. Война съ Мордвою и съ Князьями Полоцкими. Бѣдствіе Россіянъ въ Семигаліи. Новые успѣхи въ войнѣ съ Половцами. Походъ знаменитый. Имя Тмутороканя исчезаетъ въ лѣтописяхъ. Кончина Святополкова. Евреи въ Кіевѣ. Брачные союзы. Митрополиты. Князь Святоша. Св. Антоній Римлянинъ. Путешествіе Даніила. Россіяне въ Іерусалимѣ. Конецъ Несторовой лѣтописи. Старецъ Янь . . . , 118.

Г. 1093 — 1112.

Стран.

ГЛАВА VII.

В. К. ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ.

Грабятъ Жидовъ въ Кіевѣ. Мономахъ усмиряетъ мятежъ. Новое перенесеніе мощей Бориса и Глѣба. Законъ о ростахъ. Побѣды въ Ливоніи, въ Финляндіи, въ Болгаріи, на Дону. Черные Клобуки. Бѣловежцы. Дѣла съ Греками. Мономахова шапка. Царевичъ Леонъ. Усмиреніе Минскаго Князя и Новогородцевъ. Изгнаніе и бѣдствіе Князя Владимірскаго. Венгры, Богемцы и Поляки въ Россіи. Ихъ неудача. Плѣнъ Володаря. Смерть трехъ Князей знаменитыхъ. Кончина Мономахова. Свойства его. Поученіе. Основаніе Владиміра Залѣсскаго. Гида, супруга Мономахова. Ея дѣти. Сочиненіе Митрополита Никифора. 169.

Г. 1113 — 1125.

ГЛАВА VIII.

В. К. МСТИСЛАВЪ.

Набѣгъ Половцевъ. Изгнаніе Ярослава Черниговскаго. Начало особенныхъ Княженій, Муромскаго и Рязанскаго. Удаленіе Половцевъ за Волгу. Междоусобіе въ юго-западной Россіи. Ссылка Князей Полоцкихъ въ Грецію. Война съ Чудью и Литвою. Кончина Мстислава. Голодъ. Древнѣйшая грамота . . . . . 195.

Г. 1125 — 1132.

Стран.

ГЛАВА IX.

В. К. ЯРОПОЛКЪ.

Неустройства. Дань Печорская. Завоеваніе Дерпта. Битва на Ждановой горѣ. Кровопролитіе въ южной Россіи. Изгнаніе Князя изъ Новагорода. Великодушіе Василька Полоцкаго. Псковъ отдѣлился отъ Новагорода. Уставъ о церковной дани. Новогородцы опять изгоняютъ Князя. Междоусобіе въ южной Россіи. Миръ и кончина В. К. Столѣшняя вражда между потомками Олега и Мономаха. Галицкое Княженіе. Характеръ Владимірка. Борисъ воюетъ съ Королемъ Венгерскимъ; является въ станѣ Короля Французскаго; убитъ измѣнникомъ. . . . . 204.

Г. 1132 — 1139.

ГЛАВА X.

В. К. ВСЕВОЛОДЪ ОЛЬГОВИЧЬ.

Всеволодъ изгоняетъ Вячеслава. Междоусобія. Мужество Андрея. Честность Всеволода. Его благоразуміе. Равнодушіе Новогородцевъ къ Княжеской чести. Безпокойства въ Новѣгородѣ. Смерть Андрея Добраго. Грабежи. Хитрость Всеволода. Россіяне въ Польшѣ. Первая вражда Георгія съ Изяславомъ. Мореходство Новогородцевъ. Браки. Походъ на Галичь. Іоаннъ Берладникъ. Всеволодъ избираетъ наслѣдника. Дѣла Польскія. Война съ Галицкимъ Княземъ. Мужество Воеводы Звенигородскаго. Кончина Всеволода . . 219.

Г. 1139 — 1146.

Стран.

ГЛАВА XI.

В. К. ИГОРЬ ОЛЬГОВИЧЬ.

Вѣче въ Кіевѣ. Измѣна Кіевлянъ. Рѣчь Изяслава. Корыстолюбіе Черниговскихъ Князей. Предательство. Игорь взятъ въ плѣнъ. Грабежъ въ Кіевѣ. . . . . 236.

ГЛАВА XII.

В. К. ИЗЯСЛАВЪ МСТИСЛАВИЧЬ.

Строгость В. К. Коварство Черниговскихъ Князей. Добродушіе Святослава. Георгій возстаетъ на Изяслава. Богатство Княжеское. Игорь Схимникъ. Чувствительность Святослава. Начало Москвы. Бродники. Поставленіе Россійскаго Митрополита. Любовь къ Мономаху. Измѣна Черниговскихъ Князей. Убіеніе Игоря. Война междоусобная. Рѣчь Изяслава. Опустошеніе земли Суздальской. Несправедливость В. К. Битва у Переяславля. Бѣгство Изяслава. Союзъ съ Венграми, Богемцами и Поляками. Мужество Андрея. Памятникъ коню. Миръ. Коварство Георгія. Новая вражда. Добродушіе Изяслава и Вячеслава. Побѣда Владиміркова. Бодрость и добросердечіе Андрея. Хитрость Владимірка. Твердость Изяслава. Воинская хитрость. Безпечность Георгія и торжество Изяслава. Пристаніе въ Кіевѣ. Справедливость В. К. Признательность Вячеслава. Благодарность къ Королю Венгерскому. Осада Кіева. Миролюбіе Вяче-

Стран.
слава. Пылкость Андрея. Отступленіе Георгія. Усердіе Кіевлянъ. Битва. Изяславъ раненъ. Бѣгство Георгія. Помощь Венгровъ. Рѣчь Изяслава и побѣда. Притворство Владимірка. Простодушіе Гейзы. Любовь Георгія къ южной Россіи. Вѣроломство Владимірка. Подвиги Андрея. Насмѣшка Владиміркова. Печальная одежда. Смерть Владимірка. Рѣчь Ярослава. Сомнительная побѣда. Бракъ Изяславовъ. Дѣла Новогородскія. Кончина Изяслава. Характеръ его. Своевольство Полочанъ. 241.
Г. 1146 — 1154.

ГЛАВА XIII.

В. К. РОСТИСЛАВЪ МСТИСЛАВИЧЬ.

Любовь Кіевлянъ къ Вячеславу. Смерть его. Сановники придворные. Неблагоразуміе и малодушіе Ростислава. Гордость Мстиславова. Своевольство Новогородцевъ. Кіевляне поддаются Изяславу. Георгій вступаетъ въ Кіевъ . . . . . 310.
Г. 1154 — 1155.

ГЛАВА XIV.

В. К. ГЕОРГІЙ или ЮРІЙ ВЛАДИМІРОВИЧЬ, ПРОЗВАНІЕМЪ ДОЛГОРУКІЙ.

Удѣлы. Мстиславъ ѣдетъ въ Польшу. Тишина въ Россіи. Новое кровопролитіе. Берендѣи бьютъ Половцевъ. Союзъ съ Половцами. Смятеніе въ Новѣгородѣ. Союзъ противъ Георгія. Смерть его и свойства. Ненависть къ нему. Дѣла церковныя . . . . . 315.
Г. 1155 — 1157.

Стран.

ГЛАВА XV.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ИЗЯСЛАВЪ. КНЯЗЬ АНДРЕЙ СУЗДАЛЬСКІЙ.

Паденіе Великаго Княженія Кіевскаго. Новое сильное Княженіе Владимірское. Происшествія въ западной Россіи. Мятежный духъ Полочанъ. Раздоръ за Берладника. Безкорыстіе Святослава. Неблагодарность Изяславова. Бѣгство Великаго Князя. Спорное завѣщаніе Митрополита. Моръ въ Новѣгородѣ . . . . . 324.
Г. 1157 — 1159.

ГЛАВА XVI.

В. К. РОСТИСЛАВЪ ВЪ КІЕВѢ. АНДРЕЙ ВЪ ВЛАДИМІРѢ.

Злоба Изяславова. Союзъ Ростислава съ Святославомъ. Берладъ. Впаденіе Половцевъ. Андрей за Изяслава: властвуетъ въ Новѣгородѣ. Клевета на Ростислава. Ростиславъ изгнанъ. Смерть Изяслава. Берладникъ отправленъ ядомъ. Ссора и миръ В. К. со Мстиславомъ. Удѣлы. Набѣгъ Ляховъ. Единовластіе Андрея. Изгнаніе братьевъ его въ Грецію. Кончина Свя-

Стран.
тослава: ея слѣдствія. Вѣроломство Епископа. Безпокойства въ землѣ Полоцкой. Война съ Болгарами. Побѣда надъ Шведами. Россіяне бьютъ Половцевъ. Кончина В. К. Его свойства. Союзы и браки. Дѣла церковныя . . . . . 335.
Г. 1159 — 1167.

ГЛАВА XVII.

В. К. МСТИСЛАВЪ ВЪ КІЕВѢ. АНДРЕЙ ВЪ ВЛАДИМІРѢ.

Вѣроломство Владиміра. Изгнаніе Святослава изъ Новагорода. Война съ Половцами. Рѣчь Мстислава. Клевета Бояръ. Ненависть Андрея ко Мстиславу. Взятіе и паденіе Кіева . . . . . 358.
Г. 1167 — 1169.

© ГПНБ СОРАН